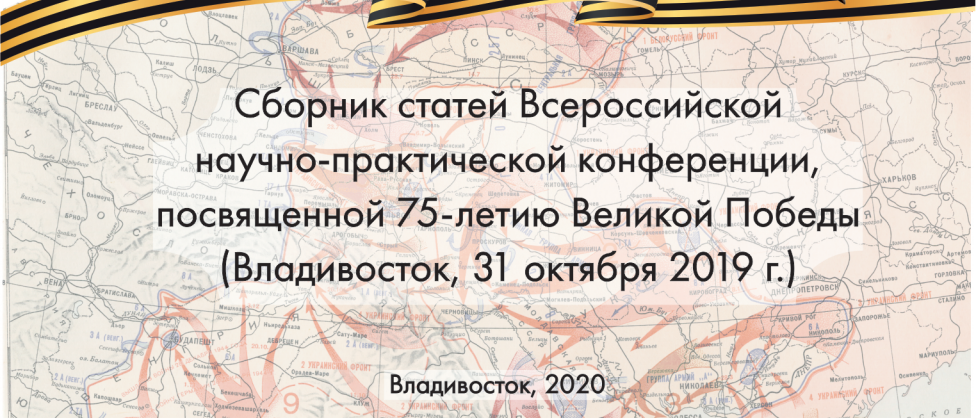

ПОБЕДА!
1945–2020

ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 75-летию Великой Победы
(Владивосток, 31 октября 2019 г.)

Владивосток, 2020

ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной 75-летию Великой Победы
(Владивосток, 31 октября 2019 г.)

Владивосток

2020

© ВФ ДВЮИ МВД России, 2020

© Оформление. ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020

ISBN 978-5-7444-4833-2

УДК 93/94+34

ББК 63.3(2)

Г94

Редакционная коллегия:

В.В. Некрытый (председатель);

канд. юрид. наук, доцент М.В. Жерновой (ответственный редактор);

д-р ист. наук, проф. Н.А. Шабельникова;

канд. ист. наук А.В. Милежик;

канд. ист. наук А.В. Усов.

Гуманитарные чтения : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы (Владивосток, 31 октября 2019 г.) / редкол. : В.В. Некрытый (председатель), М.В. Жерновой (отв. ред.), Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – 1 CD-ROM ; [385 с.]. – Загл. с титул. экр. – ISBN 978-5-7444-4833-2. – DOI dx.doi.org/10.24866/7444-4833-2. – Текст. Изображения : электронные.

В сборнике материалов конференции освещается широкий круг проблем: человек и война: философский, исторический, культурологический и психологический аспекты; история и деятельность органов внутренних дел; Россия и Дальний Восток в исторической ретроспективе.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память 256 МБ, свободное место на винчестере 335 МБ; Windows (XP; Vista; 7 и т.п.)

Программное обеспечение:
Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел./факс: (423) 226-54-43, 265-24-24 (*2383)
E-mail: dvfutip@yandex.ru, editor_dvfu@mail.ru

Изготовитель CD-ROM:
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Владивосток, ул. Суханова, 8

Подписано к использованию 9.07.2020 г.
Объем 6,84 Мб.
Тираж 50 экз.

© ВФ ДВЮИ МВД России, 2020
© Оформление. ФГАОУ ВО ДВФУ, 2020

Содержание

РАЗДЕЛ 1. ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ФИЛОСОФСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	8
Бандурин С.Г., Данильченко Ю.В. О ПОДГОТОВКЕ ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	8
Бучко Н.П. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ ПОДКОНТРОЛЬНЫМИ РЕЖИМУ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ.....	13
Виноградов П.В. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ГОСУДАРСТВАМИ АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	19
Гарусова Л.Н. СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	28
Жадан А.В. РАЗВИТИЕ ОГОРОДНИЧЕСТВА, КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ НКВД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 гг.).....	33
Зайцев Ю.М. СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (1945 г.) В ОСВЕЩЕНИИ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	41
Захаров К.П. ДИСКУРСЫ ВОЙНЫ И ДЖИХАДА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА	50
Кондратенко Б.Б. ОХРАНА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ СССР В 1938–1941 гг.....	60
Коновалова О.В. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В.М. ЧЕРНОВА О РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	64
Кулепанов Р.В. ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА И ЭКСПАНСИОНИЗМА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЯПОНИИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.).....	72
Лесная Е.В. ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ В ИЗМЕРЕНИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ .	80
Ляскина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (1941–1945 гг.).....	84
Маклюков А.В. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	91
Мартынюк Э.А. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ: СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	98
Милежик А.В., Милежик Т.В. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. КАК КОМПОНЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.....	104
Мозохин О.Б. СОЗДАНИЕ ОСОБЫХ ОТРЯДОВ ОХРАНЫ СПЕЦСЛУЖБАМИ ЯПОНИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	109
Пасхальный П.И. «ПОРОГОВЫЕ ГОСУДАРСТВА» В КОНТЕКСТЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ	117
Полторац С.Н., Зотова А.В. АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВТОРОЙ СИНО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ).....	123

Полуэктов И.Б. ЭВАКОГОСПИТАЛЬ КАК ПАМЯТНИК ПОДВИГУ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЫЛОВЫХ ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЕЙ, РАЗМЕЩЁННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.).....	132
Синиченко В.В. ПЕРЛЮСТРАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	139
Ткачева Г.А. КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1941–1945 гг.	145
Троицкая Н.А. МАЛОИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ.....	155
Раздел 2. ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	164
Веснина С.Н., Неустроева А.В., Жидкова Е.В. ЛЕГЕНДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ – Д.А. ТУРЧИН	164
Веснина С.Н., Неустроева А.В., Степанюгин К.В., Жидкова Е.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФНЫХ УСТРОЙСТВ, ПРИ ОПРОСЕ ПОТЕРПЕВШИХ, ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ	170
Виноградов А.М., К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.	176
Гирийчук В.В. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	184
Дорохов В.Ж., Дорохова Е.В. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПАСПОРТНО-ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1950–1970-е гг.	189
Жерновой М.В. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.....	194
Загвоздкин Н.Н. ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	198
Золотарева О.В. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПО ПРИЗНАКАМ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	202
Иванов В.Е. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ.....	208
Ильина М.Г. ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	214
Карзанов Н.В. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА НА АЛТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА.....	218
Ковалев И.Д., Веснина С.Н., Кравченко О.О. КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ КОРРУПЦИИ В НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ	221
Коровников П.В., Пилтоян А.А. ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ СОСТАВА ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	227

Котельникова О.А. СОБЛЮДЕНИЕ СТАНДАРТОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	231
Кузора С.А. РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	236
Кулажников В.В. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	239
Некрытый В.В. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР УВД ПРИМОРСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	243
Никонов К.О. СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА ЖАНДАРМСКИХ ЧИНОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)	249
Овчинников Ю.Г. РЕАЛИЗАЦИЯ (НЕ)ЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ, А ТАКЖЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	254
Орнацкая Т.А. МИЛИЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ К ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ	262
Суверов Е.В. ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА СОТРУДНИКАМИ НОВОСИБИРСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ МВД СССР ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1980 г.	270
Суверов С.Е. БОРЬБА СОТРУДНИКОВ НКВД СССР С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х гг. XX в.)	273
Тюркова А.А. Коровников П.В. ПРАВОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ФЕНОМЕНА ВАНДАЛИЗМА В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	276
Черкасов В.С. РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	280
Шабельникова Н.А. ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛАГУТА – РУКОВОДИТЕЛЬ, ОПЕРАТИВНЫЙ РАБОТНИК, НАСТАВНИК: «МОЙ ДОЛГ И ДОЛГ ВСЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОЛЛЕКТИВА ИНСТИТУТА – ПЕРЕДАТЬ СЛУШАТЕЛЯМ СВОЙ ОПЫТ И ВОСПИТАТЬ ИЗ НИХ СИЛЬНЫХ ДУХОМ СТРАЖЕЙ ПРАВОПОРЯДКА»	285
Якимова З.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА МВД РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ	291
Раздел 3. РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ	296
Анисимов А.Л. ПРОБЛЕМА ПРОХОЖДЕНИЯ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ХАБАРОВСКА В СОВЕТСКО-ЯПОНО-МАНЬЧЖУРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА	296
Гамалей С.Ю. КУКОЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	304
Головин С. А. ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 1920–1930-е ГОДЫ	310
Друзьяка А.В., Корнейчук Е.Н., Попова И.А. ИСТОРИЯ ЗОЛОТОДОБЫЧИ ПРИАМУРЬЯ В ФОНДЕ И-46 ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	327

Пикалов Ю.В. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ В 1920–1930-е гг.	335
Тощенкова В.А. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	341
Тюрькова А.А. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ	347
Усов А.В. ТИХООКЕАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОДВОДНЫХ РАБОТ ЭПРОН: ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «Щ-128» В ЗАЛИВЕ АМЕРИКА (1938 г.)	352
Шадрина А.Н., Гречухин Р.А. КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	359
Шепотько Л.В. ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИИ	368
Яхимович С.Ю. ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПРОФСОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ НА КВЖД (1920-е гг.)	377

Раздел 1. ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА: ФИЛОСОФСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

УДК 94(47).08

С.Г. Бандурин, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, доктор исторических наук, доцент (г. Москва)

Ю.В. Данильченко, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, исследователь

О ПОДГОТОВКЕ ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

В статье рассматриваются вопросы комплектования в различные исторические периоды высшего руководящего состава отечественной Пограничной службы выпускниками Военной академии Генерального штаба. Особое внимание уделено деятельности генерала Н.М. Чичагова на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: Военная академия Генерального штаба, Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС), Заамурский округ, пограничные войска, Федеральная пограничная служба (ФПС) России.

S.G. Bandurin, senior research officer of Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff, Doctor of historical Sciences, assistant professor (119330, Moscow, Universitetsky Prospect, 14; e-mail: bs963@rambler.ru)

Y.V. Danilchenko, junior research officer of Research Institute (military history) of the Military Academy of the General Staff, researcher

ON THE PREPARATION OF THE RUSSIAN BORDER SERVICE TOP LEADERS IN THE MILITARY ACADEMY OF GENERAL STAFF

This article addresses the issues of Border Service senior management staff recruitment with graduates of the General Staff Military Academy in various historical periods. Particular attention is paid to the activities of general N.M. Chichagov in the Far East at the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: General Staff Military Academy, Separate Border Guard Corps (OKPS), Zaamursky District, border troops, Russian Federal Border Service (FPS).

Традиционно Военная академия Генерального штаба (ВАГШ) Вооруженных Сил России занимает ведущее место в подготовке управленцев высшего звена в гражданской и военной сферах России. Свидетельством этого является исторический опыт подготовки в ее стенах руководителей Пограничной службы (Пограничных войск).

С давних времен требования к высшему составу силовых структур любого государства были высоки. Это были критерии, определяемые не только государством, но и всем обществом. С усложнением государственной и общественной структуры качественно менялись и подходы к вопросам рекрутирования, инкорпорации (экскорпорации), формирования и воспитания командного состава силовых структур, оценке их места и роли в решении задачи обеспечения национальной безопасности.

По мнению дореволюционного исследователя Русской армии П.А. Режепо, «носителем и выразителем нравственных устоев армии является командный состав, особенно в высших чинах» [9, с. 4].

Это относится и к руководящему составу Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) дореволюционного периода. Тем более, весь генеральский и офицерский состав ОКПС формировался за счет армии и флота – до 1917 г. ведомственных учебных заведений у пограничников Российской империи не было. Выпускники Николаевской академии Генерального штаба были среди офицеров и генералов ОКПС.

В ОКПС, образованном в октябре 1893 г., к проведению занятий с различными категориями привлекались офицеры Генерального штаба, командированные для этого распоряжениями штабов военных округов. Военный министр установил в приказе от 20 марта 1900 г., чтобы все штаб-офицеры Генерального штаба, служащие в Пограничной страже, привлекались ежегодно, хотя бы на один месяц, для участия в общих лагерных сборах.

С 1908 г. должности начальников штабов пограничных бригад стали комплектоваться, как правило, выпускниками ВАГШ. До этого служба в ОКПС объективно относилась к нестроевой службе. Так, назначение в 1903 г. начальником штаба 3-й бригады Заамурского округа пограничной стражи (Манчжурия) не обрадовало будущего крупного руководителя Белого движения на Юге России, а тогда выпускника ВАГШ капитана А.И. Деникина, так как бригада была далеко от театра военных действий. Вспоминая детали той жизни, Деникин огорчался тем, что ему приходится быть лишь только «охранником желез-

ных дорог». Он старался, чтобы его отправили на фронт. Долгое время его старания не имели успеха [7, с. 53, 55].

Одним из выдающихся государственных деятелей Российской империи был генерал-лейтенант Николай Михайлович Чичагов (1852–1910) – пограничник, дипломат, политик, губернатор, военачальник, потомок известного в России дворянского рода. В марте 1876 г. он окончил ВАГШ.

Его отец – Михаил Никифорович Чичагов (1819–1866) был племянником адмирала Павла Васильевича Чичагова, Морского министра при Николае I, в Отечественной войне 1812 г. командовавшего армией против южного фланга наполеоновских войск. Михаил Никифорович – генерал-майор артиллерии, последней должностью которого стала должность военного коменданта г. Калуги. Именно под его надзором находился плененный в августе 1859 г. имам Дагестана и Чечни Шамиль, с которым он смог установить доверительные отношения.

В семье Чичаговых было пятеро детей: четверо сыновей – Николай, Михаил, Леонид и Александр, – и дочь, которая умерла в трехлетнем возрасте. По окончании гимназии трое из братьев были зачислены в Его Императорского Величества Пажеский корпус, а младший – Александр пошёл по юридической части.

Николай Михайлович Чичагов родился 3 сентября 1852 г. По окончании Пажеского Его Величества корпуса в 1869 г. был выпущен в лейб-гвардии Драгунский полк.

В 1876 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 2-му разряду с присвоением звания капитана Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После ее окончания был военным агентом (дипломатом) в Брюсселе и в Гааге. С 1884 г. полковник. Служил в штабе Действующей армии на Кавказе в 1885–1891 гг. Участвовал в ряде экспедиций против горцев. В 1894 г. возведен в чин генерал-майора.

В 1897 г. был направлен на Дальний Восток, где вначале служил начальником штаба Приамурского военного округа, а в 1899 г. стал военным губернатором Приморской области. Был наказным атаманом Уссурийского казачьего войска, почетным казаком Донской станицы Уссурийского казачьего войска.

В ранге военного губернатора Н.М. Чичагову пришлось принять личное участие в военных действиях в период «боксерского восстания» в Китае в 1901 г., за участие в подавлении которого он получил чин генерал-лейтенанта. Уделял большое внимание строительству оборонительных сооружений в крае, оборудованию портовых сооружений, привлечению амурских и уссурийских казаков к охране границы, покровительствовал научным экспедициям по изучению Приморской области и Манчжурии, совершенствованию административного устройства края. В 1910 г. уволен в отставку по болезни. Умер 17 ноября 1910 г. [1, л. 1]

Признание его заслуг – семь российских орденов, множество медалей, а кроме того: сербский орден Такова IV степени, шведский кавалерский крест Св.Олафа, французский офицерский крест Почетного легиона и другие.

Современники, отзываясь о деятельности Николая Михайловича в чине генерал-губернатора, отмечали, что не было ни одного дела, где бы он не проявил «или инициативы, или сердечного участия» [3, л.1].

21 января 1903 г. вместо генерала М.К. Дитерикса начальником Заамурского округа стал генерал-лейтенант Н.М. Чичагов [5, л. 29–30]. В этой должности участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., на которой пограничники вверенного ему округа показали образцы мужества, самоотверженности и верного служения Отечеству, за что Николай Михайлович был награжден орденами Св.Анны I степени и Св.Владимира II степени с мечами, а также удостоен Высочайшей благодарности.

Позже, в эмиграции, один из бывших подчиненных Николая Михайловича вспоминал: «Генерал Чичагов – высокообразованный, с широкой инициативой, всегда служивший не за страх, а за совесть, он сумел личным примером зажечь в сердцах своих подчиненных, и особенно среди офицерского состава, чувство неослабного стремления развивать и неустанно совершенствовать подготовку всего личного состава Заамурского округа. Эта работа дала исключительные результаты. Внимательно он относился и к вопросам быта и к духовным потребностям своих подчиненных» [8, с.5].

Н.М. Чичагова заботил не только Заамурский округ ОКПС, но и весь регион. Так, в письме от 9 мая 1905 г. к заместителю на Дальнем Востоке генерал-адъютанту Е.И. Алексееву Н.М. Чичагов обратился с предложением о создании «особого самостоятельного административного органа под охраною и покровительством которого могла бы развиваться колонизация края, с насаждением в нем русской культуры и гражданственности». В письме были изложены примерные права этого органа управления и его примерная структура [2, л. 1–2об].

Это письмо свидетельствует, что на должности начальника Заамурского округа Н.М. Чичагов оставался политиком, которому была не безразлична судьба Манчжурии и Приморья.

С уважением относился Николай Михайлович к солдатам. Свидетельством этому являются его слова: «Я всегда верил и говорил Вам, что русский солдат – это самое лучшее, самое светлое, самое красивое, что родилось на Руси. Порочному и злобному элементу нет места в войсках» [6, л. 77].

Мог он проявить и твердость. Например, в 1906 г., после революционных событий, которые не обошли стороной и Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), он говорил: «В этом случае я не нацеремонюсь принять самые решительные меры пресечь беспорядки и изолировать заблуждающихся» [4, л. 9].

Человеком незаурядных дарований и способностей был Николай Михайлович Чичагов. Истоки этого – в традициях семьи, а также в интеллектуальных и нравственных ценностях, заложенных в Пажеском корпусе и ВАГШ.

Из числа первых лиц (всего 30 руководителей) Пограничной службы с 1893 г. по настоящее время семь руководителей (каждый четвертый) учились в ВАГШ: в царское время – 1 (А.Л. Певнев), в советский период – 5 (Н.К. Кручинкин, В.А. Матросов, И.Я. Калининченко, В.И. Шляхтин, Н.И. Николаев), после 1991 г. – 1 (К.В. Тоцкий), а руководили Пограничной службой: в советской России – 4 (А.Л. Певнев, Н.К. Кручинкин, В.А. Матросов, И.Я. Калининченко), после 1991 г. – 4 (И.Я. Калининченко, В.И. Шляхтин, Н.И. Николаев, К.В. Тоцкий). Это свидетельствует о востребованности выпускников ВАГШ в Пограничной службе именно в советский и постсоветский периоды истории.

Заслуживает внимания и тот факт, что выпускники ВАГШ были во главе пограничного ведомства в переломные моменты истории и стали эталоном антикризисного управляющего.

Так, А.Л. Певнев был военным руководителем Пограничной охраны РСФСР в 1918–1919 гг.; Н.К. Кручинкин являлся начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР в 1937–1938 гг.; И.Я. Калининченко возглавлял в 1989–1992 гг. все время трансформирующиеся структуры – Главное управление пограничных войск КГБ СССР и Министерства безопасности РФ, Комитет по охране государственной границы, Межгосударственный Комитет по охране государственной границы СНГ; В.И. Шляхтин руководил пограничными войсками РФ; А.И. Николаев в 1993 г. стоял у истоков создания Федеральной пограничной службы (ФПС) РФ; К.В. Тоцкий продолжил реформирование ФПС РФ и в 2003 г. был назначен Постоянным представителем РФ при НАТО.

Особняком в этом ряду стоит В.А. Матросов возглавлявший пограничные войска КГБ СССР около 17 лет, с 1972 по 1989 год. Это период некоторые историки и политики назвали периодом «застоя». Но к пограничным войскам это не относилось.

Исторический опыт свидетельствует, что руководитель должен быть профессиональным, компетентным, нравственным человеком. Эти свойства он приобретает и совершенствует в течении всей своей жизни и службы. Важным побуждающим фактором к этому является учебно-воспитательный процесс в военно-учебном заведении.

В воздействии на слушателей военных академий П.А. Режепо акценты расставил следующим образом: «Цель и главная задача каждой военной академии состоит в поддержании и в развитии духовных способностей, в умении

владеть подчиненными, затем в преподавании умения работать, ценить обстановку и затем лишь в снабжении запасом знаний» [10, с. 38].

Список источников и литературы

1. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.7071. Оп.1. Д.37.
2. ГА РФ. Ф.7071. Оп.1. Д.43.
3. ГА РФ. Ф.7071. Оп.1. Д.45.
4. ГА РФ. Ф.7071. Оп.1. Д.48.
5. ГА РФ. Ф.7071. Оп.1. Д.71.
6. ГА РФ. Ф.7071. Оп.1. Д.153.
7. Грей М.А. Мой отец генерал Деникин. М. : Парад, 2003.
8. Заамурец. Харбин: издание Общества Взаимопомощи бывших Заамурцев, 1938.
9. Режепо П.А. Наши генералы. СПб. : типография Императорского училища глухонемых, 1913.
10. Режепо П.А. Несколько мыслей по офицерскому вопросу. СПб. : типография Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1910.

УДК 930+32.164

*Н.П. Бучко, доцент Тихоокеанского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент*

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ ПОДКОНТРОЛЬНЫМИ РЕЖИМУ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы реформирования колчаковским режимом в годы Гражданской войны в России на Востоке страны системы территориального государственного управления, которая должна была обеспечить государственную и общественную безопасность. Основное внимание уделено вопросам оценки проводимых властью мероприятий, направленным на создание института главных начальников краев.

Ключевые слова: политический режим; государственная и общественная безопасность; главный начальник края.

STABLISHMENT OF A TERRITORY MANAGEMENT SYSTEM ADMIRAL A.V. KOLCAK DURING THE CIVIL WAR IN EASTERN RUSSIA

The article deals with the reform of the kolchakovsky mode during the Civil War in Russia in the East of the country of the system of territorial state administration, which was supposed to ensure state and public security. The focus is on the evaluation of the activities carried out by the authorities aimed at the establishment of the Institute of Chief Heads of Regions.

Keywords: political regime; public and public security; chief director of edge.

Формирование системы государственного управления, обеспечивающую государственную и общественную безопасность, является важнейшим элементом функционирования государства. Особую актуальность этот вопрос приобретает в обстоятельствах нарастания социально-политических проблем, с которыми оно сталкивается. В условиях социально-политического кризиса в России, следствием которого стала Гражданская война, противоборствующие стороны по-разному решали эту проблему.

В современной региональной историографии нашла отражение проблема специфики формирования системы управления территориями в Сибири и на Дальнем Востоке России [6; 7; 8; 9; 24; 25; 26].

Создание системы регионального управления являлось ключевым условием существовавшего в этот период на Востоке России колчаковского режима. Особое значение в ней имели территории, которые имели непосредственное соприкосновение с районами ведения боевых действий, или где действовало военное положение. В этих условиях офицерам, командирам воинских частей приходилось выполнять задачи административного характера по управлению территориями, что не обеспечивало, во многом, решения вопросов жизнедеятельности населения. В условиях реального военного положения население было дезорганизовано, что несло в себе определенную опасность социальной нестабильности, что не могла не учитывать центральная власть.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, режим обратился к опыту имперской России по наделению исключительными полномочиями руководителей территорий – генерал-губернаторов, где возникала в этом необходимость.

В этих целях придания установившейся в прифронтовых регионах Поволжья и Урала власти, колчаковский режим провел административно-террито-

риальную реформу. В ее содержании на территориях, прилегающих к районам военных действий в соответствии с Постановлением Совета Министров от 10 декабря 1918 г. были образованы Уральский и Самаро-Уфимский края с назначением главных начальников. В Уральский край была включена территория Пермской губернии, а Самаро-Уфимский край образовывали Самарская, Уфимская губернии, и Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии [13, 16, 17, 18]. Главный начальник края наделялся полномочиями генерал-губернатора и являлся высшим представителем верховной власти на местах, при подчинении исключительно Верховному правителю. Начальникам края подчинялись все штатские структуры. Главный начальник края в районе боевых действий переходили все права по гражданскому управлению. Это положение колчаковского вердикта противоречило положению «О полевом управлении войск», согласно которому все гражданские власти на театре военных действий должны были подчиняться командующему действующего фронта или армии [11, с. 17, 18].

Командирам воинских формирований вменялось в обязанность оказывать начальникам края содействие по обеспечению порядка и законности [13]. В положении о краевых управлениях предусматривался их временный характер функционирования.

Говоря о возможных причинах принятого властью решения об образовании временной административно-территориальной единицы и создания института Главных начальников края необходимо отметить, что определенным лейтмотивом такового была необходимость перераспределения властных полномочий между военными и гражданскими властями на местах в пользу военных структур. Именно на них опирался колчаковский режим при принятии властных решений.

После первых решений по созданию новой системы управления территориями власти продолжили практику формирования краев и назначения их руководства. Главным начальником Уральского края был назначен бывший помощник управляющего министерством торговли и промышленности Временного Сибирского правительства С.С. Постников. Указом Верховного правителя от 13 декабря 1918 г. его помощником был назначен командир 1-го Екатеринбургского Уланского полка полковник С.А. Домонтович [12].

Начальник Самаро-Уфимского края генерал-майор Е.К. Вишневский назначенный на эту должность 11 декабря 1918 г. [1, с. 64]. Уже весной 1919 г. издал распоряжение о подготовке начальниками правительственных учреждений списков лиц, служивших у большевиков, с подготовкой заключения о целесообразности оставления сотрудника на службе в структуре. На руководство края были возложены обязанности обеспечения общественного порядка на подконтрольных территориях. Генерал Вишневский, отмечая задачи, стоявшие пе-

ред руководством милиции Самарской губернии подчеркивал важность борьбы с большевизмом [4, с. 171].

В ряде случаев военными властями практиковалась высылка неблагонадежных из региона на восток в Сибирь. Только весной 1919 г. было выслано за пределы губернии около 50 человек, а получили расчет, и было уволено 80 сотрудников различных учреждений [5]. Высылки неблагонадежных практиковалась и в других регионах. Командующий войсками Приамурского военного округа П.П. Иванов-Ринов 9 мая 1919 г. в запросе № 02768 на имя Помощника Верховного Уполномоченного на Дальнем Востоке по гражданской части просил определить территории, куда можно было выселять зловредных лиц (замешанных в большевизме) и где они не в состоянии были бы продолжить свою преступную работу [21, л. 360].

Практика формирования краев с назначением их начальников была продолжена и в 1919 г.

13 февраля 1919 г. Верховным правителем было утверждено Постановление Совета министров об учреждении должности Главного начальника Оренбургского края. Начальником Края был назначен войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов [15]. Уже 28 февраля должность Главного начальника Оренбургского края была переименована в должность Главного начальника Южно-Уральского края [12]. В его состав входили Оренбургская губерния, а также Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области [17]. Оренбургский край (с 28 февраля 1919 г. – Южно-Уральский) просуществовал с 13 февраля по 30 мая 1919 г. [19]. За столь непродолжительное существование не удалось сформировать действенного управления начальника края.

В Приамурском крае в соответствии с «Положением об управлении областями Дальнего Востока» от июля 1919 г. пост главного начальника совмещалась с должностью Командующего войсками Приамурского округа [21, л. 2]. После упразднения 14 июля 1919 г. должности Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке, которую на тот момент занимал генерал Д.Л. Хорват, на должность командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края адмирал А.В. Колчак назначил генерал-лейтенанта С.Н. Розанова [3, л. 130]. С 29 августа 1919 г. должность главного начальника Приамурского края стал занимать атаман Г.М. Семенов, ставший при этом помощником командующего войсками Приамурского военного округа.

Стремясь расширить свои полномочия и на другие территории, режим принимал решения о формировании краев с управлением их главными начальниками и за пределами территорией, которую контролировала колчаковская армия. В 20 августа 1919 г. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак утвердил Временное

положение об управлении Северного края [20]. Данное Положение фактически закрепляло за главным начальником края диктаторские полномочия. Он получал права в чрезвычайных ситуациях отменять постановления губернских администраций. Главным начальником Северного края был назначен генерал Е.К. Миллер, бывший на тот момент главнокомандующим Северным фронтом.

С усугублением положения Белого движения в Сибири, стремясь защитить население от преступных элементов и навести «государственный порядок» в Усинско-Урянхайском крае Минусинского уезда 15 июля 1919 г. была учреждена должность главного начальника Усинско-Урянхайском края. На эту должность был назначен генерал-майор В.Л. Попов [1, с. 166].

Формирование института «главных начальников края» не во всем имело необходимый результат. В ряде территорий так и не было создано управленческих структур краев [2, с. 392–393]. Омск недостаточно полно определил полномочия начальников краев, что позволяло многим из них принимать решения (экономического, политического, военного характера), руководствуясь лишь собственными соображениями по тому или иному вопросу. И как практически везде, в системе взаимоотношений между гражданскими и военными властями возникали противоречия. Финансирование проекта «главного начальника края» фактически было потрачено впустую, что достаточно целенаправленно, в агитационно-пропагандистской работе использовалось противниками режима, как внешними, в лице большевиков, так и внутренними, партиями правосоциалистического толка.

Стремясь отказаться от наследия «революционных преобразований» власти отказывались и от некоторых элементов антуража предшествующих управленческих структур. При наименовании губернских, областных и уездных начальников и руководимых ими территорий власти отказались от использования наименования «комиссар» и «комиссариат» [15]. Проведенные преобразования должны были, по мнению властей, способствовать нормализации обстановки на местах. Однако на самом деле, положение дел только усугублялось. По мнению большевиков уже в декабре 1918 г. сложившаяся на местах «военная буржуазная диктатура» в лице экспедиционных отрядов из числа офицеров и чехословаков осуществляла на местах массовые расстрелы рабочих и крестьян, осуществляла массовые аресты и контрибуции, сжигала целые села. Все это свидетельствовало, по мнению коммунистов, о насаждении властью белого террора [23, с. 55]. В ряде случаев власть приветствовала инициативу на местах по созданию военизированных групп, обеспечивающих общественный порядок. В Перми из числа сторонников режима была создана боевая дружина, обеспечивавшая ночную караульную службу по охране важных объектов [23, с. 110, 164].

Попытки колчаковского режима обеспечить политическую и общественную стабильность власти на местах были направлены на формирование инсти-

тутов власти, которые бы обеспечили продвижение инициатив Омска в регионах. При этом власть не интересовала поддержка местного населения. Формирование института главных начальников края была одной из них. Показателем низкой эффективности принятых решений было повсеместное неприятие власти на местах и отсутствие ее поддержки в условиях поражения колчаковской армии на фронте. Всякие иные действия режима по удержанию своих позиций не приносили хоть какой-либо его устойчивости.

Список источников и литературы

1. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. – М. : Русский путь, 2003. – 240 с.
2. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. – М.: Центрполиграф, 2006. – 688 с.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 329. Оп. 1. Д. 8.
4. Звягин С.П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 352 с.
5. Известия Уфимского губернского революционного комитета. 1919. 9 июля.
6. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922) / Н.А. Беляева, Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов, К.О. Никонов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – 60 с.
7. Орнацкая Т.А. Из истории борьбы с интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 5. – С. 125-137.
8. Орнацкая Т.А. «Стремясь к организации милиции, отвечающей своему назначению...» Документы ГАРФ об учреждении подготовительных курсов для чинов милиции Правительства А.В. Колчака // Исторический архив. – 2018. – № 6. – С. 20–29.
9. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика на международных переговорах и конференциях (1920-1922 гг.) / // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 1 (9). – С. 117–131.
10. Освобождение России. – 1919. – 15 февраля.
11. Положение о полевом управлении войск в военное время. – С.-Петербург: Воен. тип., 1868. – 300 с.
12. Правительственный вестник. – 1918. – 26 декабря.
13. Правительственный вестник. – 1919. – 17 января.
14. Правительственный вестник. – 1919. – 25 января.
15. Правительственный вестник. – 1919. – 14 марта.

16. Правительственный вестник. – 1919. – 15 марта.
17. Правительственный вестник. – 1919. – 30 апреля.
18. Правительственный вестник. – 1919. – 11 мая.
19. Правительственный вестник. – 1919. – 9 августа.
20. Правительственный вестник. – 1919. – 3 сентября.
21. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р–720. Оп. 2. Д. 18.
22. РГИА ДВ. Ф. Р–720. Оп. 2. Д. 26.
23. Сибирское бюро ЦК РКП (б) 1918–1920 гг. Сборник документов (I часть). – Новосибирск, 1978. – 352 с.
24. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – 354 с.
25. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.
26. Шабельникова Н.А. Наследие гражданской войны: политический бандитизм на Дальнем Востоке России в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность: материалы XXII междун. науч. конф. (Москва, 6–7 декабря 2018 г.). – М. : Общество изучения истории отечест. спецслужб, 2018. – С. 113–122.

УДК 94 (47).083

П.В. Виноградов, начальник кафедры естественно-научных и специальных дисциплин, Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала, Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат исторических наук

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С ГОСУДАРСТВАМИ АНТАНТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается роль Дальнего Востока страны в военно-техническом сотрудничестве с государствами Антанты в годы Первой мировой войны. Война 1914-1918 гг. продемонстрировала важнейшую роль военно-технического сотрудничества как одного из факторов успешности

ведения военных действий в рамках коалиций. Особое значение военно-техническое сотрудничество имело для преодоления «кризиса вооружений» в русской армии и развития военной промышленности. Поэтому в годы войны в страну направлялось разнообразное имущество и стратегическое сырье от союзных и нейтральных государств. Главными пунктами приема поставок стали Архангельск на Европейском Севере и Владивосток на Дальнем Востоке. В годы войны Владивосток, а затем и Николаевск-на-Амуре стали ключевыми пунктами в приемке стратегических ресурсов, а Китайская восточная железная дорога главной транспортной артерией перевозивший их в Европейскую часть страны. От уровня развития и функционирования портов и коммуникаций региона зависели объемы поставок от союзников и эффективность военно-технического сотрудничества в целом.

Ключевые слова: Дальний Восток, военно-техническое сотрудничество, портовая и транспортная инфраструктура, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Китайская восточная железная дорога.

P.V. Vinogradov, head of the Department of natural science and special disciplines, far Eastern fire and rescue Academy □branch, Saint Petersburg University of SBS EMERCOM of Russia, candidate of historical Sciences

THE RUSSIAN FAR EAST IN THE SYSTEM OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION WITH THE ENTENTE STATES DURING THE FIRST WORLD WAR

The article considers the role of the Far East of the country in military-technical cooperation with the Entente States during the First world war. The war of 1914–1918 demonstrated the crucial role of military-technical cooperation as one of the factors of the success of military operations within the framework of coalitions. Military-technical cooperation was of particular importance for overcoming the "arms crisis" in the Russian army and the development of military industry. Therefore, during the war, a variety of property and strategic raw materials from allied and neutral States were sent to the country. Arkhangelsk in the European North and Vladivostok in the far East became the main points for receiving supplies. During the war, Vladivostok, and then Nikolaevsk-on-Amur became key points in the acceptance of strategic resources, and the Chinese Eastern railway was the main transport artery transporting them to the European part of the country. The level of development and functioning of ports and communications in the region depended on the volume of supplies from the allies and the effectiveness of military-technical cooperation in General.

Key words: Far East, military-technical cooperation, port and transport infrastructure, Vladivostok, Nikolaevsk-on-Amur, Chinese Eastern railway.

К началу Первой мировой войны несмотря на наличие определенных военно-политических обязательств между государствами Антанты вопрос военно-технического сотрудничества между союзными государствами не рассматривался. Это объяснялось неопределенностью формата будущей войны и расчетами на ее быстротечный характер [6, с. 281]. Однако крах надежд на быстро достижимую победу, переход войны в позиционную фазу, поставили на повестку дня вопрос налаживания тесного военно-стратегического сотрудничества между государствами Антанты.

Особую значимость необходимости межгосударственного взаимодействия придали «кризис вооружений» поразившие армии союзников в начале войны. Он привел к необходимости обмена ресурсами между союзниками и конструирования в рамках союзнических отношений особой системы военно-технического сотрудничества. Причем для российской армии, которая переживала «кризис вооружений» наиболее остро из всех союзных армий формирование военно-технического сотрудничества играло важную роль, так как многие виды оружия она могла получить только от союзников. Поэтому на протяжении всей войны российское правительство было вынуждено заказывать вооружение и боеприпасы за границей [5, с. 95].

Масштабы военных операций Великой войны делали необходимым максимальную консолидацию усилий союзников для достижения победы. Поэтому по мере затягивания вооруженного конфликта государства Антанты должны были оказывать друг другу материальную помощь, так как неудачи одного члена коалиции негативно отражались на его партнерах и положении блока в целом. Более благополучные с точки зрения научно-технологического и производственного потенциала союзники были заинтересованы в поддержке и помощи нуждающемуся члену альянса. Таким образом, активное развитие военно-технического сотрудничества в итоге стало не просто неизбежным, но являлось залогом победы коалиции [4, с. 22].

До Первой мировой войны у государств Антанты не существовало налаженной системы размещения и приемки военных заграничных заказов. Что являлось следствием отсутствия стройной системы региональных или экспортно-импортных отношений в сфере торговли вооружениями и военной техникой [4, с. 18]. Поэтому формирование подобной системы потребовало времени и неизбежно приводило к проволочкам и недочетам при ее создании.

В своем развитии военно-техническое сотрудничество в лагере Антанты прошло две стадии. Первая приходится на 1914-1916 гг. и связана с институа-

лизацией данной системы. Характерной чертой этого периода является медленный темп формирования необходимых межсоюзнических структур, несогласованность действий ее участников. Вторая стадия приходится на 1917-1918 гг. и характеризуется развитием широкой кооперации между союзниками обменом не только готовой продукцией, но и сырьем и материалами для ее производства [6, с. 282, 284].

Система военно-технического сотрудничества включала в себя два элемента, без которых она не могла функционировать и без развития которых особенно, применительно к Российской империи, не могла обладать должной эффективностью.

Внешнеполитический элемент данной системы заключался в координации действий между государствами по обмену и взаимным поставкам друг другу различных ресурсов и материалов. Применительно к России союзные поставки в годы войны можно разделить на две группы. Первая это целевые поставки призванные ликвидировать общую нехватку тех или иных материалов. Вторые это – поставки оружия и боеприпасов для оснащения российской армии и проведения определенных военных операций [3, с. 99-100].

Для реализации зарубежных поставок, нашей стране необходимо было обеспечить их финансовую оплату, что происходило за счет предоставленных союзниками кредитов, а также осуществить их транспортировку на территорию страны. Эту роль взяла на себя Великобритания. Британия в военное время перевезла большую часть военных материалов, поставленных европейскими союзными государствами, тогда как русские и нейтральные суда в основном занимались поставками из Соединенных штатов [7, с. 15].

Внутригосударственный элемент был связан с обработкой доставляемых в страну различных материалов. Как справедливо отмечает в своей публикации А.В. Бодров: «Абсолютно все страны Антанты столкнулись в годы войны с проблемой роста интенсивности и объемов перевозок, резко возросшей нагрузкой на пути сообщений и, как следствие, необходимостью развития всей транспортной системы, начиная со своих морских портов» [1, с. 242-243]. В России, к этому добавлялись такие дополнительные и очень важные особенности как, невозможность использовать для зарубежных поставок наиболее развитые балтийские и черноморские порты. Необходимость практически с нуля создавать соответствующую инфраструктуру на Европейском Севере и Дальнем Востоке страны [1, с. 243].

В годы Первой мировой войны для принятия поступающих из-за границы грузов неожиданно пришлось использовать порты Белого и Японских морей и прежде всего Архангельск и Владивосток. Поэтому от уровня развития и деятельности данных портов, а также транспортных коммуникаций этих регионов стали зависеть не только конкретные объемы зарубежных поставок, но и

функционирование всей системы военно-технического сотрудничества с союзниками.

На Дальнем Востоке Владивосток стал главным пунктом, куда направлялись иностранные поставки. Особенно важную роль он сыграл в 1916 г. когда в связи с невозможностью осуществления постоянной навигации зимой в Белом море грузы из-за рубежа направлялись исключительно на Владивосток. Например, зимой 1916 г. только из Англии были направлены срочные военные грузы общим количеством в 775 тонн [9, л. 188]. Естественно на Владивосток отправлялись в первую очередь грузы из Японии и Северной Америки. Причем из США грузы перевозились как с западного побережья, так и с восточного через Атлантический океан, вокруг мыса Доброй Надежды. Кроме того на Владивосток отправлялось большое количество самых разнообразных коммерческих грузов. Поэтому неудивительно, что на 1916 г. пришелся пик грузооборота Владивостокского порта. В этом году порт обработал 2 млн 628 тыс. тонн, из которых 2 млн 098 тыс. тонн, это грузы, которые были ввезены в порт [16, л. 64 Об]. Причем подавляющее количество из них это грузы, предназначенные для нужд армии и военной промышленности. В навигацию 1917 г. во Владивосток планировалось доставить грузов Главного артиллерийского управления – 39167 тонн, Главного военно-технического управления – 20951 тонну, Главного интендантского управления – 12373 тонны, Морского ведомства – 9834 тонны, Управления воздушного флота – 1485 тонн, различных металлов – 118 тыс. тонн, не считая грузов других правительственных ведомств и грузов коммерческого назначения [13, л. 61].

Для обработки поступающих из-за рубежа грузов в порту Владивостока начиная с конца 1914 г. проводились мероприятия направленные на увеличение его грузооборота. Благодаря их реализации порт резко увеличил свою пропускную способность по сравнению с довоенным временем. За годы войны в порту срочно было построено 8 глубоководных причалов для разгрузки океанских судов и 7 причалов для разгрузки судов с помощью лихтеров. Для осуществления погрузочно-разгрузочных работ порт был оснащен 26 береговыми и 6 плавучими кранами [19, л. 28–29]. Была увеличена площадь складских помещений, доведенная к концу войны до 120 тыс. кв. м. открытых площадок и до 155 тыс. кв. м. крытых складских помещений [17, л. 8].

Однако существенной проблемой Владивостока стала вывозка грузов из города. Китайская Восточная железная дорога, начиная с 1915 г. не справлялась с оперативной вывозкой грузов. Сказывалось как техническое несовершенство дороги, так и отсутствие достаточного количества паровозов и вагонов. Поэтому в течение войны в городе скопилось большое количество самых разнообразных грузов.

Главным препятствием для вывозки грузов являлся недостаток вагонов на КВЖД и сибирских дорогах. В одном из отчетов МПС, о перевозке грузов по железным дорогам страны за период с 16 по 30 ноября 1916 г. констатировалось, что наиболее остро ощущается недостаток вагонов на дорогах Сибири. До установленной средней нормы подачи вагонов на Омской дороге не хватало – 1062 вагона, Томской – 1432 и Забайкальской – 1078 вагонов. Поэтому во Владивостоке за отчетный период было погружено 1393 вагона или 74 вагона в сутки вместо установленных 190 [13, л. 88, 90].

Местные и центральные власти предпринимали различные меры к интенсификации вывоза грузов из Владивостока. Одним из эффективных способов разгрузки города, стал заказ вагонов в США и их сборка во Владивостоке путем создания временных вагоноборочных мастерских. Таким образом, Владивосток кроме важнейшего порта страны, стал и ключевым местом производства подвижного состава для железных дорог страны. Министерство путей сообщений возлагало большие надежды на поставку вагонов из США в деле ликвидации дефицита вагонов. Поэтому в короткий срок во Владивостоке были созданы вагоноборочные мастерские, деятельность которых имела важное значение в увеличении вагонного парка страны.

С осени 1915 г. Владивостокские мастерские стали собирать вагоны, поступавшие в рамках первой серии заказа в количестве 13160 штук. К сентябрю 1916 г. большинство вагонов было введено в строй. В эксплуатацию КВЖД было сдано 12705 вагонов, в стадии сборки находилось 60 вагонов и 250 вагонов были собраны частично, так как еще не пришли необходимые части из США [18, л. 271]. По сравнению с отечественными вагонами они обладали повышенной грузоподъемностью (40-50 тонн) и оснащались автоматической системой тормозов. Это позволяло формировать из них так называемые тяжеловесные составы с повышенной нагрузкой. Собранные в мастерских вагоны на короткий промежуток времени помогли активизировать вывозку грузов из Владивостока. Однако их постепенная сборка к концу 1916 г. вновь привела к понижению нормы подачи вагонов под вывозку грузов. Временный комитет по железнодорожным перевозкам на одном из своих заседаний прямо констатировал, «...нежелательность сокращения выпуска из сборки американских вагонов, ввиду недостатка подвижного состава во Владивостоке» [11, л. 144 об]. Однако поставки вагонов второй серии заказов из Северной Америки планировались только с мая 1917 г., поэтому затоваривание города грузами продолжалось. К декабрю 1916 г. во Владивостоке имелось до 200 тыс. тонн невывезенных грузов [13, л. 5].

Нехватка подвижного состава усугублялась накапливавшимся вагонным долгом дорог Сибири перед КВЖД. Уходящие с грузом с Дальнего Востока вагоны возвращались со значительной задержкой. Например, в июле 1916 г. толь-

ко Забайкальская железная дорога должна была вернуть КВЖД 1417 крытых вагонов, 954 теплушки и 35 платформ [11, л. 132 об].

Невозможность налаживания своевременной вывозки грузов поступающих в рамках военно-технического сотрудничества привела к тому, что в навигацию 1917 г. объемы грузов направляемых в тихоокеанский порт страны подверглись существенной корректировке. По итогам работы Петроградской конференции союзников, поток сугубо военных грузов во Владивосток был сильно ограничен. Так как для вывозки уже находившихся в нем грузов потребовалось бы не менее года.

Дефицит вагонного парка создавал благоприятные условия для различного рода спекуляций связанных с транспортировкой грузов. Например, в одном из февральских номеров газеты Дальний Восток за 1917 г., писалось, об открытой продаже вагонов по 3000 руб. на Забайкальской и Уссурийской железных дорогах [8]. Главный комитет пограничному снабжению на одном из своих заседаний в августе 1917 г. констатировал, что на станциях КВЖД за «Владивостоком вагоны спекулянтами добываются очень легко», в особенности на станции Манчжурия [10, л. 14].

В поисках решения проблемы вывозки грузов и предотвращения их скопления центральные власти с 1916 г. начинают перенаправлять коммерческие, а затем и военные грузы в порт Николаевска-на-Амуре и Хабаровск. Пытаясь их вывозить, используя водные пути региона.

В июле 1916 г. Распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам рекомендовал Министерству торговли и промышленности направлять частные грузы в Николаевск-на-Амуре и Хабаровск для дальнейшего их направления «водою в Сретенск» для последующей транспортировки по железной дороге [11, л. 173].

По Уссурийской железной дороге в Хабаровск направляются в первую очередь коммерческие грузы (чай, какао, кофе, рис, хлопок, ткани, фабричные товары итд). Для их хранения в городе имелось определенное количество складских помещений. Речная пристань в Хабаровске имела крытых и открытых складочных мест общей площадью в 8,5 тыс. кв. м., которые были соединены железнодорожной веткой с Уссурийской железной дорогой [2, с. 44]. К сентябрю 1916 г., в Хабаровске, в ожидании вывозки по Амуру в Сретенск, находились такие грузы как: жесть – 23 тонны, селитра – 99 тонн, сера – 176 тонн, серная кислота – 1102 тонны, парафин – 1537 тонн, мыло – 50 тонн, масло касторовое – 73 тонны, рис – 156 тонн, гарпиус – 1537 тонн, шоколад – 32 тонны, шеллак – 17 тонн [15, л. 46].

В Николаевск-на-Амуре также сначала стали поступать коммерческие грузы, но по мере затоваривания Владивостока туда начинают отправляться и гру-

зы стратегического назначения. В 1916 г. в Николаевск было ввезено до 77 тыс. тонн различных грузов. Летом 1917 г. в Николаевск только из Калькутты и Ханькоу было отправлено 16 тыс. тонн чая, не считая 16 тыс. тонн других разнообразных грузов [12, л. 12].

Для обработки грузов в Николаевске, как и во Владивостоке, предпринимаются меры по развитию портовой инфраструктуры. К началу 1917 г. для хранения особо ценных грузов были построены четыре пакгауза, еще два находились в стадии постройки. Для обслуживания морских судов было оборудовано 224 погонных метра причальных линий, из запланированных 427 метров, проведена их частичная электрификация [14, л. 34]. Осуществлялись работы по углублению акватории порта и фарватеров, улучшении навигации по р. Амур.

Таким образом, в годы войны Дальний Восток страны выполнял не только традиционные функции присущие тыловым регионам воюющего государства. Но и стал реализовывать специфические функции став наряду с Европейским Севером страны единственным регионом, через который наша страна поддерживала связь со своими партнерами по военно-политическому блоку и нейтральными государствами. Владивосток и Николаевск-на-Амуре интегрируются в систему транспортных связей между государствами Антанты. Становясь важнейшими пунктами приемки и обработки различных материальных ресурсов поставляемых в рамках развивающегося с союзниками военно-технического сотрудничества. Транспортные коммуникации региона в годы войны, и прежде всего КВЖД, выполняли важнейшую роль в перевозке доставленных из-за границы материальных ресурсов необходимых как русской армии, так и промышленности. Поэтому в годы войны центральные власти принимали экстренные меры по развитию портовой и транспортной инфраструктуры региона, так как от нее в немалой степени зависели размеры материально-технического имущества поставляемого союзниками. В итоге Дальний Восток стал играть ключевую роль в функционировании военно-технического сотрудничества, с союзниками перейдя из роли тылового региона страны в важнейший регион осуществляющий транзит разнообразных ресурсов поступающих в страну в рамках военно-технического сотрудничества.

Список источников и литературы

1. Бодров А.В. Транспортные операции на Русском Севере в годы Первой мировой войны: проблема мобилизации трудовых ресурсов // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. – СПб. : Изд-во РХГА, 2017. Вып. 4. – С. 241–256.

2. Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтон-

скую конференцию 1921 года / Под пред. В.Я. Исаковича. – Владивосток, Изд-во. Примор. Окр. Торг.-пром. Палаты, 1922. – 459 с.

3. Павлов А.Ю. Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период Первой мировой войны: дис. ... док. ист. наук / А.Ю. Павлов. – СПб. : 2012. – 321 с.

4. Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны / А.А. Малыгина [и др.]. – СПб. : Изд-во РХГА, 2017. 532 с.

5. Сенин А.С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. – М. : Вече, 2017. – 416 с.

6. Сенокосов А.Г. Участие Великобритании в военно-техническом сотрудничестве стран Антанты в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб. : Изд-во РХГА, 2015. Вып. 3. – С. 281–286.

7. Уорт Р. Антанта и русская революция 1917–1918 гг. – М. : Центрполиграф, 2006. – 271 с.

8. Дальний Восток. – 1917 г. – 21 февраля.

9. Государственный Архив Российской Федерации (Далее ГА РФ) ГА РФ. Ф. Р – 6173. Оп. 1. Д. 18.

10. ГА РФ. Ф. 7743. Оп. 1. Д. 134.

11. Российский государственный исторический архив (Далее РГИА) Ф. 290. Оп.1. Д. 2.

12. РГИА Ф. 1525. Оп. 1. Д. 1009.

13. РГИА Ф. 560. Оп. 26. Д. 1382.

14. РГИА Ф. 95. Оп. 11. Д. 2203.

15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Далее РГИА ДВ) Ф. 804. Оп. 1. Д. 41.

16. РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32.

17. РГИА ДВ. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9.

18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 887.

19. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ. ОР) Ф. 445. Д. 35.

Л.Н. Гарусова, профессор кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, доктор исторических наук, профессор

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются интересы СССР и США в Тихоокеанском регионе, а также основные направления их взаимодействия в период Второй мировой войны. Рассматривается американская политика изоляционизма и ее влияние на региональные отношения. Особое внимание уделяется региональному аспекту американской программы ленд-лиза и ее транспортному сопровождению через советский Дальний Восток.

Ключевые слова: СССР, США, Япония, Тихоокеанский регион, программа ленд-лиза.

L.N. Garusova, Professor of Asia Pacific Department, Far Eastern Federal University, doctor of Historical Sciences, Full Professor

SOVIET-AMERICAN RELATIONS IN THE PACIFIC DURING WORLD WAR II

The article analyzes the interests of the USSR and the USA in the Pacific region, as well as the main directions of their interaction during the Second world war. The article considers the American policy of isolationism and its influence on regional relations. Special attention is paid to the regional aspect of the American lend-lease program and its transport support through the Soviet Far East.

Key words: USSR, USA, Japan, the Pacific region, the program of lend-lease.

В конце 1930-х гг. международная ситуация вошла в критическую стадию. Германия, вопреки обещаниям, сделанным в Мюнхене, оккупировала территорию Чехии, Словакия превратилась в сателлита Германии, Италия напала на Албанию, немцы отторгли у Литвы стратегически важный порт Клайпеду с прилегающими территориями, победой фашистов закончилась гражданская война в Испании. Европейским сторонникам политики «умиротворения» становилось понятно, что договориться с агрессорами политикой уступок не удастся.

Распад Версальско-Вашингтонской системы затронул и Азиатско-Тихоокеанский регион. В этот период усилилась экономическая и военная

мощь Японии. Японские войска заняли остров Хайнань и вышли на подступы к Индокитаю и Филиппинам, укрепилось их присутствие на границах с Монголией. Интересы и политика великих держав в Восточной Азии существенно различались, совпадая в лишь одном: Япония воспринималась в качестве главной угрозы в регионе. Восточноазиатские государства, включая Китай, оставались преимущественно пассивными объектами политики великих держав.

США с беспокойством следили за попытками Токио превратить Китай в зону своего исключительного влияния. Тем не менее, США долгое время придерживались политики нейтралитета в отношении Японии. Действия Японии в Азии, хотя и вызывали недовольство и тревогу Вашингтона, не воспринимались американскими политиками как требующие немедленного противодействия военными средствами. США осуждали действия Японии, но это не мешало американским компаниям продолжать экспорт в Японию металлического лома, нефти и нефтепродуктов и других видов важного для японской военной экономики стратегического сырья. Только летом 1939 г. правительство Рузвельта разорвало подписанный еще в 1911 г. торговый договор с Японией и он перестал действовать с января 1940 г. Осенью того же года, после ввода японских войск в Северный Индокитай, США запретили экспорт в Японию металлолома [6].

Весной 1941 г. между Вашингтоном и Токио начались секретные переговоры, ставшие последней попыткой США избежать лобового столкновения. Япония видела в переговорах лишь способ маскировки своих истинных намерений. Поэтому 21 июня 1941 г. государственный секретарь К.Хэлл вручил японскому послу ноту, в которой излагалась американская позиция по основным спорным вопросам. Япония уклонилась от ответа. Нота Хэлла лишь укрепила решимость Токио ускорить подготовку на опорные пункты американского флота на Тихом океане, чтобы лишить США возможности контролировать ситуацию в Азии [5, с. 249]. К середине 1941 г. нарастание напряженности между Японией и американско-британским блоком приобрело необратимый характер. В июле 1941 г. Японские войска вошли в Индокитай. В это же время президент Ф.Рузвельт одобрил рекомендации министерства обороны о призыве примерно 900 тыс. человек на активную военную службу. Предполагалось довести численность американской армии до 8,8 млн. (1,7 млн. в декабре 1941 г.) [6]. Военное столкновение с Японией становилось неизбежным. 7 декабря 1941г. после массированной бомбардировки японцами ключевой тихоокеанской военно-морской базы США – Перл-Харбор, а также баз Гуам, Уэйк, Мидуэй война стала свершившимся фактом для Америки. 8 декабря Британия также объявила войну Японии. Тихоокеанская война приняла общемировой характер.

Советский Союз занимал в тихоокеанском региональном раскладе особое место. С одной стороны, его вооруженные силы во Внешней Монголии и Приморье воспринимались Японией как постоянная угроза для ее интересов в Маньчжурии. С другой стороны, СССР сам опасался японского удара со стороны Маньчжоу-го по Забайкалью и Приморью. С учетом возрастания германской угрозы Советскому Союзу пришлось бы одновременно вести войну на два фронта – против Германии в Европе и против Японии на Дальнем Востоке.

Договор с Японией о нейтралитете давал возможность для маневра СССР, находившемуся в дипломатической изоляции. Договор о нейтралитете был заключен в Москве 13 апреля 1941 г. Согласно ему обе стороны обязывались поддерживать мирные и дружественные отношения между собой. В случае если одна из сторон будет вовлечена в военный конфликт со стороны третьих держав, то согласно статьи 2, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта [4, с. 152]. В одном пакете с договором была подписана и советско-японская декларация о взаимном уважении, территориальной целостности и неприкосновенности границ Монголии и Маньчжоу-го, которая, по существу, фиксировала частичный раздел сфер влияния СССР и Японии на Дальнем Востоке. Договор с Японией снижал вероятность войны Советского Союза на два фронта и позволял высвободить силы для возможных военных действий на европейском театре.

Соединенные Штаты в целом с пониманием отнеслись к данному соглашению. Так, американский посол в Москве Штейнгардт в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С.А.Лозовским 5 июня 1941 г. признал, что «этот пакт является еще одним шагом к сохранению мира на Тихом океане. Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет угрозу для США, он, Штейнгардт, отвечает, что Советский Союз имеет опасного соседа на западе и заинтересован в сохранении мира на востоке. Он сам поступил бы точно так...» [2, с. 175].

В то время, как Гитлер неуклонно укреплял свои позиции в Европе, пользуясь тем, что западные страны проводили политику «умиротворения», в США шли споры о внешнеполитических приоритетах. Вопрос о том, откуда – из Европы или Восточноазиатского региона - исходит главная угроза миру и самим Соединенным Штатам, приобретал все большую остроту. Американская политическая элита в этом вопросе оказалась расколотой. В ней традиционно сильными позициями обладали те, кто полагал, что главное внимание США должно быть направлено на укрепление влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Самоизоляция от европейских дел стала основным направлением внешней политики Вашингтона на долгие годы. Главным потенциальным противником США виделась не Германия, а Япония.

Начало Второй мировой войны вызвало у Соединенных Штатов желание дистанцироваться от конфликта в Европе. 5 сентября 1939 г. американская администрация заявила о распространении на германо-польский конфликт закона о нейтралитете 1937 г., запрещавшего поставки военного снаряжения воюющим странам. Однако рост американской военно-экономической мощи и очевидные трудности союзника Великобритании в борьбе с фашистской Германией стали стимулом для переоценки политики нейтралитета. В начале 1941 г. в конгрессе началось обсуждение проекта по оказанию помощи союзникам – программы ленд-лиза.

Военный министр Г. Стимсон выступил по американскому радио и заявил, что 13 европейских стран находятся под контролем Германии и призвал оказать помощь Англии, так как это в интересах Соединенных Штатов [1, с. 185]. Система ленд-лиза предполагала передачу США займы или в аренду вооружения, боеприпасы, стратегическое сырье, продовольствие странам-союзникам и была серьезным отступлением от политики нейтралитета.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. На следующий день последовало официальное заявление правительства США, в котором в общей форме выражалась готовность сотрудничать в борьбе с общим врагом. 23 июня 1941 г., выступая от имени правительства США, исполнявший обязанности государственного секретаря С.Уэллес, заявил: «По мнению правительства Соединенных Штатов, любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет неизбежное падение нынешних германских руководителей и, тем самым, будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для Американского континента» [2, с. 188].

Президент Рузвельт распорядился придать советскому ленд-лизу высший приоритет и упростить его процедуру по сравнению с другими странами, включая Великобританию. Всего по ленд-лизу американцы поставили союзникам (Великобритании, СССР, Франции и Китаю) материальных ценностей примерно на 55 миллиардов долларов (в ценах 2015–2016 гг., это составляет 1 трлн. долларов). Из них в Советский Союз было направлено около 11,5 млрд. (21%) [5, с. 270]. Согласно отчету главы американской военной миссии в Москве генерала Дж.Дина, отвечавшего за доставку грузов по ленд-лизу в СССР, в период с 1 октября 1941 г. по 31 мая 1945 г. в Советский Союз было отправлено 2660 судов с общим весом грузов 16529791 тонны. «Мы отправили в СССР 427284 грузовых машины, 13303 боевые машины, 35170 мотоциклов и 2328 джипов, 2670371 тонну нефтепродуктов» [3, с. 87]. Половина всех грузов из США была доставлена через Тихий океан и советский Дальний Восток Дальневосточным государственным морским пароходством. Кроме того, несколько

тысяч тонн было доставлено по воздуху по трассе Алсиба – из Аляски в Якутск [7, р. 354].

Вступление США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г. сразу же поставило перед Вашингтоном главный вопрос о поиске союзников и укреплении американского «тыла» в Тихоокеанском полушарии. Поэтому формирование коалиции СССР – США было во многом связано с вопросом участия СССР в войне на Тихом океане против Японии – союзницы фашистской Германии. По словам генерала Дж.Дина, «мы надеялись на большой успех в совместных действиях, если Красная армия начнет наступление против японцев в Манчжурии и Корее, чтобы ослабить Квантунскую армию, в то время как мы в прибрежных районах создадим вспомогательные авиабазы, чтобы с них подвергнуть бомбардировке японские острова и создать плацдарм для вторжения американцев в Японию» [3, с. 200].

9 августа 1945 г., выполняя свои союзнические обязательства, СССР вступил в войну с Японией. 15 августа 1945 г. император подписал подготовленный в Вашингтоне и согласованный с союзниками текст Общего приказа номер 1 всем вооруженным силам Японии. Некоторая корректировка приказа была проведена по предложению Советского Союза. 16 августа советские представители потребовали включить в зону советского оккупационного контроля Курильские о-ва и северную часть о. Хоккайдо. Американская администрация согласилась с вводом советских войск на Курилы, но энергично отвергла предложение о размещении их на Хоккайдо [6].

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. От имени союзного командования свою подпись поставил Д. Макартур. Советский Союз представлял генерал К.Н. Деревянко. Акт подписали представители Китая, Великобритании, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов и Новой Зеландии. Вторая мировая война закончилась, а вместе с ней завершился и период советско-американского сотрудничества на Тихом океане.

Список источников и литературы

1. Бурова Т.Т. Критика политики нейтралитета в Конгрессе США // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6 . С. 53–67.
2. История дипломатии. Т. 4. / Под ред. А. А. Громыко и др. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Политиздат, 1975. – 752 с.
3. Дин Дж.Р. Странный союз / пер. с нем. И.Кадетова; Предисл. и коммент. д-ра ист. наук А.С.Орлова. – М. : ОЛМА-ПРЕСС. 2005. – 300 с.
4. Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, подписанный 13 апреля 1941 г. // Системная история международных отношений в четы-

рех томах. События и документы. 1918–2000. Отв. Ред. А.Д. Богатуров. Том второй. Документы 1910–1940-х годов. Сост. А.В.Малыгин. – М. : Московский рабочий, 2000. – 243 с.

5. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. – М. : Международные отношения. 2012. – 672 с.

6. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000. Отв. Ред. А.Д. Богатуров. Том первый. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с. [Электронный ресурс] URL – <https://e-libra.ru/read/466786-sistemnaya-istoriya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-tom-pervyy-sobytiya-1918-1945.html> (дата обращения: 25.10.2019).

7. Forsyth J. A. History of the People of Siberia. Russia's North Asian Colony. 1581-1990. Cambridge. 1992.

УДК 94(47).084.8

*А.В. Жадан, старший преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат исторических наук*

РАЗВИТИЕ ОГОРОДНИЧЕСТВА, КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ НКВД ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 гг.)

В статье рассматриваются вопросы организации продовольственного обеспечения сотрудников органов НКВД, в частности, развития коллективного и индивидуального огородничества. Автор обращает внимание на актуальность исследования повседневных аспектов жизни и деятельности людей в условиях военного времени. В статье характеризуются основные направления, успехи и проблемы в организации огородничества в органах НКВД на территории Дальнего Востока СССР в период 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, органы НКВД, Дальний Восток, огородничество.

THE DEVELOPMENT OF HORTICULTURE AS A WAY OF PROVIDING FOOD TO EMPLOYEES OF THE NKVD OF THE FAR EAST IN WARTIME (1941–1945)

The article deals with the organization of food supply of NKVD officers, in particular, the development of collective and individual gardening. The author draws attention to the relevance of the study of everyday aspects of life and activities of people in wartime. The article describes the main directions, successes and problems in the organization of gardening in the NKVD in the Far East of the USSR in the period 1941-1945.

Keywords: Great Patriotic war, NKVD, Far East, gardening.

Общеизвестно, что в годы Великой Отечественной войны проблема обеспечения продовольственной безопасности являлась одной из наиболее острых в русле социально-экономической политики государства. Одним из решений, получившим широкое распространение по всей стране, стало массовое вовлечение городского населения в коллективное и индивидуальное огородничество.

Тенденцией отечественной историографии последних лет, в контексте поиска и применения новых концептуальных и методологических подходов, стало появление исследований, выполненных на стыке социальной и исторической психологии, исторической антропологии, этнологии и других наук [19, с. 93–110]. Предметом таких исследований становится история повседневности, позволяющая применительно к теме нашего исследования воссоздать живую картину повседневной жизни людей, их быта, настроений и переживаний, мотивов поведения в чрезвычайных условиях военного времени.

В исторической науке развитие огородничества в годы Великой Отечественной войны получило достаточно полное рассмотрение, в том числе, на примере отдельных регионов [20; 26, с. 72–76]. Применительно к дальневосточной историографии можно привести в пример работу С.А. Власова [9, с. 197–200]. Обращаются к исследованию социально-бытовых условий жизни сотрудников НКВД-НКГБ в годы войны и историки правоохранительных органов [10, с. 97–101]. Отдельный интерес представляют опубликованные в журнале «Новейшая история России» в 2015 году дневники сотрудника НКВД г. Ленинграда Ф.Е. Боброва, в которых работе на личном огороде отводится место наряду с выполнением важных служебных задач [18, с. 246–276]. Одновременно, несмотря на то, что в последние годы значительно возросло внимание исследователей к становлению и развитию системы правоохранительных органов

Дальнего Востока [8; 21; 22; 23; 24; 25; 27; 28; 29; 30], остаются слабо изученными многие аспекты продовольственного обеспечения сотрудников НКВД данного региона в военное время.

Вместе с тем, обращение к методам социальной истории, в том числе, изучение вопросов обеспечения продовольствием позволяют нам глубже понимать обыденную жизнь сотрудников НКВД изучаемой эпохи, их настроения и мотивацию, открывая таким образом, новые возможности для научной интерпретации таких аспектов как, кадровая и социальная политика в органах НКВД, эффективность выполнения должностных обязанностей сотрудниками, соблюдение ими служебной дисциплины и законности.

Одним из обоснований выдвинутого нами тезиса может служить общеизвестная иерархия потребностей А. Маслоу, где потребность в пищевых ресурсах (наряду с иными физиологическими потребностями) занимает базовый – первый уровень, лишь при обеспечении которого, человек может быть в полной мере мотивирован к реализации социальных потребностей (в нашем случае выполнению служебно-оперативных задач).

В годы войны рост цен на продукты в дальневосточном регионе мог превышать двадцатикратный уровень (на неорганизованных рынках), в то время как зарплаты сотрудников оставались прежними (до некоторого их повышения в августе 1944 г.). Следовательно, денежное довольствие объективно не могло удовлетворять потребности сотрудников НКВД и их семей в обеспечении продуктами питания. Данное обстоятельство не преминуло сказаться на дисциплине сотрудников, их отношении к служебным обязанностям. Частыми стали случаи, когда сотрудники под видом служебных командировок, выезжали в районы за продуктами [1, л. 81об.]. Распространенным явлением среди сотрудников стали кражи хлебных карточек (мошенничество с ними) [4, л. 50; 7, л. 59] и продуктов питания (например, вещественных доказательств) [3, л. 31].

Экономическое значение огородов, и прежде всего, произрастающих на них овощей, возросло настолько, что они периодически становились предметом серьезных имущественных споров, в решении которых отдельные сотрудники НКВД даже пытались незаконно использовать должностные полномочия, что видно из материалов дисциплинарной практики [6, л. 108].

Следует отметить, что в центральном аппарате НКВД СССР довольно четко осознавали остроту вопроса и принимали энергичные меры по улучшению продовольственного обеспечения сотрудников. Ключевая роль в решении данной проблемы отводилась расширению сети подсобных хозяйств и развитию индивидуального и коллективного огородничества.

Так, например, в Директиве НКВД СССР от 31 мая 1943 г. № 283 указывалось, что «НКВД СССР располагает данными, что в органах милиции до сих

пор мало уделяется внимания развитию подсобного сельского хозяйства, коллективного и индивидуального огородничества. Некоторые начальники Управлений милиции недооценивают значения этого источника дополнительного снабжения работников милиции, слабо организуют огородничество». Придавая исключительное значение делу развития огородничества в органах милиции, НКВД СССР предлагало:

«1. Принять все меры, к тому чтобы максимально увеличить посадку овощей, особенно картофеля, в подсобном хозяйстве, коллективных и индивидуальных огородах.

2. Оказывать широкую поддержку и помощь делу коллективного и индивидуального огородничества, обеспечить отвод необходимых земельных участков, оказать содействие в приобретении семенного материала, предоставлении тягловой силы, мелкого сельскохозяйственного инвентаря, агротехнической помощи...

4. Для организации дела развития подсобного хозяйства, изыскания дополнительных источников продовольственного питания, а также всей работы по материальному обеспечению работников милиции в штат Управлений милиции республик, краев и областей вводится помощник начальника Управления по снабжению» [2, л. 160-161].

Вопросы ухода за огородами стояли на строгом контроле руководства краевых УНКВД. Так, Приказом № 328 от 24.06.1944 года [5, л. 124] за преступно-халатную задержку в поливке огородов наказанию в виде пяти суток ареста с исполнением служебных обязанностей был подвергнут начальник подсобного хозяйства ХОЗО УНКВД по Хабаровскому краю. Также данный сотрудник был предупрежден о более строгой ответственности, если «в течение трех дней не выправит положение с поливкой огородов»¹.

Для решения организационных вопросов (обеспечение сотрудников сельхозинвентарем, семенами и др.) при территориальных органах НКВД формировались огородные комиссии, деятельность которых контролировалась первичными партийными организациями.

Коллективная форма огородничества предполагала закрепление участка земли за бригадами пайщиков, формируемыми из числа сотрудников того или иного отдела. Размер участка рассчитывался исходя из количества пайщиков, входящих в бригаду. Ответственность за организацию обработки участков, которая осуществлялась обычно в выходные дни, возлагалась на начальников отделов и партгруппоргов.

Серьезной проблемой ведения коллективных огородов становилось отсутствие у сотрудников собственного сельскохозяйственного инвентаря. Коллективный инвентарь частично выходил из строя из-за поломок, частично расхи-

¹ Характерно, что в проекте приказа первоначально значилось «передан суду».

щался. Эта тема выносилась на обсуждение первичных партийных организаций, выносивших резолюции, направленные на усиление контроля за сохранностью инвентаря (закрепление ответственных лиц и т.п.) [13, л. 33-34].

В документах отмечается и недобросовестное отношение отдельных сотрудников к обработке огородов, отлынивание от работы под различными предлогами. В связи с чем, практиковалось исключение таких лиц из числа пайщиков за недисциплинированность [16, л. 7].

Индивидуальное огородничество предполагало закрепление определенного участка земли за конкретным сотрудником (семьей сотрудника, в случае если таковой убыл на фронт). Площадь участка рассчитывалась исходя из нормы в 2 сотки на человека, однако фактически могла быть и меньше [12, л. 35].

Вопросы по организации распашки индивидуальных огородов, обеспечению семенами и инвентарем, опять-таки возлагались на огородные комиссии. Последние взаимодействовали по вопросам выделения земли с городскими земельными комитетами, колхозами, иными организациями (например, ДВЖД). Передача земли носила временный характер (обычно упоминается срок в 2 года) и оформлялась договором. Семена и рассада заказывались также централизованно через Сорсемовощи и др. организации². Для распашки участков на договорной основе привлекались трактора, что имело существенное значение, если учесть, что выделяемые земли могли быть целинными. Практиковалась организация воскресников для совместной разработки целины [11, л. 22–22 об.; 12, л. 35].

Таким образом, перед огородными комиссиями стояла нетривиальная задача обеспечить в условиях общего кризисного положения экономики воюющей страны и сельского хозяйства, в частности, наличие исправной сельхозтехники, прицепного инвентаря к ней, горюче-смазочных материалов, транспорта, семян и т.д. Следует иметь в виду также сезонность сельскохозяйственных работ, т.е. необходимость их выполнения в определенный короткий срок, когда, например, дефицитная техника и горючее нужны сразу всем сельхозпроизводителям. Очевидно, что в таких условиях сложно было рассчитывать на безупречность организационных мероприятий.

Одновременно, в документах отмечается несвоевременная и некачественная обработка индивидуальных огородов сотрудниками [15, л. 22]. Отдельные лица, посадив картофель, вообще не обрабатывали его до осени. Имели место случаи, когда сотрудники, получив семена картофеля для посадки на индивидуальном огороде продавали или съедали их [17, л. 55] в связи с чем практиковалась выдача семян на месте посадки [12, л. 36].

Директива Политотдела Управления милиции УНКВД по Хабаровскому краю от 18 марта 1943 года № 435632 в числе недостатков в организации индивидуального огородничества указывала:

² В документах упоминаются такие культуры как: картофель, свекла, морковь, лук, огурцы, кукуруза, тыква, капуста, помидоры, табак.

- 1) слабое проведение разъяснительной работы среди работников милиции и членов их семей;
- 2) запоздалое проведение организационных мероприятий, не позволившее в отдельных случаях своевременно обеспечить землей и семенами всех желающих;
- 3) слабый охват индивидуальным огородничеством семей работников милиции, ушедших на фронт
- 4) недостаточное агротехническое консультирование сотрудников.

Однако, в целом в документе отмечалось, что индивидуальное огородничество стало в 1942 году важным дополнительным источником получения продуктов питания и улучшения материально-бытовых условий работников милиции, позволившим многим сотрудникам милиции обеспечить свои семьи овощами на зиму [14, л. 19–19 об.].

Характерно, что изданная годом позже Директива Политотдела УМ УНКВД ХК от 20 марта 1944 года № 360034 указывает фактически на те же недостатки, резюмируя при этом существенную роль огородов в продовольственном обеспечении сотрудников [15, л. 22].

Подводя итоги изложенного, мы можем резюмировать, что развитие огородничества стало адекватным ответом на резкое ухудшение продовольственной ситуации в стране с началом войны и внесло значительный вклад в улучшение рациона питания сотрудников НКВД, обеспечение достаточного уровня их профессиональной эффективности. Безусловно, совместный физический труд, помощь органов власти, предоставлявших землю, семена, инвентарь и т.д. создавали психологическую атмосферу взаимопомощи, единства, уверенности в завтрашнем дне, сплачивали коллектив. Нельзя забывать также и о материальном и морально-психологическом, воспитательном значении помощи в обработке огородов семьям сотрудников, ушедших на фронт.

В то же время диалектическим продолжением положительного значения развития огородничества становились определенные минусы этого явления. Очевидным отрицательным эффектом стало отвлечение на организационные вопросы и непосредственно обработку огородов значительного времени, сил и материальных средств как руководства, так и рядовых сотрудников, в особенности с учетом острого дефицита кадров, возросшего объема служебно-оперативных задач, роста преступности. Высокий уровень социальной ответственности Советского государства, использование нерыночных механизмов в организации огородного движения, при своих очевидных плюсах, обуславливали относительно низкую экономическую эффективность данной хозяйственной деятельности.

Список источников и литературы

1. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф. 12. Оп.1. Д. 47
2. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Там же. 2. Ф. 39. Оп. 1. Д. 153.
3. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 97.
4. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 111.
5. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 114.
6. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 115.
7. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 132.
8. Буюков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922-1941 годах. – М. : Кучково поле; Беркут, 2013. – 432 с.
9. Власов С.А. Повседневная жизнь населения Приморского края в военные и послевоенные годы (1941 – середина 1950-х гг.) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток, 2015. – С. 179–200.
10. Гашенко В.А. Социально-бытовые условия жизни и работы сибирских чекистов в годы Великой Отечественной войны // Гео-Сибирь. – 2009. – Т. 6. – С. 97–101.
11. Государственный архив Хабаровского края. 6. Ф. П–26. Оп. 1. Д. 51. Л. 22-22 об.
12. Там же. Ф. П–26. Оп. 1. Д. 57.
13. Там же. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 4.
14. Там же. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 5.
15. Там же. Ф. П–513. Оп. 1. Д. 7.
16. Там же. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 8.
17. Там же. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 25.
18. Зиборов В.К., Иванов В.А., Ходяков М.В. «Кадры решают всё!» Блокадные записки сотрудника НКВД. 1942 год // Новейшая история России. – 2015. – № 2 (13). – С. 246– 276.
19. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 93–110.
20. Мельникова Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007. – 25 с.
21. Милежик А.В., Коровников П.В. Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920-е гг.: историографический обзор // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 11. – С. 88–93.

22. Некрытый В.В. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью: историографический обзор // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России Владивосток, 16-17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 402-408.

23. Ткачева Г.А. Дальневосточный регион в системе обеспечения национальной безопасности СССР в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // Неоконченная война – незаживающие раны: сборник статей международной научной конференции, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны, Владивосток, 25-26 августа 2016 г. – Владивосток : Изд-во ООО «Рея», 2016.

24. Усов А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930-1940 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: урок истории: материалы XXI Всеросс. науч. конф. (Москва, 7-8 декабря 2017 года). – М. : Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 219–225.

25. Усов А.В. Особенности реорганизации Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) при ОГПУ СССР в условиях пятилетнего плана развития народного хозяйства // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVII. «Гороховая, 2». – 2019. – СПб.: Любавич, 2019. – С. 270–277.

26. Федосеев В.И. Об особенностях государственно-правового регулирования продовольственного снабжения городов в период Великой Отечественной войны (на примере Куйбышевской области) // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 1 (15). – С. 72–76.

27. Чепик М.В. История правоохранительных органов Дальнего Востока в 1917–1945 гг.: историографический обзор // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2019.

28. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2019. – № 1 (145). – С. 36–42.

29. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922 – 1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности: монография. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – 354 с.

30. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

Ю.М. Зайцев, доцент кафедры тактики, боевой подготовки и морской практики Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С.О. Макарова, кандидат исторических наук, доцент

СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (1945 г.) В ОСВЕЩЕНИИ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье раскрывается историография Китайской Народной Республики, посвященная советско-японской войне (1945 г.) и помощи Советского Союза в освободительной борьбе китайского народа против японских захватчиков. Кроме того, обращено внимание на попытки западных историков и политиков фальсифицировать участие советских Вооруженных Сил в разгроме японского милитаризма и принижение роли СССР в завершении Второй мировой войны.

Ключевые слова: советско-японская война; китайская историография; советско-китайское сотрудничество; фальсификация; историческая правда.

Y.M. Zaytsev, associate Professor of the Department of tactics, combat training and Maritime practice of the Pacific higher naval school named after S. O. MA-Karov, candidate of historical Sciences, associate Professor

SOVIET-JAPANESE WAR (1945) IN LIGHTING CHINESE HISTORIOGRAPHY

The article discloses the historiography of the People's Republic of China, devoted to the Soviet-Japanese war (1945) and the assistance of the Soviet Union in the liberation struggle of the Chinese people against the Japanese invaders. In addition, attention is drawn to the attempts of Western historians and politicians to falsify the participation of the Soviet Armed Forces in the defeat of Japanese militarism and to belittle the role of the USSR in the end of World War II.

Keywords: Soviet-Japanese war; Chinese historiography; Soviet-Chinese cooperation; falsification; historical truth.

Чем больше мы удаляемся от даты победы во Второй мировой войне и ближе к знаменательному юбилею – 75-летию ее окончания, тем больше забываются и условия, на которых СССР вступил в войну с Японией и вклад в раз-

гром Квантунской армии, которая оставалась одной из самых боеспособных на континенте. Зарубежная историография завершающего этапа Второй мировой войны крайне разнообразна. Однако основной тенденцией в работах наших бывших союзников в войне против Японии в 1945 г. стали попытки исказить или фальсифицировать историю участия Советского Союза в этой войне, которые были предприняты уже в первое десятилетие по ее окончании. Победы СССР над Германией и над Японией на завершающем этапе Второй мировой привели к росту его международного авторитета, расширению сферы его влияния, что не устраивало правящие круги стран Запада.

Следует напомнить, что вступления СССР в войну на Дальнем Востоке действительно добивались наши бывшие союзники в войне против фашистской Германии – США и Великобритания. Как Рузвельт, так и Черчилль большие надежды на скорое завершение войны в Европе возлагали на Советский Союз и стремились заручиться его помощью для нанесения окончательного поражения Японии. *«Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»*, – говорилось в «Памятке», подготовленной правительственными ведомствами США для президента и американской делегации в Ялте [10, с. 384]. Однако не успел развеяться дым войны, как со стороны наших бывших союзников последовали заявления о том, что участие СССР на завершающем этапе Второй мировой не внесло никакого вклада в ее окончание.

Ревизии и фальсификации подвергаются главным образом коренные вопросы истории войны на Тихом океане: причины и характер; влияние Великой Отечественной войны Советского Союза на ход вооруженной борьбы на Тихом океане; причины и цели вступления СССР в войну против Японии; роль Советского Союза в разгроме Японии. Особенно упорно замалчивается роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме милитаристской Японии. В попытке убедить западного читателя в том, что СССР до 1945 г. не оказывал непосредственного влияния на ход войны на Дальнем Востоке против Японии западные историки, в первую очередь американские, совершенно забывают, что японское командование непрерывно держало в Маньчжурии миллионную Квантунскую армию. В редких работах можно найти информацию о стратегической операции советских Вооруженных Сил в Маньчжурии. Исключением, пожалуй, является работа американского историка полковника Дэвида Гланца³ *«Августовский шторм. Советская стратегическая наступательная операция в Маньчжурии 1945 г.»* [13].

³ В 2015 г. Д. Гланц за объективное освещение операций Красной Армии в Великой Отечественной войне был награжден медалью МО РФ «За укрепление боевого содружества».

Что касается роли СССР в достижении победы над Японией, то тон в деле принижения советского вклада в эту победу задал ни кто иной, как американский президент Г. Трумэн, в свое время вслед за Ф. Рузвельтом весьма настойчиво добивавшийся вступления Советского Союза в войну против Японии. В 1947 г. он заявил, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией» [12]. Характерным для американцев остается высказывание адмирала Ф.С. Шермана, сделанное менее чем через 10 лет по окончании войны: «Вступление России в войну с Японией было нежелательно для многих американцев, принимавших участие в войне на Тихом океане. Мы поставили Японию на колени, и американские войска добились этого результата практически одни.... Мы были недовольны вступлением России в войну, которое давало ей основание претендовать на признание её заслуг в поражении Японии и на участие в мирных переговорах. Мы считали, что она не имела права ни на то, ни на другое» [2, с. 113, 114]. Это заявление игнорирует признание генерала Д. Маршалла, сделанное в августе 1945 г.: «Красная Армия начала наступление, нанося удар в Маньчжурии по Квантунской армии, гордости японской военной машины» [2, с. 114].

В этой связи представляются весьма важными исследования историков Китайской Народной Республики, народ которой длительное время находился под гнетом японских оккупантов и вел борьбу за свою свободу и независимость.

Исследованием проблем Второй Мировой войны в Китае наряду с центральными институтами Академии общественных наук Китая в Пекине занимается и ряд институтов провинциальных Академий общественных наук (АОН). Наибольший вклад в изучение вопросов Второй мировой войны внесли региональные АОН провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. Только в АОН провинции Хэйлунцзян (г. Харбин) этими проблемами занимается три института (Истории, Сибири и Дальнего Востока, Северо-Восточной Азии). При этом «азиатский» подход к оценке начала Второй мировой войны отличается от того, который принят в Европе. Китайские историки относят её начало к 7 июля 1937 г., когда Япония развернула крупномасштабные боевые действия в Китае. Военные действия велись на территории около 10 млн кв. км (что сопоставимо с площадью Европы), а участие в них охватило население более полумиллиарда человек. Характерным для китайской историографии является относительно небольшое количество фундаментальных трудов по истории Второй мировой войны по отношению к публикациям в периодической печати. Второе, что обращает на себя внимание, это преобладание трудов, освещающих антияпонскую освободительную войну китайского народа, что вполне естественно.

Китайская историография вклада СССР в победу над Японией имеет три ярко выраженных периода: первый – от завершения гражданской войны и про-

возглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. до ухудшения советско-китайских отношений в начале 1960-х годов; второй – период политического, а порой и военного противостояния (Даманский, Жаланашколь) между КНР и Советским Союзом; третий – восстановление добрососедских отношений, урегулирование имевшихся территориальных разногласий и развитие стратегического партнерства во всех областях международного сотрудничества.

Первый период характерен тем, что в памяти народов и руководства Китая еще была свежа та всесторонняя помощь, которую, начиная с 1924 г., Советский Союз оказывал Коммунистической партии Китая в борьбе против империалистической интервенции и японских оккупантов. Еще одним обстоятельством, определившим оценку участия советских войск по освобождению Северного Китая и Маньчжурии, стало заявление лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна в докладе «О коалиционном правительстве», сделанном еще до вступления СССР в войну на Тихом океане: *«После того, как в 1937 году началась война Сопrotивления японским захватчикам, Советский Союз ... первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает благодарность советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь. Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно»* [3, с. 332]. На объявление СССР войны с Японией Мао в этот же день 9 августа отозвался статьей «Последняя битва с японскими захватчиками», где утверждал, что *«Благодаря этому шагу Советского Союза сроки войны с Японией значительно сократятся... В этих условиях все силы борьбы против японских захватчиков в Китае должны развернуть контрнаступление в масштабе всей страны и сражаться в тесном и эффективном взаимодействии с Советским Союзом и другими союзными странами»* [3, с. 373]. Эти два высказывания во многом определили позицию китайских историков по отношению к участию СССР в войне с Японией.

Именно в этот период увидели свет две работы известного китайского историка Пын Мина. Первая была подготовлена в ознаменование пятой годовщины со дня подписания советско-китайского Договора о дружбе и взаимопомощи и была издана в Пекине в 1956 г. Годом позже, после перевода на русский язык, с ней могли ознакомиться и советские читатели [5]. В книге достаточно подробно излагаются сведения о материальной и военной помощи, предоставленной Советским Союзом Китаю в 1938–1939 гг. и в более ранний период. Вместе с тем, само участие советских Вооруженных Сил в освободительной миссии в августе – сентябре 1945 г. освещено достаточно скромно и уложилось в несколько страниц. Правда автор признавал, что работа была выполнена в условиях дефицита времени, не охватывала всех доступных источников, и исследования будут про-

должны с тем, чтобы со временем книга стала более совершенной. Свое обещание Пын Мин выполнил – в 1959 г. издательством «Социально-политической литературы» была опубликована новая его работа «История китайско-советской дружбы» [6]. В этой работе были учтены замечания и пожелания советских специалистов, расширена глава об участии советских войск в освободительной войне Китая в августе 1945 г. Заслуживает внимания признание автора того, что атомная бомбардировка городов Японии не стала определяющей в капитуляции Японии. Именно вступление в войну Советского Союза коренным образом изменило военную обстановку и заставило японское руководство отказаться от планов сопротивления на территории Северо-Восточного Китая и Кореи [6, с. 230–231]. Автор приводит высказывание на страницах японской газеты «Дзиндзи симпо» 9 августа 1950 г., комментирующее вступление СССР в войну: *«Когда была сброшена атомная бомба на Хиросиму, военная группировка Японии еще продолжала сопротивляться, в то время как выступление Советского Союза заставило ее капитулировать... Таким образом, если судить по результатам, то именно действия Советского Союза в отношении Японии сыграли огромную роль в достижении мира»* [6, с. 232].

Эти две работы оставались единственными крупными исследованиями истории помощи СССР Китаю в канун и период Второй мировой войны. С началом в 1966 г. «культурной революции» в Китае исследовательская деятельность в этом направлении в силу понятных обстоятельств была практически свернута и на длительное время данная тема не получила дальнейшего развития в китайской историографии. Вновь к советско-китайскому сотрудничеству китайские историки вернулись уже в настоящее время. В 1995 г. народы мира отмечали 50-летие окончания Второй мировой войны. В рамках празднования этого знаменательного события проводились симпозиумы и конференции, на которых обсуждались и вопросы участия Красной Армии в завершающих операциях Второй мировой войны. Материалы этих мероприятий публиковались и в отечественных изданиях. Так в журнале «Россия и АТР» была представлена работа историка, директора Института России Цзилинской Академии общественных наук Го Яншуня «Славная страница» [11, с. 55–56]. В контексте антияпонской партизанской войны на Северо-Востоке Китая автор пишет о советской помощи в подготовке антияпонской объединенной армии, тесном сотрудничестве ее руководства с командованием Дальневосточного фронта в 1939–1945 гг. Не остались без внимания факты того, что в этот период на территории советского Дальнего Востока в Хабаровске проводились совещания главного руководства партийных организаций КПК и антияпонских партизанских отрядов, на которых обобщался опыт и уроки антияпонского партизанского движения в Северо-Восточном Китае, анализировалась обстановка, опреде-

лялась стратегия дальнейшей борьбы и вопросы сотрудничества с Дальневосточным фронтом (ДВФ). На совещании 24 января 1940 г. китайским партизанским руководством было решено принять посильную материальную помощь Красной Армии, а со своей стороны предоставлять ДВФ информацию о японской Квантунской армии в Северо-Восточном Китае. Советской стороной было выражено согласие о перемещении на территорию СССР отрядов антияпонской объединенной армии для обучения, переформирования и пополнения сил. Автор отмечает, что данное соглашение имело важное значение для дальнейшей антияпонской борьбы в последующие годы.

Автор статьи рассматривает организацию антияпонской объединенной армии, располагавшейся на территории Дальнего Востока СССР, взаимодействия с политическими и военными органами ДВФ и краев, снабжение продовольствием, боеприпасами, военную и политическую подготовку китайских партизан. Неоценимая помощь была оказана в формировании и переформировании китайских отрядов. Так летом 1942 г. руководство китайских отрядов на территории советского Дальнего Востока пришло к выводу о необходимости объединения бойцов двух лагерей, повышения уровня их военной и политической подготовки, воспитания из них политического и военного костяка будущей новой армии. Советское командование ДВФ в июле 1942 г. через начальника отдела внутренних дел Ван Синлиня передало свое согласие на переформирование отрядов Северного и Южного лагерей и оставшихся на территории Северо-Восточного Китая отрядов в одну бригаду. Формально бригада переходила под временное подчинение штаба ДВФ и носила наименование 88-й особой бригады Дальневосточного фронта [7, с. 232]. Однако внутри бригада сохраняла определенную самостоятельность антияпонской объединенной армии и свою организационную систему, решала самостоятельные боевые задачи, направляя небольшие отряды на партизанскую войну в Северо-Восточный Китай. С весны 1941 г. из состава бригады в Северо-Восточный Китай было направлено около 30 отрядов общей численностью до 300 чел. Помимо задач разведки и диверсионной деятельности эти отряды восстанавливали связь с антияпонскими отрядами на территории Китая, вели пропаганду с целью накопления антифашистских сил и т.п. Бригада, по сути, стала школой подготовки и воспитания квалифицированных командных кадров для расширения антияпонской борьбы. Командование ДВФ во время пребывания китайских бойцов на Дальнем Востоке оказывало всестороннюю организационную помощь в военном обучении: строевой, стрелковой и политической подготовке. Подготовка китайских бойцов осуществлялась по руководящим документам Красной Армии, а инструкторами по преимуществу были офицеры ДВФ, имевшие опыт партизанской войны в период Гражданской войны и интервенции 1918–1922 гг.

Го Яншунь детально рассматривает взаимодействие китайских бойцов с частями Дальневосточных фронтов в период советско-японской войны и подчеркивает, что успехи достигнутые антияпонской армией в Северо-Восточном Китае были бы невозможны без поддержки «...советского народа, ВКП(б) и Советской армии. Именно при бескорыстной их помощи она не только выдержала самый трудный период своего развития, но и собралась с силами для сокрушительного удара по врагу.... Это один из прекрасных примеров взаимной помощи китайского и советского народов в трудные минуты, светлая глава истории китайско-советской дружбы» [11, с. 61].

К сожалению молодых современных китайских историков в меньшей степени интересует тема советско-японской войны. Большой интерес вызывают проблемы миграции, экономики СССР, особенности советской модели социализма, анализ причин и уроков распада СССР. К теме о роли СССР в завершении Второй мировой войны на Тихом океане обычно обращаются по случаю крупных юбилейных дат. Одной из таких дат стала 60-я годовщина образования Китайской Народной Республики и установления дипломатических отношений между КНР и Россией. Этим двум событиям были посвящены круглый стол и ряд публикаций в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Китайская историческая наука была представлена статьей известного китайского ученого Чень Чжихуа [8, с. 141–152], раскрывающей основные направления изучения в КНР истории СССР после третьего пленума ЦК КПК 11 созыва в декабре 1978 г., снявшего запрет на исследование истории СССР. Автор анализирует содержание наиболее значимых, по его мнению, работ, охватывающих эпохальные периоды советской истории от Октябрьской революции и до распада СССР. Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения проблемы, Чень Чжихуа утверждает, что исследования истории СССР не носят ностальгический характер, а служат цели строительства социализма и проведению в Китае политики реформ и открытости. Становится понятным, почему среди множества исторических работ, изданных за последние тридцать лет в КНР лишь две монографии можно отнести к вынесенной в заголовок настоящей статьи проблеме – «Очерки истории китайско-российских отношений в 1917–1991 гг.» и «Исследование некоторых проблем в китайско-советских отношениях после Второй мировой войны – по архивным документам Китая и России» [9].

Не часто можно встретить и оценку роли СССР в завершении войны на Тихом океане в мемуарной литературе. В 1988 г. в Советском Союзе были изданы воспоминания героя китайской революции, выдающегося военного и политического деятеля, бывшего министра обороны КНР Пэн Дэхуая [4]. Книга составлена на основе множества документов и материалов, написанных Пэн Дэхуа по требованию «спецгруппы по расследованию» его дела в ходе «культурной рево-

люции». Естественно, находясь в тюрьме, автор мемуаров не мог по некоторым вопросам высказаться откровенно, вынужден был давать определенным событиям и лицам оценку, противоположную той, которой придерживался в действительности. Очевидно, по этой же причине в своих мемуарах он обходит вопрос о роли СССР в победе над Японией и той советской помощи, которая была оказана в войне корейского народа против США в 1950–1953 гг.

Редким исключением современной китайской историографии стала книга о помощи Советского Союза в антияпонской и советско-японской войнах 1945 г. «Воспоминания о победе», изданная в Китае в ознаменование победы над Японией на русском и китайском языках. Организатором издания книги, охватывающей все аспекты советской помощи Китаю в 1932–1945 гг. стала пресс-канцелярия Госсовета КНР [1].

В преддверие 70-й годовщины образования КНР в России было проведено несколько масштабных мероприятий. Так в рамках Восточного экономического форума 3 сентября 2019 г. была проведена Международная научная конференция «Исторические и современные аспекты взаимоотношений России и Китая в свете 70-летия образования КНР», открыта историко-документальная выставка, приуроченная к этому событию. На пленарном заседании и заседаниях секций конференции был рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся образования, экономики и культуры, политики и дипломатии. Однако при рассмотрении истории советско-китайских взаимоотношений практически не прозвучало ни одного слова о совместной борьбе против японского милитаризма. Исключение, пожалуй, может составить заявление исполнительного директора фонда «История отечества» К.И. Могилевского, который в своем докладе отметил, что будущий 2020 г. станет юбилейным в завершении Второй мировой войны, и предположил, что на очередном Восточном экономическом форуме следовало бы рассмотреть эти вопросы. Таким образом, не удивительно, что проблема фальсификации участия СССР в войне с Японией и вклад нашей страны в победу рассматриваются исключительно накануне юбилейных дат. Наши же бывшие союзники значительно чаще клеветают на Советскую Армию и советский народ, обвиняя в том, чего мы никогда не совершали.

Надо полагать, причинами того, что китайские историки не часто обращаются к рассматриваемой теме, стали следующие обстоятельства: во-первых, богатая самостоятельная история борьбы компартии Китая и Народно-освободительной армии за свою независимость в 1924–1949 гг., более интересная для исследователей и менее политизированная. Во-вторых, десятилетия конфронтации, когда в Китае был наложен запрет на исследования истории СССР и России, не могли не отодвинуть на второй план разработки этой проблемы. Более того, объективная оценка военного сотрудничества СССР и Китая

была просто опасна для авторов. В-третьих, за время «культурной революции» в Китае выросло новое поколение, воспитанное на других идеях и ценностях, не способное объективно оценить роль СССР в освобождении страны от порабощения. Именно поэтому в историографии Китая главное внимание обращено на исследование и описание событий на китайско-японском фронте борьбы. Война в Европе и, соответственно, Великая Отечественная война освещаются чаще всего лишь в той мере, в которой они оказывали непосредственное воздействие на ход боевых действий в данном регионе.

Список источников и литературы

1. Воспоминания о победе. – Пекин : Межконтинентальное издательство Китая, 2005. – 140 с.
2. Кравченко И. О фальсификации истории войны на Тихом океане // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 7. – С. 106–116.
3. Мао Цзэдун. Избранные произведения в 5 т. Т. 3. Пер. с китайск. – Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. – С. 332.
4. Пэн Дэхуай. Мемуары маршала / пер. с кит. А.В. Панцова, В.Н. Усова, К.В. Шевелева Под ред. М.Л. Титаренко. – М. : Военное издательство, 1988. – 384 с.
5. Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза / Пер с кит. А.В. и А.Ф. Котовых. Под. ред. В.Ф. Сорокина. – М. : Изд-во «Иностранной литературы», 1957. – 150 с.
6. Пын Мин. История китайско-советской дружбы / Пер. с кит. А.Ф. Котовой; под. ред. Г.А. Зверева.– М. : Изд-во «Социально-политической литературы», 1959. – 360 с.
7. Фронты, флоты, армии, флотилии периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Кучково поле, 2003. – С. 232.
8. Чжихуа, Чень. Три десятилетия изучения истории СССР в КНР (1978–2008 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. № 5. 2009. С. 141–152.
9. Шень Чжухуа чжубянь. Чжун Эгуанси ши ган 1917–1991. Синьхуа чубаньшэ. 2007; Шэнь Чжихуа, Ли Даньхуэй. Чжаньхоу Чжун Су гуанси жогань вэньти яньцзю. – Лайцзы Чжун Э шуанфан дэ даньань вэньсянь. Жэньминь чубаньшэ. 2006.
10. Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт – человек и политик. Новое прочтение. – М. : Международные отношения, 1981. – 414 с.
11. Яншунь, Го. Славная страница. Северо-восточная антияпонская армия и советский Дальний Восток // Россия и АТР. – № 3. – 1995. – С. 55–61.
12. Bulletin of History. 1949. No. 143. P. 30. Цит. по «Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией». – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.

13. David M. Glantz. August Storm: The Soviet 1945 Strategic Offensive in Manchuria. – Leavenworth Papers No. 7, Combat Studies Institute, February 1983/ Августовский Штурм: Советская стратегическая наступательная операция в Маньчжурии 1945 г.

УДК: 28:343. 326

К.П. Захаров, доцент кафедры философии и юридической психологии ВГУЭС, кандидат философских наук, доцент

ДИСКУРСЫ ВОЙНЫ И ДЖИХАДА КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Стремление к реализации исламского глобального проекта является одним из проявлений неоднозначного феномена «исламского возрождения». Показано, что стремление к воссозданию мирового исламского халифата в настоящее время неизбежно приводит к появлению риторики и практики сомнительного с точки зрения самого ислама воинствующего джихада, являющегося идеологическим прикрытием военных авантур исламских террористических организаций. Известная укоренённость религиозно-политического идеала исламского халифата в общественном сознании мусульман-суннитов является питательной почвой для чрезмерной политизации понятия джихада.

Ключевые слова: джихад, исламофобия, ислам, исламизм, исламский глобализационный проект, глобализация, исламоцентризм, исламское государство, исламское правление, исламское возрождение, исламский халифат, исламский модернизм, клерикализация, амбивалентность.

K. P. Zakharov, associate Professor of the Department of philosophy and legal psychology of VSUES, candidate of philosophy, associate Professor

DISCOURSES OF WAR AND JIHAD AS A CONDITION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE ISLAMIC GLOBAL PROJECT

The drive to implement the Islamic global project is one of the manifestations of the ambiguous phenomenon of "Islamic renaissance". It is shown that the desire to recreate the world Islamic caliphate now inevitably leads to the emergence of rhetoric and practice of islamically questionable militant jihad, which is the ideo-

logical cover of the military adventures of Islamic terrorist organizations. The well-known rooting of the religious and political ideal of the Islamic caliphate in the public consciousness of Sunni Muslims is a breeding ground for the excessive politicization of the notion of jihad.

Keywords: Jihad, Islamophobia, Islam, Islamism, Islamic Globalization Project, Globalization, Islamophobia, Islamic State, Islamic Rule, Islamic Revival, Islamic Caliphate, Islamic Modernism, Clericalization, Ambivalence.

В современный период традиционными для теоретиков Запада являются стремление представить ислам как средоточие жестокости, варварства и отсталости, показать, что ислам органически связан с войной. Распространённость подобных взглядов безусловно является продолжением в современных условиях европоцентристской позиции и способствует усилению исламофобии на Западе, несмотря на то, что по мнению самих исламских исследователей, «...доминирующий в западной мысли дискурс об исламе негативен и необъективен» [8, с. 174]. В настоящее время настороженное отношение к исламу заметно усиливается и по причине нарастания миграционных потоков в Европу, создающих для европейцев большие проблемы, однако педалирование темы войны в значительной степени инициировано и событиями последних лет, происходящими в самом исламском мире.

После победы исламской революции в Иране в 1979 году всё более осознаётся тот факт, что проблема особой исламской идентичности становится теперь не только чисто теоретической проблемой, смещаясь в практическую плоскость, а тема исламского возрождения оказывается в центре общественного внимания в исламском мире. Можно спорить о том, в какой степени исламское возрождение в полной мере соответствовало гуманистическому вектору развития современного человечества, однако противоречивость современных модернизационных процессов, нашедшая своё наиболее яркое проявление именно в исламском мире, не придаёт уверенности в том, что происходящая модернизация всех сторон жизни исламского сообщества уже окончательно превратилась в необратимую реальность, одновременно сопровождаясь заметным прогрессом в понимании универсальности человеческого достоинства.

В настоящее время для исламского мира характерно ярко выраженное стремление связывать исламское возрождение с возвратом к истокам веры, усилением клерикализации общества. Образы модернизации, представленные левыми политическими силами, в том числе и представителями социалистической ориентации, уже давно потерял популярность. Между тем, само развитие исламского сообщества за последние десятилетия наглядно демонстрирует свою амбивалентность. Убеждённость в особой плодотворности прежде всего

религиозного, а не научно-рационального сознания, привела к деформациям и перекосам в процессе реализации культурного потенциала общественного развития. Осознание скромности достигнутых за последние десятилетия результатов, появление общественных настроений разочарования в контексте изначально больших ожиданий, характерных, например, для многих стран арабского мира, в значительной мере способствовали активизации народных выступлений в период недавней арабской весны, заставляя усомниться в плодотворности односторонней исламизации общества в условиях растущей социальной дистанции между различными слоями населения.

Аналогичные настроения несбывшихся ожиданий стали проявляться и в процессе осмысления хода исламского возрождения на Северном Кавказе. Вызывает большое сомнение, что массовое увлечение правоверием окажет долгосрочное благотворное воздействие на культурный прогресс общества, став на самом деле фактором роста нетерпимости и фанатизма. Как отмечает дагестанский исследователь М.Я. Яхьяев, «неопровержимым фактом является то, что с ростом количества религиозных учреждений и организаций, повышением уровня религиозности населения за два последних десятилетия произошла духовно-нравственная деградация как всего северокавказского общества, так и каждой отдельной личности» [7, с. 518]. Характерной особенностью этого российского региона стал резкий рост влияния салафизма, сопровождающийся снижением популярности традиционного ислама, что также способствует нагнетанию конфронтационных настроений, сохранению психологии военного лагеря. Стремление найти и воплотить в жизнь чисто исламский путь развития таит в себе значительную неопределённость и потенциальную опасность для всего мирового сообщества.

Ярким примером демонстрации воссоздания исламской модели общественной жизни является ускоренная исламизация общества посредством установления тотального шариатского правления. Этот процесс, инициированный международными террористическими организациями Талибан, Аль Каида и «Исламское государство» проводился под флагом джихада, и прежде всего военного. Преступная практика этих организаций стала одним из ликов болезненной трансформации исламского возрождения, проводимого под лозунгом воплощения в жизнь принципов «исламского правления». А опыт «Исламского государства» вообще представляется беспрецедентным, став уникальным примером воплощения исламского глобального проекта и проведения самой радикальной исламской революции.

Организация «Исламское государство» сумела собрать под своими знамёнами самых разношерстных участников, в том числе массово прибывших и из России. По выражению известного отечественного исследователя А.И. Неклес-

сы, эту террористическую организацию можно сравнить со своеобразным «антропологическим пылесосом», способствующим формированию специфических сообществ в определённых местах нашей планеты. С точки зрения этого учёного, подобное социальное образование оказалось в определённом смысле необходимым для идентификации лиц, противостоящих культуре модерна, и призванного в определённой мере разгрузить цивилизационное пространство и территории от действующих и потенциальных деструкторов [6, с. 266].

Воссозданный халифат запятнал себя масштабными преступлениями против человечности, став воплощением антигуманизма, дикости и варварства. Религиозно-политический проект «Исламского государства», синтезирующий основные идеи консервативно-традиционалистского и радикально политического исламоцентризма, наглядно показал свою реакционную сущность и политическую несостоятельность. Среди многих исламистов деятельность «Исламского государства» получила крайне негативную характеристику и в значительной степени способствовала дискредитации самой идеи исламского халифата в глазах мирового сообщества. Одновременно, была брошена очередная одна тень на ислам, предпочитающего позиционировать себя в качестве религии мира и справедливости. Сейчас понятия жестокой преступной войны, ведущейся вне всяких рамок человечности, ассоциируется именно с организацией «Исламское государство», стремящейся облагородить ведущуюся ею войну со всем цивилизованным миром, отождествив её с джихадом.

Хотя феномен войны осмысливалось в исламе уже издавна, однако проблема соотношения понятий джихада и войны является по-прежнему актуальной. Своё первоначальное систематическое выражение правовое регулирование феномена войны в исламе находит в рамках правовой традиции ханафизма, рассматривающего войну в качестве продолжения политики. Как отмечает современный турецкий богослов Ахмет Гюнеш, за основной постулат осмысления феномена войны в ханафизме было положено положение о неприкосновенности жизни, чести и имущества человека, которое распространяется и на немусульманина. [4, с. 48] Хотя международные отношения с иноверцами, согласно первоначальному исламу, должны строиться в целом на военной основе, однако приоритетным всё же является стремление к миру.

С точки зрения современного турецкого теоретика Али Булача, необходимо проводить разграничение между войной как проблемой международного права и джихадом, имеющим более широкий смысл. Хотя основоположники ханафизма и относят джихад к области государственных полномочий, однако при этом не подразумевается, что государство должно придерживаться политики «перманентной революции» или же борьбы со всем миром как в случае немецкого нацизма [3, с. 122]. Ислам не претендует на «исламизацию всего

мира. Первопричиной войны не является приобщение к исламу немусульман [3, с. 129].

Правовое регулирование необходимых правил ведения войны, проведённое на основе ряда аятов Корана, призвано способствовать исключению всех проявлений дикости, излишней жестокости, издевательств и глумления над врагами. С точки зрения А. Гюнеша, образцом мудрости военной политики следует рассматривать военные кампании самого пророка Мухаммеда. На основе анализа количественных оценок, сделанных в своё время профессором М. Хамидуллахом, А. Гюнеш подчеркнул, что при жизни Мухеммеда, проводившем войны в течении ряда лет, со стороны мусульман героически погибло примерно сто пятьдесят человек, а со стороны вражеских сторон соответственно всего около двухсот пятидесяти [4, с. 57].

Между тем использование понятия джихада, несмотря на кажущуюся ясность разделения разных уровней толкования, продолжает сохранять известную неопределённость ситуативных трактовок, чем не преминули воспользоваться исламистские теоретики. Трактовка джихада, представленная в концепции одного из духовных лидеров международной организации «Братья мусульмане» Сейида Кутба, ныне стала вновь популярной у современных джихадистов, в том числе и на Северном Кавказе. При этом этот исламский идеолог развивает положение о том, что исламский джихад – явление совершенно иного порядка, чем обычная война, и не имеет никакого отношения к современной войне – ни в том, что касается причин ее возникновения, ни в способах ее ведения [11].

С. Кутб обращает внимание на то, что многие современные идеологи ислама, взяв на вооружение неправильный лозунг: «Ислам допускает только оборонительную войну», стали на деле проводниками пораженческой идеологии. Но оборону, как считает исламский теоретик, нельзя считать подлинной целью исламского движения, а потому и защита земли ислама не может быть действительным предназначением движения исламского джихада. Основной целью, ради которой ислам прибегает к джихаду, является окончательное освобождение человека на всей земле. Миссионерская роль ислама предполагает его распространение на всю планету. Ислам хочет создать мир путем воцарения на всей земле.

По мнению С. Кутба, ислам имеет полное право самому брать в руки инициативу и начинать вооруженную борьбу с обществами джахилии, т.е. с теми обществами, где система власти строится на принципах господства над людьми и отрицания человеческой свободы. Новая система, которую стремится создать ислам, обязательно включает в себя и исламское государство, призванное, как считает С. Кутб, в полной мере воплотить принципы хакимийи.

Именно на привлекательность политической риторики джихада возлагают особые надежды современные радикальные исламисты, стремясь ускорить про-

цесс воплощения в жизнь своей стратегической цели создания мирового халифата. Халифат рассматривается ими в качестве всемирного исламского государства, объединяющего всех мусульман.

Таким образом, современный исламский радикализм фактически стремится растворить понятие войны в понятии джихада. Этим самым под лозунгом необходимости джихада открывается путь оправдания самых страшных преступлений против человечества. При этом абсолютизация понятия джихада, риторика вокруг которого теперь подчинена стратегической цели построения мирового халифата, приводит к ситуативному смещению различных смысловых слоёв этого понятия, где чётко уже не разделяется его символический смысл и реальные возможности использования. Даже среди достаточно умеренных исламистов распространена точка зрения, что халифат должен быть построен до Судного дня и иметь специфически земное, собственно политическое содержание [14].

Сейчас вряд ли можно говорить о каком-то общем, общепризнанном в мировом исламизме способе претворения в жизнь исламского глобального проекта. С точки зрения известного исламиста Калима Сиддыки, сам акт провозглашения Исламского государства должен быть итогом длительного процесса исправления в среде тех, кто «потерял путь» в Исламе. По мнению этого исламиста, в рамках суннитской традиции этот процесс исправления до сих пор практически ещё не начался [12]. Вряд ли подобная ситуация серьёзно изменилась по происшествии трёх последних десятилетий.

Провозглашение мирового халифата «Исламским государством» стало неожиданностью для мирового исламского духовенства. В открытом письме лидеру ИГИЛ аль-Багдади, составленном видными шейхами и духовными авторитетами из ряда университетов исламского мира в 2014 году, подчёркивается, что джихад может объявляться только посредством предварительного коллективного согласия; джихад не используют в борьбе против самих мусульман, что стало обычной практикой «Исламского государства». Провозглашение халифата без достигнутого консенсуса мусульманской уммы в целом, без согласия представительной шуры также безоговорочно осуждается, поскольку грозит опасностью чрезмерного расширения практики самовольного провозглашения халифата в разных регионах распространения ислама [9]. По мнению отечественного исследователя Г.Р. Балтановой, общие доводы авторов письма прямо приводят к общему выводу о том, что возрождение халифата невозможно не только в политическом, но даже в духовном смысле. Халифат представляется не столько в качестве рациональной, а прежде всего эмоциональной конструкции [1, с. 123]. А с точки зрения известного исламоведа З.И. Левина, даже гипотетическая возможность возрождения халифата в обновленческом салафизме представляется маловероятной; главным в идее халифата является не

возрождение специфической государственности, а достижение духовного единства мусульман [5, с. 174–175].

Вместе с тем, складывается впечатление, что здесь трудно ограничиться пониманием идеи халифата лишь только в качестве эмоционально насыщенного воображаемого образа, не имеющего никакого отношения к реальной действительности. Очевидно, что не нужно смешивать террористическую организацию «Исламское государство», которая устойчиво ассоциируется с тотальным террором, и саму идею исламского халифата, выступающую в качестве религиозно-политического идеала. Идея мирового халифата откровенно пугает Запад, вызывая одновременно и крайне негативное отношение к джихадистской аргументации. Однако в исламском мире многие сунниты по-прежнему продолжают себя считать приверженцами модели халифата.

Когда идея исламского халифата становится предметом публичного обсуждения, задавая направление определённой дискурсивной практики, важно учитывать социокультурные контексты функционирования идеологем, изучение которых в своё время начал ещё М. Фуко. Важно понимать, что хотя ислам и предпочитает представлять себя в глазах мировой общественности в качестве религии мира, человеколюбия и добра, однако характер и направленность дискуссий, проводимых вокруг идеи исламского государства в разных социокультурных условиях – на Западе и в исламском мире – вряд ли может быть одинаковы. В исламском мире привлекательность идеи исламского государства, как правило, не оспаривается, хотя при этом не следует подменять понятие исламского государства понятием исламского халифата как единого мирового государства мусульман. Однако парадоксальным представляется тот факт, что образ мирового халифата по-прежнему продолжает сохранять свою привлекательность, несмотря на варварский характер реализации этого проекта в деятельности организации «Исламское государство».

Для объяснения сохраняющейся популярности идеи халифата можно обратиться к результатам исследований известного западного мыслителя Жака Деррида, попытавшегося осмыслить мир общественных идеалов в контексте развиваемой им философии «следа».

В своей работе «Призраки Маркса» Ж. Деррида сравнивает идею коммунизма, распространившуюся в своё время в Европе, со своеобразным «призраком» общественного сознания, имеющим форму временного бытования «от всегда уже прошедшего в проекциях будущего». Подобные «призраки» воплощают в себе тенденцию к актуализации массовых ожиданий возвращения к жизни феноменов, уже утраченных и кажущихся умершими. Эти призрачные образования обозначают эмоционально-психологические составляющие общественного сознания масс, связанные с возрождением каких-то остаточных ду-

ховных следов в контексте направления «от смерти к жизни». «Призраки», олицетворяющие собой следы каких-то иных, более первичных следов прошлого, присутствуют в настоящей жизни, воспроизводя при этом иллюзии катастрофических ожиданий окончания привычной общественной жизни и массовые мессианские настроения. Феномен «призрачности», по Деррида, превращаясь посредством вербальных коммуникаций в дискурсивный общественный феномен, генерирует состояния оплакивания, производя при этом различные явные и неявные трансформации, касающиеся и духовной сферы общества. С точки зрения французского исследователя, т.н. логика «призрачности», включающая в себя определённую телеологию и эсхатологию, заслуживает самого внимательного изучения [10].

Можно провести определённую аналогию между способами представленности идеи коммунизма и идеи исламского халифата в общественном сознании. Образ когда-то ушедшего халифата времён первых четырёх праведных халифов, стимулирующий создание соответствующей эмоционально-психологической атмосферы, способствует порождению самых разных ожиданий и надежд у современных мусульман, выступая в качестве своеобразного призрака общественной психологии исламского общества. Современными исламистами внушается мысль, что идея всемирного халифата призвана стать фактором интеграции исламского мира, приобретая тем самым образное значение «дома всех мусульман». Идеал халифата становится регулятивной целью общественной и духовной жизни, порождая при этом соответствующие эсхатологические ожидания. Утверждается, что хотя халифат и является конкретным социальным явлением определённого отрезка истории, однако он всегда был духовно связан с исламом, выступая в качестве его неотъемлемого символа. Исламисты утверждают, что ислам не может быть полон без представления о халифате как конечной цели социальных устремлений и как непреходящей сакральной ценности. «Халифат как духовная политическая связь мусульман Земли не может прерваться никогда, однако не всегда духовная составляющая находит свое выражение в государственности в реальности. Халифат как праведное государство является высшим императивом мусульманина, чтобы мусульмане могли жить под богоданной властью мира ислама» [13]. Вполне понятны тогда причины известной устойчивости этого религиозно-политического идеала, коренящиеся в его духовно-символической природе.

В настоящее время вряд ли возможно создание мирового халифата как полноценного государственного образования. Однако нужно учитывать, что предпринятая «Исламским государством» попытка воссоздания халифата в условиях современности вызвала несомненный интерес в исламском мире, хотя и была повсеместно осуждена. Можно с уверенностью предположить, что в мусульман-

ском мире тенденция представлять образ халифата самым желаемым символом светлого будущего будет сохраняться. Идеи ислама и халифата в сознании многих мусульман образуют нерасторжимое единство, хотя реформаторский ислам начала XX века акцентировал внимание прежде всего на историческом смысле феномена халифата, а не в качестве желаемой модели будущего.

Можно предположить, что окончательная дискредитация идеи всемирного исламского халифата на данном историческом этапе представляется невозможной. Даже практика массовых убийств мирного населения и геноцида, обычная для организации «Исламского государства» и безоговорочно осуждаемая многими сторонниками идеи всемирного халифата, пока не в состоянии окончательно низвергнуть этот идеал. Утверждения, что «Халифат вечен как сам Аллах для мусульман и ничто не может уронить Халифат» [14], представляются достаточно типичными для исламиста. Отечественные исследователи В.П. Бранский и С.Д. Пожарский отмечают, что, «... ни один идеал не может быть реализован (даже частично) без тех или иных жертв и жертвоприношения; для воплощения идеала в действительность жертва столь же необходима, как необходим эксперимент для установления истины в науке... [2, с. 59–60]. Другое дело, что совсем не праздным сейчас становится вопрос о том, каков тот масштаб приносимых жертв, который может быть допустим во имя достижения идеала? Здесь нет готового ответа.

Среди исламских исследователей распространено мнение, что именно практика вестернизации и современные новейшие социально-политические теории всячески способствуют новой колонизаторской политике Запада в отношении исламского мира, носящей сейчас во-многом замаскированный характер [8, с. 174–176]. Данный процесс «западнизации» чреват опасностью утери приоритетной значимости исламских ценностей в жизни народов, исповедующих ислам, поэтому исламистские круги всегда стоят перед соблазном активного противодействия западному влиянию, радикализации исламского проекта. Тем не менее, вполне правдоподобными кажутся представления о важности духа рационализма как неотъемлемой составляющей идеологии модернизации, актуальной для исламского мира, способного ограничить пропаганду обыденности войны как фактора, сопровождающего жизнь исламского общества. Есть надежда, что джихадизм как определённая религиозно-политическая насильственная практика и способ публичной политической мобилизации сойдёт на нет. Однако было бы преждевременным полагать, что процесс гуманизации образа жизни в исламском мире уже носит необратимый характер, а повседневность военно-конфронтационной психологии уже осталась в прошлом. Это в полной мере относится и к Северному Кавказу РФ, где политизация джихада остаётся пока реальностью. Силовое и политическое противодействие экстре-

мистским группам необходимо дополнить усилением идеологической борьбы с радикальным исламизмом, что особенно актуально для отдельных регионов России. Нужно стремиться к тому, чтобы агрессивные и нереалистические пан-исламистские идеологемы теряли свою привлекательность для мусульман.

Список источников и литературы

1. Балтанова Г.Р. «Открытое письмо» лидеру исламского государства // Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общ. ред. А.М. Васильева, отв. ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишкина. – М. : ЛЕЛАНД, 2016. – 344 с.

2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб. : Политехника, 2004. – 395 с.

3. Али Булач. Джихад // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников. Сост. Эргюн Чапан, перевод с турецкого. М. : ООО «Издательство Новый Свет». 2005. – 176 с.

4. Ахмет Гюнеш. Некоторые размышления относительно понятия войны в исламском праве // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников. Сост. Эргюн Чапан, перевод с турецкого. М. : ООО «Издательство Новый Свет». 2005. – 176 с.

5. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. – М. : Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2015. – 240 с.

6. Неклесса А.И. Битва за будущее: социальная вселенная переживает транзит в нестационарное состояние // Арабский кризис: угрозы большой войны / Под общей ред. А.М. Васильева, отв. Ред. А.Д. Саватеев, А.Р. Шишктна. – М. : ЛЕЛАНД, 2016. – 337 с.

7. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общей ред. Р.Г. Абдулатипова, А-Н.З. Дибирова. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2015. – 600 с.

8. Хасан Шамсини Гийасванд, Хуршид Наджаф Джуйбари. Анализ исламского неофундаментализма и глобализации идентичности. // Исламофобия.: сб. статей / пер. с перс. Дж. Мирзоева; ре. Сост. М. Аль Джанаби. – М. : ООО «Садра», 2016. – 204 с.

9. [Электронный ресурс] URL: www.lettertobaghdadi.com

10. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал [Электронный ресурс] URL:<https://predanie.ru/jacques-derrida/book/217532-prizraki-marksa-marks-i-synovuя> / (дата обращения 06.12.2019).

11. Сейид Кутб. Война, мир и исламский джихад [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad> (дата обращения 06.12.2019)

12. Калим Сиддыка. Процессы заблуждения, отклонения, исправления и сближения в исламской политической мысли. [Электронный ресурс] URL: <https://gluraba.livejournal.com/29515.html> / (дата обращения 06.12. 2019).

13. Пашков Р.В. Исламский проект. [Электронный ресурс] URL: <https://constitutions.ru/?p=11157> / (проверено 06.12 2019)

14. Пашков Р.В. Основной низам Второго халифата (третья редакция) [Электронный ресурс] URL: worldconstitutions.ru/?p=632 / (дата обращения 06.12. 2019).

УДК 947.084:356.132(571.6) «1939/1941»

Б.Б. Кондратенко, старший лаборант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения

ОХРАНА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖЕЙ СССР В 1938–1941 гг.

В данной статье рассмотрены процессы охраны государственной границы СССР на Дальнем Востоке. Проанализирована военно–политическая обстановка на Дальневосточных рубежах СССР. Представлен процесс перестройки и поиск новых методов охраны границы. В работе приводится статистический материал отражающий численность погранвойск их качественный состав, проблемы с которыми столкнулись пограничники и методы их решения. Приводится заключение о роли воинов пограничников в начальный период Великой Отечественной войны Российской академии наук.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальний Восток СССР, пограничные войска НКВД СССР, пограничный округ, застава, силы сторон, Красная армия, пограничный отряд, приграничная территория, военно-политическая обстановка.

B.B. Kondratenko, senior laboratory assistant of the Department of history of the Far East of Russia, Institute of history, archaeology and Ethnography of Far East peoples, Far East branch

PROTECTION OF THE FAR EASTERN BORDERS OF THE USSR IN 1938–1941

This article considers the processes of protecting the state border of the USSR in the Far East. The military-political situation on the Far Eastern borders of the USSR has been analyzed. The process of restructuring and the search for new methods of border protection is presented. The work contains statistical material reflecting the number of border forces their qualitative composition, problems encountered by border guards and methods of their solution. The conclusion on the role of soldiers of border guards during the initial period of the Great Patriotic War of the Russian Academy of Sciences is given.

Key words: Great Patriotic War, Far East of the USSR, border troops of NKVD of the USSR, border district, stand-off, forces of the parties, Red Army, border detachment, border territory, military-political situation.

В 1920–30-е гг. Япония начинает реализовывать планы по захвату Азии. В 1931 г. после оккупации Манчжурии, Япония оказалась в прямом пограничном соприкосновении с Советским Союзом этот фактор увеличил уровень военной опасности на границах. Начинается разработка военных стратегий оккупации Дальнего Востока [2, с. 38]. В 1930-е гг. было зафиксировано 15 крупных нарушений морской границы СССР. Они сопровождались вторжением в территориальные воды СССР военных кораблей. Произошли сухопутные пограничные конфликты. Итогом провокационных действий стал пограничный конфликт на о. Хасан.

Пограничные конфликты имели цель проверить прочность охраны рубежей, как быстро оперативно будут отражаться возникающие угрозы. После 1938 г. на сопредельной территории Дальневосточного участка границы СССР дислоцировалось 49 японских пехотных дивизий, которые занимали хорошо укрепленные территории. В 1941 г. были усилены отряды пограничной полиции Манчжурии, были выстроены ДЗОТы, ДОТы, и прочие оборонительные укрепления. В связи с этим снижается провокационная деятельность и усиливается разведка. Этому свидетельствует о том, что из 755 задержанных нарушителей границы 570 являлись разведчиками и агентами Японской стороны.

Целью разведки являлось выявление дислокации крупных воинских формирований пограничных войск и Красной Армии. Шло строительство автомобильных дорог стратегического назначения с каменным и бетонным покрытием,

подземных военных городков и артиллерийских складов, расширились аэродромы. Протяженность построенных дорог за 1941 г. составила 450 км. 800 км были капитально отремонтированы. [Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦПА ФСБ РФ), л. 4]. Помимо военно-подготовительных мероприятий, велась антисоветская деятельность через общества «Се-Хе-Ху» и «Российский Фашистский Союз» (РФС), деятельность этих организаций заключалась о внушении идеи необходимости захвата Советского Дальнего Востока и Сибири, подготовкой антисоветской литературы которая забрасывалась в приграничье СССР [ЦПА ФСБ РФ, л. 5].

Пограничным войскам в таких условиях предстояло решать задачи по сдерживанию японской военной угрозы и не допустить перерастание пограничных столкновений в конфликты, которые могли развиваться до полномасштабных боевых действий. Пограничники постоянно пресекали нарушения гос. границы СССР. Больше всего нарушений происходило на участке Приморского погранокруга НКВД СССР [3 с. 125]. Нарушения были направлены на отчуждение советской территории. В 1939 г. на участке Приморского погранокруга НКВД СССР произошло две крупных провокации, они были направлены на отчуждение советской территории расстоянием до 500 м. вглубь. Японские военные успевали выставить проволочные заграждения и занять оборону расположив в засаде до 1000 пехотинцев которые держали оборону при наступлении пограничного наряда.

Хасанские события повлияли на развитие пограничных войск. В 1939 г. В структуре НКВД произошли изменения, выделилось Главное управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД в состав управления входили пограничные округа которые делились на отряды, заставы и комендатуры. [4, с. 181] Пограничные войска разделялись на сухопутные и береговые силы, от этого критерия зависела численность соединения. Накануне войны личный состав пограничных войск увеличился на 50,5 тыс. чел., на 22 июня 1941 г. в состав погранвойск выходило 168 тыс. чел. 18 пограничных округов, 102 сухопутных и морских пограничных отряда, 365 пограничных комендатур, 1747 линейных и 153 резервных пограничных застав, 439 береговых поста, 76 маневренных групп, 98 контрольно-пропускных пунктов, 14 отдельных подразделений подчинявшихся Главному управлению пограничных войск, и другие более мелкие формирования [1, с. 128,129]. В таком составе пограничники вели служебно-боевую деятельность до 22 июня 1941 г. После начала Великой Отечественной войны Западные пограничные округа сменили свои основные задачи и вошли в состав фронтов Красной армии. На Дальнем востоке пограничники по прежнему охраняли границу.

На Дальневосточной границе дислоцировалось два пограничных округа которые насчитывали в своем составе 24000 чел. [ЦПА ФСБ РФ, л. 6]. До начала Великой Отечественной войны граница охранялась по результатам оперативного

наблюдения, Основным видом пограничного наряда являлся дозор, также выставлялись секретные посты. Большое внимание в организации пограничной охраны уделялось тыловым направлением. После начала Великой Отечественной войны наряды стали высылаться не менее 3 чел., с изменением обстановки на удаленные фланги и особо сложные участки границы, высылали усиленные пограничные наряды численность до 10 чел. Что соответствовало численности отделения тревожной группы, которая предназначалась для усиления участка границы в результате возникновения тревожной ситуации. Это обстоятельство привело к сокращению плотности охраны границы, стала проявляться нехватка кадров. Для решения нехватки кадров и увеличения плотности охраны границы стали привлекать местное население которое сосредотачивалось в силы содействия. Пограничников которые охраняли водный участок границы, в зимнее время переводили на сухопутные рубежи. К зиме 1941 г. такие меры позволили уравнивать плотность охраны границы [ЦПА ФСБ РФ, л. 8]. Для повышения безопасности в приграничную территорию были передислоцированы войска Красной Армии. Эти меры дали ожидаемый результат, увеличение войск создало эффект массы воинских формирований. Пограничникам этот фактор прибавил работы. Теперь им приходилось следить в приграничной полосе и за войсками Красной армии. Доводить до сведения правила передвижения и поведения в пограничной зоне [ЦПА ФСБ РФ, л. 7]. В Приморье в течении июня-июля были зафиксированы крупные нарушения режима охраны государственной границы. 12 июля 1941 г. на участке Хасанского пограничного отряда выставили проволочные заграждения на 75 м. вглубь советской территории и заняли оборону. Данные действия были направлены на отчуждение советской территории, пограничный наряд вышедший утром на охрану границы вытеснил японских провокаторов. Особенно сложными участками границы являлся Ханкайский, Гродековский и Хасанский. На этих участках происходили регулярные нарушения границы сопровождавшиеся провокационными действиями.

Охрана Дальневосточного участка государственной границы СССР проходила в напряженных геополитических условиях. Это обстановка носила тонкую грань между миром и войной. Сохранить мир являлось главной задачей пограничных войск. Пограничники не поддавались на провокации сопредельной стороны. В целом обстановка на Дальневосточных рубежах была относительно стабильной в том плане что действия сопредельной стороны были предсказуемы. В годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке СССР сложится своя школа подготовки кадров для охраны границы. Специалисты подготовленные на Дальнем Востоке после освобождения Западных рубежей отправилась налаживать там заново охрану границы.

Список источников и литературы

1. Корольков И.А. История становления защиты и охраны границ Отечества. – Голицино : ГПИ ФСБ России, 2011. – 227 с.
2. Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбароса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. – М. : Вече, 2011. – 384 с.
3. Смирнов А. Г. Тихоокеанский рубеж. Из истории охраны границы России в Приморье и на Тихом океане. – Владивосток : Русский Остров. 2004. – 336 с.
4. Терещенко В.В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2013. – № 6 (122). – С. 181–187.

УДК 94(47)

О.В. Коновалова, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, доктор исторических наук

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В.М. ЧЕРНОВА О РОЛИ СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассматривается эволюция взглядов идеолога и теоретика партии социалистов-революционеров В.М. Чернова на роль СССР во Второй мировой войне. Обращается внимание на воздействие идеологических факторов, событий войны на трансформацию взглядов эсера. Анализируются оценки Черновым пакта Молотова-Риббентропа 1939 г., причин поражения Красной Армии на первом этапе войны и т.п. Подчеркивается, что наиболее объективная оценка давалась лидером эсеров в период 1941–1943 гг. Затем воззрения Чернова эволюционировали резко «вправо» и он перешел на ярые антисоветские позиции.

Ключевые слова: В.М. Чернов, политическая эмиграция, Вторая мировая война, пакт Молотова-Риббентропа.

O.V. Konovalova, Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of the Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of historical Sciences

EVOLUTION OF V. M. CHERNOV'S IDEAS ABOUT THE ROLE OF THE USSR IN THE SECOND WORLD WAR

The article considers the evolution of the views of the ideologist and theorist of the party of socialists-revolutionaries V. M. Chernov on the role of the USSR in the Second world war. Attention is drawn to the impact of ideological factors, the events of the war on the transformation of the views of the SR. The author analyzes Chernov's assessment of the Molotov-Ribbentrop Pact of 1939, the reasons for the defeat of the red Army at the first stage of the war, etc. it is emphasized That the most objective assessment was given by the leader of the SRS in the period 1941-1943. Then Chernov's views evolved sharply "to the right" and he moved to ardent anti-Soviet positions.

Key words: V. M. Chernov, a political emigration, the Second world war, the Molotov-Ribbentrop Pact.

Полемика о роли СССР во Второй мировой войне насчитывает столько же лет, сколько прошло со времени начала войны. Упрощенная трактовка причин развязывания этой мировой трагедии, порой усматриваемой исключительно с подписанием пакта Молотова – Риббентропа 1939 г., вновь и вновь вызывает стремление исследователей прояснить механизмы вызревания мировой катастрофы. В этой связи представляет научный интерес изучения эволюции взглядов на роль СССР во Второй мировой войне одного из ярких представителей российской социалистической эмиграции, идеолога неонародничества В.М. Чернова, который являлся не только современником происходящих событий, но и весьма критически оценивал происходившие процессы в СССР.

Он покинул Россию в сентябре 1920 г., проживал в Прибалтике, в апреле 1922 г. переехал в Берлин, а затем в конце 1923 г. в Прагу. Приход национал-социалистов к власти в Германии и политика Гитлера по отношению к Австрии и Чехословакии непосредственно коснулись и эсеровской эмиграции. Угроза оккупации Чехословакии вынудила Чернова осенью 1938 г. покинуть Прагу и переехать в Париж. Оттуда 21 июня 1941 г. он эмигрировал в США. Нью-Йоркской группе эсеров с 1941 г. удалось организовать издание политического журнала «За свободу», где нашли отражение взгляды Чернова по ключевым аспектам истории Второй мировой войны [4].

После нападения Германии на СССР среди представителей российской политической эмиграция в Европе и США распространялись порой полярные

взгляды: одни поддержали оккупантов, рассматривая их как освободителей страны от коммунистической тирании, другие безоговорочно сочувствовали коммунистической власти в этот период тяжелых испытаний. Ситуация политического выбора для оказавшихся в Нью-Йорке членов эсеровской партии осложнялась их категорическим неприятием сталинской диктатуры [7; 8].

Советско-германский договор о ненападении вызвал категорическое неприятие со стороны эсеров. Большая часть эсеровской эмиграции придерживалась мнения, что пакт сыграл решающую роль в развязывании войны. Подписание договора о ненападении позволило Гитлеру, заручившись поддержкой России, начать войну в Европе, не опасаясь борьбы на два фронта [8].

Чернов первоначально в таком же духе весьма тенденциозно оценивал шаги советской дипломатии по созданию антигитлеровской коалиции, предпринимавшиеся до заключения пакта с Германией, называя их не иначе как «сплошной комедией, маскировкой», «контрразведочной провокацией». На самом деле истинным стремлением Сталина, с точки зрения Чернова, было заключение договора с Гитлером, так как это отвечало их обоюдным притязаниям на мировое господство и подкреплялось однотипностью политических режимов в СССР и фашистской Германии. В результате, по словам лидера эсеров, «на мировую арену выступила новая коалиционная сила: фашиобольшевизм» [3, в. 391, f.5].

Однако нападение Германии на Советский Союз заставило Чернова пересмотреть свои оценки. Он уже вынужден признать, что причиной, которая толкнула Сталина к заключению договора с Германией, была двурушническая политика по отношению к СССР Англии и Франции. Ярким свидетельством умиротворения Гитлера со стороны этих держав стала Мюнхенская сделка. Уступка Гитлеру Чехословакии, считал Чернов, явилась доказательством того, что задачи своей безопасности они были намерены решать за счет славянского мира. «Надо раз навсегда понять, – утверждал эсер, – что этот исторический выкидыш злосчастного Мюнхена ... во всем славянском мире был понят (да и не мог быть понят иначе) как сепаратный мир англо-французского блока с державами «оси» за счет всего славянства и, значит, в том числе – за счет России». Кроме того, тот факт, что СССР не был приглашен в Мюнхен, лишней раз подтверждал, что западноевропейские лидеры не воспринимали Советский Союз как равноправного партнера в международной политике. «Не один Сталин, – подчеркивал Чернов, – а любое другой правительство, которое могло бы быть на его месте, не осталось бы равнодушным к этому согласию западных держав скинуть Россию со счетов, считать ее как бы вне Европы и лишить ее всякого голоса при решении общих судеб славянства» [3, в. 391, f.18].

Признав, что заключение советско-германского пакта было вынужденной необходимостью, Чернов, подводя итог размышлениям об ответственности за

развязывание второй мировой войны, пришел к однозначному выводу: «Сомнений нет – моральная ответственность за вторую мировую войну целиком лежит на плечах германского нацизма». Однако косвенно, по мнению лидера эсеров, в этом повинно и советское руководство, пойдя на заключение советско-германского договора, оно тем самым позволило Гитлеру, не опасаясь войны на два фронта, «пуститьсь в сумасшедшую авантюру» [3, b. 386, f.10].

Внезапность и стремительность гитлеровского нападения на СССР резко изменили расстановку сил в международных отношениях. По мнению Чернова, с нападением Гитлера на Россию мировая война приобрела другие масштабы. «Все, что было доселе, кажется таким слабым и ничтожным. Между этапом германо-российского противостояния и европейским периодом войны – режущий глаза контраст – такое же принципиальное отличие, как между назревающей и развертывающейся трагической эпопеей и кукольной комедией» [3, b. 385, f.15].

Начало войны с СССР заострило перед мировой общественностью вопрос о причинах кардинальной перемены тактики Гитлера. Широкое распространение в европейских кругах получила версия о превентивной войне, согласно которой Гитлер начал войну против СССР, чтобы предотвратить нападение Красной Армии на Европу. Чернов считал такую версию несостоятельной и был убежден в ее немецком происхождении. Был уверен, что она была выдумана германской прессой для оправдания внезапного поворота фронта. Истинную причину лидер эсеров видел в том, что Гитлер небезосновательно опасался того, что модернизация, начатая в Красной Армии, резко изменит соотношение сил не в пользу Германии. «Германия оправдывала свои действия, во-первых, тем, что ей нужно было предупредить русскую мобилизацию, а во-вторых, тем, что она вообще стояла перед перспективой скорого окончания общего перевооружения русской армии, чего дожидаться было бы глупостью» [3, b. 389, f.15].

Однако дело было, по мысли Чернова, не только в этом. Гитлер остановил свое движение в Европе потому, что для его дальнейшего продолжения и наступления на Англию у него не хватало ресурсов. Германия, считал эсер, обладая явным преимуществом на суше и в воздухе, не могла успешно противостоять Англии на море. В побежденной Европе гитлеровская оккупация нанесла колоссальный удар по экономике захваченных стран. Оккупационная армия, по словам Чернова, «словно тучи прожорливой саранчи» быстро истребила все запасы в этих странах. Выжимая «жизненные соки тяжким прессом реквизиций оккупанты подорвали и дезорганизовали как местный обмен, так и местное производство», констатировал он [3, b. 391, f.18]. В этих условиях, считал Чернов, совершенно логичным был бросок на Россию, где был сосредоточен колоссальный ресурсный потенциал.

Другим важным вопросом, вызывавшим неоднозначное отношение в кругах эсеровской эмиграции, был вопрос о причинах тотального отступления Красной Армии вглубь страны в начальный период войны. «Почему, несмотря на весь несравненный героизм нашего солдата ... едва начавшийся второй год войны увидел врага, сторожащего отступы к обеим столицам и шагнувшего с дальних западных рубежей к непомнящим ничего подобного низовью Волги и хребту Кавказа», – задавался вопросом Чернов в составленном им, но так и неотправленном личном обращении к Сталину. [3, в. 386, f.7; 2, с.134–140].

Чернов обращал внимание на такую сторону последствий пакта, как расширение территории страны за счет присоединения Прибалтики и изменение линии границы. Перенесение границ на запад привело к тому, что старые пограничные укрепления были оставлены, а новые к началу войны не успели построить. «Мы и здесь попали в приготовленную для нас западню, – замечал он, – нас выманили из твердой "линии Сталина"... чтобы захватить и разгромить Красную Армию врасплох на новых, неукрепленных рубежах» [3, в. 386, f.7].

Отрицательную роль сыграли репрессии против командного состава Красной Армии накануне войны, в результате которых кадровый офицерский состав армии был буквально «обескровлен». В статье «Сталинград» (1943 г.), характеризуя профессиональные качества советских полководцев на первом этапе войны, Чернов писал: «Наши красные командиры выковывались в огне гражданской войны, методы и масштабы которой совершенно несоизмеримы с методами современной внешней войны, ультраиндустриализированной и мотомеханизированной» [11, с. 8].

Огромное воодушевление среди американской группы эсеровских эмигрантов вызвали известия о победе Красной Армии под Сталинградом. На страницах «За Родину» Чернов писал, что защита Сталинграда явилась «апогеем массового героизма жертвенности, подвижничества» советского народа. «Этот город отныне – непреходящий символ непокорного сердца, сверхчеловеческой выносливости и гордой воли нашей родины» [11, с. 14]. Чернов правильно отмечал, что Сталинградская битва и последующее зимнее контрнаступление российских войск в 1942–1943 гг. знаменуют начало коренного перелома во Второй мировой войне. В написанном, но так и не отправленном обращении к Сталину, Чернов подчеркивал: «Встреча, которую уготовили народы нашей родины гитлеровским моторизованным полчищам, дает нам право гордиться ими» [3, в. 386, f.7].

Если в начале войны эсеры критически оценивали состояние боеготовности и профессиональные качества командования Красной Армии, то по мере ее боевых успехов это мнение начинало меняться. Анализируя изменения в руководящем составе Красной Армии, Чернов в статье «Сталинград» отмечал: «Не-

давно мы были свидетелями производства в широких размерах боевых полковников в генералы. Оно было справедливой оценкой выдвинувшихся на глазах у всех новых, молодых военных дарований. У создающегося вновь молодого советского генералитета перед генералитетом старой России есть, во всяком случае, одно огромное преимущество: это – не чуждая армейской массе «белая кость», – а плоть от плоти и кость от кости самого вооруженного народа в серых шинелях» [11, с. 11].

Признавая выдающиеся успехи Красной Армии, Чернов в то же время был глубоко уверен, что коренные изменения на Восточном фронте не могли произойти, если бы ни помощь союзников. Он, например, явно завышал роль поставок американской военной техники и продовольствия по ленд-лизу, закрывая глаза на то, что для американцев это была, прежде всего, «бизнес-операция», чем помощь СССР и другим воюющим странам.

Чернов считал, что большое значение имела успешная англо-американская кампания осенью 1942 г. в Северной Африке по захвату Марокко и Алжира. Она создавала реальный плацдарм после захвата Северной Африки для подготовки союзнического десанта на Европейский континент и открытия второго фронта в Европе [3, в. 364, f.4; 10]. Эсеры предполагали, что прохладное отношение Москвы к африканской операции союзников объяснялось опасением, что последующие действия англо-американских войск в Средиземноморье приведут к открытию дороги на Балканы. Рассматривая Балканы, как сферу своих геополитических интересов советское командование давало понять, что не признает высадку союзников на Балканах желанным вторым фронтом, им может стать только их действия на атлантическом направлении. Таким образом, как подчеркивал Чернов, под требованием второго фронта скрывался «стратегический диктат Москвы обеспечить после войны доминирование СССР на Балканах в Восточной Европе» [3, в. 386, f.23]. Даже в провозглашении войны «Великой Отечественной», Чернов усматривал не патриотический шаг, проникнутый любовью к Родине, а стремление Сталина к сепаратизму [9, с. 12–20].

Вместе с тем, Чернов приветствовал итоги Московской конференции в октябре 1943 г., согласно которым Сталин присоединился к формуле безусловной капитуляции Германии, и были созданы комиссии для координации военных действий. Это, по его мнению, означало ликвидацию опасности для заключения сепаратного мира СССР с Германией.

Таким образом, позиция Чернова как представителя центристского направления в эсеровской эмиграции на заключительном этапе Второй мировой войны явно сближается с установками правого крыла. Еще больше эта тенденция усиливается в годы «холодной войны».

В послевоенный период Чернов пересматривает свои прежние оценки начала и характера Второй мировой войны и роли СССР в ней. Если в начале 1940-х гг. он еще стремился найти объективные причины подписания пакта 1939 г., объяснить позиции Москвы, в том числе ошибками и просчетами союзных дипломатий, то теперь однозначно основным пособником Гитлера в развязывании войны он объявляет СССР, связывает причины войны с продуманной и коварной политикой Сталина, направленной на разжигание противоречий между странами фашистского блока и демократическими государствами. Даже патриотический подъём советского народа в годы Великой Отечественной войны Чернов объяснял исключительно реакцией на «нестерпимое расовое высокомерие, и одержимость нацизма», которые по закону психологической реакции вызвали в массах «взрыв нового мужества, граничащий порою с мужеством отчаяния» [3, б. 385, ф.8].

Не остались без эволюции и его взгляды по проблемам тоталитаризма. Если в 1930-е гг., признавая режимы СССР и Германии тоталитарными, он подчеркивал, что они все же являются «антиподами» [1; 5], то во второй половине 1940-х гг. он практически ставит знак равенства между ними. На этом этапе аналогии между фашистской Германией и СССР, которые ранее у Чернова выглядели в виде некой гипотетической схемы, уже обретают отчетливые черты непрерываемой идеологической догмы. Разницу между фашизмом и большевизмом он видит только в том, что Гитлер провозглашал идею мессианской роли немецкой нации, а Сталин – пролетариата. «Большевизм в этом смысле является лишь красным нацизмом, а нацизм-фашизм – коричневым и чернорубашечным большевизмом», – утверждал Чернов [3, б. 385, ф.9].

Агрессивная внешняя политика Сталина, по мнению Чернова, была неотъемлемым проявлением тоталитарной природы СССР, находилась в полном соответствии с внутренним идеологическим смыслом большевизма и его прежним курсом на мировую революцию. Поэтому накануне войны СССР подталкивал Чехословакию к неприятию «мюнхенских» решений, вел провокационную проповедь через Коминтерн «крестового похода» против мирового фашизма, организацией переговоров с английской и французской специальными военными делегациями «допугал» Германию до пакта Молотова – Риббентропа и фактически тем самым развязал руки Гитлеру для начала Второй мировой войны, обеспечив «себе возможность под шумок всеобщей мировой войны округлить свои территории за счет милых и слабых соседей» [3, б. 10, ф.13].

В годы «холодной войны» лидер эсеров весьма предвзято относился к политике США и СССР. Он готов был оправдать любые действия США, направленные не только против СССР, но даже против других стран, лишь бы только это служило делу борьбы за «демократию» в мире. Так, он считал, что действия

США в Японии в 1945 г. (в том числе и атомная бомбардировка) вполне правомерны, тогда как переброска советских войск в Манчжурию рассматривалась им как попытка экспансии СССР на Дальнем Востоке. Лидер эсеров, как очевидно, с глубоким удовлетворением воспринял и сам факт ядерной монополии США и использование её как фактора силы в международных отношениях. «Хорошо еще, что Америка твердо решила отказать в выдаче кому бы то ни было секрета бомбардировки атомными взрывами – секрета, к которому Сталин уже протягивал свои длинные, загибающиеся руки!», – писал он [3, в. 391, ф.37].

Таким образом, логическим завершением идейного пути Чернова в конце 1940-х гг. стал переход на ярые антисоветские позиции, которые по своей интенсивности сравнимы разве только с антисоветской пропагандой в Америке времен «холодной войны». На наш взгляд, определенную роль в подобной эволюции сыграли психологические причины – иррациональное чувство страха за будущее человечество, связанное с появлением ядерного оружия, обусловленное опасностью третьей мировой войны. Страх подпитывался обстановкой резкой идеологической конфронтации и массовой антисоветской кампанией в американской печати. Определенную роль в нагнетании ситуации сыграли события в Восточной Европе и репрессии НКВД, которым подверглись в Чехословакии эсеровские эмигранты.

Список источников и литературы

1. В. М. Чернов о тоталитаризме. Статьи конца 1930-х – начала 1940-х гг. / сост., автор очерка и комментариев О.В. Коновалова // Исторический архив. – 2008. – № 1. – С.3–23.
2. В.М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии / сост., автор биографического очерка, библиографических указателей и комментариев А.П. Новиков. – Саратов : Аквариус, 2004. – 316 с.
3. Гуверовский Институт войны, революции и мира Стэнфордского Университета США (Hoover Institution Archives) (HIA), коллекция Б.И. Николаевского (B.I. Nicolaevsky collection (NC)).
4. Коновалова О.В. В.М. Чернов о роли СССР во Второй мировой войне // Роль СССР во Второй мировой войне: к 65-летию Великой Победы : Всероссийская научная конференция. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2010. – С. 54–60.
5. Коновалова О.В. В.М. Чернов о социально-экономических аспектах фашизма // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 3. – С. 52–55.
6. Коновалова О.В. В.М. Чернов о Сталинградской битве // Традиции патриотизма в культуре и истории России : Сборник материалов научно-

практических конференций 2007–2008 гг. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С.197–202.

7. Коновалова О.В. Патриотизм: два взгляда, две точки зрения (из полемики российской политической эмиграции в годы «холодной войны») // Традиции патриотизма в культуре и истории России : Сборник материалов научно-практических конференций 2007-2008 гг. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. С. 25– 32.

8. Коновалова О.В. Эсеровская эмиграция о роли СССР во Второй мировой войне // Великая Отечественная война 1941– 1945 гг.: 60 лет Победы : Материалы научной конференции. Красноярск : Б.и., 2005. – С. 271– 283.

9. Чернов В.М. На историческом повороте // За свободу. – 1943. – № 14.

10. Чернов В.М. От Африканского фронта к Средиземноморскому // За свободу. – 1943. – № 10– 11.

11. Чернов В.М. Сталинград // За свободу. – 1943. – № 10–11.

УДК 94(520).03

Р.В. Кулепанов, ст. лаборант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛИЗМА И ЭКСПАНСИОНИЗМА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЯПОНИИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX вв.)

В статье рассматривается процесс формирования идеологического базиса вооруженных сил Императорской Японии в период 1850–1940-х гг. Идеологическая основа японских вооруженных сил формировалась на протяжении длительного периода времени как синтез элементов традиционной японской культуры – синтоизма, кодекса Бусидо, культа божественного императора, с идеями национализма, милитаризма и территориальной экспансии. Использование элементов традиционной культуры привело к созданию в 1930–1940-х гг. прочного идеологического базиса Японской Императорской армии и флота, который в условиях Второй Мировой войны привел к возникновению феномена камикадзе, «банзай-атакам» и массовым самоубийствам военнослужащих и гражданских лиц.

Ключевые слова: идеология, пропаганда, Вторая Мировая война, Вооруженные силы Японии, Бусидо, Синто, Тэнноизм, Кокутай.

R. V. Kulepanov, senior assistant. Department of History of the Russian Far East. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far- Eastern Branch of the RAS

THE GENERATION OF THE IDEOLOGY OF NATIONALISM AND EXPANSIONISM IN THE MILITARY FORCES OF IMPERIAL JAPAN (END OF XIX - THE FIRST. FLOOR. XX CENTURY)

The article concerns formation of the ideological basis of the Japanese military forces in 1850–1940. The ideology of the Japanese military forces was formed as a synthesis of Japanese traditional culture - the code of Bushido, Shinto religion, cult of the Divine Emperor, with the ideas of militarism and nationalism. In the process of ideology formation was participated writers, philosophers, political figures - Yoshida Shoin, Suzuki Chikara, Inoue Tetsujiro, Sadao Araki. The peculiarities of the formation of the ideology of the Japanese military forces led to the emergence of the phenomenon of kamikaze, «banzai attacks» and mass suicides of military personnel and civilians.

Key words: ideology, propaganda, World War II, Japanese military forces, Bushido, Shinto religion, Tenno cult, Kokutai.

Особенности развития Японии во вт. полов. XIX – нач. XX вв. предопределили широкое распространение национализма и экспансионизма в идеологии государства и вооруженных сил. В первой половине XIX в. управлявший Японией сёгунат Токугава, находился в состоянии системного кризиса. Важнейшим проявлением этого кризиса являлось очевидное отставание Японии от ведущих мировых держав, уязвимость государства перед колониальной политикой стран Европы и США, а также очевидная неспособность правящего режима изменить данную ситуацию. По этим причинам, оппозиционное движение, наиболее ярким представителем которого являлась историко-философская школа Мито, с самого начала имело ярко выраженную националистическую окраску, оформленную в виде лозунга «Сонно Дзёи» («Да здравствует Император, долой варваров!»). Возможность проводить самостоятельную внешнюю политику, в том числе колониальную, рассматривалось оппозицией как обязательное условие существования государства.

У истоков японского национализма и экспансионизма стоял выдающийся политический деятель, философ, идеолог «реставрации Мэйдзи» Ёсида Сёин. Его деятельность определила основное направление развития Японии во второй половине XIX в. Среди его учеников были автор японской конституции, первый премьер-министр Ито Хиробуми, создатель Императорской армии маршал

Ямагата Аритомо и другие видные политики. Ито Хиробуми так оценил роль Ёсида Сёин: «Он учил нас национализму, преданности монарху и этике Бусидо с божественным воодушевлением» [12, с. 31]. Как отмечал исследователь В.В. Совастеев: «Внешнеполитическая программа, нарисованная Ёсида Сёин, была основана на такой логике: независимость – гарантия силы, экспансия – условие независимости... Он считал, что нужно оккупировать не только Хоккайдо и Рюкю, на которых Япония к этому времени не успела укрепиться, но впоследствии Корею, Маньчжурию и Китай и даже Индию» [12, с. 26]

Одной из важнейших составляющих идеологического базиса японских вооруженных сил являлась система моральных ценностей средневекового воинского сословия Буси – Бусидо – адаптированная для массовой пропаганды. Переосмысление термина «Бусидо», придание ему нового содержания и использование в государственной идеологии происходило с сер. XIX в. Ёсида Сёин стал одним из первых, кто начал интегрировать Бусидо в идеологию государства. В раннем возрасте он унаследовал должность преподавателя воинского искусства на основе трактатов конфуцианского идеолога и военного теоретика Ямага Соко (1622–1685). В историографии именно Ямага Соко называют одним из первых идеологов Бусидо эпохи Токугава который «сумел органично соединить синтоистскую идею «почитания императора» с положениями морального кодекса самураев – «Бусидо», что в дальнейшем обусловило особое внимание националистических идеологов к его взглядам» [11, с. 14]. Ёсида Сёин написал развернутые комментарии к работам Ямага Соко и неоднократно обращался к идеологии Бусидо в своей пропагандистской и политической деятельности [12, с. 24].

После реставрации Мэйдзи, в условиях активной вестернизации Японии, Бусидо стало использоваться в качестве культурно-идеологического барьера на пути проникновения западных политических, культурных и религиозных ценностей. Закономерным результатом стал интерес к «Бусидо» со стороны радикальных экспансионистских националистических кругов. Тесное переплетение Бусидо с японским национализмом и милитаризмом происходило в работах писателя и журналиста Судзуки Тикара. С 1893 г. он тесно сотрудничал с радикальными обществами «Гэнъёся» и «Кокурюкай», входил в состав радикальной группировки «Тен'ёкё», занимавшейся шпионажем на территории Кореи, и организовывавшей силовые акции, направленные против войск Цинской империи. Судзуки Тикара видел в Бусидо комплекс ценностей, способный сохранить культуру и традиции японцев и поставить барьер проникающей в Японию европейской культуре, западному парламентаризму и христианству, подчеркивал необходимость внедрения элементов «Бусидо» в образовательную систему, рассматривая это как основу экспансионистской внешней политики в Азии [13, с. 96–106].

Наибольший вклад в распространение идеологии Бусидо внес профессор философии Токийского Императорского университета Тецудзиро Иноуэ. Тецудзиро Иноуэ активно внедрял в общество идеи Ямага Соко и Ёсида Сёин. В своих работах он подчеркивал связь идеолога Бусидо Ямага Соко с 47-ю ронинами, участниками т.н. «Инцидента Аки» 1703 г., ставшими образцом самурайской этики. Как отмечает исследователь Дж. Такер: «сочетание «Соко – ронины» служило важнейшей связью, вокруг которой Иноуэ объединил мотивы, такие как «Бусидо», «Кокутай» и «Сонно», или «почтение к императору», в часто повторяющийся идеологический рассказ, поощряющий этику националистического, милитаристского и империалистического самопожертвования» [27, с. 41].

Огромное значение для распространения идеологии Бусидо сыграло самоубийство генерала Ноги Марасукэ в 1912 г. Генерал посещал лекции Иноуэ, выступал за создание общества Ямага Соко и сам написал несколько статей, в которых рассматривал вклад Ямага Соко в формирование идеологии «Бусидо» [27, с. 48]. Тецудзиро Иноуэ высоко оценил самоубийство генерала Ноги Марасукэ и посвятил этому событию специальную лекцию: «Это был великолепный конец жизни Буси, который удовлетворил бы генерала Ноги. ... это было событие, достойное празднования. ... Самоубийство - дзюнси генерала Ноги действительно продемонстрировало большую силу Бусидо нашей Японии» [Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko sensei to Nogi taisho. Цит. по 13, с. 278].

Наибольшим вкладом Тецудзиро Иноуэ в дело продвижения идеологии Бусидо в армейскую среду стало участие в создании в 1941 г. кодекса «Сенджин-кун». Карманный справочник, выдававшийся всем военнослужащим, состоял из трех разделов, в которых подчеркивалось божественное происхождение власти Императора, утверждалась незыблемость армейской иерархии во главе с Императором, превозносилось единство, стремление к победе и боевой дух. Перечислялись важнейшие качества и навыки, которыми должен был обладать военнослужащий: благочестие, сыновья почтительность, беспрекословное подчинение вышестоящим офицерам, ответственность за выполнение приказа, готовность пожертвовать жизнью и совершить самоубийство, чтобы избежать позора плена [13, с. 192].

Важную роль в формировании идеологии национализма и милитаризма сыграло использование концепции «Кокутай», созданной одним из наиболее видных представителей школы Мито Аидзава Сэйсисай. Термин «Кокутай» включает в себя идею господства института императорской власти, божественное происхождение императорской власти и самого государства, тесную мистическую связь императора с его подданными, а также особые ценности японского народа воплощенные в моральных идеалах лояльности и почтительности [24, с. 7].

Идеи, высказанные Аидзава Сэйсисай, нашли воплощение в конституции Мэйдзи 1889 г. Первая статья конституции гласила: «Японская Империя должна быть возглавлена и находится под управлением непрерывной династии Императоров на вечные времена». Согласно конституции, Император сосредотачивал в своих руках всю полноту власти, в том числе верховное командование армией и флотом [25, с. 382–383].

Помимо конституции, статус Императора был зафиксирован в «Императорском указании для военнослужащих», изданном в 1882 г. Данный документ подчеркивал главенствующую роль императора в иерархии вооруженных сил [2, с. 51]. Согласно воспоминаниям летчика-камикадзе Я. Кувахара: «Имперское предписание солдатам и матросам, отданное императором Мэйдзи в 1882 году, считалось практически священным. Это был документ, состоявший из нескольких страниц, которые каждый военный был обязан знать наизусть. Его сложные правила и философию требовалось поглощать через постоянную зубрежку и медитации. Каждый должен быть готовым в любой момент процитировать его, полностью или по частям» [5, с. 60–61].

Примером идеологической обработки военнослужащих Императорской армии является лекция, написанная неизвестным лейтенантом японской армии в середине 1943 г. Рассматривая причины побед японской армии, неизвестный офицер делал акцент на императорской власти как основе японского государства и источнике истинно японского боевого духа: «Императорская семья – это свет, жизнь, гордость Японии. По правде говоря, Япония является Японией, а японцы – японцами из-за Императорской семьи. Из этого сознания рождается японский дух. Появляется лояльность, которая совершенно игнорирует безопасность дома и семьи – даже свою собственную жизнь – за благосостояние Императора и страны. Этот особый японский дух является чем-то особенно японским, совершенно отличным от американского, английского или китайского» [21, с. 45–46].

Идеология Кокутай была тесно связана с внешнеполитической концепцией «Великой восточноазиатской сферы совместного процветания», ставшей идеологической основой агрессивной внешней политики Японии. Основываясь на принципе иерархичности, утверждалось, что Япония, как самое развитое государство в Азии, должна занять главенствующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Японский император должен был быть не только государственным, но и региональным лидером: «Японцы рассматривали в целом проблему международных отношений с точки зрения своего понимания иерархии... В течение последнего десятилетия они видели свое место в мире на вершине пирамиды...» [1, с. 34].

Создание «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания» подразумевало установление контроля над Маньчжурией, Китаем, Француз-

ским Индокитаем, Филиппинами, Индонезией, Малайзией, островами Тихого океана: «Япония же считала, что нужно бороться за установление в мире иерархии – конечно же, во главе с ней, так как она одна представляет собой подлинно иерархичную сверху донизу нацию и поэтому понимает необходимость каждого народа занимать «должное место» в мире» [1, с. 18–19]. Основные положения концепции были сформулированы в докладе премьер-министра Хирота Коки на имя императора от 15 августа 1936 г.: «...мы должны стремиться называться и фактически стать стабилизирующей силой для обеспечения мира в Восточной Азии, что в конечном итоге будет способствовать миру и благополучию человечества» [19]. Официально, концепция была провозглашена в официальном правительственном заявлении 1 августа 1940 г.: «Основная цель национальной политики Японии заключается в твердом установлении мира во всем мире в соответствии с высоким духом «Хакко Ити у», на котором была основана страна, и в строительстве, в качестве первого шага, нового порядка в Великой Восточной Азии, создав для этого солидарность Японии, Маньчжоу-Го и Китая» [26]. Отстаивание принципа иерархичности было официально объявлено как одна из причин вступления в войну с США и Великобританией 7 декабря 1941 г. [9, с. 392].

Наибольшее развитие идеология национализма и экспансионизма получила в 1930-е гг. при участии радикальных милитаристских кругов. Наиболее радикальными взглядами отличалась группировка «Фракция Императорского Пути» («Кодоха»), во главе которой стоял генерал-лейтенант Араки Садао [22, с. 21]. Заняв пост военного министра в 1931 г., Араки Садао развернул массовую пропагандистскую кампанию, нацеленную на повышение «боевого духа» японской нации. Одним из элементов пропагандистской кампании стал случай с майором Куга Нобору, попавшим в плен и покончившим жизнь самоубийством, чтобы избежать позора [14]. Еще одним эпизодом, использованным в массовой пропаганде, стала гибель трех японских солдат – Такэдзи Эсита, Иносукэ Сакуэ, Удзуру Китагава – во время уличных боев в Шанхае в 1932 г. Утверждалось, что их смерть была осознанным выбором, символизировавшим истинный японский дух. Погибшие военнослужащие стали национальными героями. Портреты и художественные изображения подвига многократно тиражировались, выставлялись в общественных местах. Об этом событии снимались фильмы и записывались песни. Скульптурные изображения солдат были созданы в нескольких городах Японии [17, с. 76–77]. Араки Садао принял участие в создании и лично прокомментировал шесть из двенадцати эпизодов пропагандистского фильма «Япония в чрезвычайное время», вышедшего на экраны в 1933 г. Араки Садао стремился внушить зрителям идею о «божественной миссии» Японии в юго-восточной Азии. Он утверждал о необходимости проти-

востоять западным странам не только в области внешней политики, но и в области идеологии [14].

Завершающим этапом установления идеологии стало подавление оппозиционных течений в политике и общественной жизни и установление тоталитарного режима, не допускавшего никакого инакомыслия, политические партии заявили о самороспуске. 17 августа 1940 г. была опубликована «Программа новой структуры», которая предполагает «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях и базируется на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору» [3, с. 69].

Таким образом, к началу 30-х гг. XX в., в Японии сформировалась охватывающая все общество идеология национализма и милитаризма, главной особенностью которой было то, что в ее основе лежали традиционная культура и религиозные верования японского народа. Именно глубокие корни милитаристской идеологии делали ее носителей столь стойкими к любым внешним воздействиям. Японскую милитаристскую идеологию не смогли пошатнуть ни крах японской военной машины, ни разрушение промышленности, ни потеря территорий. Более того, одна из ключевых идей милитаристской концепции «Кокутай» - идея божественного происхождения Императора – стала важнейшим фактором в прекращении войны и создании новой политической системы демократической Японии.

Список источников и литературы

1. Бенедикт Р., Хризантема и меч: Модели японской культуры / пер. с англ. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
2. «Гундзин тёкую» («Императорское указание военнослужащим») как памятник военной истории Японии // Письменные памятники Востока. – 2006. № 1 (4). – С. 46–53.
3. История войны на Тихом океане (в пяти томах). Т. 3. Первый период войны. – М. : Издательство Иностранной литературы, 1958. – 438 с.
4. Комаровский Г.Е., Государственный синто // Синто – путь японских богов: в 2 т. – СПб. : Гиперион, 2002. – Т. I. Очерки по истории синто. – С. 261–311.
5. Кувахара Я., Оллред Г.Т., Камикадзе. Эскадрильи летчиков-смертников / Пер. с англ. И. В. Сотникова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. – 268 с.
6. Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б., История Японии. XX век. – М. : ИВ РАН; Крафт+, 2007. – 526 с.
7. Молодяков В.Э., Синто и японская мысль // Синто – путь японских богов: в 2 т. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. I. Очерки по истории синто. – С. 634–688.

8. Нитобэ И. Японский воин. / Пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2009. – 187 с.
9. Нота Соединенным Штатам Америки от 8 декабря 1941 г. // История войны на Тихом океане в 5 томах, т. 3. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1958. – С. 386–394.
10. Основные принципы кокутай // Синто – путь японских богов: в 2 т. – СПб. : Гиперион, 2002. – Т. II. Тексты синто. – С.335–357.
11. Сила-Новицкая Т.Г., Культ императора в Японии: мифы, история, доктрина, политика. / М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
12. Совастеев В.В. Политическая культура Японии во второй половине XIX–XX в. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. – 219 с.
13. Benesch O., Bushido: the creation of a martial ethic in late Meiji Japan. / The University of British Columbia. Vancouver: 2011.
14. Bix H.P., Hirohito and the Making of Modern Japan / HarperCollins, 2009.
15. Brownlee John S. Four stages of the japanese Kokutai [national essence] // Japan Studies Association of Canada. Vancouver, 2000. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.adilegian.com/PDF/brownlee.pdf>.
16. Civil affairs handbook. Japan. Section 15: Education. Army Service Forces Manual M354 – 15. / Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1944.
17. David C. Earhart. Certain Victory: Images of World War II in the Japanese Media. Armonk : M.E. Sharpe, 2009.
18. Handbook of Japanese military force. War Department technical manual TM-E 30-480 / Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1944.
19. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies (Informally reported to the Emperor on 15 August 1936) // US Army. Japanese Monograph No. 144. Political Strategy Prior To Outbreak Of War, Part I, September 1931 – January 1940. / Washington, DC: Department of the Army, 1952. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ibiblio.org/pha/timeline/144app01.html>
20. Imperial rescript on education // Civil affairs handbook. Japan. Section 15: Education. Army Service Forces Manual M354 – 15. / Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1944. – С. 29.
21. Intelligence bulletin Vol. II № 9 // Washington D.C.: Military intelligence service. War Department, 1944.
22. Munderloh M., The Imperial Japanese Army as a Factor in Spreading Militarism and Fascism in Prewar Japan. / Munchen: Japan – Zentrum der LMU, 2012.
23. Oshiro G.M., Internationalist in prewar Japan: Nitobe Inazo, 1862 – 1933. / The University of British Columbia. Vancouver: 1985.

24. Redekop W.B., Education for loyalty in prewar and postwar Japan. / Vancouver: Department of Education. University of British Columbia. 1964.

25. The Constitution of the Empire of Japan // Civil affairs handbook. Japan. Section 2: Government and Administration. Army Service Forces Manual M354-2 / Washington D.C.: United States Government Printing Office, 1945.

26. The Greater East Asia co-prosperity sphere. The Official Statement of the Japanese Government, August 1, 1940. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Japan/Japan-1940.htm>

27. Tucker J.A. Tokugawa Intellectual History and Prewar Ideology: The Case of Inoue Tetsujiro, Yamaga Soko, and the Forty-Seven Ronin. // Sino-Japanese Studies. №. 14, 2002. – С. 35–70.

УДК 1:316.485.26(47)

*Е.В. Лесная, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России*

ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ В ИЗМЕРЕНИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Статья посвящена теме трансформации представлений о смысле жизни в русской религиозной философии в условиях Первой мировой войны. Автор делает вывод, что представители русской религиозной философии выводили смысл войны из цивилизационного противостояния. Распространенное среди российской интеллигенции в первые дни войны патриотическое воодушевление, требовало идейного осмысления и философского оправдания войны. Патриотизм возводился в статус духовно-религиозной жертвенности сынов Отечества в отстаивании идеалов высшей божественной правды и справедливости, в противовес германским идеалам достижения исключительно собственного благополучия.

Ключевые слова: религиозная философия, духовно-академическая философия, Первая мировая война, смысл жизни.

E.V. Lesnaya, teacher of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

PHILOSOPHY OF THE MEANING OF LIFE IN THE WARTIME DIMENSION

The article is devoted to the topic of transformation of ideas about the meaning of life in Russian religious philosophy in the conditions of the First world war. The author concludes that representatives of Russian religious philosophy deduced the meaning of war from the civilizational confrontation. Patriotic enthusiasm, widespread among the Russian intelligentsia in the first days of the war, demanded ideological understanding and philosophical justification of the war. Patriotism was elevated to the status of spiritual and religious sacrifice of the sons of the Fatherland in upholding the ideals of the highest divine truth and justice, as opposed to the German ideals of achieving exclusively their own well-being.

Keywords: religious philosophy, spiritual and academic philosophy, the First world war, the meaning of life.

Вопросом о смысле жизни: имеет ли он право на существование и если да – то в чем он состоит, задавались многие мыслители прошлого и настоящего. Особое место здесь принадлежит представителям русской религиозной философии (И.А. Ильин, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, В.В. Розанов С.Л. Франк и др.), концептуальные построения которых отличались не столько поиском истины как таковой, сколько были обращены к исканию предназначения человека. Описывая сложную систему взаимосвязей между Богом, природой, обществом и личностью философы всеединства придавали целям существования последней высокий духовный смысл [1, с. 27–29].

В рамках духовно-академического направления русской философии важное место в исследовании смысложизненных вопросов занимает творчество В.И. Несмелова. Автор фундаментального философского труда «Наука о человеке» изложил основные тезисы своего понимания смысла жизни в лекции «Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного Откровения», итогом которой является вывод о назначении человека в бесконечном осуществлении вечной божественной цели [4, с. 121–127].

Сходную позицию мы можем видеть и в трудах другого представителя философской антропологии рубежа XIX-XX веков, близкого друга В.С. Соловьева Л.М. Лопатина: «...если мир духовен в своей внутренней сущности, то в его бытии должна изливаться единая, свободная, творческая сила, ведущая все ею со-

зданное и вызванное к своим высшим целям. В этих целях осуществляется объективный идеал творения, и этот объективный идеал есть в то же время наш человеческий нравственный идеал. Ведь одна и та же сила движет миром и составляет глубочайший корень нашей индивидуальной духовности. Смысл жизни человека в том, что в нем вечное свободно ищет вечного» [5, с. 329].

В период масштабных военных потрясений закономерно происходит трансформация смысложизненных ценностей, мыслители невольно вовлекаются в осмысление глобальной катастрофы, вовлекшей во взаимное убийство миллионы людей по всей планете. Так, Первая мировая война, как итог кризиса капиталистических отношений, вылившегося в борьбу за передел сфер влияния, привела к возникновению противоречий духовно-мировоззренческой сферы, высветив проблему соотношения универсальных библейских ценностей и узких национальных интересов, проблему человеческого осмысления войны, ее философского оправдания, в период, когда христианские народы, не так давно сосуществовавшие в мире, обратились к массовому уничтожению друг друга на полях сражений.

В декабрьском номере журнала «Русская мысль» за 1914 год были опубликованы стенограммы выступлений ряда известных отечественных мыслителей (Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрн, В. Иванова, С.Л. Франка и др.), произнесенные на заседании Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Речи были посвящены разразившейся войне, глобальной роли России в этих событиях и цивилизационному предназначению русского народа, послужив началом философского диалога, затронувшего в том числе, и вопрос о назначении русского человека в новой исторической эпохе [6, с. 76–84].

Бесспорный интерес с точки зрения истории отечественной философии представляют попытки русских религиозных философов дать ответ на такие вопросы как: В детерминированность мировой войны? Историческая роль России и ее народа в войне и после ее окончания? Каков смысл войны для жизни конкретного человека? Этот перечень вопросов, несмотря на попытку найти наднациональную, универсальную сущность войны, выводил мыслителей к попытке обоснования справедливого для России характера войны и народного патриотизма через призму религиозно-мистического противостояния Запада и Востока, православия и иных ветвей христианства, духовности и морального разложения. Таким образом, мы видим развитие системообразующей для русской религиозной философии антиномии «Запад – Восток» в условиях глобального империалистического противостояния. В отличие от мыслителей-марксистов, подходивших к осмыслению мировой войны с материалистической точки зрения, религиозным философам-идеалистам так и не удалось понять и проанализировать экономическую сущность данной войны.

Основные точки зрения, сформировавшиеся в результате обсуждения военного вопроса, были охарактеризованы в последствии С.Л. Франком. Он отмечал то, что авторы, выступавшие на «славянофильских» позициях (С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн) преувеличенно абсолютизируют положительные стороны православия, славянства и русского народа, в частности. Так, В.Ф. Эрн оценивал войны через призму противостояния богоборческих (богоубийственных) начал немецкой культуры и богочеловеческой сущности русской православной культуры, рассматривая военный конфликт как очередной этап всемирно-исторической борьбы добра и зла [7, с. 116–118].

Сходные по своей сути тезисы были сформулированы С.Н. Булгаковым, видевшим в событиях 1914 г. начало падения духовно деградирующей европейской цивилизации. Философ противопоставляет рациональные основы германства, якобы отрекающегося от религии и высокодуховные позиции русской православной богочеловеческой традиции, ответственной за духовное будущее всего человечества. Таким образом, русский человек в измерении войны становится носителем религиозной миссии духовного спасения мира [2; 3].

Как видим, представители русской религиозной философии выводили смысл войны из цивилизационного противостояния. Распространенное среди российской интеллигенции в первые дни войны патриотическое воодушевление, требовало идейного осмысления и философского оправдания войны. Патриотизм возводился в статус духовно-религиозной жертвенности сынов Отечества в отстаивании идеалов высшей божественной правды и справедливости, в противовес германским идеалам достижения исключительно собственного благополучия.

Список источников и литературы

1. Агапов А.А. Русская религиозная философия о проблеме смысла жизни // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 2 (21).
2. Булгаков С.Н. Родине // Утро России. – 1914. – № 181. – 5 августа.
3. Булгаков С.Н. Русские думы // Русская мысль. – 1914. – № 12.
4. Дворецкая М.Я., Турина А.О. Смысл жизни в религиозно-философской антропологии В.И. Несмелова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2018. – № 48.
5. Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи / Вступ. статья В.В. Зеньковского. М. : ИЦ «Academia», 1995.
6. Треушников И.А. Смысл войны (диалог представителей философии всеединства периода Первой мировой войны) // Соловьевские исследования. – 2016. – № 1 (49).
7. Эрн В.Ф. От Канта к Кресту // Русская мысль. – 1914. – № 12.

*Н.В. Ляскина, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
МВД России*

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (1941–1945 гг.)

В статье автор анализирует особенности внешкольной работы в профилактике детской беспризорности и безнадзорности в Приморском крае в годы Великой Отечественной войны. Выделяет формы внешкольной работы и ее недостатки. Делает вывод о том, что деятельность учебных заведений по организации внешкольной работы осложнялась тяжелыми военными условиями, что отражалось на профилактике детской беспризорности и безнадзорности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Приморье, внешкольная работа, военная подготовка, воспитание, беспризорные, безнадзорные.

*N. V. Lyaskina, teacher of the Department of General legal disciplines
of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute
of the Ministry of internal Affairs of Russia*

FEATURES OF EXTRACURRICULAR WORK IN THE PREVENTION OF CHILD HOMELESSNESS AND NEGLECT IN THE PRIMORSKY REGION (1941–1945)

In the article, the author analyzes the features of extracurricular work in the prevention of child homelessness and neglect in the Primorsky territory during the great Patriotic war. Highlights the forms of extracurricular work and its disadvantages. It concludes that the activities of educational institutions for organizing extracurricular activities were complicated by severe military conditions, which affected the prevention of child homelessness and neglect.

Keywords: the Great Patriotic war, Primorsky region, extracurricular work, military training, upbringing, child homeless, neglected.

В исторической памяти Великая Отечественная война занимает особое место. Память о Великой победе – нравственный стержень, объединяющий разные поколения и слои нашего общества.

В годы Великой Отечественной войны образовательные организации и внешкольные учреждения являлись одними из основных органов системы профилактики детской беспризорности и безнадзорности. Перед ними стояла важная государственная задача по организации и осуществлению внеклассной и внешкольной работы с учащимися; организация досуга, подготовка молодых людей к военным действиям, развитие физической выносливости, идейно-политического воспитания личности, воспитания учащихся в духе советского патриотизма, решение проблем социальной безнадзорности, развитие инициативы, самостоятельности.

Отдельные аспекты внешкольной работы в годы Великой Отечественной войны встречаются в трудах российских [1–3] и дальневосточных ученых [4–11]. Наш интерес обусловлен изучением оказания влияния внешкольной работы на профилактике детской беспризорности и безнадзорности в период Великой Отечественной войны в Приморье.

Повышенное внимание к внешкольной работе со стороны общества и государства, обусловленное социально-политической ситуацией в стране, задачами подготовки защитников Родины, стимулировало внешкольные учреждения, образовательные, комсомольские организации, активистов колхозов, совхозов, предприятий при поддержке партийных органов власти к приобщению подрастающего поколения к посильной помощи своей стране, своему народу.

Среди форм внешкольной и внеклассной работы особое значение приобрели повседневное дежурство (шефство) старших школьников в госпиталях после учебных часов; участие в утренниках, смотрах художественной самодеятельности; в праздничных концертах школьников для населения и раненных бойцов; в воскресниках на предприятиях, в колхозах, зачастую под руководством учителей, родителей, выполняя и перевыполняя нормы взрослых.

В годы войны тимуровское движение приобрело большой размах по всей нашей стране. Тимуровцы выполняли самую разнообразную работу: кололи дрова, носили воду, мыли полы, присматривали за младшими детьми, бегали за хлебом, делали тысячу других полезных дел. Они участвовали в сборе черного и цветного металлолома, лекарственных растений, отсылали подарки и посылки на фронт, организовывали шефство над детскими площадками, садами, проводили большую работу в подшефных воспитательных учреждениях и госпиталях.

В отдельных районах Приморского края наряду с повышением производительности труда комитет комсомола уделял внимание приобретению учащимися военно-медицинских знаний. «Не меньше часа в день на военную и сани-

тарную работу» – призыв Комсомольской правды стал законом того времени. Например, комсомольская организация в Барабашской средней школе организовала работу в созданных отрядах (группах школьников) по выполнению отдельных поручений и заданий. Одни были направлены в колхоз для сельскохозяйственных работ на полях, другой отряд ребят занимался малышами, чтобы родители могли спокойно трудиться. С малышами игрались, читали художественную литературу, водили на экскурсии. Комитет комсомола организовал кружок для старшеклассниц по санитарному делу, для учеников старших классов организовывались походы с целью приобретения военных знаний, изучение местности и развитие ориентирования на ней, развитие физических способностей и выносливости [12].

С целью повышения патриотизма, знания истории своей Родины в школах края, во внеучебное время многие классные руководители проводили дискуссии на патриотические темы, учащиеся выступали с докладами на исторические темы, участвовали в художественном чтении, пели песни, старшеклассники проводили просветительскую (агитационную) работу в колхозах.

Особое внимание советское государство уделяло физической подготовке подрастающего поколения, не ослабевая своего внимания к спорту и поддержке здоровья в военное и послевоенное время. За каждой школой, прикреплялись военные руководители (далее – военруки), назначенные отделом Всеобуча Приморского военного комиссариата, которые занимались военно-физической подготовкой и специальной подготовкой по предварительно разработанному плану в размере 110 учебных часов. Учащиеся изучали строевую, огневую, тактическую подготовку, занимались физической подготовкой, которая включала ведение рукопашного боя, гимнастические упражнения, метание гранат, хождение по буму, лазание по канату. Данная работа военруков стояла на контроле Управления Всеобуча Главного штаба Сухопутных войск СССР, ВКП (б) [13, л.35–56].

Спортивно-массовая работа во внеучебное время, как важнейший элемент закрепления и углубления знаний по военной подготовке, проводилась в районах края не регулярно. Причины были различные, основная из них это мобилизация военруков, частая их заменяемость и привлечение на другие работы, недостаточное обеспечение материальной базы для проведения военно-физической подготовки, слабая помощь (в том числе ее отсутствие) директоров школ в проведении совместных организационных мероприятий.

Сельскохозяйственная подготовка учащихся занимала наряду с военно-физической подготовкой, приоритетное место в системе воспитательной работы в школе, так и за ее пределами. В прессе военных лет можем заметить приобщение детей и молодежи к общественно-полезному труду, сельскохозяй-

ственным работам в период страды в весенне-летний, осенний период, к сбору дикоросов, лекарственных трав, ведение земельных школьных участков, в сборе металлического лома. Самоотверженный труд детей особо был заметен на полях (сев, прополка и сбор урожая), уходе за скотом, в заготовке сена [14]. На страницах периодической печати встречается девиз школьников «Летом был ударником в поле, а теперь отличником в школе» [15].

В газете Красное Знамя за № 233 от 1 октября 1942г. отмечается, что «По предварительным данным школьниками Приморья собрано 220 тонн дикоросов и 38 тонн лекарственных трав. Среди них отличились школьники Красноармейского района собрали 31 тонну дикоросов, 4.4 тонны лекарственных трав, в Буденновском районе – 15 тонн дикоросов, 4 тонны лекарственных трав» [16].

Отечественная война накладывала отпечаток на многие детские судьбы. В силу тяжелого материального или семейного положения, вовлечения взрослыми, зачастую рецидивистами в совершение преступлений и оказания психологического воздействия, детского азарта, они вступали на тернистый криминальный путь. И та проводимая внешкольная работа не всегда была достаточной для предотвращения правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних.

НКВД Приморского края, Крайком ВКП (б) Приморского края, средства массовой информации активно поднимали вопросы о занятости детей во внешкольное и свободное время, о чем свидетельствуют архивные материалы. Так, на пленуме крайкома ВКП (б) от 25 марта 1944г. начальник Управления НКВД по Приморскому краю А.А. Закусило признал неудовлетворительную воспитательную работу среди детей в школах Наркомпроса, детских учреждениях, пионерских организациях, в школах ФЗУ и РУ, обратив внимание на то, что имеются дети, не охваченные образовательным процессом «и в большом количестве», но и на некоторых педагогических и комсомольских работников, самоустраивающихся от воспитательной работы, родителей-членов партии, чьи дети были замечены в совершении преступлений [17, л. 125–140].

Показательны следующие факты из доклада А.А.Закусило: «... 10% разного вида преступлений, совершенных несовершеннолетними, падают на учащихся неполных средних и средних школ... . В практике встречаются такие нелепые случаи, когда отдельные руководители школ приходят в некоторые органы карательной политики и просят вмешаться в дела школы... настоятельно требуют изъять некоторое количество так называемых испорченных учеников, которые не дают нормально заниматься в школе»... [18]. Приводятся данные, что дети вне школы предоставлены сами себе, нарушают общественный порядок. Органы милиции вынуждены задерживать по 20–30 учащихся. Только за первый квартал задержано больше 1500 школьников (это в г. Владивостоке),

которые находились без присмотра взрослых и очень часто занимались солидными преступлениями.

Такие факты не публиковались открыто в средствах массовой информации того времени, тем более невозможно было встретить на страницах газет информацию о состоянии беспризорности, безнадзорности в нашей стране. Однако встречаются факты по проблемам организации учебного процесса в образовательных заведениях, внешкольной работы, деятельности Наркомпроса, освещаются вопросы детской летней занятости, оказания помощи в колхозах, на предприятиях, участия в воскресниках и выполнение (и даже перевыполнение) планов (в трудовнях) и дальнейшее порой перечисление денежных средств, заработанные детьми, в военные фонды.

В первые послевоенные годы внимание к внешкольной работе с детьми усилилось. Важнейшим постановлением президиума ВЦСПС является постановление от 18 января 1947 года «Об улучшении работы профсоюзов по оказанию помощи рабочим и служащим в воспитании детей». Это постановление имело огромное социальное значение, направленное на усиление помощи и заботы со стороны профсоюзов о детях, оставшихся без родителей, о многодетных матерях-работницах, матерях-одиночках, семьях, погибших воинов Советской армии, инвалидах Отечественной войны по оказании им помощи в воспитании детей.

В докладе председателя ЦК профсоюза Е.А. Зориной на IV-м пленуме Центрального комитета профсоюза работников дошкольных учреждений и детских домов СССР от 20 марта 1947 года по выполнению постановления от 18 января 1947 года анализируется государственная поддержка и финансирование детских учреждений и обращается внимание на то, что «...по бюджету государственного социального страхования на внешкольную работу с детьми предусмотрено в 1947 году 75 миллионов рублей и на пионерские лагеря 650 миллионов рублей. ... Ассигнования профсоюзов на внешкольное обслуживание детей на 1947 год выражается в сумме 71 млн., на пионерские лагеря в сумме 31 миллиона рублей» [19, л. 235].

Так, за счет финансирования из средств государственного социального страхования и профсоюзного бюджета в послевоенное время при профсоюзном клубе (Дворце культуры профсоюза) создается сектор по работе среди детей в возрасте от 6 до 17 лет с целью проведения внешкольной работы и коммунистического воспитания подрастающего поколения. В составе Сектора имелись различные разделы:

а) массовый раздел, который занимался организацией педагогической пропаганды среди рабочих и служащих, проведением лекций, бесед, утренников, встреч, проведением работы в общежитиях, в клубной игротке, комнате сказок;

б) военно-спортивный раздел, занимался организацией кружков (минометные, артиллерийские, пулеметные, снайперов, военно-морского дела, сандружиниц) и спортивных секций (гимнастические, легкоатлетические, военно-спортивные игры, лыжные, конькобежные, рукопашного боя);

в) раздел науки и техники, в который входили кружки (связи, химиков, энергетиков, занимательной науки и техники, натуралистов, зоологов, ботаников, туристов, географов, краеведов, конструкторские авиамодельные и другие) и мастерские (слесарная, столярная, переплетная, швейная);

г) раздел художественного воспитания – кружки по изобразительному творчеству (рисунка и живописи, скульптуре, театральнo-оформительские, художественной вышивки);

д) другие кружки (театральный, музыкальный, хореографический).

Сектор по работе среди детей всю работу проводил в тесном контакте со школами, комсомольскими организациями, районным отделом народного образования и в целях предупреждения детской беспризорности и безнадзорности с детскими комнатами милиции [20, л. 230–233].

В военное время внешкольной работе принадлежала особая роль, она выполняла важные социальные, культурные функции, оказывая помощь образовательным организациям, родителям и имела профилактический характер в предупреждении девиантного поведения детей, в том числе безнадзорности, беспризорности и преступности несовершеннолетних. Данная работа в послевоенное время приобрела более системный активный характер, что способствовало снижению детской преступности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Список источников и литературы

1. Смольников Е.В. Становление и развитие системы дополнительного образования детей в отечественной педагогике: историко-педагогический анализ: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ульянов. гос. ун-т., Ульяновск, 2006. – 28 с.

2. Коренюк В.М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени: по материалам Молотовской области: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ом. гос. пед. ун-т., Омск, 2017. – 32 с.

3. Алиева Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства: автореферат дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Ин-т теории образования и педагогики Рос. акад. образования. – Москва, 2002. – 56 с.

4. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.) : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 234 с.

5. Жадан А.В., Звягин В.А. Деятельность органов внутренних дел Приморского края по борьбе с беспорядочностью, безнадзорностью, преступностью среди молодежи (1941–1945 гг.) // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире: сборник статей междунар. науч.-практ. конф., 5 июня 2016 г., г. Киров. В 3 ч. Ч. 3. – Уфа : АЭТЕРНА, 2016. – С. 46–50.

6. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 200–207.

7. Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспорядочностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.). – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2014. – 88 с.

8. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2019. – № 1. – С. 38–42.

9. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – 354 с.

10. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

11. Шабельникова Н.А., Жадан А.В. На страже закона: дальневосточная милиция в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века. (К 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). М. : Изд-во Фронткнига, 2019. – С. 343–350.

12. Приморский комсомолец. – 1941. – № 92 (222). – 1 августа.

13. ГА ПК (Государственный архив Приморского края). Ф.68. Оп.34. Д.162.

14. Приморский комсомолец. 1941. – № 95 (225). – 10 августа.

15. Красное Знамя. – 1942. – № 233. – 1 октября.

16. Там же.

17. Архив УМВД по Приморскому краю. Ф.12. Оп.1. Д. 87.

18. Там же.

19. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9412. Оп.1. Д. 97.

20. Там же.

*А.В. Маклюков, заведующий Отделом истории Дальнего Востока России
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, кандидат исторических наук*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные проблемы развития угольной промышленности Дальнего Востока СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Показано, что формирование угольной базы региона было обусловлено его оторванностью от индустриально развитых районов страны, спецификой хозяйственного освоения края, сложностью геологического строения угольных месторождений, ограниченностью финансовых, материальных и трудовых ресурсов, незавершенностью строительства и реконструкции угольных шахт.

Ключевые слова: угольная промышленность; энергетика; военная экономика; Великая Отечественная война; Дальний Восток.

*A.V. Maklyukov, head Of the Department of history of the Russian Far East of the
Institute of history, archeology and Ethnography of the peoples of the Far East Feb
RAS, candidate of historical Sciences*

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE COAL INDUSTRY OF THE FAR EAST OF THE USSR ON THE EVE OF AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article discusses the main problems of the development of the coal industry of the Far East of the USSR on the eve of and during the Great Patriotic War. It is shown that the formation of the region's coal base was due to its isolation from the industrially developed regions of the country, the specifics of the economic development of the region, the complexity of the geological structure of coal deposits, the limited financial, material and labor resources, the incomplete construction and reconstruction of coal mines.

Keywords: coal industry; energy; military economy; Great Patriotic war; Far East.

Вопросы формирования угольной базы Дальнего Востока накануне и в годы Великой Отечественной войны рассматривались в специальных работах по истории становления отрасли и целом в трудах, посвященных проблемам дальневосточной экономики в военный период [1; 2; 3; 4]. Проблемы развития угольной промышленности региона раскрывались в рамках исследования как отдельных предприятий, и так его территорий (Сахалин, Приморье), но в тоже время авторы практически не выявляли условия и особенности функционирования угольной базы Дальнего Востока в целом в рассматриваемый период. Научная новизна исследования заключается в расширении проблематики темы и специальной проработке отдельных вопросов.

Усиление оборонно-экономического потенциала Дальнего Востока СССР в конце 1930-х гг. требовало в первую очередь создания современной, мощной и надежной угольной базы. Регион испытывал острый дефицит в угольном топливе, которое с конца второй пятилетки стало дополнительно завозиться для местных потребителей из Кузбасса. Только в 1937 г. Хабаровскому краю требовалось на 42% больше угля, чем добывалось на шахтах и разрезах региона [ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 427. Л. 125; Оп. 4. Д. 26. Л. 2, 3].

В 1938–1940 гг. ЦК ВКП (б) и советское правительство принимали меры по увеличению топливных баз в каждом промышленном районе страны, на капитальное строительство в угольной промышленности было отпущено 388 млн. руб. Основной упор делался на ускорение развитие отрасли на востоке, не только для покрытия текущих потребностей в топливе, но и создании государственных резервов. В сфере развития угольной промышленности региона правительство наметило широкую программу строительства шахт и разрезов, в отличие от предыдущих пятилеток центр тяжести в восточных районах страны падал на дальневосточные районы. Добыча угля в регионе по плану увеличивалась в 2,5 раза, что превышало общие темпы добычи по СССР. В 1939–1940 гг. реорганизована система управления угольной отраслью, в которой вводилась структура: наркомат – комбинат – трест – шахта. 28 февраля 1939 г. в Хабаровске создано Управление уполномоченного Наркомата угольной промышленности СССР на Дальнем Востоке, в ведение которого находились тресты Артемуголь, Сучануголь и Сахалинуголь, Ворошиловское, Липовецкое и Подгородненское шахтоуправления, завод Metallist. Тресты и шахтоуправления в 1939 г. вошли в состав созданного комбината Дальуголь, непосредственно подчинявшийся наркомату. Угольные разрезы Кивды и Райчихинска находились под управлением Дальлага НКВД [ГАХК. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 21. Л. 2].

Рост производства в угольной отрасли Дальнего Востока осуществлялся за счет расширения, технического переоснащения и интенсификации действующих шахт и разрезов, ввода новых промышленных мощностей. В октябре

1939 г. правительственная комиссия передала в эксплуатацию законченную строительством крупнейшую региональную шахту № 20 треста Сучануголь, мощность которой составляла 500 тыс. т. В 1939–1940 гг. введены в строй шахта № 23 треста Сучануголь, № 3 треста Артемуголь, «Капитальная» Тавричанского шахтоуправления, Агневский рудник треста Сахалинуголь и др. Как и в электроэнергетике, в угольной промышленности в этот период в основном закладывали шахты небольшой мощности, поскольку их создание требовало меньшего времени (10 месяцев, вместо 3–4 лет). За годы пятилетки на Дальнем Востоке построено 20 шахт и разрезов, однако они вводились в эксплуатацию со значительными недоделками, их общая проектная мощность в 1940 г. была освоена на 47,8% [ГАХК. Ф. Р–1619. Оп. 1. Д. 21. Л. 7].

Партийными и советскими органами много внимания уделялось завершению комплексной механизации добычи угля во всех угольных районах страны. Решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР в мае 1939 г. устанавливалось, что технические заказы угольной промышленности должны выполняться наравне с оборонными. В 1938–1941 гг. шахты и разрезы Дальнего Востока централизованно получили значительное количество новой техники и машин отечественного производства. На предприятиях региона в 1940 г. числилось 57 врубовых машин, 879 отбойных молотков, 203 бурильных молотка, 29 электровозов, 11 навалочных машин, 40 перегружателей и др. машины. Техническая оснащенность отрасли с 1938 по 1940 гг. выросла на 52%, а механизированная зарубка и отбойка угля с 76,8% до 97,6%. Большое значение имела организация производства в лавах по графику цикличности, но, из-за отсутствия комплексной механизации в дальневосточных шахтах этот процесс внедрялся очень медленно [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 254. Л. 44; Ф. 1562. Оп. 54. Д. 42. Л. 11; ГАХК. Ф. Р–1619. Оп. 1. Д. 21. Л. 15].

Руководство трестов, комбината Дальуголь и Наркомата, выполняя правительственные решения по оснащению шахт, зачастую не учитывали их специфику, слабость производственной и энергетической базы. На шахтах Приморского края в 1940 г. половина из поступившей техники простаивала, а в тресте Сучануголь в работе находилось лишь 30% машин [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 67. Л. 45; Ф. Р–34. Оп. 5. Д. 72. Л. 53]. Сложные геологические условия Сучанского месторождения не позволяли широко использовать электровозы и тяжёлую механизацию, как на шахтах Донбасса. На Дальнем Востоке врубовыми машинами добывалось всего 14,4% угля, в то время как в Сибири, в частности на Черемховских коях – 51%. Кроме того, слабое энергообеспечение угольных предприятий приводило к тому, что, например, на крупнейшей Сучанской шахте № 20 вместо новейшей скиповой подъёмной машины стоимостью 330463 руб. использовалась старая паровая машина «John Wood» [ГАПК. Ф. Р–498. Оп. 2. Д. 211. Л. 200; Д. 218. Л. 68-об–7].

Планы по добыче угля на Дальнем Востоке ежегодно не выполнялись (в 1937 г. на 78%, в 1939 г. – 82%, в 1940 г. – 91%). С 1937 по 1940 гг. она добыча угля увеличилась в 1,5 раза – с 4821,6 тыс. т до 7216 тыс. т. При этом значительный рост произошел за счёт добычи открытым способом на разрезах. Кивдинские и Райчихинские копи, где в основном использовался принудительный труд, дали в 1940 г. почти 40% дальневосточного угля. В целом потребности региона в твердом минеральном топливе в предвоенные годы удовлетворялась на уровне 80–85% [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 254. Л. 1,6].

Несмотря на все трудности, динамика производственных показателей развития угольной базы Дальнего Востока в предвоенные годы была высокой (см. табл. 1), что являлось результатом организационных усилий советского государства и его региональных органов власти, обеспечивших существенное увеличение добычи угля в рамках созданной модели мобилизационной экономики. Однако ликвидировать диспропорцию между ростом потребностей местной промышленности и транспорта в угольном топливе за короткий срок не удалось. Для этого не хватило времени, финансовых, трудовых и материальных ресурсов.

Таблица 1

**Динамика развития угольной промышленности Дальнего Востока
(1938–1940 гг.)**

Наименование продукции	Единица измерения	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Добыча угля	тыс. т	4801,8	5866,6	7216,7
Выжиг кокса	тыс. т	5,4	-	9,2

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 37. Д. 730. Л. 13, 31; Оп. 41. Д. 818. Л. 62, 64. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 50–51.

В годы Великой Отечественной войны оборонная экономика Дальнего Востока развивалась в условиях топливно-энергетического кризиса, вызванного резким повышением спроса на энергоносители и дефицитом производства энергоресурсов. Ключевой проблемой, оказавшей влияние на обеспечение стремительно растущей оборонной промышленности энергоресурсами, являлась работа предприятий угольной отрасли.

Перед угольными предприятиями Сибири и Дальнего Востока стояла важнейшая задача по обеспечению топливом мощностей оборонной промышленности, электроэнергетики, железнодорожного и морского транспорта. В структуре управления угольной отрасль Дальнего Востока в годы войны произошли изменения. Приморский и Хабаровский крайкомы ВКП (б) 2 марта

1943 г. обратились к наркому В.В. Вахрушеву, в СНК СССР и центральный комитет ВКП (б) с просьбой улучшить управление и работу региональных угольных предприятий, разбросанных на расстоянии друг от друга на 1000 км. Они предложили разделить комбинат Дальуголь на два новых: Приморский и Хабаровский. Постановлением СНК СССР от 14 марта 1943 г. в комбинат Приморскуголь вошли тресты Артемуголь и Сучануголь, Ворошиловское и Липовецкое шахтоуправления, завода металлист, в Хабаровскуголь – тресты Райчихуголь и Сахалинуголь [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 366; Ф. Р–26. Оп. 22. Д. 122. Л. 102].

По всем угольным предприятиям Дальнего Востока с началом войны произошло падение угледобычи. Снижение технической оснащённости труда, ухудшение качественного состава шахтеров, износ горного оборудования и машин, отсутствие запасных частей и металла для ремонта средств механизации, отставание в проведении подготовительных работ, прекращение шахтного строительства – эти и другие факторы резко сужали устойчивый фронт угледобычи. Приморские шахты в 1941–1943 гг. не получали транспортерной ленты, аккумуляторных лампочек и технических материалов, в среднем на предприятиях работало лишь 41% врубовых машин и 64% отбойных молотков, за это время произошло 1780 аварий. Основные угледобывающие машины разрезов треста Райчихуголь также находились в изношенном состоянии, из 33 экскаваторов в работе находилось только 19 [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 366. Л. 14; Оп. 4. Д. 67. Л. 45; ГАХК. П–35. Оп. 3. Д. 218. Л. 41об].

С 1941 г. по 1943 г. угледобыча на предприятиях комбината Приморскуголь снизилась с 4162,0 до 2672,5 тыс. т или на 35%. Максимальное падение, почти на 60%, произошло на шахтах треста Сучануголь. В 1942 г. из-за нехватки кадров и технических материалов была закрыта старейшая сучанская шахта № 2/5, разобранное оборудование и освободившиеся материалы перераспределили по другим предприятиям. Дефицит электроэнергии и выход из строя техники заставил руководство треста перевести ряд механизированных работ на ручное выполнение. Сучанские шахты оказались в положении, при котором по всем правилам и инструкциям их забои должны быть остановлены, а добыча угля прекращена [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 5. Д. 172. Л. 2; Д. 171. Л. 2–3]. Резко сократились производственные показатели и в тресте Сахалинуголь – с 1941 по 1943 гг. в 2,6 раза снизилась угледобыча. В 1943 г. закрыты шахта Агневская, Ново-Мгачинский и Александровский участки [4, с. 143].

Приказом Наркомугля СССР от 21 апреля 1943 г. консервации подлежали строящиеся предприятия треста Бурейшахстрой, все освободившиеся материально-техническое имущество и оборудование на 60% перераспределяясь шахтам комбината Приморскуголь, на 40% разрезам Хабаровскуголь. При этом стройматериалы предназначались тресту Сучануголь для строительства новой

шахты № 24, которую ввели в эксплуатацию в 1944 г. [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 366. Л. 14 об].

Постановлением ГКО от 27 марта 1944 г. «О мерах по увеличению добычи угля по комбинату Приморскуголь» предусматривалось оказание материально-технической помощи приморским шахтам за счет импортных поставок ленд-лиза. В сентябре 1944 г. тресты Сучануголь и Атремуголь получили 1 км транспортерной ленты, 20 т медной проволоки, 10 км кабеля электрического 6 кВ, 30 км осветительного шнура, 2000 кв. м хлопчатобумажной ткани, 10000 пар кожаной обуви и другие материалы [ГАРФ. Ф. Р–5446. Оп. 46а. Д. 2594. Л. 7]. Разрезы треста Райчинуголь комбината Хабаровскуголь в 1945 г. получили 5 импортных электрических экскаватора и передвижные электростанции для их энергообеспечения [ГАХК. Ф. П–35. Оп. 3. Д. 218. Л. 43].

В постановлении ЦК ВКП (б) от 30 августа 1944 г. «О работе Приморского крайкома ВКП (б)» указывалось на плохую производственную деятельность угольных предприятий края и требовалось от местных партийных органов обеспечить повышение добычи угля на 25% [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 5. Д. 412. Л. 1]. В сентябре-декабре 1944 г. комбинат Приморскуголь провел реконструкцию и ремонт горного оборудования и машин, ввел в эксплуатацию новые шахты малой мощности. Это позволило выполнить годовой план по добычи угля и обеспечить его дальнейший рост. Всего за годы войны в угольной промышленности Дальнего Востока произошел незначительный рост добычи – на 8% (1945 г. по сравнению с 1940 г.). При этом 40% угля в регионе добывалось на разрезах Кивдо-Райчихинского бассейна [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 50; ГАХК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 1521. Л. 23].

Добыча дальневосточного угля в годы войны в значительной степени зависела от работы региональной транспортной системы. Перегруженность и сбои железной дороги приводили к огромному скоплению топлива на предприятиях и снижении добычи нового. В 1942 г. из-за недодачи 44 тыс. вагонов на приморских шахтах собралось 370 тыс. т угля. Хранение углей в отвалах являлось опасным и приводило к колоссальным убыткам. В тресте Артемуголь из-за самовозгорания угля только в 1942 г. потеряли свыше 4 тыс. т топлива [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 366. Л. 1]. Дефицит морского транспорта привел к скоплению на прибрежных складах о. Сахалин большого количества топлива, своевременный вывоз которого не представлялся возможным и тормозил работу сахалинских шахт [4, с. 142].

Потребности в минеральном топливе обусловили в военные годы необходимость ускорить геологический поиск, изучение и освоение новых угольных месторождений. В июле 1943 г. СНК СССР принял решение о форсировании разведочных работ на Дальнем Востоке. Геологоразведочный трест в 1944 г.

под руководством инженера Цветова М.В. закончил работы по Тадушинскому бурогольному месторождению на севере Приморского края. В 1943 г. было открыто Хинганское месторождение угля в Хабаровском крае, которое в 1944 г. по заданию Хабаровского крайкома ВКП (б) стало детально изучаться [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 5. Д. 8. Л. 42; Д. 419. Л. 20].

Осваивались новые угольные месторождения в северных районах Дальнего Востока – на Камчатке и Чукотке. В 1941 г. началась эксплуатация месторождения Бухта Угольная на Чукотке, также уголь добывался на Анадырском и Корфском месторождениях. Всего за годы войны здесь было добыто 200,4 тыс. т угля [3, с. 153]. В значительной степени возросла потребность в коксующихся углях, необходимых для литейного производства. Коксовые печи имелись в тресте Сучануголь, за только за 1942 г. выжиг кокса для заводов Металлист и Амурсталь увеличился в 2 раза [ГАПК. Ф. П–68. Оп. 4. Д. 366. Л. 63].

Несмотря на все трудности, угольная база Дальнего Востока в военный период в целом продолжала развиваться достаточно устойчиво, о чем свидетельствуют статистические данные, представленные в табл. 2.

Таблица 2

**Динамика развития угольной отрасли Дальнего Востока
(1940, 1945 гг.)**

Наименование продукции	Единица измерения	1940 г.	1945 г.
Добыча угля	тыс. т	7216,7	7858,1
Выжиг кокса	тыс. т	9,2	16,9

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 50–51.

Итак, угольная промышленность Дальнего Востока в предвоенные и военные годы развивалась благодаря организационным усилиям центральных и региональных органов власти, обеспечивших существенное увеличение добычи угля в рамках созданной модели мобилизационной экономики. В тоже время ряд неоднозначных факторов в значительной степени снижал эффективность регионального партийного руководства по развитию дальневосточной угольной базы. Формирование отраслей энергетики было обусловлено оторванностью региона от индустриально развитых районов страны, спецификой его хозяйственного освоения, сложностью геологического строения угольных месторождений, ограниченностью финансовых, материальных и трудовых ресурсов, незавершенностью строительства и реконструкции шахт.

В годы Великой Отечественной войны оборонная промышленность по темпам роста значительно опережала угледобывающее производство и поэтому, несмотря на рост его показателей на Дальнем Востоке и по всей стране в

целом ощущался острый дефицит твердого топлива. Именно в этом и состояла суть топливно-энергетического кризиса, затруднявшего развитие военной экономики и не позволившего полностью использовать созданный оборонно-промышленный потенциал.

Список источников и литературы

1. Деревянко А.П. Угольная промышленность Приморья. Страницы истории // Уголь Приморья. Материалы научно-практической конференции, посвященной 125-летию промышленной разработки угля в Приморском крае. Владивосток : Дальневосточный государственный технический университет, 1993. – С. 3–44.

2. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). – Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2018. – 277 с.

3. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2013. – 339 с.

4. Тютяева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине : середина XIX в. – 1945 г. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. – Владивосток, 2003. – 31 с.

УДК 94(4) "1941/1945"

*Э.А. Мартынюк, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России*

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ: СОТРУДНИКИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье дается краткий историографический обзор по деятельности органов внутренних дел Приморского края, рассматриваются страницы биографии сотрудников органов внутренних дел Приморского края, участников Великой Отечественной войны. Делается вывод о необходимости сохранения Памяти о подвигах приморцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сотрудник органов внутренних дел, Приморский край, историческая память, изучение, биография.

E.A. Martynyuk, teacher of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ETERNAL MEMORY TO THE HEROES: EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE PRIMORSKY TERRITORY-PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article gives a brief historiographical review of the activities of the bodies of internal Affairs of Primorski Krai, considers the biography of the staff of bodies of internal Affairs in Primorsky region, participants of the great Patriotic war. It is concluded that it is necessary to preserve the Memory of the exploits of Primorye residents who fought on the fronts of the great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war, the personnel of bodies of internal Affairs, Primorsky Krai, historical memory, learning, biography.

9 мая 2020 года исполнилось 75 лет со времени окончания Великой Отечественной войны. Эта круглая дата – повод задуматься о многом. Как случилось, что зародился и набрал огромную силу германский фашизм? В чем его корни? Почему он не был остановлен и смог развязать самую кровавую войну в истории человечества, в которой участвовали более 80 % населения Земли и которая унесла десятки миллионов людских жизней?

В отличие от многих других войн эта война была не только за территории и ресурсы. Это была битва с человеконенавистнической силой, грозившей уничтожением целым народам, война за само звание человека.

В современный период заметно активизировалось изучение истории Великой Отечественной войны [14; 15; 16], в том числе, и в региональной историографии [3; 4; 17; 18; 25]. В фундаментальных монографиях «Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года» и «Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг.» показана сложная геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне и в годы Великой Отечественной войны, рассмотрены особенности криминализации дальневосточного общества и деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью [2, с. 530–549; 8, с. 306–310].

В работах А.В. Жадана, Н.В. Ляскиной, Н.А. Шабельниковой, А.В. Милежика, А.В. Усова получили освещение такие аспекты деятельности правоохранительных органов, как организационная структура НКВД [24], проблемы отбо-

ра и подготовки кадров [1; 7], борьба с преступностью [6; 9; 10], взаимодействие НКВД и Краснознаменной Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане [19; 20]. Рассматриваются страницы биографии приморцев – сотрудников органов внутренних дел, участников Второй мировой войны [23]. В ряде исследований анализируются архивные документы [5], дается историографический обзор изучаемой проблемы [11; 13; 11; 22].

Страницы биографий приморцев – сотрудников органов внутренних дел могут служить достойным примером исполнения служебного долга и воспитания молодежи на героических страницах Великой Отечественной войны.

Гордостью Приморской милиции является *Андрей Васильевич Чакмин*. Родился 15 октября 1923 года в Саратовской области в селе Большая Алексеевка. За плечами Андрея Васильевича сложный жизненный путь, суровые испытания. В 1942 году призван в армию. Затем был направлен в воздушно-десантный полк 3-го Украинского фронта. С этим полком в январе 1945 года в Венгрии принял первый бой у озера Балатон. Затем были тяжелые бои в Югославии, Германии, под Баден-Баденом, в Альпах на территории Австрии. Участвовал в штурме г. Вены. Позже его полк освобождал от фашистов Чехословакию. За время боевых действий совершил 26 прыжков с парашютом. День победы встретил в Чехословакии. После победы продолжал службу в Венгрии до марта 1947 года.

В органах внутренних дел Андрей Васильевич с 1949 года. Работал старшим инспектором секретариата, оперуполномоченным уголовного розыска, начальником паспортного отделения Фрунзенского отдела внутренних дел, старшим инспектором отдела службы УВД края. В 1968 году ушел по болезни в отставку.

За верную службу Родине награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями «За взятие Вены», «За победу над Германией», «За безупречную службу» трех степеней и другими.

Андрей Иванович Дурнев родился 8 марта 1921 года в селе Лозовенька Петровского района Харьковской области. На войну ушел с 4 курса инструментального химического техникума в сентябре 1941 года. Первая служба на оборонном заводе № 82 в г. Москве. В конце 1941 года был направлен в пехотное училище г. Орджоникидзе. Закончил его в звании лейтенанта и получил должность заместителя командира стрелковой роты 399-й дивизии.

Участвовал в обороне Сталинграда. Во время уличных боев несколько раз был ранен, сам переплывал Волгу. В составе 3-го Украинского фронта участвовал в Курской битве, освобождал Запорожье, Николаев, Одессу. В 1944 году в составе 1-го Белорусского фронта воевал на территории Польши. 2 ноября 1944 года был ранен. После лечения отправлен на курсы усовершенствования для офицерского состава в г. Ульяновск.

В 1945 году весь выпуск был направлен на Дальний Восток. С этого периода Андрей Иванович начал работать в г. Находке в системе МВД. Сначала начальником финансового отдела ГОВД, затем старшим оперуполномоченным в ОБХСС до 1964 года. Майор милиции в отставке. За военные заслуги награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, «Красной Звезды», медалью «За оборону Сталинграда».

Михаил Алексеевич Девятков родился 13 ноября 1922 года в Кировской области. В ноябре 1941 года был зачислен курсантом Тюменского военно-технического училища. В мае 1942 года был направлен командиром взвода 384-го стрелкового полка 2-й стрелковой бригады. В июне 1942 года в составе 1045-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии был направлен на Сталинградский фронт, где был тяжело ранен и находился на излечении в эвакогоспитале г. Томска до января 1943 года.

После окончания войны проходил службу в Советской Армии и был уволен по сокращению штатов в ноябре 1955 года. С декабря 1955 года Михаил Алексеевич проходил службу в органах внутренних дел в должности инспектора оперативного дивизиона УВД Приморского края. За время службы окончил Высшую школу МООП РСФСР.

В 1960 году М.А. Девятков был назначен на должность начальника отдела охраны при ОВД Первореченского района г. Владивостока. В 1975 году в звании полковника милиции ушел в отставку. За время службы был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

Музей УМВД России по Приморскому краю хранит данные о многих ветеранах Великой Отечественной войны и ждет исследователей. Страницы биографий приморцев – участников Великой Отечественной войны могут служить достойным примером исполнения служебного долга и воспитания молодежи на героических традициях старших.

Список источников и литературы

1. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования: монография. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 234 с.
2. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.- корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева: монография. – Владивосток : Дальнаука, 2020. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3). – 944 с.
3. Деревянко А.П. Победа над фашизмом: взгляд из сегодня // Россия и АТР. – 2000. – № 3. – С. 5–18.

4. Жадан А.В. «По имеющимся в Управлении НКВД данным...». Социально-экономическая обстановка и материально-бытовые условия жизни населения Приморского края в 1943–1945 гг. // Исторический архив. – 2018. – № 5. – С. 138–151.

5. Жадан А.В. Архивные документы по истории органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. – 2017. – № 5. С. 40–48.

6. Жадан А.В. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел Приморского края по борьбе с преступностью в 1941-1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4. – С. 66–75.

7. Жадан А.В., Шелудько В.О. Проблемы отбора и подготовки кадров органов внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Современная научная мысль. – 2016. – № 4. – С. 201–208.

8. История Дальнего Востока России: монография. Том. 3. Книга 2: Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. – Владивосток : Дальнаука, 2018. – 656 с.

9. Ляскина Н.В. Работа по профилактике правонарушений и детской беспризорности среди несовершеннолетних в школах Приморского края (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. – 2019. – № 6. – С.103–107.

10. Ляскина Н.В. Государственная политика СССР в области предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 г.г.) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII международной научно-практической конференции, Красноярск, 4–5 апреля 2019 г. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. – С. 152–154.

11. Милежик А.В. Вклад ученых Дальнего Востока в изучение истории органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXV междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. – С. 371–375.

12. Музей УМВД по Приморскому краю. Документальный фонд.

13. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 200–207.

14. Суверов Е.В. Роль милиции в обеспечении правопорядка в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Деятельность пра-

воохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXV междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. – С. 391–394.

15. Суверов Е.В., Москвитин Ю.Н., Антропов В.М., Миронов Е.В. История органов внутренних дел Алтая: монография. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. – 348 с.

16. Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945 гг.): монография. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. – 88 с.

17. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Хабаровск : Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2013. – 340 с.

18. Ткачева Г.А., Жадан А.В. Социально-экономические детерминанты криминализации приморского общества в 1941–1945 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 94–99.

19. Усов А.В. Особенности реорганизации Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) при ОГПУ СССР в условиях пятилетнего плана развития народного хозяйства // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Выпуск XVII. «Гороховая, 2». – СПб. : Любавич, 2019. – С. 270–277.

20. Усов А.В. Взаимодействие НКВД и Краснознаменной Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) на Тихом океане (1930-1940 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: урок истории: материалы XXI Всеросс. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 г.). – М. : Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. – С. 219–225.

21. Шабельникова Н.А. Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2019. – № 1 (145). – С. 36–42.

22. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

23. Шабельникова Н.А. Они сражались за Родину: сотрудники органов внутренних дел Приморского края – участники Второй мировой войны 1939–1945 гг. // Великая Отечественная война, войны России и проблемы исторической памяти: Материалы XLVII Международной научной конференции Санкт-Петербург, 18 мая 2020 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. – СПб. : Полторак, 2020. – С. 237–241.

24. Шабельникова Н.А., Жадан А.В. На страже закона: дальневосточная милиция в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке.

Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века. (К 75-летию Великой Победы): материалы XXIII междунар. науч. конф. (Москва, 5–6 декабря 2019 г.). – М. : Издательство Фронткнига, 2019. – С. 343–350.

25. Шабельникова Н.А., Усов А.В. «Есть память, которой не будет забвения, и слава, которой не будет конца»: сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере Приморской краевой Книги Памяти) // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны : навстречу 75-летней годовщине освобождения Карелии : сб. док. междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2019 года, г. Петрозаводск) / отв. ред. О. И. Кулагин. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. – С. 271–276.

УДК 94

*А.В. Милежик, начальник кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
МВД России, кандидат исторических наук
Т.В. Милежик, учитель МБОУ «СОШ № 14 г. Владивостока»*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. КАК КОМПОНЕНТ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

В статье определяется место и роль противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в процессе воспитания молодого поколения в духе гражданственности и патриотизма, формирования исторического сознания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, фальсификация истории, патриотическое воспитание, Россия.

A.V. Milezhik, head of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Federal University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of historical Sciences

T.V. Milezhik, teacher of school № 14 Vladivostok's

COUNTERACTION TO FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 AS A COMPONENT OF PATRIOTIC EDUCATION

The article defines the place and role of countering the falsification of the history of the Great Patriotic war of 1941–1945 in the process of educating the young generation in the spirit of citizenship and patriotism, the formation of historical consciousness.

Keywords: The Great Patriotic war, world war II, falsification of history, Patriotic education, the Russian state.

В последнее время участились факты искажения и очернения исторического прошлого Российского государства. Делаются попытки необоснованного пересмотра исторических оценок, фальсифицируются исторические события и факты. Особым нападкам подвергается история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Идет мощная волна дискредитации Победы советского народа в войне с фашистской Германией и милитаристской Японией. В основе этой дискредитации лежат определенные политические и идеологические цели. На первом этапе – опорочить Советский Союз, превратить его в агрессора, разжигателя мировой войны, захватившего не принадлежавшие ему территории, распространившего тоталитаризм и коммунистическую идеологию в Европе и Азии. А далее, можно делать вывод, что результаты Второй мировой войны несправедливы и необходимо их пересмотреть в пользу «истинно демократических» стран.

На стезе пересмотра исторического прошлого прославились как зарубежные (Э. Нольте, Р. Мурхаус) [5; 6], так и наши отечественные «прогрессивные» историки (В. Бешанов, Л. Млечин, Б. Соколов, В. Суворов и др.) [1; 3; 4; 7; 8]. Хотя по большому счету, историками этих «исследователей» трудно назвать. Многие публикации и телевизионные проекты, открывающие завесы «тайн и секретов» Великой Отечественной и Второй мировой войны, не выдерживают никакой объективной научной критики. Но, тем не менее, псевдоисторические книги («Ледокол» Виктора Суворова (Резуна), «Самая запретная книга о Второй мировой» Сергея Веревкина) [2; 8], журнальные и газетные публикации, фильмы («Штрафбат», «Сволочи») и телепередачи («Суд истории») снискали

некоторую популярность у определенной части общества, как правило, плохо знающей как свою, так и чужую историю.

Почему российская история оказалась в таком положении? Причин тому много, но остановимся на нескольких. Во-первых, у значительной части населения России отсутствуют объективные знания исторического прошлого нашего государства. Во-вторых, важным фактором стало проявление крайностей в освещении событий Великой Отечественной войны. В советский период – при рассмотрении темы войны присутствовали такие негативные явления, как избыточный официоз, замалчивание ряда исторических фактов, которые, по мнению тогдашних идеологов, шли вразрез с образом страны-победительницы. В свою очередь, в 1990-е гг. старая трактовка истории Великой Отечественной войны стала считаться излишне идеологизированной, а новая, в условиях деидеологизации общества, так и не была сформирована. Началась гонка за историческими сенсациями, которые могли принести материальный или политический капитал. При этом не имело значение, соответствует ли сенсация реальной истории.

Следующая причина – недоступность части архивных документов. Значительный пласт документов находится в удручающем состоянии и до настоящего времени идет процесс их обработки архивистами. Часть документов сохраняет гриф секретности, а часть документов по ряду причин утрачена навсегда.

И последнее, возможно самое главное, в средствах массовой информации отсутствует четкое понимание того, что они несут ответственность за все, что преподносят общественности, в первую очередь молодому поколению. К сожалению, в основном тиражируется то, что легко воспринимается аудиторией и не требует каких-либо интеллектуальных и нравственных усилий.

Все это в конце концов привело к появлению множества мифов о Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Приведем лишь малую часть этой мифологии:

- политика советского руководства способствовала приходу к власти Гитлера, а затем и развязыванию мировой войны;
- несговорчивость и коварство Сталина не позволили создать антифашистскую коалицию накануне войны;
- страны Европы оказались заложниками политики двух диктаторов – Гитлера и Сталина, желавших поделить мир;
- советские военачальники почти поголовно были бездарями и карьеристами;
- победу одержали лишь благодаря тому, что советское командование не жалело солдат, завалив немцев трупами;
- Сталин воевал со своим народом с помощью заградительных отрядов и штрафбатов;

– Красная Армия – не армия-освободительница, а огромная орда убийц, грабителей и насильников, вырвавшихся на просторы Европы;

– победа во Второй мировой войне одержана в первую очередь благодаря успешным действиям американских и английских вооруженных сил на Тихом океане, в Северной Африке и Западной Европе;

и, самый главный миф, – Победа в этой войне была бессмысленной и напрасной, в первую очередь для самого советского народа.

Мифы время от времени появляются и распространяются в СМИ, и постепенно укореняются в общественном сознании. Наносится серьезный удар по нашему самосознанию, нивелируется чувство национальной гордости, истребляется память о настоящих героях, павших за свою Родину. И этим негативным явлениям необходимо давать постоянный и решительный отпор.

Огромную роль в пресечении попыток фальсификации и искажения исторического прошлого играют учреждения образования, науки и культуры. Именно они являются своеобразными редутами на передовой линии борьбы с той исторической фальшью, которая заполонила средства массовой информации и книжные полки. История не существует сама по себе. Она растворена в обществе. Носителями исторических знаний являются сами люди. Сегодня от каждого гражданина зависит, какие суждения об истории нашей страны будет существовать в будущем. Представления об историческом прошлом, сплошь заполненные недостоверными сведениями, ложными фактами, субъективными выводами, вполне могут бытовать и даже господствовать в обществе, если в нем отсутствуют носители объективных знаний.

В этой связи большие надежды возлагаются на образовательные организации, в том числе и системы МВД, которые непосредственно воспитывают молодое поколение, формируя базовые принципы гражданственности и патриотизма. Молодежь, как правило, мало интересуется историей и по сути ее не знает. Причин тому множество – это и огрехи российского школьного и вузовского образования, и отсутствие единства в понимании значения патриотического воспитания и роли отечественной истории в образовательном процессе. Нет целенаправленной концепции по формированию гражданина со стороны средств массовой информации.

Молодому поколению сегодня проще всего получить информацию в глобальной сети Интернет. Однако в этом информационном потоке неопытному человеку, не обладающему хоть какой-то базой объективных исторических знаний, очень сложно разобраться и понять где ложь и вымысел, а где истина.

Поэтому большая роль в воспитании личности с активной гражданской позицией, с глубоким чувством патриотизма, возлагается на профессорско-преподавательский состав образовательных организаций. Каждый преподава-

тель при осуществлении образовательного процесса имеет возможность на своих занятиях апеллировать к героическому прошлому нашей страны.

В условиях усиления давления со стороны фальсификаторов истории, как отечественных, так и западных, главная цель – развитие у молодых людей исторического сознания, привитие им навыков исторического мышления, как важнейшего условия для формирования у подрастающего поколения гражданской позиции и воспитания чувства патриотизма.

Поставленную цель, возможно, достигнуть также в ходе научно-исследовательской деятельности курсантов и слушателей: при подготовке научных работ, проведении круглых столов, конференций, олимпиад и викторин.

Воспитанию патриотизма у курсантов и слушателей способствуют такие мероприятия как участие в параде Победы, чествование ветеранов, проведение различных ритуалов (принятие присяги, выпуск офицеров, торжественные построения, возложение цветов к мемориалам). Большое воспитательное значение имеют мероприятия, посвященных историческим событиям (концерты, лектории, просмотр и обсуждение фильмов патриотической тематики).

Все это в комплексе позволит сформировать у молодого поколения представления об основных закономерностях и особенностях исторического развития России, её роли в мире, способствовать освоению духовных ценностей, выработанных предшествующими поколениями, определению собственного отношения к историческому прошлому нашей Родины. При достижении таких целей попытки фальсификации и искажения исторического прошлого будут лишены смысла.

Список источников и литературы

1. Бешанов В.В. Горькая правда о ПОБЕДЕ. Кровавый 1945 год. – М. : Эксмо, 2013. – 544 с.
2. Веревкин С. Самая запретная книга о Второй мировой. – М. : Эксмо, 2009. – 608 с.
3. Млечин Л.М. Гитлер против Сталина. – М. : Аргументы недели, 2019. – 304 с.
4. Млечин Л.М. Один день без Сталина. Москва в октябре 41-го года. – М. : Центрполиграф, 2012. – 383 с.
5. Мурхаус Р. Дьявольский союз. Пакт Гитлера – Сталина. 1939 – 1941. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 544 с.
6. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917 – 1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / Послесловие С. Земляного. – М. : Логос, 2003. – 528 с.
7. Соколов Б.В. Правда и мифы Второй мировой. – М. : Вече, 2018. – 512 с.
8. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? – М. : Добрая книга, 2014. – 608 с.

О.Б. Мозохин, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН, доктор исторических наук

СОЗДАНИЕ ОСОБЫХ ОТРЯДОВ ОХРАНЫ СПЕЦСЛУЖБАМИ ЯПОНИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В статье отражен процесс создания особых отрядов охраны Японии в Маньчжурии для активизации разведывательной деятельности на случай войны с Советским Союзом. Их создание было вызвано так же необходимостью перестройки работы спецслужб Японии в связи с активизацией борьбы маньчжурского населения против японских властей. Однако планы по объединению разведывательных и контрразведывательных сил японцам не удалось до конца реализовать в связи с началом ожидаемой войны.

Ключевые слова: СССР, Япония, война, Особые отряды охраны, Маньчжурия, ЯВМ, Квантунская группировка войск.

O.B. Mozokhin., leading researcher Of the center for economic policy history of the IRI RAS, doctor of historical Sciences

CREATION OF SPECIAL PROTECTION UNITS BY SPECIAL SERVICES OF JAPAN ON THE EVE OF WAR

The article reflects the process of creation of special protection units of Japan in Manchuria to intensify intelligence activities in case of war with the Soviet Union. Their creation was also caused by the need to restructure the work of the special services of Japan in connection with the intensification of the struggle of the Manchurian population against the Japanese authorities. However, plans to unite the intelligence and counterintelligence forces of the Japanese failed to fully implement due to the beginning of the expected war.

Keywords: USSR, Japan, war, Special protection units, Manchuria, YAVM, Kwantung group of troops.

Затяжная война Японии с Англией, США и Китаем, ложившаяся тяжелым бременем на все население Маньчжурии, способствовала росту и обострению недовольств внутри страны. Китайские и корейские граждане начали проявлять враждебное отношение к японским оккупационным властям, переходя в отдельных случаях к более острым формам борьбы – диверсии и террору. Дей-

ствующие в Маньчжурии партизанские отряды увеличивались численно за счет лиц недовольных японскими властями и все чаще совершали налеты на японских солдат, чиновников различных учреждений, причиняя все больший ущерб японским властям.

Разведывательные органы – Японские военные миссии (ЯВМ) и контрразведывательные органы – жандармерия, полиция – оказались не способными справиться со всем объемом работ ввиду разрозненных действий и отсутствия общего руководящего центра. Более того, между ЯВМ с одной стороны и жандармерией, и полицией с другой, имелись крупные противоречия и антагонизм из-за отсутствия строго разграничения их функций.

Учитывая все эти обстоятельства еще в конце 1944 г. штаб Квантунской группировки войск (КГВ) приступил к разработке проекта ликвидации действующих ЯВМ и жандармерии и создания нового, более мощного аппарата, в котором бы объединялись функции разведывательных и контрразведывательных органов.

Такой аппарат намечалось создать по опыту Северного Китая, где уже длительное время действовали «Особые отряды охраны».

Однако данный проект штаба КГВ встретил резкое сопротивление со стороны ряда руководящих работников и не был осуществлен до августа 1945 г. В первых числах августа 1945 г. штабом КГВ все же был издан приказ о создании в Маньчжурии особых отрядов охраны.

Всего в Маньчжурии было создано 3 особых отряда охраны:

Первый – мукденский, охватывающий южную часть Маньчжурии;

Второй – муданьцзянский, охватывающий восточную часть Северной Маньчжурии;

Третий – цицикарский, охватывающий западную часть Маньчжурии, включая Харбин.

Отряды состояли из нескольких батальонов. Так, например, 1-й отряд имел в своем составе 11 батальонов, 2-й – 5 батальонов, 3-й – 4 батальона.

В плане создания особых отрядов предусматривалась ликвидация всех ЯВМ за исключением харбинской и мукденской, сокращение штатов жандармерии в связи с передачей функции контрразведывательной работы особым отрядам, ликвидация гарнизонных отрядов и полиции. На базе высвободившихся сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов и было начато формирование вновь созданных подразделений.

Кроме этого, предусматривалось создание специальных школ для подготовки квалифицированных кадров.

Показывая о сложившейся к тому времени обстановке в Маньчжурии и причинах, побудивших японское военное командование к реорганизации

ЯВМ и жандармерии в особые охранные отряды, арестованный, бывший начальник 2-го особого охранного отряда в г. Муданьцзяне полковник К. Имаи рассказал:

«...3 августа 1945 г. штабом Квантунской армии в г. Синьцзине было проведено совещание командиров батальонов особых отрядов охраны по вопросу создания этих отрядов. В частности, о причинах создания таких отрядов докладывал начальник 1-го отдела штаба Квантунской армии. Из его доклада явствовало, что основными причинами создания особых отрядов являлись следующие:

1) Наличие крайне напряженной обстановки, вызванной неизбежностью войны Японии с Советским Союзом. Эта обстановка определялась тем, что Советский Союз одержав победу над Германией смог перебросить большое количество войск с Запада и сконцентрировать их на Дальнем Востоке. Поэтому, стоял вопрос о необходимости проведения ряда мероприятий подготовительного характера на случай войны Советского Союза против Японии.

2) Истощение сил японской армии в ходе длительной войны против Китая, Англии и Америки, а, следовательно, проведение других мер, обеспечивающих успех Японии.

3) Влияние Советского Союза на маньчжурское население в связи с успехами Советского Союза было очень велико, поэтому по всей Маньчжурии начали иметь место факты проведения маньчжурским населением активной борьбы с японскими властями путем совершения диверсионных актов и т.д.

Активизировали свою деятельность нелегальные национальные организации корейцев и китайцев. Действующие же органы контрразведки, не в состоянии были обеспечить выполнение возросших задач по борьбе с народными волнениями, нужны были более решительные меры.

4) Ликвидация существующих японских военных миссий вызывалась и тем еще, что в случае начала военных действий и успеха Красной армии, они, так или иначе, в ходе войны были бы потеряны, т.к. непосредственно от границы они бы отошли или бежали бы вглубь страны, или оставшись на территории занятой войсками Красной армии, прекратили свое существование.

С созданием же отрядов полагалось сократить и объединить все кадры ЯВМ, следовательно, активизировать их деятельность.

Кроме указанных мною причин, необходимо также отметить тот факт, что действующий особый отряд охраны в Китае, созданный в ходе войны для борьбы с китайским революционным движением, себя оправдал.

Поэтому, имея такой опыт, штаб Квантунской армии выдвинул вопрос о создании таких же отрядов охраны в Маньчжурии...».

Рассказывая о задачах руководимого им подразделения, К. Имаи, показал:

«...Основными задачами особых отрядов являлись – организация и проведение разведывательной работы, как до начала военных действий, так и во время военных действий против Советского Союза» [1. л. 281–318].

Особые охранные отряды возглавлялись начальником, выполняющим все требования командующего фронта по разведывательной и контрразведывательной работе, борьбе с партизанским движением, охране военных складов, аэродромов и стратегических сооружений. Руководство всем комплексом работы осуществлялось через аппарат штаба отряда.

Штабом руководил начальник штаба – старший штабной офицер, являвшийся в то же время помощником начальника отряда по оперативной части. В своем подчинении начальник штаба имел несколько штабных офицеров, являвшихся его помощниками по:

- а) разведывательной работе;
- б) контрразведывательной работе;
- в) борьбе с партизанами;
- г) организации военной подготовки;
- д) организации охраны особо важных военных объектов и сооружений.

В задачи начальника штаба отряда входило общее руководство и наблюдение за работой агентурно-осведомительного аппарата разведки, учет и контроль за разработкой всех политически неблагонадежных лиц, руководство разведслужбой части, переброской за кордон разведывательной агентуры и систематизацией добытых ею материалов.

Штаб отряда имел в своем подчинении несколько батальонов, командиры которых, в обязательном порядке, назначались из числа начальников японских военных миссий или жандармерии, т.е. лица с известным опытом разведывательной и контрразведывательной работы.

В каждом батальоне имелся старший штабной офицер, выполнявший функции начальника штаба, аналогичные функциям начальника штаба отряда.

Каждый батальон имел в своем составе 7 рот, из них: одна–две разведывательные, четыре контрразведывательные, одна партизанская и одна саперная. Кроме того, каждому батальону был придан взвод гранатометчиков.

Основным рабочим звеном являлась рота, имевшая в своем составе 3 взвода, делившиеся в свою очередь на 4 отделения.

Укомплектование офицерским составом отрядов происходило за счет сотрудников ликвидируемых военных миссий, жандармерии и местных гарнизонных отрядов. При этом на должности, связанные с агентурной работой назначались сотрудники ЯВМ и жандармские офицеры уже имеющие данный опыт работы. Унтер-офицерский и рядовой состав комплектовался из жандармских отделений и караульных батальонов.

К моменту вступления в Маньчжурию частей Красной армии, особые охранные отряды еще полностью сформированы не были и к выполнению своих функций не приступили, поэтому точно установить какие задачи ставились перед ними сложно.

Однако по материалам следствия арестованных офицеров Особого охранного отряда было установлено, что на них возлагалась организация и проведение контрразведывательной работы на территории Маньчжурии; подготовка кадров для ведения партизанской борьбы в тылу Красной армии.

О контрразведывательной работе роты показал арестованный командир батальона 2-го особого охранного отряда майор жандармерии Мичио Сумура:

«...Рота состояла из 3-х взводов. Два взвода контрразведывательные и один взвод предназначен для борьбы с партизанами. Это было сделано для того, чтобы рота могла самостоятельно, в районе своего действия, выполнять весь комплекс работ, не прибегая каждый раз к помощи других рот. Основной рабочей единицей являлся взвод, который, в свою очередь, делился на 4 отделения. При этом 1-е и 4-е отделения являлись агентурными и состояли из опытных штатных агентов, т.е. личный состав этих отделений – работники, хорошо знающие контрразведывательную работу, которые выполняют роль штатных агентов. Остальные два отделения – стрелковые – несли службу охраны.

Каждый контрразведывательный взвод имел в своем составе примерно 20 чел. штатных агентов, обеспечивавших проведение необходимой агентурной работы. Для более эффективной работы штатные агенты подбирали из числа местного населения лояльно настроенных к японцам лиц и с санкции командира роты вербовали их. Таким образом, взвод через штатных агентов приобретал секретную агентуру» [1. л. 281–318].

В ходе допросов военнопленных, подтверждалась и дополнялась информация о задачах спецслужб Японии, направлениях деятельности и их руководителях. Так, 27 августа 1945 г. бывший японский Генеральный консул Маньчжоу-Ди-Го в г. Чите С. Мацудайра и командующий 3-м фронтом КГВ генерал Д. Усироку⁴ подтвердили, что в связи с надвигавшимися военными действиями против СССР ЯВМ были подчинены командующим фронтами, в зоне которых они дислоцировались. [2. л. 67–68].

13 октября 1945 г. начальник УКР «Смерш» Забайкальско-Амурского военного округа сообщил в ГУКР «Смерш» НКО СССР об особых охранных отрядах. В процессе следствия в отношении руководящих сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Маньчжоу-Го: генерал-

⁴ Усироку Дзюн (1884–?), генерал-полковник. Командующий 3-м фронтом КГВ. Арестован 6 апреля 1950 г. УМВД по Хабаровскому краю. Военным трибуналом Приморского военного округа 28 июня 1950 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР, приговорен к 25 годам ИТЛ.

лейтенанта Ооки Сигеру⁵, начальника Главного жандармского управления штаба Квантунской армии; майора Минаи Муненао⁶, начальника отделения контрразведки и пропаганды при 2-м отделе генштаба Квантунской армии; полковнику Оомари Санхико⁷, японскому советнику при «бюро безопасности» и организатору особых охранных отрядов; Такахата Кунисида⁸ и др. установлено, что в декабре 1944 г. по инициативе начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Ю. Касахара на заседании штаба было принято решение создать особые охранные отряды на территории Маньчжурии.

Работа по их созданию была возложена на полковника японской армии С. Оомари. Он в декабре побывал в ряде пограничных районов Маньчжурии в целях изучения базы для создания особых охранных отрядов. Проект по их созданию был утвержден начальником штаба КГВ генерал-лейтенантом Ю. Касахарой, а впоследствии – командующим группировкой генерал-полковником О. Ямадой. В начале января 1945 г. Касахара выехал с докладом в Токио, где с некоторыми поправками проект был утвержден начальником ГШ японской армии генералом Ё. Умэдзу.

Предусматривалось создание 20 батальонов общей численностью до 40 тыс. чел. Комплектование личного состава намечалось провести из чинов полиции Маньчжоу-Ди-Го, жандармов и сотрудников военных миссий, офицеров и солдат КГВ. Батальоны должны были быть численностью по 2 600 чел. каждый, из них 50 % японцев и 50 % китайцев.

Дислокация отрядов намечалась в Южной Маньчжурии при штабе 3-го фронта, находившегося в г. Мукдене; в Северной Маньчжурии при штабе 4-й армии, находившейся в г. Цицикаре; в Восточной Маньчжурии при штабе 1-го фронта, находившемся в г. Муданьцзяне.

Каждый батальон состоял из 7 рот, а рота – из 3 взводов. Каждый отряд имел свой штаб, состоявший из начальника и 11 офицеров, кроме того, имелось интендантское отделение из 4 офицеров, медицинское, ветеринарное, отделение снабжения вооружением и боеприпасами, каждое из двух человек. К штабу придавались стрелковый взвод и обоз. Штабы охранных отрядов подчинялись тем фронтам или армии, которым они были приданы.

В мирное время полицейская служба должна была вести работу по охране военных и других стратегически важных объектов; контрразведывательную

⁵ Ооки Сигеру 1 марта 1947 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР к высшей мере наказания.

⁶ Минаи Муненао Каметаро 19 ноября 1948 г. военным трибуналом Приволжского военного округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы. Освобожден 23 декабря 1956 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. и передан представителям японских властей.

⁷ Оомари Санхико арестован 15 октября 1949 г. 31 декабря 1949 г. военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа осужден по ст. 58-4, ч. 1 ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

⁸ Такахата Кунисида, 28 февраля 1950 г. военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

агентурную работу среди населения и разведывательную работу против СССР и МНР.

В военное время планировалось несение полицейской службы по охране общественного порядка в районах военных действий. Батальонам, где командирами были работники военных миссий, вменялось в задачи ведение разведывательной и контрразведывательной работы; уничтожение советских авиадесантов; борьба с китайскими партизанскими отрядами; диверсионные акты в районах, оставленных КГВ; нападение на оставшие небольшие подразделения Красной армии и отдельных бойцов.

Формирование охранных отрядов началось в начале июня 1945 г. По приказу командующего КГВ жандармское управление выделило из своего состава в охранные отряды около 28 тыс. чел. В начале формирования батальоны достигали численностью не более 500 чел. Офицерский состав охранных отрядов проходил подготовку на краткосрочных курсах по следующей программе: тактика ведения партизанской войны, методы контрразведывательной работы, формы и методы работы полицейских и жандармских органов. Преподавательский состав комплектовался из сотрудников 2-го отдела жандармского управления и общества Кио-ва-кай. Начальником курсов был полковник С. Оомари.

2 и 3 августа 1945 г. в г. Чанчуне под его руководством было проведено совещание командиров батальонов охранных отрядов по вопросам: тактика ведения боя с регулярными частями Красной армии; формы борьбы с парашютными десантами и китайскими партизанами; функции работы отрядов по сохранению спокойствия и общественного порядка в районах военных действий; формы и методы ведения разведывательной и контрразведывательной работы в батальонах, где командирами являются сотрудники военных миссий.

Батальоны 1-го отряда дислоцировались в г.г. Мукдене, Чанчуне, в районе г. Ванмяо, в пос. Анто, Пука, Сихэ. Батальоны 2-го отряда – в г.г. Гаонань, Цзямусы, Муданьцзян, Энкичи и Токе. Батальоны 3-го отряда – в г.г. Харбине, Санго, Цицикаре, Хайларе. Командирами отрядов являлись: 1-го – генерал-майор М. Кубо⁹; 2-го – полковник К. Имаи; 3-го отряда – полковник Сато. [З. л. 15–20].

15 октября 1945 г. арестованный командир роты особого охранного отряда г. Муданьцзяна И Оцки в ходе допроса сообщил о задаче поставленной перед ротой: «... выступить с ротой в район разветвления дорог на Нинань и Хайлин от гор. Муданьцзяна (западнее Муданьцзян километров 30), занять там скрытные позиции и когда в этом районе появятся танки и воинские части Красной Армии, то одиночными солдатами и группами производить поджоги,

⁹ Кубо Мунэхару – генерал-майор, командующий мукденским особым охранным отрядом японской армии. Арестован 7 апреля 1950 г. 17 июня 1950 г. военным трибуналом Приморского округа осужден по ч. 1 ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы.

подрывы танков, автоколонн и уничтожать мелкие подразделения Красной Армии, действуя методом партизанской тактики, находясь в тылу частей Красной Армии». Затем отряд должен был в тылу Красной Армии отступить на Ханьбаоходзы-Харбин по пути совершая диверсии [4. л. 45–48]. Однако, в связи со стремительным наступлением Красной армии каких-либо диверсионных действий совершено не было.

Цель последних предвоенных реорганизационных мероприятий японцев сводилась к созданию на территории Маньчжурии так называемых особых отрядов охраны. Предполагалось, что они будут представлять собой мобильные военизированные подразделения японских спецслужб с наделением их функциями бывших ЯВМ, жандармерии и особых отделов управления полиции.

Командиры охранных отрядов подчинялись командующим соответствующими армиями. Общее число личного состава всех трех отрядов намечалось довести до 35 тыс. человек. В задачи этих отрядов входило ведение закордонной работы по сбору разведывательной информации и осуществление диверсионно-террористических акций на территории СССР, поддержание порядка среди населения и охрана особо важных промышленных и военных объектов.

Реорганизацией предусматривалось переподчинение всех периферийных ЯВМ командирам вновь остававшихся отрядов охраны с окончательным выходом из подчинения информационно-разведывательного управления.

Однако в связи с началом боевых действий на Дальнем Востоке, намечавшаяся реорганизация японских спецслужб в Маньчжурии окончательно осуществлена не была, что отрицательно сказалось на эффективности разведывательно-подрывных акций в ходе боевых операций на Дальневосточном театре военных действий.

Список источников и литературы

1. Архив УФСБ России по Омской области Ф. 91. Оп. 8 «б» Д. 30. Л. 281–318.
2. Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 941. Л. 67–68.
3. Архив УФСБ России по Омской области Ф. 91. Оп. 7 «б». Д. 6. Л. 15–20.
4. Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 16. Л. 45–48.

П.И. Пасхальный, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор исторических наук, профессор

«Пороговые государства» в контексте нераспространения ядерного оружия

В статье рассмотрены некоторые вопросы нераспространения ядерного оружия на фоне существующих международных договоров, стран, входящих в «ядерный клуб» и перечисленных «пороговых государств», которые могут занять такое оружие. В частности, отражены проблемы, связанные с ратификацией и вступлением в силу Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗЯИ) как одним из приоритетов внешней политики России и других государств.

Ключевые слова: ядерное оружие, «пороговые государства», ДНЯО, ДВЗЯИ, международные институты и механизмы контроля и сдерживания.

P.I. Paskhalnyy, chief research officer of the Research Institute (military history) Military Academy of the General staff of the Armed Forces of the Russian Federation, honored worker of the higher school of the Russian Federation, doctor of historical Sciences, Professor

«THRESHOLD STATES» IN THE CONTEXT OF NUCLEAR NON-PROLIFERATION

The article deals with some issues of non-proliferation of nuclear weapons against the background of existing international treaties, countries belonging to the «nuclear club» and the listed «threshold States» that can acquire such weapons. In particular, the problems associated with the ratification and entry into force of the comprehensive nuclear-test-ban Treaty (CTBT) as one of the priorities of the foreign policy of Russia and other States are reflected.

Keyword: nuclear weapons «threshold States», NPT, CTBT, and international institutions and mechanisms of control and deterrence.

В современном мире помимо официальных ядерных держав США, России (как правопреемнице СССР), Великобритании, Франции, Китая, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [1] и неофициальных – Индии, Израиля, Пакистана, Северной Кореи, не подписавших этот документ, но де-факто обладающих таким оружием, и входящих в так называемый «ядерный клуб» [2, с. 8], были и есть ряд государств, разрабатывавших или продолжающих скрытно осуществлять военные ядерные программы.

В целях недопущения развития опасных тенденций в данной области наряду с ДНЯО, который был подписан большинством стран мира, начиная с 1968 г., спустя 28 лет был открыт для подписания в Нью-Йорке 24 сентября 1996 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Участники договора обязались не производить натуральных ядерных испытаний, не побуждать и не поощрять государства, пытающиеся их проводить.

Для вступления ДВЗЯИ в силу после подписания требовалась сложная процедура его ратификации. Так, в соответствии со статьей XIV и Приложением 2 договора [3] он должен быть подписан и ратифицирован 44 поименно перечисленными государствами, располагающие ядерным оружием или обладающие замкнутым ядерным топливным циклом [4, с. 88], то есть потенциальными возможностями его создания (табл. 1).

Перечень этих стран был составлен на основе данных Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), так как все они на тот момент имели коммерческие ядерные программы и наличие в большей или меньшей степени необходимой инфраструктуры для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Если исключить из этого списка ядерные государства, то останутся 33 страны, обладающие возможностями для создания ядерного оружия после принятия их руководителями политического решения. Эти страны экспертное сообщество условно относит к так называемым «пороговым государствам». Поэтому, говоря о возможности распространении ядерного оружия в мире, Президент России В.В. Путин предупреждает мировое сообщество, «если мы не будем держать под контролем этого «огненного змея», если мы выпустим его, не дай Бог, из бутылки, это же может привести к глобальной катастрофе» [5].

Из данной таблицы ДВЗЯИ ратифицировали 36 государств из 44, в том числе обладающих ядерным оружием: Великобритания, Франция в 1998 г. и Россия в 2000 г. Однако из этих 44 государств договор подписан, но не ратифицирован Египтом, Израилем, Ираном, Китаем и США, и не подписан и не ратифицирован Индией, Пакистаном и КНДР.

Об этом шла речь 25 сентября 2019 г. в Нью-Йорке, где состоялась на полях 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 11-я Конференция по содействию

вступлению в силу ДВЗЯИ. В данном форуме приняли участие представители более 150 государств. Участники приветствовали подписание договора такими странами как Тувалу и его ратификацию Зимбабве и Таиландом.

Таблица 1

Государства, перечисленные в Приложении 2 к ДВЗЯИ

№ п/п	Название государства	№ п/п	Название государства
1	Австралия	23	Колумбия
2	Австрия	24	КНДР
3	Алжир	25	Мексика
4	Аргентина	26	Нидерланды
5	Бангладеш	27	Норвегия
6	Бельгия	28	Пакистан
7	Болгария	29	Перу
8	Бразилия	30	Польша
9	Великобритания	31	Республика Корея
10	Венгрия	32	Россия
11	Вьетнам	33	Румыния
12	Германия	34	Словакия
13	Египет	35	США
14	Заир	36	Турция
15	Израиль	37	Украина
16	Индия	38	Финляндия
17	Индонезия	39	Франция
18	Иран	40	Чили
19	Испания	41	Швейцария
20	Италия	42	Швеция
21	Канада	43	ЮАР
22	Китай	44	Япония

С учетом этих стран по состоянию на октябрь 2019 г. данный документ подписали 186 государств, ратифицировали – 168. «Каждая новая ратификация исключительно важна для ДВЗЯИ, – подчеркнул в своем выступлении на конференции министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, – она приближает договор к статусу универсального и напоминает о мере ответственности остающихся восьми государств, от которых зависит его вступление в силу» [6].

На конференции был принят итоговый документ – Заключительная декларация с перечнем мер по содействию вступлению в силу договора. Вновь прозвучал настоятельный призыв к восьми странам (Египет, Израиль, Индия, Иран, Китай, КНДР, Пакистан, США), чья ратификация необходима для запуска ДВЗЯИ, безотлагательно предпринять необходимые шаги в этом направле-

нии. Участники подтвердили ключевую роль договора в обеспечении международной безопасности и стабильности и в решении конкретных задач в области ядерного разоружения и нераспространения ядерного оружия, которого в мире накопилось предостаточно (табл. 2).

Таблица 2

Ядерные силы стран мира по состоянию на январь 2017 г. [7]

Страна	Первое испытание, год	Ядерные боезаряды			Совокупный запас
		Развернутые	На складах	Прочие	
США	1945	1800	2200	2800	6800
Россия	1949	1950	2350	2700	7000
Англия	1952	120	95	–	215
Франция	1960	280	10	10	300
Китай	1964	–	270	–	270
Индия	1974	–	120–130	–	120–130
Пакистан	1998	–	130–140	–	130–140
Израиль	–	–	80	–	80
С. Корея	2006	–	–	10–20	10–20
Итого		4150	5275	5510	14 935

Вместе с тем международное сообщество отнюдь не относит однозначно указанные выше 33 страны к «пороговым», в том числе и потому, что пока не существует принятых всеми или большинством государств земного шара критерии такой классификации. Эта проблема должна быть решена в кратчайшие сроки в условиях сложной военно-политической обстановки в мире, общей деструктивной линии США в международных отношениях. Прежде всего, эта линия Вашингтона выражается в официальном отказе от ратификации ДВЗЯИ, одностороннем выходе из Договора о РМСД, в двойных подходах к устоявшимся и доказавшим свою эффективность механизмам и договоренностям в области контроля над вооружениями и нераспространения.

Продолжение такой линии США чревато отсутствием предсказуемости в ядерной области, недостаточной реализацией мер в деле обеспечения международной безопасности и стабильности, совместной борьбы против возможного ядерного терроризма. На позицию США ориентируются и некоторые другие государства, в том числе перечисленные в Приложении 2 к ДВЗЯИ и отнесенные условно к «пороговым».

Так, в Японии, представители военно-политической элиты все настойчивее стали заявлять о необходимости отказаться от соблюдения «трех неядерных принципов», а именно: не иметь, не производить, и не размещать на своей территории ядерное оружие иностранных держав. Не случайно, США еще в 2006 г.

включили Японию в проект «Глобальное партнерство по атомной энергии» (Global Nuclear Energy Partnership). Согласно проекту, мир делится на две группы стран: к одной – относятся государства, фактически обладающие ядерным оружием, а к другой – страны, которые освоили глубокую технологию переработки урана и плутония – Австралия и Япония (т. е. «пороговые государства»).

Учитывая такой подход со стороны США и научно-технический потенциал страны, интересы властей Японии проявляются весьма отчетливо. Одна из японских корпораций – «Хитати» рассчитывает на 100-миллиардные заказы на переработку у себя ядерных отходов, а вырученные за это средства Токио планирует вложить в разработку новых ядерных программ, связанных, в том числе, и с разработкой ядерного оружия, и в первую очередь с «плутониевым оружием». Еще в 2005 г. Япония имела 43,8 т плутония и при политическом решении руководства страны, по мнению экспертов, этого количества достаточно для производства 5475 ядерных боезарядов [8].

На Европейском континенте США также вовлекают в свои военно-ядерные планы другое «пороговое государство» – Германию. Там в октябре 2019 г. прошли совместные учения НАТО, в ходе которых отрабатывались действия в «случае начала ядерной войны», в том числе с привлечением военно-воздушных сил Германии (Люфтваффе). В частности, маневры проходили на авиабазе Бюхель в регионе Рейнланд-Пфальц на западе страны, где дислоцирована 33-я авиаэскадра Люфтваффе на самолетах «Торнадо» и хранятся около 20 ядерных бомб США типа В-61 в подземных хранилищах.

Суть проводимых учений заключалась в том, что военнослужащие старались как можно быстрее вывести из хранилищ и установить данные бомбы на эти немецкие истребители-бомбардировщики. Как видно, США поощряют такие действия, хотя у Германии нет собственного ядерного оружия, но имеющиеся у нее на вооружении самолеты способны нести американские ядерные бомбы [9], что идет вразрез с требованиями ДНЯО.

В этой связи особое значение приобретают действующие международные институты и механизмы контроля и сдерживания, направленные на предотвращение дальнейшего распространения ядерного оружия в мире, ядерное разоружение, безопасность и использование атомной энергии только в мирных целях. К таким институтам относится ряд международных организаций, среди которых выделяются Совет Безопасности ООН и МАГАТЭ. А основными механизмами в разрешении данных проблем являются: ДНЯО; зоны, свободные от ядерного оружия; многосторонние режимы экспортного контроля (Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Режим контроля ракетных технологий, Вассенаарские договоренности); другие международные договоры (ДВЗЯИ) и т. д.

Представители России на различных форумах выступают за повышение эффективности работы этих институтов и механизмов по реализации поставленных перед ними задач в области ядерной безопасности, не расширения числа членов «ядерного клуба» из «пороговых государств» и в конечном итоге денуклеаризации планеты, что явится «гарантом мира и обеспечит сохранение жизни на Земле» [10].

Так, согласно прогнозу Всемирной ядерной ассоциации, к 2030 г. в мире будет 800 ядерных энергетических реакторов. Вопрос о строительстве атомных электростанций серьезно рассматривают около 30 стран, которые их не имеют (некоторые из этих стран находятся в зонах нестабильности). Огромный риск представляют не только возможности распространения ядерного оружия среди «пороговых государств», но и потенциально опасных ядерных технологий, оборудования и материалов, главным образом изготовления урана и плутония оружейного качества. Последнее грозит увеличением количества ядерных материалов, которые могут быть использованы в разрушительных целях [11].

Таким образом, на современном этапе развития человеческой цивилизации, наряду с официальными и неофициальными ядерными странами, еще имеются ряд так называемых в политико-дипломатических и научных кругах «пороговых государств». Отдельные из них прекратили разрабатывать военные ядерные программы, другие, возможно, опираясь на свои достижения в науке и технике, наработки с освоением мирного атома, явно или тайно желают освоить производство ядерного оружия, у третьих имеются намерения заполучить его у ядерных государств в нарушение ДНЯО и других механизмов нераспространения. Первейшей задачей всего человечества является не допустить такого негативного хода развития событий в атомной сфере сегодня и на перспективу. Эта задача касается ядерных и безъядерных государств, как больших, так и малых стран мирового сообщества.

Список источников и литературы

1. ДНЯО, как известно, был открыт для подписания в 1968 г. и устанавливает, что обладающим ядерным оружием является государство, которое произвело и взорвало его или другое взрывное устройство до 1 января 1967 г. – *Прим. авт.*

2. Ядерная политика основных зарубежных стран во второй половине XX – начале XXI века. – М. : Угрешская типография, 2016. – 750 с.

3. См. подробнее: Действующее международное право. В 3 томах. Т.2. – М., 1996.

4. Фененко А.В. Современная международная безопасность: Ядерный фактор. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 576 с.

5. Из ответов Президента РФ В.В. Путина на вопросы в ходе работы Петербургского международного экономического форума 7 июня 2019 г. // [Электронный ресурс] URL: news/253360/ognennyj-zmij-vbutylkerutin (Дата обращения: 12.06.2019).

6. Выступление на 11-й конференции по содействию вступлению в силу ДВЗЯИ министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова // МИД России [Электронный ресурс] URL: <https://gov-news.ru/news/989916> (Дата обращения: 27.09.2019).

7. Ежегодник СИПРИ 2017: вооружения, разоружение и международная безопасность. Пер. с англ. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. – 772 с.

8. Хазанов А.М. Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале XX века // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 5. – С. 152–154.

9. См. подробнее на РБК: [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/society/19/10/2019/5daaaabee9a7947eedadf7120> (Дата обращения 19.10.2019).

10. Пасхальный П.И., Пивоваров Ю.Ф., Шагов А.Е. Прогноз развития ядерных сил в мире к 2020–2050 гг. и их учет в политике России. – М., 2017. – 345 с.

11. Eliminating Nuclear Weapons: a Practical Agenda for Global Policymakers: International Commission on Nuclear Non-proliferation and Disarmament Report / Canberra, 2009. P. 48.

УДК 94(510), 94(520)

*С.Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
Зотова А.В., доктор исторических наук, доцент, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета*

АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВТОРОЙ СИНО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Целью статьи является анализ историографии и опубликованных источников о Второй китайско-японской войне, хранящихся в фондах одной из крупнейших библиотек мира – Национальной библиотеки России (Санкт-

Петербург). Первые публикации по этой проблеме на русском языке были изданы в 1938 году. В статье авторы анализируют научную литературу, разбивая ее на 4 группы. Во-первых, дневники и воспоминания участников тех событий. Во-вторых, литературные и художественные произведения, посвященные этой войне. В-третьих, историография войны 1937–1945 годов на русском языке. В четвертую группу вошли публикации на иностранных языках. Авторы приходят к выводу, что в последние годы создаются условия для объективной оценки событий 1937–1945 гг. Это позволяет российским и зарубежным авторам взаимодействовать друг с другом для написания совместных крупных научных работ. Авторы отмечают, что в России было написано мало диссертаций по истории Второй сино-японской войны. Анализ коллекции книг, хранящихся в Национальной библиотеке России, позволяет оценить работу, проделанную историками, и определить пути дальнейшего диссертационного исследования.

Ключевые слова: японо-китайская война, 1937–1945 гг., Национальная библиотека России, историография, опубликованные источники.

*S.N. Poltorak, Doctor of Historical Sciences, Full Professor
of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

*A.V. Zotova, Doctor of Historical Sciences, Docent, Associate Professor
of the Department of International Relations in the Post-Soviet Area,
Saint-Petersburg State University*

ANALYSIS OF THE SCIENTIFIC LITERATURE ABOUT THE SECOND SINO-JAPANESE WAR (ON MATERIALS OF THE RUSSIAN NATIONAL LIBRARY)

The purpose of the article is the analysis of historiography and published sources about the Second Sino-Japanese War, stored in the collections of one of the largest libraries in the world – the National library of Russia (Saint-Petersburg). First publications on this problem in Russian language were published in 1938. In the article the authors analyze scientific literature, dividing it into 4 groups. First – the diaries and memoirs of participants of those events. Second – literary and artistic works devoted to this war. The third is a historiography of the war of 1937–1945 in Russian language. The fourth group – publications in foreign languages. The authors come to the conclusion that in recent years the conditions for an objective assessment of the events of 1937–1945 are formed. This allows Russian and foreign authors to interact with each other for writing joint major

scientific works. The authors note that in Russia has been written very little dissertations on the history of the Second Sino-Japanese War. Analysis of the collection of books stored in the National library of Russia allows to evaluate the work, which was done by historians and to identify the ways for further dissertation research.

Keywords: Sino-Japanese war, 1937–1945, National library of Russia, historiography, published sources.

Российская национальная библиотека (РНБ) расположена в Санкт-Петербурге и является одним из крупнейших хранилищ мира. Кроме многих тысяч коллекций в ней представлена значительная по объему коллекция изданий, посвященных истории Восьмилетней войны сопротивления Японии (1937–1945 гг.).

Условно эту коллекцию можно разделить на четыре части. Первая представляет собой мемуарную литературу на русском языке. Вторая – это историография войны 1937–1945 гг. на русском языке. Третья часть – литературно-художественные произведения, посвященные этой войне. Четвертая (самая большая по объему часть) представляет собой многочисленные издания на иностранных языках, преимущественно на английском и китайском.

В основе методологии исследования: методы анализа, синтеза и сравнения. В числе исторических методов применялись историко-системный, историко-типологический, сравнительно-исторический и ретроспективный методы.

Мемуарная литература на русском языке, посвященная событиям Восьмилетней войны сопротивления Японии (1937 – 1945 гг.), в коллекции Российской национальной библиотеке не очень велика. Она не носит системный характер. Среди мемуаров – издания, вышедшие в Советском Союзе с 1956 г. по 1976 г. После значительного перерыва уже в 2000-е гг. в России вновь появился интерес к этому историческому событию, о чем свидетельствуют три издания, хранящиеся в фондах РНБ. Как известно, конец 1950-х – начало 1960-х гг. был периодом тесного сотрудничества КНР и СССР во всех областях, в том числе и в сфере исторической науки. Именно тогда в Советском Союзе вышли воспоминания борца народно-освободительной армии Китая У Юнь-до, в которых он рассказал о своей личной борьбе за независимость Китая [1]. Его воспоминания вызвали настолько большой интерес в Советском Союзе, что через год в Москве была опубликована его автобиографическая повесть [2]. Вскоре в советской столице вышли еще большие по объему два издания воспоминаний китайцев – участников Восьмилетней войны [3].

К сожалению, ухудшение отношений между КНР и СССР в 1960-е гг. отрицательно сказалось и на издании мемуарной литературы. Среди вышед-

ших в СССР из печати воспоминаний можно лишь выделить небольшую брошюру военного летчика Н.Г. Козлова и большие по объему и очень интересные по содержанию мемуары советского военного советника в Китае А.И. Черепанова [4].

Долгие годы мемуарная литература участников Восьмилетней войны в Советском Союзе и в постсоветской России не печаталась. По инициативе китайской стороны в 2005 г. вышли из печати воспоминания об участии советских людей в боевых действиях в Китае в 1937–1945 гг. организатором издания стала Пресс-канцелярия Госсовета КНР. В 2005, а позже в 2009 гг. одним из крупнейших московских издательств были выпущены сборники воспоминаний участников этой войны [5].

По нашему мнению, литературные произведения представляют собой специфический, но очень важный исторический источник. Как известно, китайские писатели и поэты немало писали о той войне. Ей посвящены рассказы, повести, романы, стихи, многие из которых в разные годы были переведены на русский язык. Важно отметить, что некоторые переводы делались специально для советских детей в целях их интернационального воспитания. В числе таких публикаций был рассказ Шао Цзы-Нань, вышедший из печати в Москве в 1950 г. огромным тиражом [6]. Также для детей предназначались другие рассказы и повести китайских авторов [7]. В 1960-е гг. в Советском Союзе были очень популярны романы и повести китайских авторов Чжи Ся [8], Ли Ин-жу [9], У Мэн-ци [10], Мао Дунь [11], которые с интересом читали как молодежь, так и представители старшего возраста.

Борьба китайского народа за свою независимость привлекала внимание писателей из многих стран мира. Некоторые их произведения, в том числе роман Т. Уайта [12] и И.Н. Неверли [13] были переведены на русский язык соответственно с английского и польского языков.

Китайская поэзия, рожденная в период сопротивления Японии в 1937–1945 гг., стала темой научных исследований С.Д. Марковой. В 1955 г. она защитила кандидатскую диссертацию по этой проблеме [14], а спустя три года выпустила научную монографию [15].

Советская (российская) историография проблемы берет свое начало еще в 1930-х гг. В 1938 г. в Москве были опубликованы две небольшие брошюры, которые по существу и положили начало научному изучению истории тех событий историками Советского Союза [16]. Первые работы носили больше просветительский, чем научный характер. Возможно, одной из первых аналитических работ советских авторов стала монография Г. Михайлова и М. Степанова «Японо-китайская война: (Боевые действия 1937–1940 гг.)», которая вышла из печати в 1941 г. [17]

Ко второй половине 1940-х гг. в Советском Союзе появились первые крупные специалисты, исследовавшие историю событий 1937–1945 гг. Среди них были А.М. Дубинский [18], С.И. Орестов [19], В.Н. Никифоров [20].

Следует признать, что советские историки во многом солидаризировались со своими китайскими коллегами, что, вероятно, не всегда способствовало осуществлению комплексного подхода к изучению проблемы. Важно было иметь представление об оценке событий той войны оппонентами, то есть японскими историками. Вероятно, именно по этой причине в 1950-е гг. в СССР была издана переведенная с японского языка на русский «История войны на Тихом океане», второй том которой назывался «Японо-китайская война» [21]. Выход этого тома был приурочен к 20-летию событий. Надо отметить, что именно в 1957 г. в Советском Союзе вышло несколько значительных работ, посвященных истории противоборства Китая и Японии в 1937–1945 гг. Среди этих публикаций были как труды китайских, так и советских историков [22]. По инерции подобные публикации осуществлялись в СССР до конца 1950-х гг. [23].

Начиная со второй половины 1960-х гг. исследование проблемы в Советском Союзе приобрело более политизированный характер. Авторы научных трудов нередко акцентировали внимание на роли СССР в борьбе Китая за свою национальную независимость, отмечали негативное воздействие США на ход противоборства Японии и Китая [24].

В постсоветский период историография проблемы в России стала развиваться на качественно новом уровне. На смену политизированности постепенно стало приходить стремление к объективной оценке событий борьбы китайского народа за свою национальную независимость. Важную роль в изучении проблемы стали играть международные научные конференции, в которых принимали участие не только историки Китая и России, но и многих других стран. Показательным примером того являются материалы двух международных научных конференций, прошедших в Москве в 2015 г. и приуроченные к 70-летию завершения Второй мировой войны [25]. Ценность этих изданий, хранящихся в Российской национальной библиотеке, состоит в том, что они были изданы на русском, английском и китайском языках.

В РНБ по исследуемой проблеме имеются монографии и сборники статей на китайском, японском, английском, немецком, французском, испанском языках. Уже в 1937 г. из печати вышли работы, посвященные началу противостояния Китая против японского вторжения [26], [27], [28]. Особое внимание привлекает публикация японских авторов, выпущенная в Токио при поддержке Японской федерации международной торговли [29]. Во время второго года противоборства, в 1938 г., география исследований заметно расширилась. Пуб-

ликации по проблеме появились в Шанхае, Гонконге, Сингапуре, Нью-Йорке, Беркли, Сан-Франциско и в других городах мира [30], [31].

До конца войны в разных городах мира по горячим следам публиковались воспоминания участников и очевидцев событий, аналитические материалы ученых, позволившие воссоздать целостную картину боевых действий 1937–1945 гг. на территории Китая [32], [33].

1947–1953 гг. оказались периодом, в ходе которого заметных публикаций об истории борьбы китайского народа против японских захватчиков почти не было. Это трудно объяснимое исследовательское затишье было прервано в 1954 г. и с тех пор вплоть до начала 1960-х гг. работа велась очень активно. Заметный вклад в разработку истории борьбы китайского народа за свою независимость и пропаганду этой истории внес в те годы Мао Цзе-дун. В Российской национальной библиотеке хранится 17 изданий его работ на английском, немецком, французском и испанском языках, опубликованных с 1954 по 1961 гг. Возможно, акцент, сделанный китайским руководством на истории своей борьбы, привлек к себе внимание ученых историков всего мира, в том числе исследователей из ведущих американских университетов. Это подтверждают работы исследователей из Гарвардского университета – старейшего университета США [34].

Если судить по коллекции РНБ, то в 1980-е гг. в исследовании проблемы наступил спад. Из крупных работ, посвященных Восьмилетней войне, среди немногих можно было бы отметить работы, опубликованные на английском языке [35].

Значительные перемены в мире, произошедшие в начале 1990-х гг., в том числе и распад Советского Союза, повлияли не только на изменение исследовательских интересов, но и на возможность концентрировать в фондах РНБ монографии и сборники статей, посвященные актуальным научным проблемам, в том числе и истории борьбы китайского народа за свою независимость. Необходимо подчеркнуть, что на рубеже XX–XXI вв. наметилась общая тенденция к снижению тиражей научных изданий. Во многом это было обусловлено не только политическими переменами, но и успешной конкуренцией электронных носителей, сумевших вытеснить ряд привычных книжных изданий. Тем не менее, интерес ученых и широкого круга читателей к истории Восьмилетней войны не прошел, а, наоборот, усилился. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации конца 1990-х – начала 2000-х гг. вплоть до настоящего времени [36], [37], [38].

Надо признать, что в настоящее время изучением истории Восьмилетней войны особенно активно занимаются китайские коллеги. Это подтверждает как коллекция изданий РНБ [39], [40], [41], так и тот факт, что нынешняя конфе-

рениция, посвященная истории проблемы, проходит в Пекине. В этом есть свои плюсы и свои минусы.

Достоинством ситуации можно считать то обстоятельство, что китайские историки показывают пример активной исследовательской работы. Слабым звеном является то, что на фоне активной работы китайских ученых деятельность историков из других стран менее заметна, что вносит некоторый дисбаланс в объективное изучение проблемы. Вероятно, настало время объединения международных усилий для изучения всех сторон истории событий Восьмилетней войны 1937 – 1945 гг.

Список источников и литературы

1. У Юнь-до. Все для партии: [Рассказ о своей жизни китайского рабочего, борца Народно-освободительной армии Китая] / Пер. с кит. Я.Б. Палей. – М. : Мол. гвардия, 1956. – 167 с.

2. У Юнь-до. По зову партии: (Автобиогр. повесть) / Пер. с кит. Скворцовой А.В. – М. : Воениздат, 1958. – 231 с.

3. Го Мо-жо Песнь о бушующей волне: [Воспоминания об антияпонской войне: Пер. с кит. – М. : Изд-во вост. лит., 1962. – 212 с.

4. Козлов Н.Г. В небе Китая: Воспоминания летчика. М.: Наука, 1966. 54 с.; Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. – М. : Наука, 1976. – 648 с.

5. Я дрался с самураями: [от Халхин-Гола до Порт-Артура: 60-летию Победы над Японией посвящается / сост. А. Кошелев. – М. : Яуза Эксмо, 2005. – 411 с.

6. Шао Цзы-Нань. Их везде ждут мины: [Рассказ] / Пер. с кит. А. Петрова. – М. ; Л. : Изд-во и ф-ка дет. книги Детгиза в М., 1950. – 31 с.

7. Кэ Лань. Бессмертный Ван Сяо-хэ. Пер. с кит. Г. Мелихова. – М. : Детгиз, 1957. – 208 с.; Ло Дань. Ущелье летающих лисиц: Рассказы. Пер. с кит. А.Г. Гатова. – Чита : Кн. изд-во, 1955. – 92 с.

8. Чжи Ся. Крылатые тигры: Роман / Пер. с кит. Г. Розанов. – М. : Воениздат, 1961. – 568 с.

9. Ли Ин-жу. Весенний ветер над древним городом: Роман. Пер. с кит. С. Иванько. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 503 с.

10. У Мэн-ци. Огневая молодость: [Приключенческая повесть]. Пер. с кит. Г. Мелихова. – М. : Мол. гвардия, 1963. – 240 с.

11. Мао Дунь. Распад: Роман. Пер. с кит. С. Иванько. – М. : Худож. лит., 1968. – 223 с.

12. Уайт Т. Гром из Китая / Сокр. пер. с англ. И.Е. Овадиса. – М. : Изд-во и тип. Гос. изд-ва иностр. лит., 1948. – 296 с.

13. Неверли И.Н. Лесное море: Роман / Пер. с польск/ М. Абкиной. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. 540 с.
14. Маркова С.Д. Китайская поэзия в период войны против японских захватчиков (1937-1945 годы): Автореферат дисс. ... к. филол. наук. – М., 1955. – 16 с.
15. Маркова С.Д. Китайская поэзия в период национально-освободительной войны 1937–1945 гг. – М. : Изд-во вост. лит., 1958. – 139 с.
16. Александров И. Война японского империализма против китайского народа. – М. : Крестьян. газ., 1938. – 32 с.
17. Михайлов Г. Японо-китайская война: (Боевые действия 1937-1940 гг.). – М. : Воениздат НКО СССР, 1941. – 170 с.
18. Дубинский А.М. Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937–1945 гг.): Лекции. М. : Б. и., 1954. – 48 с.
19. Орестов С.И. Японо-китайская война. 1937–1945 гг.: Конспект / Краснознам. ордена Ленина и ордена Суворова 1-й степени Воен. акад. им. М.В. Фрунзе. Кафедра истории воен. искусства. – М. : Типолит. Воен. акад. им. Фрунзе, 1947. – 48 с.
20. Никифоров В.Н. Гоминьдановские реакционеры - предатели Китая. (1937–1945). – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 246 с.
21. История войны на Тихом океане: В 5 т. Пер. с яп. Т. 2: Японо-китайская война. Т. 2, Японо-китайская война / Пер. с яп. Б.В. Раскина. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 410 с.
22. Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США. (1937-1939) / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 175 с.; Марушкин Б.И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае. (1937–1939). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 156 с.
23. Цзен Сю-фу Коммунистическая партия Китая в борьбе за единый фронт / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. – М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1959. – 163 с.
24. Соколов Н. Н. Борьба в правящих кругах США по вопросам дальневосточной политики в связи с японо-китайской войной (июль 1937 - июнь 1941 гг.): Автореф. дис. ...к.и.н. Л., 1980. 18 с.; Абылгазиев И.И. Пограничный район Шаньси-Чахар-Хэбэй в годы национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков (1937-1945 гг.): Автореф. дис. ...к.и.н. – М., 1982. – 22 с.
25. Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тезисы докладов российско-китайской научной конференции, Москва, 5-6 мая 2015 года. – М. : ИДВ РАН, 2015. – 367 с.

26. Hsia Ch. L. Foreign press opinions on Sino-japanese hostilities in Shanghai, 1937 / Comp. by C. L. Hsia. Nanking, China: Council of International affairs, 1937. 249-296 p.
27. Hsü S. The North China problem. Shanghai: Kelly & Walsch, Ltd, 1937. 112 p.
28. Hsü S. The boxer protocol and Japanese aggression. Nanking: Council of international affairs, 1937. 169-184 p.
29. Official view of the Sino-Japanese conflict. Tokyo: Japan foreign trade federation, 1937. 26 p.
30. Farley M. S. American Far Eastern policy and the Sino-Japanese war: A report of seven discussion conferences held under the auspices of the American council, Inst. of pacific relations, March to May 1938. San Francisco [a.o.], Cop.1938, 71 p.
31. America's share in Japan's guilt / Amer. com. for non-participation in Japanese aggression. New York, 1938. 80 p.
32. Chiang M. (S.) This is our China. New York; London: Harper & brothers, 1940. 312 p.
33. Hogg G. A. I see a new China. Boston: Little, Brown and co., 1944, 211 p.
34. Bunker G. E. The peace conspiracy: Wang Ching-wei and the China War, 1937-1941. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1972. 327 p.
35. History of the Sino-Japanese War (1937-1945) / Comp. by Hsu Long-hsuen and Chang Ming-kai; Transl. by Wen Ha-hsiung. Taipei: Chung Wu publ. co., 1972, 643 p.
36. MacKinnon S. R. Wuhan, 1938: war, refuges, and the making of modern China. Berkeley: Univ. of California press, cop. 2008, 182 p.
37. The Battle for China: essays on the military history of the Sino-Japanese War of 1937-1945 / ed. by Mark Peattie. Stanford, Calif.: Stanford univ. press, cop. 2011, 614 p.
38. From Marco Polo Bridge to Pearl Harbor: who was responsible? (translated from the Japanese). Tokyo: Yomiuri Shimbun, 2010. 410 p.
39. Lindsay M. The unknown war: North China, 1937-1945. Beijing: Foreign lang. press, 2003. 163 p.
40. Carlson E. F. Evans F. Carlson on China at War, 1937-1941. Beijing: Foreign lang. press, 2004, 140 p.
41. 东方主战场 Дунфан чжу чжаньчан. 北京 : 新世界出版社, 2015. 414 с. (Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2015. 414 с.).

И.Б. Полуэктов, заведующий архивом Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

ЭВАКОГОСПИТАЛЬ КАК ПАМЯТНИК ПОДВИГУ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЫЛОВЫХ ЭВАКУАЦИОННЫХ ГОСПИТАЛЕЙ, РАЗМЕЩЁННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1945 гг.)

В статье на примере деятельности эвакогоспиталей рассматривается работа советских военных медиков по восстановлению здоровья раненых и больных военнослужащих Красной Армии, эвакуированных для лечения в тыловые местности СССР.

Ключевые слова: эвакогоспиталь; здравоохранение; Куйбышевская область; медицинские работники; Великая Отечественная война; раненые и больные бойцы и командиры Красной Армии.

I.B. Poluektov, head of the archive of the Federal state budgetary educational institution of higher education "Samara state medical University" of the Ministry of health of the Russian Federation

A HOSPITAL AS A MONUMENT TO THE HEROISM OF MEDICAL WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF THE REAR EVACUATION HOSPITALS LOCATED ON THE TERRITORY OF THE KUIBYSHEV REGION IN 1941–1945.)

The article considers the work of Soviet military doctors to restore the health of wounded and sick Red Army soldiers who were evacuated to the rear areas of the USSR for treatment.

Keywords: a hospital; health care; Kuibyshev oblast; medical professionals; Great Patriotic war; the wounded and sick soldiers and commanders of the red Army.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. основная работа по восстановлению здоровья раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии была возложена на тыловые эвакуационные госпитали. В этих целях на территории СССР осуществлялось формирование обширной сети данных лечебных учреждений, в которых лечились эвакуированные с фронта раненые и больные военнослужащие Красной Армии. Таким образом, эвакогоспиталями в годы войны являлись медико-санитарные организации, оказывающие медицинскую помощь и осуществляющие лечение эвакуированных больных и раненых в тылу.

Успех работы военных медиков во время войны был достигнут благодаря разработанной системе этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению.

Важное значение в организации работы по эвакуации и лечению раненных имело Постановление Государственного Комитета Обороны № 701 от 22 сентября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной Армии», а также приказ Народного Комиссара здравоохранения и Начальника Главного Военно-санитарного управления Красной Армии № 0382/474 от 30 сентября 1941 г. «О передаче эвакогоспиталей в полное подчинение НКЗ СССР в соответствии с Постановлением ГКО № 701 от 22 сентября 1941 года».

В этих документах более чётко разграничивались права и обязанности двух ведомств по управлению эвакогоспиталями в тылу страны: Наркомата обороны, осуществлявшего формирование органов управления эвакуацией, и Народного комиссариата здравоохранения СССР, руководившего формированием эвакогоспиталей НКЗ СССР и выделявшего оперативные койки.

Согласно Постановлению, медицинское обслуживание раненых и больных бойцов и командиров в тыловых районах страны было возложено на Народный комиссариат здравоохранения СССР, а в армейских и фронтовых районах – на Главное военно-санитарное управление Красной Армии.

В подчинение Наркомздрава СССР были переданы все эвакогоспитали, сформированные в военное время и расположенные в тыловых районах (кроме постоянных госпиталей НКО).

На Наркомздрав СССР были возложены:

- организация лечения раненых и больных бойцов и командиров Красной Армии в эвакогоспиталях тыловых районов страны;
- содержание личного состава этих госпиталей;
- снабжение эвакогоспиталей всеми видами медицинского и санитарно-хозяйственного имущества.

НКО СССР осуществлял работу по:

- снабжению эвакогоспиталей Наркомздрава СССР продовольствием, фуражом, денежным довольствием, проездными документами раненых и больных

военнослужащих и обменным фондом белья по нормам и в порядке, установленном в Красной Армии;

- организации эвакуации раненых и больных в тыловые районы;
- распределению по эвакогоспиталям Наркомздрава СССР раненых и больных бойцов и командиров через эвакопункты.

Эвакопункты оставались в подчинении Главного военно-санитарного управления Красной Армии.

В годы Великой Отечественной войны здравоохранение Куйбышевской области выдержало тяжелейшие испытания.

Уже в самом начале войны решением особого заседания облисполкома № 403 от 20 октября 1941 г. при Куйбышевском облздравотделе был создан отдел эвакуационных госпиталей (ОЭГ).

Всего в период войны на территории области функционировали 54 тыловых госпиталя, из которых 40 были сформированы облздравотделом по заданию Наркомздрава СССР, 2 приняты от Наркомата обороны и 12 развернуты после их эвакуации из западных районов страны.

За весь период войны через эвакогоспитали, дислоцировавшиеся на территории области, прошли 181850 раненых и 19317 больных.

24 июня 1941 года в общежитиях Куйбышевского сельскохозяйственного института, расположенных в посёлке Усть-Кинельский, развернул работу эвакогоспиталь № 1653 [2, с. 149–150]. 27 июня 1941 года в него поступили первые раненые [9, л. 45].

24 июня 1941 года Сызранским горисполкомом утверждён список помещений, подлежащих передаче под размещение госпиталей: здания горно-нефтяного техникума и его общежития, средних школ №№ 1 и 2, фельдшерской школы, трикотажного техникума, железнодорожной школы №5 [16, л. 22].

30 июня 1941 года в гостинице «Националь» (г. Куйбышев)¹⁰ начато оборудование эвакогоспиталя. К ремонтным работам привлечены 150 человек, в т.ч. учащиеся школ №№ 15, 58, 74 и техникума электросвязи [12, л. 185].

12 июля 1941 года в г. Сызрани развернуты дополнительные эвакогоспитали за счёт городской больницы (на 300 мест) и детского санатория (на 150 мест) [16, л. 33-34].

17 июля 1941 года в г. Сызрань прибыл первый санитарный поезд с ранеными, размещение которых начато в открытом 4-м эвакогоспитале на 400 коек [18, л. 32].

¹⁰ Здание построено в 1902 году под гостиницу «Метрополь» в стиле эклектика, допускающем использование разнородных архитектурных элементов прошлого. В 1912 году после реконструкции гостиница переименована в «Националь». Повторное реконструирование проведено в 1999 году. В настоящее время – гостиница «Азимут». Адрес: ул. Ленинградская, д. 37/ул. Фрунзе, д. 91.

16 сентября 1941 года решением № 271 Куйбышевского облисполкома ёмкость эвакогоспиталя № 1643 (г. Сызрань, здание Сызранского учительского института) увеличена до 700 коек [20, л. 149].

17 октября 1941 года в г. Сызрани размещены эвакогоспитали на 1600 коек: в зданиях школы ФЗО № 8, железнодорожных школ №№ 5 и 6, средней школы № 8, детского сада имени Ворошилова, на колхозном рынке [19, л. 108].

20 октября 1941 года Сызранский учительский институт передал 180 железных коек с досками и матрацами эвакогоспиталю № 1643 [17, л. 134].

25 октября 1941 года, на основании решения особого заседания Куйбышевского облисполкома, в г. Сызрани в зданиях двух гостиниц, горторга, общежития нефтяного техникума размещён госпиталь на 1400 коек [16, л. 216-217].

01 ноября 1941 года в г. Сызрани развёрнут эвакогоспиталь № 997 на 1400 коек [21, л. 1]. 22 января 1942 года военный госпиталь № 997 переведён из г. Сызрани в г. Куйбышев [22, л. 24]. 23 января 1942 года госпиталь № 3272 (г. Куйбышев) объединён с госпиталем № 997. Вместимость бывшего госпиталя № 997 увеличена до 600 госпитальных коек [22, л. 27].

15 декабря 1941 года в г. Сызрани принадлежащее горздравотделу здание по адресу: ул. Советская, д. 20 приспособлено под госпиталь [20, л. 31].

11 февраля 1942 года бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) и облисполком на основании постановления ГКО СССР от 03 февраля 1942 года № 1236сс постановили выделить помещения для размещения эвакогоспиталей на 15000 коек, в том числе в г. Куйбышеве – на 12000 коек, в г. Ульяновске – на 600 коек, в г. Сызрани – на 700 коек, в г. Мелекесе – на 300 коек, в сельских районах области – на 1400 коек [4, л. 23].

К 14 февраля 1942 года в Куйбышевской области развёрнуты 27 эвакогоспиталей системы Наркомата здравоохранения РСФСР с общей плановой вместимостью 7200 коек [24, л. 30].

По состоянию на 06 марта 1942 года в госпиталях находилось на лечении 9282 раненых. Во всех госпиталях, за исключением госпиталя № 3236 (село Челно-Вершины) имелось электрическое освещение, были организованы пошивочные мастерские для починки белья и обмундирования [7, л. 217-218].

09 февраля 1943 года Куйбышевский горисполком принял решение использовать здание школы № 74 по адресу: ул. Чапаевская, д. 89¹¹ для размещения вновь формируемого эвакогоспиталя № 3274 [23, л. 86].

¹¹ Памятник архитектуры – жилой дом начала XX века. Построен в 1913 году. В настоящее время в здании размещены административные и учебные подразделения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России). На здании размещена мемориальная доска следующего содержания: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны размещался эвакогоспиталь № 5334».

16 марта 1943 года в г. Куйбышеве развёрнуты 2 эвакогоспиталя: № 3274 (ул. Чапаевская, д. 89; приняты 450 человек) и № 3999 (ул. Кооперативная, д. 196¹²; приняты 570 человек) [25, л. 24].

За госпиталями были закреплены города и сельские районы для оказания шефской помощи. Так, 03 сентября 1941 года бюро Чапаевского горкома ВКП(б) в целях оказания помощи военному госпиталю обязало парткомы и завкомы заводов №№ 15 и 309 организовать шефство над ранеными, горкому ВЛКСМ поручено организовать при госпитале группу доноров численностью 30-40 человек из числа молодёжи [3, л. 65-66].

13 сентября 1941 года бюро Сызранского горкома ВКП(б) приняло постановление о закреплении предприятий и учреждений для шефства над госпиталями. Для шефства над госпиталем № 1643 (располагался в здании учительского института) – многопромсоюз, главплодоовощ, фельдшерско-акушерскую школу, учительский институт и средние школы №№ 1 и 6. Над госпиталем № 1642 (размещался в здании трикотажного техникума) – организации железнодорожного транспорта и железнодорожную школу № 6. Над госпиталем № 997 (дислоцировался в здании фельдшерско-акушерской школы) – завод № 164, швейный комбинат, контору бурения, управление треста «Сызраньнефть» и среднюю школу № 14 [14, л. 130].

02 июля 1943 года, в целях оказания шефской помощи в дополнительном снабжении госпиталей продуктами питания для раненых бойцов и командиров Красной Армии, бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) и облисполком закрепили сельские районы для шефства над госпиталями, размещёнными на территории Куйбышевской области [5, л. 151]:

№ п/п	№ госпиталя	Сельский район – шеф
1.	358	Богатовский
2.	997	Безенчукский
3.	1139	Новодевиченский
4.	1642	Приволжский
5.	1643	Шигонский
6.	1860	Чапаевский
7.	3272	Сызранский
8.	3274	Безенчукский

¹² С 1948 года – улица Молодогвардейская. В настоящее время в здании размещены административные и учебные подразделения Государственного бюджетного нетипового общеобразовательного учреждения Самарской области «Академия для одарённых детей (Наяновой)» (ГБНОУ СО «Академия для одарённых детей (Наяновой)»). На здании размещена мемориальная доска следующего содержания: «В этом здании в годы Великой Отечественной войны размещался эвакогоспиталь № 3999».

9.	3276	Хворостянский
10.	3999	Сосново-Солонецкий
11.	5334	Дубово-Умётский
12.	5335	Красноярский
13.	5777	Молотовский
14.	5778	Кинельский
15.	5779	Кинель-Черкасский
16.	5780	Куйбышевский

В ходе шефства, в одном только ноябре 1943 года, делегация Кинельского района передала в подшефный госпиталь № 5778 (г. Куйбышев) собранные рабочими, служащими, колхозниками подарки раненым: мясо свежее – 77 кг, мясо жареное – 35 кг, куры копчёные – 22,5 кг (37 штук), сухари белые – 67 кг, пряники – 21 кг, яйца – 277 штук, сухари – 13 кг, урюк – 400 кг, конфеты – 2,6 кг, махорка – 23 кг, табак – 10 пачек, водка – 60 литров, одеколон – 50 флаконов, зажигалки бензиновые – 122 штуки, кисеты с табаком – 48 штук, а также бумагу, карандаши, портсигары, носовые платки [13, л. 60].

09-16 октября 1944 года в Куйбышевской области проведена неделя помощи госпиталям по обеспечению их дровами, продуктами питания, медикаментами с широким привлечением шефствующих предприятий, организаций, совхозов и колхозов. За этот период закончен ремонт в 14 госпиталях [8, л. 16-16об]. Госпитали №№ 1643 (г. Сызрань), 3276 и 5910 (оба – г. Чапаевск) отремонтированы к 01 ноября 1944 года [10, л. 127–128].

За 1944 год в одном только эвакогоспитале № 3285, размещённом в Сергиевском районе, для находящихся на излечении больных проведено 45 лекций и докладов, концертов – 45, киносеансов – 96, шахматно-шашечных турниров – 24 [15, л. 7].

22 февраля 1945 года, к 27-й годовщине Красной Армии, отправили в подшефный госпиталь подарки колхозники сельхозартелей имени Ворошилова и «Первая пятилетка» Молотовского сельского района (ныне Волжского) [1].

22 декабря 1944 года, за хорошую постановку работы в деле улучшения медицинского обслуживания сельского населения и успешное выполнение санитарно-оздоровительных мероприятий в годы Великой Отечественной войны, самоотверженный труд по восстановлению здоровья раненых бойцов и офицеров Красной Армии, а также активную помощь, оказываемую эвакогоспиталю в обслуживании раненых военнослужащих, почётными грамотами Куйбышевского облисполкома и обкома ВКП(б) награждены 23 коллектива медико-санитарных учреждений и 21 медицинский работник, 196 работников эвакогоспиталей, 18 руководителей трестов и заводов, партийных работников, общественников, актёров театра [6, л. 256-260об].

За годы Великой Отечественной войны, благодаря самоотверженному труду персонала эвакуогоспиталей, размещённых на территории Куйбышевской области, в ряды Красной Армии возвращены 70,6% раненых [6, л. 257]; в госпиталях на основе методов лечения раненых подготовлено 224 научных работы [11, л. 181].

Список источников и литературы

1. За сталинский урожай. – 1945. – 28 февраля.
2. Клевлин В.Г. Дорога к земле. – Самара, 1994. – 255 с.
3. Самарский областной архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 117.
4. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 6. Д. 15.
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 7. Д. 64.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 8. Д. 156.
7. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 27.
8. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 23. Д. 16.
9. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 26. Д. 41.
10. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 35. Д. 130.
11. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 36. Д. 96.
12. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 832.
13. СОГАСПИ. Ф. 1356. Оп. 3. Д. 63.
14. СОГАСПИ. Ф. 1474. Оп. 1. Д. 225.
15. СОГАСПИ. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 153.
16. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 234.
17. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 237.
18. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 238.
19. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 240.
20. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 241.
21. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 242.
22. СФ ЦГАСО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 256.
23. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 72.
24. ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 85.
25. ЦГАСО. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 119.

В.В. Синиченко, главный научный сотрудник Отдела стратегических проблем управления НИЦ Академии управления МВД России, доктор исторических наук, профессор

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРАЗВЕДКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы деятельности контрразведывательных отделений царской России в годы Первой мировой войны. Одним из наиболее часто применяемых способов контрразведки была перлюстрация корреспонденции частных лиц, которых подозревали в помощи военнопленным, находившимся на территории русского Дальнего Востока.

Ключевые слова: переписка, военная цензура, корреспонденция, военнопленные, Приморье, наружное наблюдение.

V.V. Sinichenko, chief researcher Of the Department of strategic management problems of the SIC Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of historical Sciences, Professor

SURVEILLANCE IN THE ACTIVITIES OF THE MILITARY COUNTERINTELLIGENCE AGENCIES OF THE FIRST WORLD WAR

The article discusses the issues of the activities of counterintelligence units of Tsarist Russia during the First World War. One of the most commonly used methods of counterintelligence was the perusal of correspondence of individuals who were suspected of helping prisoners of war who were in the Russian Far East.

Keywords: correspondence, military censorship, correspondence, prisoners of war, Primorye, outdoor surveillance.

Россия вступила в Первую мировую войну 19 июля 1914 г. Адаптация правительственного аппарата к войне нашло выражение, прежде всего, в создании полевого военного аппарата с соответствующими изменениями в военных учреждениях в центре (Военное и Морское министерства) и на местах (военно-окружные управления). В условиях военного времени многие министерства были наделены чрезвычайными полномочиями. Это прежде всего касалось администрации, полиции, жандармерии и органов цензуры.

В современной региональной историографии нашла отражение проблема специфики формирования органов военной контрразведки в Сибири и на Дальнем Востоке России [1–11].

Почтовая и телеграфная цензура в военное время служила для предупреждения просачивания важной информации в письмах людей, не отдающих себе отчета в значении сообщаемых ими новостей. Считалось, что цензор разрушает козни предателей и агентов противника, которые пытаются передать по назначению добытые ими сведения. Но в эпоху мировой войны почтовая цензура сыграла еще более важную роль: в совершенно неожиданной форме она дополняла деятельность контрразведки, обнаруживала агентов и помогала раскрытию их методов работы; изучая письма, отправляемые в нейтральные страны, она собрала множество мелких данных, оказавшихся весьма ценными для разведки.

21 декабря 1914 г. в отношении № 595 от Никольск-Уссурийского полицмейстера в жандармское отделение поступило сообщение, что проживающая в доме №49 по Сухановской улице немка Елизавета Адриан ежедневно принимает у себя пленных офицеров при разговорах с ними порицает русские войска и уговаривает свою прислугу ехать вместе с ней в Китай [12, л. 80].

Началась переллюстация корреспонденции проживавшей в городе Никольск-Уссурийске в доме №49 по Сухановской улице германско-подданной Елизаветы Адриан. Препровождая переписку на немецком языке и фотографические карточки (немецкий офицер в форме и штатском костюме) жандармы ходатайствовали о переводе означенной переписки на русский язык и о сообщении, не проходили ли лица, упоминаемые в письмах и изображенные на карточках по оперативным делам [12, л. 36].

Однако переписка Елизаветы Адриан за исключением нескольких писем от родных состояла из писем обыкновенного содержания и в большинстве случаев являла собой излияниями чувств любви (иногда в циничной форме) [14, л. 74].

С 18 декабря по 7 января 1914 г. переллюстрировано 21 письмо другой уроженки Дальнего Востока – Ядвиги Дурнево [12, л. 33].

Вдова прапорщика запаса Ядвига Александровна Дурнево 39 лет, вероисповедания римско-католического, была замечена в обществе немецкого офицера фон Крафта. Изложенные сведения были своевременно доложены начальнику Никольск-Уссурийского гарнизона, а Дурнева была взята в наружное наблюдение.

3, 4, 5 января наружное наблюдение отметило встречи Дурневой с нижними пленными чинами.

Переписка указала лишь на то, что Дурнева состояла в интимных отношениях не с одним Крафтом, но и с пленным поручиком австрийской армии Мартинидесом [12, л. 51–52].

Переписка Дурневой на немецком с Рудольфом Мартинидесом и два письма подполковнику Иозефу Бильвину, командиру 4 гусарского полка австрийской армии, фотокарточки Бильвина, тот факт, что она переводила 25 руб. почтовым телеграфом Мартинидесу, все это указывала не на политические, а пикантные обстоятельства [12, л. 71].

28 февраля 1915 г. в донесении № 48 начальник Никольск-Уссурийского жандармского отделения сообщил для сведения, что жена управляющего магазином Лангелитье – Шумахер и Елена Ильинична Лисовская проживавшая по Мичуринской улице в доме № 21, мещанка Харькова по профессии корсетница, по подписке собирали деньги для военнопленных, а также Лисовская ездила к военнопленным в Иркутск. Вышеизложенный факт мог подтвердить Рыбальченко проживавший по Мичуринской улице дом 37 [12, л. 250].

Были проверены четыре письма от Е.Лангелитье из Гамбурга, владелица фирмы проживала в то время в Германии (Вернется во Владивосток в мае 1915 г.). Заинтересовали жандармов и письма от Георгия Лангелитье из Иокагамы. Тот выражал в них эмоции, недовольство, тем, что вывоз денег из России ограничен и он не может позволить себе в Японии такой же роскошной жизни, как и раньше [12, л. 253].

Военный цензор М. Переплетчиков в докладной от 5 января 1915 г. заявлял, что при просмотре заказных почтовых отправок он обнаружил, что в адрес некоего Грюнберга в город Бухарест кем то посылаются письма военнопленных с Красной речки (Хабаровск). Поэтому он предположил, что нейтральная еще тогда Румыния используется для отправки корреспонденции в разные места Австрии. Аналогичные письма им отмечено, что в последнее время стали адресоваться в США. Кроме того вскрытое им заказное письмо в фирменном конверте «Зингер и К» было направлено в Стокгольм и заключало в себе четыре закрытых письма военнопленных одно в Германию и три в Австрию. Во всех письмах рекомендовалось, письменные сообщения пересылать через Владивостокское отделение «Зингер» и так как законом пересылка писем военнопленных, в которых те сообщали разнообразные сведения о русском тылу, была запрещена цензор обратился в военно-цензурную комиссию [12, л. 118].

Начальнику Владивостокского охранного отделения 10 января 1915 г. ротмистром Гинсбургом было доложено о ходе обыска во Владивостокском филиале конторы «Зингер и К». Там была обнаружена переписка на немецком языке. Кроме того, предположения военного цензора о передаче через означенную контору не только писем, но и денег военнопленным, подтвердилось отобранным по обыску письмом австрийского лейтенанта Макса Клейна получившего в конторе 200 руб. за счет внесенных его родственниками денег в отделения «Зингер и К» в Германии [12, л. 116].

В отобранном у руководства Владивостокского филиала объяснении говорилось: «Недавно из Павлодара отправлена партия военнопленных австрийских офицеров в гор Никольск. Между ними находится Макс Клейн фабрикант обуви в Вене. Клейн намеревался поставить о своей судьбе в известность родных в Вене и не имея знакомств в нейтральной державе, как покупатель обратился через нашу фирму в Стокгольм. Мы получили ответ через Стокгольм. Просим разыскать Клейна и вручить ему открытое письмо на немецком языке» [12, л. 121].

Таким образом, руководство «Зингер и К» отрицало причастность свою к шпионажу.

В декабре 1914 г. из Никольск-Уссурийска Евгением Шохом были отправлены четыре посылки на имя военнопленного Майделя через содержателя аптеки в Хабаровске Зандау. Отправка посылок следующим образом: военнопленный Майдель в начале декабря 1914 г. зашел в магазин Пермякова и узнал, что означенный магазин состоит в числе покупателей фирмы торгующей оптическими приборами в Варшаве. Майдель попросил находившегося тогда в магазине Шоха, чтобы на его имя высылались переводы Майделю. Шох согласился. Через некоторое время были получены через нейтральные страны четыре посылки вслед за которыми пришла телеграмма – «Отправить в Хабаровск к аптеку Зандау» [12, л. 322].

Началось выявление корреспонденции военнопленных, здесь значительную роль сыграла военная цензура.

24 апреля Никольск-Уссурийской военной цензурой была задержана отправкой телеграммы следующего содержания: «Ответ 10 уплачен. Германский комитет. Переслать деревню Кочевку. Блеккеру. Пермская губерния Камышлов. Куда перевести деньги. Адрес нам неизвестен. Сестер известий нет. Эйнер». Ротмистр Посников, начальник Никольск-Уссурийского жандармского отделения донося об изложенном, просил коллег выяснить какой существует в городе Камышлов «Германский комитет», цели его, а также личности Блеккера. При этом он отметил, что взял под наблюдение отправителя телеграммы – содержателя аптеки в городе Никольск-Уссурийском русского подданного немецкого происхождения – Августа Андреевича Эйнера [13, л. 142].

Забегая вперед отметим, что работа в этом направлении не дала результатов. За А.А. Эйнером наружное наблюдение не выявила предосудительных контактов, а 2 октября 1915 г. в донесении за № 2128 Посников был вынужден сознаться, что «...по разработке телеграммы за № 720... адресатом означенной телеграммы Блеккер является родной брат жены содержателя аптеки Эйнер Эли Карловны – Фридрих Карлович Блеккер. Он служит в аптеке в Москве, и в мае, как германский подданный, выслан в Пермскую губернию в деревню Кочевку. Упомянутый в телеграмме «Германский комитет» есть ни что иное, как

находящийся в городе Камышлов «Комитет Германских военнопленных» через который родственники военнопленных посылают посылки» [13, л. 217].

Но не всегда аптекари хоть и немецкого происхождения, помогали военнопленным.

23 мая 1915 провизор Шульц, управляющий аптекой по Духовской улице № 39 в Никольск-Уссурийске Приморской области сообщил в жандармское отделение, что в управляемую им аптеку часто заходят военнопленные солдаты с целью приобретения разных медикаментов. Военнопленные слабо охраняются, конвой зачастую остается на улице (иногда даже на большом расстоянии от аптеки, в качестве примера, аптекарь называл случай, когда конвой стоял на углу Барановской и Духовской улиц, т.е. на расстоянии версты от аптеки). Военнопленные, находясь в аптеке, обращались неоднократно к публике с просьбой о помощи, как деньгами, так и вещами, просят разменять деньги, отправить письма для них на родину и пр.

Провизор просил жандармов принять зависящие от них меры для ограждения аптеки «...от таких с общественной точки зрения крайне нежелательных явлений» [13, л. 31].

Таким образом, в годы Первой мировой войны, в связи с изменившейся политической ситуацией происходит переход от эры «черных кабинетов», первоочередной задачей которых являлся политический сыск, к военной почтовой цензуре, основной целью которой было улавливание настроений, контроль обмена мыслями и информацией, воспрепятствование распространению революционных идей, т.е. функция перлюстрации принимает все более контрразведывательный характер.

Список источников и литературы

1. Алексеев М.А. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. В 2-х кн., Кн. II. – М. Русская разведка, 1998. – 480 с.

2. Беляева Н.А., Шабельникова Н.А., Милежик А.В., Усов А.В., Никонов К.О. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922). – Владивосток : ДВФУ, 2019. –60 с.

3. Бояджи Э. История шпионажа. В 2-х т.; Т. I. – М. : ОЛМА-пресс, 2003. – 543 с.

4. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века): монография / Н.А. Беляева, Л.А. Лаврик, С.Н. Ляпустин, А.В. Попенко, Н.А. Шабельникова, Е.М. Щербина / под общ. ред. Н.А. Беляевой. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Проспект, 2019. – 240 с.

5. Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920. Организационное строительство. – М.: Крафт, 2004. – 239 с.
6. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 200–207.
7. Никонов К.О. Формирование Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги: историко-правовой аспект // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (45). – С. 10–15.
8. Никонов К.О. Исторический опыт формирования жандармского полицейского управления Китайской Восточной железной дороги в начале XX века // Клио. – 2020. – № 6 (162). – С. 84–90.
9. Шабельникова Н.А. Жандармско-полицейские управления на Дальнем Востоке России: перспективы формирования источниковой основы исследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы восемнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – № 20–2. С. – 181–183.
10. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.
11. Шабельникова Н.А., Милежик А.В. К вопросу об изучении деятельности жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2019 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2019. – С. 136–140.
12. РГИА ДВ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф.511. Оп.2. Д.51.
13. РГИА ДВ. Ф.511сч. Оп.2. Д.49.

Г.А. Ткачева, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1941–1945 гг.

На основе источников, впервые вводимых в оборот, выявлены особенности комплектования и обучения работников морского флота Дальнего Востока СССР. Установлено, что в условиях военного времени сформировалась военномобилизационная система подготовки рабочей силы, численность которой корректировалась согласно складывающейся обстановке. Возможности ведомственного распределения трудовых ресурсов сократились.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, морской транспорт, Дальневосточное пароходство, подготовка кадров.

G.A. Tkacheva, leading researcher, Institute of history, archeology and Ethnography of the peoples of the Far East, Feb RAS, doctor of historical Sciences

PERSONNEL POTENTIAL OF THE MARINE TRANSPORT OF THE FAR EAST OF THE USSR IN 1941–1945

On the basis of the sources for the first time introduced into circulation features of completing and training of workers of navy of the Far East of the USSR are revealed. It is established that in the conditions of wartime the military and mobilization system of training of labor which number was corrected according to the developing situation was created. Possibilities of departmental distribution of human resources were reduced.

Keywords: Great Patriotic War, marine transport, Far East shipping company, training.

В годы Великой Отечественной войны на морской флот СССР возлагалась общегосударственная задача – установить устойчивые транспортно-экономические связи с союзниками по антигитлеровской коалиции. В пароходствах Дальнего Востока (Дальневосточное, Николаевское-на-Амуре, Владивостокское арктическое) за военные годы количество транспортных судов увели-

чилось со 160 до 190 единиц, общая грузоподъёмность которых составила более 1 млн т (более половины тоннажа Наркомата морского флота СССР) [1].

В парокходствах появились турбоэлектроходные танкера, турбинные и дизельные суда, оснащённые разнообразной судовой техникой, что требовало технически грамотных специалистов. Мобилизация дальневосточников в ряды Красной Армии и Военно-Морского флота сузила базу комплектования трудовых коллективов и экипажей судов и обострила проблему кадров (табл. 1).

Таблица 1

Численность работающих в Дальневосточном морском парокходстве на 1 января 1941–1946 гг., чел.

Показатели	Годы					
	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Плавсостав транспортного флота	3603	3219	4435	7507	7262	6233
Управление парокходства	208	198	183	227	269	264
Радиоцентр	92	76	70	48	47	47
Заготовительная контора	173	118	82	129	124	114
ОРСы и пригородное хозяйство	–	–	401	975	581	515
Жилищно-коммунальное управление	30	59	90	124	102	103
Редакция газеты, клуб и прочие	103	106	112	85	105	н/с
Владивостокский торговый порт	2806	2236	2784	5731	7195	н/с
Судоремонтный завод № 2	732	552	791	670	715	н/с
Судоремонтный завод № 1	733	674	605	678	695	н/с
Александровский порт и портопункты	644	788	725	574	582	н/с
Находка и нефтебаза	180	99	115	173	267	н/с
Прочие портопункты	–	138	129	103	64	н/с
Морской техникум (училище)	388	371	643	637	679	н/с
Школа морского ученичества (РУ-4)	218	194	141	175	247	н/с
Школа морского обучения	–	–	–	270	256	н/с
Всего по Дальневосточному парокходству	9910	8828	11306	18107	19189	н/с

Примечание. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 1; Д. 24. Л. 1 (сост. авт.).

Текучесть кадров была очень велика как в целом по морскому транспорту, так и среди работников плавсостава Дальневосточного парокходства. Так, в 1941 г. для работы на судах приняли 664 чел., а выбыли 1217 чел., в 1942 г. соответственно 1026 и 905 чел. За 1943 г. в плавсостав набрали 4190 чел. и уволили 781 чел. Прибыли вместе с судами из других парокходств 810 чел., по разнарядке наркомата – 493, по комсомольской мобилизации – 802 чел., через отдел кадров – принято около 2 тыс. В 1944 г. прибыли 2362 чел., из них 98 – командного и 2096 чел. рядового состава, в 1945 г. – 2440 чел., из них соответственно 239 и 2211 чел. Численность уволившихся составила в 1944 г. 1885 чел., в 1945 г. – 2316 чел.

В конце войны основная текучесть кадров связана с возвращением судов с личным составом к месту приписки: в 1944 г. отправлены 1658 чел. (в Балтийское пароходство 489 чел., Северное – 173, Черноморское – 404, Николаевское – 114, Дальморпуть – 125, АКО – 79 и прочие организации 274 чел.), в 1945 г. откомандированы ещё 1804 чел. В результате военных действий к началу 1944 г. числились погибшими 316 чел. (249 членов экипажа, 57 военных моряков и 10 пассажиров) [2].

Для пополнения рабочей силы привлекались выпускники школ и государственной системы профессионально-технического обучения, не занятое в общественном производстве сельское и городское население, инвалиды и пенсионеры. Однако если численность управленческих работников и грузчиков можно было пополнить за счёт рабочих городских предприятий и воинского контингента, то проблему плавсостава невозможно было решить в одночасье (табл. 2).

Привлечение на производство новых работников изменило систему подготовки и переподготовки специалистов для морского транспорта. Её основу составили краткосрочные курсы массовых профессий и командного состава, школы морского ученичества и мореходные училища. Для массовой подготовки специалистов создавались десятимесячные курсы штурманов, механиков, радистов и шестимесячные курсы электромехаников. Учебный комбинат Дальневосточного пароходства готовил командные кадры практически для всего региона. После сдачи вступительных экзаменов по русскому языку, физике и математике в объёме семи классов из специалистов-практиков готовили штурманов, механиков, электромехаников, навигаторов, радиотелеграфистов, радиооператоров. За 1944–1945 гг. получили специальность штурманов малого плавания – 117 чел., механик третьего разряда – 77, электромеханик – 63, радиооператор – 113, судоводитель маломерных судов – 6. Прошли переаттестацию 1315 механиков и помощников, 366 радистов. Специальные курсы с отрывом от производства в 1944 г. окончили 435 чел. Комиссия по проверке практических и теоретических знаний у 249 работников механико-судовой службы дала заключение на получение диплома и право занимать должности механиков 225 чел. [3].

Проведённая работа позволила выбрать лучших специалистов и после соответствующей аттестации перевести их на более высокие должности. Согласно отчётам в Дальневосточном пароходстве за 1942–1945 гг. стали капитанами 147 чел., старпомами – 199, вторыми помощниками – 202, третьими помощниками – 112, старшими механиками – 92, вторыми механиками – 129, третьими механиками – 141 и электромеханиками – 23 чел. [4].

**Наличие рабочей силы на транспортном флоте
Дальневосточного пароходства в 1942–1945 гг., чел.**

Показатели	Должности	Годы		
		1. 01.1942	1.12.1943	1.01.1945
Судовые команды: руководящий состав	капитан	80	179	168
	помполит	-	-	118
штурманская группа	старший помощник	230	182	157
	2-й помощник		168	151
	3-й помощник		169	149
	4-й помощник		39	85
	ученик штурмана	8	16	
механическая группа	старший механик		201	162
	2-й механик	193	201	157
	3-й механик		195	171
	4-й механик		117	143
электро- и радиогруппа	электромеханик	20	47	65
	радиооператор и техник	94	213	246
палубная команда	боцман	80	171	154
	плотник	80	145	148
	матрос	641	1416	1347
машинная команда	машинист	194	543	569
	моторист	87	133	153
	токарь	43	97	97
	кочегар	763	1426	1331
	донкерман	н/с	16	22
	электрик	25	78	91
обслуживающая команда	повар	80	187	148
	помощник повара	н/с	101	н/с
	пекарь	82	96	161
	буфетчик	80	216	167
	уборщица	151	234	207
	дневальный		200	158
	судовой медик	н/с	149	105
обучающаяся группа	юнги	-	255	130
	ученики	н/с	272	502
не распределены	прочие	93	40	
Всего		3024	7502	7262

Примечание. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 9. Л. 20; Д. 17. Л. 11; Д. 21, Л. 5 (сост. авт.).

Для более эффективной подготовки командных кадров для морского флота, по постановлению ГКО № 5311 от 5 марта 1944 г., распоряжением СНК СССР № 135 от 11 апреля 1944 г. и приказу НКМФ № 229 от 7 июня 1944 г. Владивостокский морской техникум был реорганизован в высшее мореходное училище со специализацией судовождение, судовые силовые установки и судовые радиоустановки, Николаевский-на-Амуре техникум – в морское училище и готовил штурманов малого плавания, техников-судомехаников и радиотехни-

ков [5]. За 1924–1940 гг. Владивостокский морской техникум подготовил 683 специалиста, в том числе 246 судоводителей и столько же судомехаников, 60 механизаторов, 62 радиотехника, в 1941–1943 гг. – 107 чел., из них 34 судомеханика и 34 судоводителя, 31 радиотехник. С 1944 г. по 1947 г. флот пополнили 259 специалистов (208 судоводителей и судомехаников, 35 радиоинженеров) [6].

Кадры для плавсостава из молодёжи готовили: созданная в 1943 г. школа мореходного обучения № 7 (выпустила в 1943–1944 гг. 253 чел., из них 83 матроса, 31 машинист, 27 мотористов, 33 кочегара, 28 радистов), школа № 5 в Находке и школа юнг. Обучение юнг было организовано по приказу № 300 от 16 октября 1942 г., который регламентировал организацию учебного процесса непосредственно на судах морского флота и в стационарных условиях. В программу включались общеобразовательные предметы в объёме школьного семилетнего обучения с расчётом в дальнейшем, при желании, получить среднее и высшее образование и специальные морские дисциплины. Однако на Дальнем Востоке такая задача оказалась невыполнима. Из-за отсутствия помещения и преподавателей школу на берегу так и не открыли. Юнги постигали азы профессии на судах без учёта общеобразовательной подготовки и непосредственно от наставника. В начале 1944 г. на судах Дальневосточного пароходства числился 271 юнга. В течение года были приняты 47 чел., выбыли – 57 чел., переданы в штат по разным специальностям 129 чел. [7].

На 1 января 1945 г. насчитывалось 130 юнг, которые в соответствии с указанием НКМФ № Б-10594/64 от 13 ноября 1944 г. были объединены в группы по общеобразовательному и возрастному уровню. Шестнадцатилетние юноши зачислялись на штатные должности по освоенной специальности, а пятнадцатилетние, с образованием ниже пяти классов – переводились в разряд учеников с последующим зачислением в штат. Юнг в возрасте 14–16 лет, имеющих образование пять классов (50 чел.), отправили на групповое обучение на пароход «Трансбалт», самых младших, с начальным или без начального образования – по месту жительства [8]. Тем самым пытались определить статус работающей молодёжи на судах, навести порядок в этом вопросе и, в конечном итоге, повысить квалификационный уровень низшего звена.

Для того чтобы решить проблему укомплектования судов заграничного плавания Дальневосточного и Северного морских пароходств, ГКО своим постановлением № 6145 от 7 июля 1944 г. обязал Комитет по учёту рабочей силы, комсомольские и партийные организации союзных республик, обкомов и райкомов мобилизовать к 25 июля 1944 г. 1,2 тыс. лиц мужского пола от 16 до 18 лет годных по состоянию здоровья для работы в море. Для Дальневосточного пароходства планировалось мобилизовать 800 чел., в том числе по 150 чел.

из Приморского и Хабаровского краёв, по 50 чел. – из Красноярского и Алтайского краёв, Омской, Новосибирской, Иркутской, Читинской областей, Чувашской АССР и 100 чел. – из Узбекской ССР.

Обучение судовым специальностям проводилось в Архангельске и Владивостоке (ст. Раздольная, казармы Дальневосточного фронта) на двухмесячных курсах и двухмесячной производственной практике. Учащиеся получали стипендию в размере 200 руб. в месяц и 300 руб. ссуды с последующей выплатой в течение полугода. Бесплатное питание вводилось по нормам, установленным СНК СССР от 27 декабря 1943 г. за № 24375р для школ юнг. Внешнеторговые организации выделяли для учащихся из импортного резерва 30 тыс. м хлопчатобумажных и 7,2 тыс. м шерстяных тканей, 2,4 тыс. пар нижнего белья, 3,4 тыс. пар носков и 1,2 тыс. одеял [9].

На Дальнем Востоке приступили к теоретическому обучению 837 чел., прошли – 788 чел. (отчислились по разным причинам 16 чел. и 33 – направлены в высшее мореходное училище). На суда дальневосточного региона распределены 442 чел., на Балтийское и Чёрное моря – 346 чел. Среди них, получившие первичные навыки матросов 283 чел., кочегаров – 298, машинистов – 94, мотористов – 58, электриков – 52 чел. [10].

Желающих работать на судах транспортного флота было очень много. С просьбами обращались специалисты самых разных профессий не только из городов и сёл Дальнего Востока. Заявления поступали фактически со всех регионов страны, но набор осуществлялся лично после тщательной проверки. Кроме всех прочих документов будущие работники плавсостава, проходившие через отдел кадров на общих основаниях, обязательно имели рекомендации двух членов ВКП(б), а коммунисты и комсомольцы – направление соответствующих организаций.

На каждого отправляющегося в заграничные рейсы специальная комиссия в составе представителей отдела кадров и политотдела оформляла заключение, которое подписывалось начальниками пароходства и политотдела, а после возвращения проводилась проверка. Законодательными актами укреплялась дисциплина. Приказом наркомов Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецова и морского флота СССР П.П. Ширшова от 27 марта 1942 г., решением Совнаркома СССР от 19 мая 1943 г. на суда торгового флота вводились дисциплинарные уставы военно-морского и морского флота. Постановление ГКО 3 июля 1942 г. и приказ НКМФ № 175с от 10 июля 1942 г. повышали ответственность работников морского транспорта за сохранность перевозимых грузов, а приказ № 127с от 5 марта 1944 г. – за хищения и порчу грузов в военное время [11].

Распоряжением СНК СССР № 24390-р от 27 декабря 1943 г. вводилось в действие «Положение о товарищеских судах чести командного состава морско-

го флота СССР». Они рассматривали по представлениям капитана судна, начальников порта и пароходства, партийных и комсомольских организаций проступки командиров производства. В качестве мер общественного воздействия признавались выговор, ходатайство о наложении дисциплинарного взыскания, лишении премии, понижении в должности и праве работы на судах дальнего плавания.

Предполагалось, что данные меры укрепят дисциплину и снизят текучесть. Однако на практике складывалась парадоксальная ситуация. Установленный порядок приёма нарушался. Даже среди руководителей, прибывающих из других организаций в порядке перевода или прикомандирования, встречались некомпетентные, больные и случайные лица не желающие работать. По далеко неполным сведениям в 1941 г. за самовольный уход были осуждены 1096 работников Дальневосточного пароходства и 1376 – получили взыскание, 366 – уволили за нарушения трудовой дисциплины. Во втором полугодии 1941 г. тщательную проверку прошли более 3 тыс. чел. Оформили 2564 чел. на 64 судна заграничного рейса и 752 чел. отклонили по разным причинам, из них 31 капитан, 34 старших помощника. Среди прошедших переаттестацию 377 чел. командного состава, 44 чел. не соответствовали занимаемым должностям [12].

Количество нарушений возрастало и согласно приказу Народного Комиссара морского флота № 393 от 12 ноября 1943 г. проводился обмен мореходных книжек у личного состава судов заграничного плавания. Новые документы выдавались только при наличии положительной характеристики, после тщательной проверки политических и деловых качеств моряка, личного собеседования на заседании специально созданных комиссий.

За 1944 г. в Дальневосточном пароходстве проверены 9450 чел., в том числе 2154 – из командного состава и 7296 – рядового. Не получили новые мореходные книжки 653 чел. (6,9% проверенных) из них 149 – командного и 504 чел. – рядового состава. Среди не прошедших переаттестацию – 9 капитанов, 56 помощников капитанов (14 старпомов, 18 вторых помощников капитана, 16 – третьих и 8 – четвёртых), 32 механика (8 – старших, 5 – вторых, 9 – третьих, 5 – четвёртых механиков), 5 электромехаников. Основными причинами являлись: политические мотивы – 26 чел. (4%), нарушения правил поведения за границей – 146 чел. (22,4%), нарушение дисциплины – 279 чел. (42,7%) и бытовое разложение (так квалифицировались нарушения семейного права и норм социалистического общежития) – 54 чел. (8,3%). За четыре месяца 1945 г. отказали в выдаче виз на выезд за границу ещё 524 лицам [13].

Таким образом, наводился порядок в оформлении документов, укреплялась дисциплина и повышалась ответственность членов экипажа как гражданина

СССР. Мореходная книжка содержала кроме основных биографических данных сведения о должностном положении и районах плавания и являлась по существу основным документом для исчисления плавательного ценза и права захода в иностранные порты, но сроки проведения переаттестации затягивались. Почти половина капитанов Дальневосточного пароходства прибыла из западных районов страны, и не имели характеристик с прежнего места работы, проводимая проверка через органы НКГБ в большинстве случаев не давала положительных результатов. Моряки каботажного плавания из других ведомств не проходили переаттестацию, не получали удостоверения нового образца и соответственно не могли работать на судах заграничного плавания. Это еще больше сужало базу комплектования судов. В частности, в результате проверки из списков личного состава заграничного плавания Востокрыбхолода исключили 86 чел., Арктического пароходства Северного морского пути – 84, Главвостокрыбпрома – 104 чел. [14].

Наметилась определённая отчуждённость и разобщённость в коллективах. Комплектование экипажей судов, в нарушение постановления ГКО, проводилось без согласования с капитанами, которые также принимали решение, минуя отдел кадров. Такое положение приводило к частым и порой просто необъяснимым перестановкам рядового и руководящего состава. Приказ НКМФ № 300с о закреплении людей на судах просто игнорировался. Например, на судах каботажного плавания экипажи сменялись более двух раз за год. Только за один весенний месяц 1945 г. во время стоянки во Владивостоке на 31 судне заграничного плавания сменили 260 чел. плавсостава [15].

С увеличением числа заходов в иностранные порты больше фиксировалось нарушений инструкций по поведению советских моряков за границей. За 1942 г. в отделе кадров Дальневосточного пароходства зарегистрировано 139 случаев, в том числе 102 – нахождение в нетрезвом состоянии, 26 самовольных отлучек на берег и опозданий на судно, 11 контактов с иностранцами (посещение квартир, общение со знакомыми). В 1943 г. имелось уже 397 нарушений, которые квалифицировались, как пьянство – 239 случаев, нарушение дисциплины – 126, нежелательные контакты – 32 случая, в 1944 г. – 417 нарушений, которые распределялись соответственно 201, 133, 83 случая. Кроме этого имелись факты дезертирства. Так, с 1940 г. по 1945 г. дезертировали в иностранных портах 20 работников Дальневосточного пароходства, с работавших на Дальнем Востоке судов Черноморского и Северного пароходств зарегистрировано 8 подобных инцидентов. При всех нарушениях следовали длительные разбирательства, принимались соответствующие меры, направленные на укрепление дисциплины на судах заграничного плавания, а в особо тяжёлых ситуациях капитаны отдавались под суд. На этот счёт имелось специальное постановление Государственного Комитета Обороны № 6501сс от 3 сентября 1944 г. [16].

Оценить эффективность сформированной системы подготовки кадров не представляется возможным. Первоначально подготовка и переподготовка не имели чёткого планирования и осуществлялись по мере необходимости. Общая численность закончивших обучение в Дальневосточном пароходстве (включая предприятия) составила в 1941 г. 605 чел., 1942 г. – 805, 1943 г. – 4301 (отсеялись 14,2%), 1944 г. – 5342 чел. (отсеялись 5,6%). Индивидуально-бригадный метод обучения играл ведущую роль в подготовке кадров. Так, в 1944 г. на курсах массовых профессий с отрывом от производства были обучены 1145 чел. (22,4%), без отрыва – 601 (11,7%), индивидуально-бригадным методом – 2154 (42%), повысили квалификацию – 1221 чел. (23,8%). Среди обученных подростки 14–16 лет составили 13,7% (712 чел.), женщины – 10,7% (549 чел.). Массовые специальности получили 2496 чел. плавсостава, (988 чел. стали матросами, 851 – кочегарами, 504 – машинистами, 77 – мотористами, 65 – электриками), в 1945 г. – 1377 чел., в том числе 533 – вновь пришедшие на производство [17].

Таблица 3

Обеспеченность рабочей силой основных дальневосточных предприятий морского транспорта в 1945 г., чел.

Показатели	Требуется		Имеется фактически		% обеспеченности	
	всего	в том числе командных кадров	всего	в том числе командных кадров	всего,	в том числе командных кадров
Предприятия: Дальневосточное пароходство (без юнг и учеников)	5897	1757	5814	1723	97,0	98,0
Владивостокское арктическое пароходство	1548	290	1252	244	80,8	84,1
Севморпуть (Дальморпуть)	830	206	477	131	57,4	63,5
Владивостокский торговый порт	8171	174	7174	155	87,8	90,0
Итого	16446	2427	14717	2253	89,4	92,7

Примечание. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 295. Л. 30.

На работу на морской транспорт принимались лица различных социальных групп дальневосточного региона и прикомандированные из других областей страны (табл. 3). Изначально планировалось большую часть молодёжи привлечь из Сибири, что свидетельствует об отсутствии резерва на Дальнем Востоке (наиболее тяжёлое положение сложилось на транспортном флоте Северного морского пути). Среди командного состава ряд должностей занимали лица без образования (диплома) как практики, что являлось нарушением даже в условиях военного времени. Большая часть выполняли работы, не требующие высокой квалификации. Недостаток рабочих массовых профессий компенсировался совмещением должностей и трудовым энтузиазмом, регион становился кузницей подготовки кадров для других пароходств. В этом проявлялась особенность централизованно-распределительной политики формирования трудовых ресурсов. В условиях военного времени сформировалась военно-мобилизационная система подготовки рабочей силы, численность которой корректировалась согласно складывающейся обстановке. Возможности ведомственного распределения трудовых ресурсов сократились.

Список источников и литературы

1. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 62. Л. 14, 14 об.
2. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 288. Л. 23,24; д. 295. Л. 31; Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 4, 8; д. 17. Л. 8об.; д. 24. Л. 11.
3. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 295. Л. 30.
4. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 24. Л. 8, 9 (подсчит. авт.).
5. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 19. Л. 12.
6. Королюк В.П. Владивостокский «Мортех». – Владивосток, 2001. С.76.
7. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 29. Л. 14, 16.
8. ГАПК. Ф.46. Оп. 81. Д. 21. Л. 9.
9. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 19. Л. 58, 59, 60; Д. 21. Л. 3 об, 11.
10. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 3 об., 9.
11. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 18. Л. 34, 151.
12. ГАПК. Ф.46. Оп. 81. Д. 9. Л. 8, 11, 13, 18, 35.
13. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 17. Л. 11; Д. 21. Л. 16.
14. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 121. Л. 2, 14, 15; Оп. 28. Д. 288. Л. 24.
15. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 3. Л. 107–109.
16. Из 10 задержанных к ноябрю 1944 г. 3 чел. погибли (бросились за борт при следовании во Владивосток), 7 – осуждены военным трибуналом. ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 13, 14, 15; Д. 24. Л. 12.
17. В 1945 г. во Владивостокском арктическом пароходстве обучили массовым профессиям 446 чел., включая 74 вновь пришедших на производство, Владивостокском торговом порту соответственно 3 330 чел и 854 чел. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 295. Л. 29; оп. 34. Д. 29. Л. 14; Ф. 46. Оп. 81. Д. 21. Л. 8; Д. 24. Л. 8, 9.

Н.А. Троицкая, заместитель директора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, кандидат исторических наук, доцент

МАЛОИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ

Статья посвящена анализу постановлений об аресте - массового источника по истории органов внутренних дел Приморской области в 1919-1920 гг. Основное внимание уделено характеристике разных уровней информации, содержащейся в документах из фонда управляющего Приморской областью Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, позволяющей восстановить структуру органов правопорядка, именную состав, характер преступлений.

Ключевые слова: постановления об аресте, РГИА ДВ, следственные комиссии, государственная охрана, большевизм.

Troitskaya, N.A., deputy Director of the Russian State Historical Archive of the Far East, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

UNDERUTILIZED SOURCES ON THE HISTORY OF INTERNAL AFFAIRS AND STATE SECURITY IN THE PRIMORSKAYA OBLAST' DURING THE YEARS OF CIVIL WAR AND INTERVENTION

The article is devoted to the analysis of arrest orders – a mass source on the history of the internal affairs of the Primorskaya oblast' in 1919–1920. The main attention is paid to the characterization of different levels of information contained in documents from the fund of the managing director of the Primorskaya oblast' of the Russian State Historical Archive of the Far East, which allows restoring the structure of law enforcement agencies, the nominal composition, nature of crimes.

Key words: arrest orders, RGIA DV, investigative commissions, state security, Bolshevism

Несмотря на то, что история Дальнего Востока России в период гражданской войны и интервенции изучается почти столетие, не стоит говорить о завершенности или бесперспективности этого процесса. Исследователи до сих пор не отказались от одностороннего оценочного подхода к пониманию событий, от пристрастия к традиционным схемам и описательному методу, который предполагает предпочтительное использование нарратива. При этом значительное количество материалов делопроизводства различных структур ждет серьезного анализа и введения результатов в научный оборот. Это касается и фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

К малоиспользуемым источникам этого богатого хранилища относятся документы органов внутренних дел и государственной охраны. Причем, целые массивы документации сохранились в фондах не только этих, но и некоторых других структур, функционально сопряженных. Так, в фонде Управляющего Приморской областью имеются постановления об аресте и начале следствия по политическим делам за 1919–1920 гг. Должность управляющего областью появилась в январе 1919 г. в результате переименования правительством Колчака должности комиссаров Временного правительства [10, с. 104]. Управляющие, как высшие чиновники местной администрации, визировали документы об арестах и привлечении к судебной ответственности задержанных полицейскими органами лиц. Дубликаты постановлений сохранялись в материалах делопроизводства управления.

В отечественном источниковедении документы органов суда, следствия и исполнения наказаний традиционно привлекают исследователей политических процессов XVIII–XIX веков, в более позднее время – специалистов, изучающих политические репрессии [9, с. 153]. Постановления об аресте чаще всего используются как источник, подтверждающий факт задержания конкретного лица. Минимальный объем информации делает их неинтересными для торопливых исследователей. Однако совокупность постановлений представляет собой поддающийся формализации массив, открывающий дополнительные возможности познания прошлого.

Дело «Постановления начальника Владивостокской городской милиции и переписка с ним об аресте и привлечении к суду лиц, выступивших против Сибирского правительства и обвиняемых в революционной деятельности» [13, оп.1, д.180], общим объемом около 650 листов, содержит небольшое количество прямой информации. Значительная часть постановлений касается участников «антиколчаковских» выступлений 1919 г. Кроме того, представлены постановления о дознании по делам лиц, арестованных во время чехословацкого переворота в июне 1918 г. Столь позднее оформление постановлений свидетельствует о произволе и нарушении законности в момент задержания. Власть Вре-

менного Российского правительства (Колчака) создала необходимые институты управления, в том числе в правоохранительной сфере. Свою роль в делопроизводственном оформлении арестов 1918 г. сыграл консульский корпус, претендовавший на роль «защитника российских граждан».

Следует учесть, что дело не сохранилось в первоизданном виде, оно было собрано из отдельных блоков при оформлении в ЦГА РСФСР ДВ, в нем нарушена хронологическая последовательность документов, исправлена нумерация листов.

Сохранившиеся постановления, частично рукописные, машинописные или выполненные типографским способом, составлялись по форме, прописанной в Положении о правах и обязанностях государственной охраны. Постановления были номерные, что позволяет сориентироваться в количестве возбужденных дел, например, по Владивостоку: в апреле 1919 г. – № 1402, в мае – № 1609.

Бланк постановления включал следующие пункты:

1) Арестованный и причина задержания. Основаниями для задержания были: агитация против существующей государственной власти, в том числе распространение прокламаций (прокламация «1-е Мая», прокламация Сибирского союза социалистов-революционеров «К чехам», прокламация Дальневосточного областного комитета коммунистов «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и др.); практические действия: сожжение и подрыв мостов и коммуникаций, нападение и ограбление почтово-телеграфных отделений и контор, волостных управ, таможенных учреждений; убийство милиционеров и чиновников; укрытельство большевиков. Распространение прокламаций коммунистического толка расценивалось как тяжкое преступление. Благодаря постановлениям, у исследователя появляется возможность проследить интенсивность и географию активной противоправительственной деятельности: нападения на почтовые отделения и конторы в Имане, Михайловке, Малмыже, Новолитовске, Полетном, Петровке, Зеньковке, Авдеевке, Верхне-Полтавке и др.; на железнодорожные станции и разъезды Барановский, Кноринг, Котиково, Муравьев-Амурский, Красицкий; убийства начальника разъезда Цыба, милиционера Т.Л. Закоморного, надзирателя Тузовского и др.

2) Доказательства наличия преступления (улики) и свидетельства. Нередко у следствия имелись улики, а обвиняемые отсутствовали. Так, осенью 1919 г. в распоряжении милиции оказались прокламации Центрального бюро военных организаций Сибири «К гражданам», Комитета организации Уссурийской железной дороги Российской коммунистической партии, «Грамота председателя Сибирской областной думы», создатели и распространители которых не были задержаны. Власти предполагали, что часть из этих агиток была создана в бронированном поезде Р. Гайды, но убедительных доказательств не имели [13, оп.1, д.180, л.167]. Прокламации были подброшены неизвестными лицами, в

том числе в здание Владивостокского окружного суда. Такие улики были объединены в одном постановлении о следствии, и, поскольку виновники не установлены, в январе 1920 г. следствие было прекращено.

В основе свидетельских показаний нередко лежали стремление оговорить, чтобы избавиться от конкурента; обида, зависть и иная личная заинтересованность. Кроме того, свидетели могли рассчитывать на получение материального вознаграждения. Нередки ситуации, когда доказательства совершения преступления не обнаружены, но «подозрительная личность» все-таки была арестована! Информацию о противоправных действиях могли поставлять агенты. Так, 9 сентября 1919 г. в здании городской управы Владивостока бывший министр юстиции Российского правительства Колчака С.С. Старынкевич сделал доклад о политическом положении и способах свержения существующего правительства. Правоохранительным органам об этом сообщил «свидетель» и даже предоставил конспект работы, каким-то способом изъятый у докладчика [13, оп.1, д.180, л. 392, 527].

3) Отсылка к нормативным актам: постановлению Совета Министров правительства Колчака от 11 февраля 1919 г. № 170 о предварительном внесудебном аресте, и постановлению того же органа власти от 1 июля 1919 г. о дознании. Согласно источникам, на короткий срок гражданина могла арестовать только милиция, остальные структуры таким правом не обладали.

4) Все постановления под грифом «арестантское» направлялись на утверждение управляющему областью. Другим адресатом являлся товарищ прокурора Окружного суда. В качестве наказания и как мера пресечения возможного уклонения от суда и следствия предполагалось заключение под стражу на 2 недели, в течение которых проводилось дознание (следствие). Арестованные препровождались в городские тюрьмы и арестные (арестантские) дома, в том числе уездные. В зависимости от характера преступления они зачислялись за надлежащим органом: за военным ведомством, за комендантом крепости или управляющим областью. Таким способом определялись источники средств на содержание («кормовое довольствие») арестованного.

5) Расписка задержанного лица в том, что «настоящее постановление» ему «объявлено».

Оценивая значение данного источника, следует помнить, что перед нами не следственное дело в целом, а лишь один из его элементов. Поскольку постановления об аресте оформлялись на начальном этапе – поиска доказательств вины, то степень объективности содержащейся в них информации по факту задержания абсолютна, по сути предъявляемого обвинения – предположительна.

В целом, постановления об аресте – источник не сильно информационно нагруженный, но в совокупности, за счет анализа косвенных данных, дает воз-

возможность прояснить некоторые стороны реальности, например, истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке.

По постановлениям выясняется, что доминирующие позиции среди правоохранительных органов занимала милиция, подчинявшаяся местному управлению Приморской области: Владивостокская, Хабаровская, Никольск-Уссурийская, Иманская городские, уездные, их районные подразделения (участки, части). В 1919 г. Владивостокскую милицию возглавлял начальник Осмоловский, но постановления чаще всего подписывали его помощники. В апреле таковым был К.Б. Дзенин, в мае – поручик Андреев. Никольск-Уссурийской милицией руководил Анфилов, в августе его сменил Тутышкин, в ноябре – капитан Каптелкин.

В рассматриваемый период приграничный регион находился на военном положении и в розыскной работе принимали участие Хабаровское и Владивостокское контрразведывательные отделения и Военный контроль. В соответствии с постановлениями Омского правительства весной 1919 г. в регионе были созданы областные управления государственной охраны: Приморское, Амурское и Забайкальское. Начальники управлений непосредственно подчинялись управляющим областями. Главная цель создания этих структур – предупреждение и пресечение государственных преступлений. Общее руководство осуществляло МВД, практическая реализация возлагалась на департамент милиции.

Приморское областное управление государственной охраны возглавил опытный контрразведчик полковник А.А. Немыский [7, с. 75–78]. Правда, большая часть постановлений об аресте подписана его помощниками: подполковниками Лебедевым, Карвовским, Соколовым, ротмистром Беккером. В области были созданы уездные управления и пункты госохраны. Хабаровское уездное управление государственной охраны возглавил штаб-ротмистр К. Анненков, Никольск-Уссурийское – полковник Даеничев.

Согласно закону от 20 июня 1918 г., в структуре правоохранительных органов Временного Сибирского правительства появляются следственные комиссии. В Приморской области они были созданы в следующем году. 7 февраля 1919 г. начала работу Никольск-Уссурийская (уездная) комиссия, через десять дней образована Иманская. С политической точки зрения, эти районы были наиболее взрывоопасными, как удаленные места сосредоточения войск. Уже к началу апреля Никольская следственная комиссия вела свыше 500 дел. Следственная комиссия по Владивостоку и Ольгинскому уезду была образована 5 мая 1919 г. по приказу управляющего областью. 26 мая начала функционировать следственная комиссия в Хабаровске. В состав комиссий входили представители МВД, министерства юстиции и военного ведомства. Председателями названных комиссий назначались судьи: Вершинин (Никольск-Уссурийский), С.М. Федюшин (Иман), И.М. Громов

(Хабаровск), товарищ прокурора В.П. Разумов (Владивосток) и др. К сожалению, не удалось пока установить дату образования Приморской окружной следственной комиссии, которой были переданы дела большевиков, арестованных чехами и находившихся в лагере на Первой Речке [13, оп.1, д. 8, л.140]. Следственные комиссии проводили внесудебные аресты, обыски и выемки документов. Изданное 19 июля 1919 г. «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к большевистскому бунту» и изменения и дополнения на его основе в закон о следственных комиссиях дали право содержать под стражей лиц и после отбытия тюремного срока до 1 октября 1919 г.

Следственные комиссии занимались делами лиц, признанных опасными для государственного строя, окончательные решения по ним должен был вынести политический суд будущего Учредительного Всесибирского Собрания [13, оп.1, д. 8, л.3]. Под влиянием демократических идей преступники, опасные для государственного порядка, или приговаривались к ссылке в отдаленные районы на срок от 1 до 5 лет с лишением политических прав, или продолжали находиться в заключении. Причем условия их содержания были свободными, о чем свидетельствуют коллективные фотографии улыбающихся узников и их стражей на фоне тюремных стен и воспоминания революционеров, издававших во Владивостокской тюрьме рукописный сборник «Из плена» [8, с. 228–229].

При Владивостокской следственной комиссии также существовал штат чиновников особых поручений, действовавший под руководством секретаря комиссии Завадовского. Они занимались следствием по неполитическим делам, главным образом, по спекуляции. В местах сосредоточения войск создавались военно-следственные комиссии. К примеру, Шкотовская военно-следственная комиссия, под председательством генерал-майора Латернера занималась делами политических заключенных, прибывавших в Шкотово с «поездами смерти».

Нестабильность временной власти, обилие нормативных актов, структур и сопряженная с этим децентрализация в 1917–1922 г. не способствовали четкой работе правоохранительных органов. Недаром в сентябре 1919 г. главный начальник края генерал С.Н. Розанов приказом № 23 попытался подчинить государственную охрану контрразведывательным отделениям, чтобы обеспечить полный контакт и устранить параллелизм в работе. Вышеприведенные факты - только часть косвенной информации, которую дают постановления, но она может стать хорошей базой для дальнейших исследований. Тем более, что региональная историография бедна работами по истории правоохранительных органов в 1917–1922 гг. Внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на дореволюционном и советском периоде [1, 4; 13; 14; 16], а вот о революционном пятилетии научные публикации редки [11; 12; 15]. Для данного сообщения полезными оказались работы ветеранов В.К. Донского и М.А. Ефремова [5; 6].

Из небольшого объема прямой информации, содержащейся в постановлениях, огромный интерес представляют формулировки характера преступлений, в частности, «большевизм» обвиняемых. Наиболее часто в рассматриваемых источниках используются определения: «прикосновенность к большевизму», «причастность к большевизму» и т.п. Столь неопределенную формулировку предписывало Положение от 19 июля 1919 г. Перед современным исследователем стоит задача анализа скрытой информации, выяснение смыслового наполнения данных формулировок в контексте времени. «Большевизм» источников – это реальная причастность к коммунистическому движению, простое бунтарство уставшего от безвластия народа, бандитизм? Была ли разница в употреблении терминов «прикосновенность» и «причастность»?

Гражданское противостояние породило волну разного, зачастую политически неопределенного, недовольства, вооруженного сопротивления и даже бандитизма. Умный и наблюдательный современник, барон А. Будберг, характеризуя активность населения Приморья весной 1919 г., отметил, что «эти восстания не пробольшевистские, а взрыв против наличной дряблой, бесполезной, а во многом вредной для населения власти» [2, с. 384]. Практически невозможно провести четкое разделение и раскрасить всех участников событий только в два цвета: белые и красные. Используемые постановления являются лучшим свидетельством тому.

Глава хабаровской охраны ротмистр Анненков в сентябре 1919 г. задержал хабаровскую мещанку Д.И. Овчинникову за «умышленное и сознательное оскорбление ею на словах как Верховного правителя, так равно и Российских войск, ведущих тяжкую борьбу за восстановление Родины» и крестьянку А.В. Сироту, которая «в присутствии нескольких человек слушателей посмела ... отозваться о распубликованном правительственном воззвании, направленном к подъему патриотического долга, как о ерунде» [13, оп.1, д.180, л.385]. В постановлении об аресте им, как и многим другим задержанным, было предъявлено обвинение в «причастности к большевизму». При этом под большевизмом понимается высказанное недовольство, оскорбительные слова по отношению к Верховному правителю и армии, служба при советской власти в 1918 г. и т.п.

Прикосновенность к большевизму, как самое страшное преступление, вменялась людям, придерживавшимся на иных политических взглядов. Согласно постановлению о задержании, старший механик Приамурского почтово-телеграфного округа Н.И. Казей в июле 1919 г. публично заявил, что авантюра Сибирского правительства не удастся, Россию спасут только Чернов и Керенский! [13, оп.1, д.180, л. 84 об.]. Фактически его «прикосновенность к большевизму» состояла в призыве к рабочим не выходить на ремонт телеграфной линии между Никольском и Хабаровском. Следствие отпустило служащего почты на поруки.

Среди арестованных лишь несколько человек известны в историографической традиции как большевики: Я. Кокушкин, В. Сибирцев, П. Никифоров, И. Кушнарев, А. Мандриков, Е. Цивилева. Для части задержанных в постановлениях приведены весомые доказательства вины. Например, А. Степанов, партизан из отряда Г. Шевченко, из сводного отряда С. Лазо был послан на разведку во Владивосток, чтобы встретиться «с организаторами красных и потребовать у них оружие». Вместе с ним с оружием был схвачен И.Н. Андропов, партизан отряда Рощина. Основанием для ареста за агентурную деятельность среди офицеров штаба Приамурского военного округа подпольщицы Е.П. Агаповой, стали показания самих офицеров. Здесь антиправительственная деятельность налицо, но отнюдь не доказательства «большевизма». Задержанные же в Хабаровске женщины, в сердцах высказавшие свое отношение к реальной власти, или законопослушные мужики, служившие в 1918-1919 гг. по призыву в армиях разных правительств, вряд ли были политически убежденными противниками. Они просто устали от произвола.

Формулировка «причастность к большевистскому бунту» чаще всего применялась к участникам партизанского движения. Идеализация и монокромная окраска деятельности партизан, восприятие упоминаний «красных банд», «красных отрядов» в документах как большевистских и т.п. мешают пониманию истории региона в 1917–1922 гг. В одной из работ последнего десятилетия справедливо подчеркивается, что «большевистское присутствие в партизанском движении проявилось не ранее весны 1919 г.» [3, с. 8]. Но это совсем не означает, что все, ушедшие в партизаны, одновременно были коммунистами.

Таким образом, перед исследователем встает довольно сложная задача – понять и привести в сопряжение свое собственное понимание термина «большевик», «красный» и наполнение их в источниках. Необходимо глубокое изучение фактов, полученных из разных источников, а не подгонка под некую схему, которая в реальной жизни не работает; понимание и объяснение, и только потом оценка событий, потрясших страну в 1917–1922 гг.

Список источников и литературы

1. Бакшуттов, С.Н., Орнацкая, Т.А., Шабельникова, Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.). – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – 232 с.

2. Будберг А.П. Дневник. Часть первая. // Белое дело: избранные произведения в 16 кн. Кн. 14. Белый Восток. – М. : РГГУ, 2003. – 558 с.

3. Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы гражданской войны (итоги и перспективы изучения) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3. – С. 5–11.

4. Гамерман Е.В. Правоохранительные органы Российского Дальнего Востока во второй половине XIX– начале XX вв. 1856–1917. – Владивосток : Дальнаука, 2008. – 237 с.

5. Донской В.К. Становление органов госбезопасности в Приморье в первой четверти XX в. // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Материалы науч.-теоретич. конференции 3–4 февраля 2003 г. – Владивосток, 2003. – С.49–54.

6. Ефремов М.А. 80 лет тайны. Власть и милиция Сибирского края. 1917–1937 гг. – Новосибирск, 2002. – 367 с.

7. Звягин С.П. Начальник управления государственной охраны на Дальнем Востоке А.А. Немыский (1919–1920 гг.) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Материалы науч.-теоретич. конференции 3–4 февраля 2003 г. Владивосток, 2003. – С.75–78.

8. «Из плена». Заметки архивиста // Исторический архив. – 1958. – № 1. – С. 228–229.

9. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник /А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004.

10. Некрасова Л.В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX в. Вып.1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. – Новосибирск, 1997. – С.96–100.

11. Орнацкая Т.А. «Стремясь к организации милиции, отвечающей своему назначению...» Документы ГАРФ об учреждении подготовительных курсов для чинов милиции Правительства А.В. Колчака // Исторический архив. – 2018. – № 6. – С. 20–29.

12. Орнацкая Т.А. Организационные основы строительства органов советской милиции и проблемы их реализации на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – начало 1920 гг.) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2019. – Т. 19. – № 3 (47). – С. 274–282.

13. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-955 «Управляющий Приморской областью».

14. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск : Дальневосточный юридический института, 2018. – 354 с.

15. Шабельникова Н.А., Черномаз В.А. Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917–1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 10. – С. 49–52.

16. Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья. 1860–1917. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 385 с.

Раздел 2. ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 343.98

С.Н. Веснина, начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

А.В. Неустроева, доцент начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

Е.В. Жидкова, старший преподаватель кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ЛЕГЕНДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ – Д.А. ТУРЧИН

Статья посвящена видному дальневосточному ученому-криминалисту, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации Дмитрию Афанасьевичу Турчину. Рассматривается жизненный, творческий и научный путь, приводятся основные жизненные вехи Д.А. Турчина, отмечен неоценимый вклад в развитие криминалистики и в дело подготовки будущих юристов.

Ключевые слова: криминалистика, наука, профессор, расследование преступлений, подготовка юристов.

S. N. Vesnina, head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia candidate of law, associate Professor

A.V. Neustroeva, associate Professor head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law

E.V. Zhidkova, senior lecturer of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

LEGEND OF FAR EASTERN FORENSICS – D.A. TURCHIN

The article is dedicated to the prominent Far Eastern forensic scientist, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation Dmitry Afanasevich Turchin. The description of questions of life, creative and scientific path is given, the main life milestones of D.A. Turchin, an invaluable contribution to the development of forensics and to the training of future lawyers was noted.

Keyword: forensics, science, professor, crime investigation, training of lawyers.

Дмитрий Афанасьевич Турчин – участник Великой Отечественной войны, ученый и юрист, профессор, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, ветеран труда, почетный ветеран Генеральной прокуратуры Российской Федерации, почетный работник науки и техники РФ, уникальный человек-легенда Дальневосточной криминалистики, посвятивший долгие годы своей жизни преподаванию этой увлекательной, но одной из самых сложных юридических дисциплин. Юридическому сообществу не только Дальнего Востока и Сибири, но и многих других российских регионов, а также бывших республик Советского Союза это имя хорошо известно. Родился в с. Ново-Хатуничи Шкотовского района Приморского края 2 ноября 1924 года в многодетной семье – седьмым, самым младшим ребенком, перенес все тяготы сурового времени после Гражданской войны на дальневосточной окраине советского государства, и не смотря ни на что, не бросил учебу в школе.

К началу Великой Отечественной войны ему не было и семнадцати лет, поэтому, как не стремился, попасть на фронт Дмитрий Афанасьевич в июне 1941 года не смог. Окончив в 1942 году единственную среднюю школу в г. Артеме Приморского края, стал активно добиваться направления в ряды Советской Армии, но сначала пришлось выполнять техническую работу в военкомате, а 4 сентября 1942 года началось прохождение службы в морской пехоте 915-

й отдельной батареи полковой артиллерии Тихоокеанского флота на острове Русский в занимаемой должности «орудийный номер» красноармейца Турчина. Участвовал в освобождении от Японии двух северокорейских городов, потерял многих друзей, всего из их роты в живых осталось 12 человек. За время службы освоил несколько воинских специальностей, к августу 1945 года получил звание «ефрейтор», в годы войны стал членом КПСС. Приказом № 372 Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Иосифа Виссарионовича Сталина от 23.08.1945 года ефрейтору Д.А. Турчину, в числе отличившихся краснофлотцев, старшин и офицеров кораблей и частей Тихоокеанского флота, за отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке объявлена Благодарность. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30.09.1945 года за участие в боевых действиях против японских империалистов Д.А. Турчин награжден медалью «За Победу над Японией». Боевой путь Д.А. Турчина заслуженно отмечен и орденом Отечественной войны.

В марте 1947 года, сразу после демобилизации, Д.А. Турчин устроился репортером в редакцию газеты «Шахтер» в г. Артеме, в это же время был направлен по партийной линии учиться в Хабаровскую юридическую школу, окончил ее с отличием в 1949 году и начал службу в органах прокуратуры Приморского края в должности помощника прокурора г. Артема, одновременно проходя обучение во Всесоюзном юридическом заочном институте (ВЮЗИ), который окончил в 1955 году. За время службы в прокуратуре замещал должности помощника прокурора, прокурора отдела, старшего следователя прокуратуры края, прокурора Шмаковского (ныне Кировского) района, прокурора Лесозаводского района, прокурора отдела общего надзора прокуратуры края. За личный вклад в укрепление законности, примерное исполнение служебного долга неоднократно поощрялся Прокурором РСФСР, прокурором края. Работу в органах прокуратуры Приморского края завершил в 1963 году в классном чине младшего советника юстиции. Но даже будучи в отставке, принимал активное участие в работе Приморской региональной общественной организации поддержки ветеранов прокуратуры и членов их семей.

Боевая закалка, суровая жизненная школа в военные и послевоенные годы не раз помогали Дмитрию Афанасьевичу стойко переносить все жизненные сложности и при этом твердо отстаивать свое профессиональное мнение и активную гражданскую позицию перед вышестоящими начальниками. Не малый период службы в органах прокуратуры Д.А. Турчин расследовал наиболее сложные преступления, в том числе труднодоказуемые «хозяйственные преступления», направленные на завладение государственным имуществом, результат по которым напрямую зависел от профессионализма следователя и знания основ ведения производственной деятельности. На тот период времени органы предварительного

следствия в системе МВД еще не были созданы, и следователи прокуратуры расследовали уголовные дела разных категорий, в том числе преступления против государственной собственности. Бесценный опыт расследования сложных уголовных дел, отстаивание интересов пострадавших от преступлений и правонарушений, а также аналитический склад ума, бескомпромиссный характер, повышенное трудолюбие помогли Д.А. Турчину в дальнейшем его становлении преподавателя высшей школы и научного работника. Деятельности следственных органов Советской прокуратуры были посвящены многие его научные работы. Расследуя уголовные дела, Дмитрий Афанасьевич не только полюбил, но и на собственном опыте понял обширные возможности криминалистики, знание которой позволяли качественно и эффективно вести следствие и раскрывать преступления. И именно криминалистика стала основной сферой его научных интересов.

С 1963 г. Д.А. Турчин стал работать в Дальневосточном государственном университете. В 1968 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Исследование места происшествия». Д.А. Турчин всегда очень тепло отзывался о своем научном руководителе и Учителе профессоре Иване Филипповиче Крылове, дававшему «путевку в жизнь» не одному молодому ученому.

В июне 1988 года во Всесоюзном научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Дмитрием Афанасьевичем защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Теоретические основы криминалистического учения о материальных следах». В документах ДВГУ как основное направление его деятельности указано следоведение.

Как один из ведущих ученых–криминалистов Д.А. Турчин был заместителем председателя диссертационного совета по присуждению научных степеней Юридического института ДВГУ (Д 21205601), членом диссертационного совета по присуждению научных степеней Байкальского университета экономики и права (К 2120704), руководил группой аспирантов процессуалистов-криминалистов.

Под научным руководством Д.А. Турчина успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Участие потерпевшего в расследовании преступлений. Уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование» Сергей Андреевич Синенко, руководивший ВФ ДВЮИ МВД России в 2003–2013 гг. В настоящее время С.А. Синенко – начальник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, генерал-майор полиции, доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России.

Дмитрий Афанасьевич Турчин много времени уделял подготовке и проведению лекционных, семинарских и практических занятий с обучающимися, и

при высокой преподавательской нагрузке успевал активно и плодотворно трудиться в сфере науки. Его перу принадлежат более 100 научных публикаций, многие из которых до настоящего времени используются как в научных разработках, так и в учебном процессе, а также в практической деятельности следственных и оперативных сотрудников.

*Дмитрий Афанасьевич Турчин в кругу соратников и учеников
на свой 90-летний юбилей*

Преподавательской деятельности в Дальневосточном государственном университете – в настоящее время Дальневосточном федеральном университете Д.А. Турчин посвятил более 50 лет, последние годы как профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы ДВФУ. Им воспитано не мало видных юристов. Как истинный ученый и исследователь, никогда не отказывал в помощи иным образовательным учреждениям, принимал активное участие в образовательном процессе Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, в проводимых ВФ ДВЮИ МВД России научно-практических конференциях и иных мероприятиях. Так, он был частым гостем на кафедре криминалистики и специальной техники, с его участием проходили оживленные дискуссии и дебаты, а иногда и научные споры по наиболее проблемным вопросам криминалистической техники, тактики и методики. Но, как известно, «в споре рождается исти-

на», и в ходе бурных кафедральных обсуждений находились ответы на проблемные вопросы, а порой рождались новые идеи, касающиеся как образовательной, так и научной деятельности. Постоянные изменения, вносимые в уголовное, уголовно-процессуальное законодательство требовали корректировки в преподавании отдельных тем дисциплин криминалистического цикла, и это тоже являлось предметом совместных обсуждений, Дмитрий Афанасьевич творчески подходил к этому процессу, подавал пример научного и всестороннего изучения появляющихся проблем и разрешения сложных ситуаций. Он всегда был сторонником применения новых методов в образовательном процессе, активного использования возможностей криминалистических полигонов, пропагандировал насущную необходимость привлечения к проведению занятий практических работников следствия, дознания, экспертной службы, а также прокуратуры, и считал, что это поможет формированию профессиональных навыков будущих сотрудников правоохранительных органов.

Не смотря на то, что 14 ноября 2017 года Дмитрий Афанасьевич Турчин ушел из жизни, он останется в нашей памяти как участник Великой Отечественной войны, ветеран прокуратуры и следствия, научный деятель, профессионал своего дела и эрудит, уважающий чужое мнение и при этом способный твердо отстаивать свою позицию, как благородный, надежный и мудрый человек, а его научное наследие будет использоваться ВФ ДВЮИ МВД России в деле подготовки будущих следователей и оперативных работников.

С.Н. Веснина, начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

А.В. Неустроева, доцент начальник кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

К.В. Степанюгин, доцент кафедры морского права Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, кандидат философских наук

Е.В. Жидкова, старший преподаватель кафедры криминалистики и специальной техники Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФНЫХ УСТРОЙСТВ, ПРИ ОПРОСЕ ПОТЕРПЕВШИХ, ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ

В статье рассматриваются возможности и перспектива применения полиграфических устройств для опроса лиц, причастных к совершению преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Отмечены необходимые условия, соблюдение которых повышает эффективность использования полиграфа при опросе.

Ключевые слова: полиграф, опрос, сексуальные преступления, изучение личности, психологический портрет, психопат, расследование преступлений.

S. N. Vesnina, head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia candidate of law, associate Professor

A.V. Neustroeva, associate Professor head of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of law

K.V. Stepanyugin, associate Professor of the Department of Maritime law of the G. I. Nevelskoy Maritime state University, candidate of philosophy

E.V. Zhidkova, senior lecturer of the Department of criminalistics and special equipment of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

THE USE OF POLYGRAPH DEVICES FOR QUESTIONING PERSONS POSSIBLY INVOLVED IN THE COMMISSION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE PERSON

The article considers the possibilities and prospects of using printing devices for interviewing persons involved in committing crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual. The necessary conditions are noted, compliance with which increases the effectiveness of the use of the polygraph in the survey.

Keyword: the polygraph, interrogation, sex crimes, the study of personality, psychological profile, psychopath, investigation of crimes.

Рассматривая особенности применения полиграфа при расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, нельзя не остановиться на опросе жертвы сексуального насилия. По данным зарубежных авторов около 20% всех зарегистрированных преступлений, совершенных на сексуальной почве, являются фальшивыми. Иногда пострадавший в силу эмоционального стресса и физической травмы не может точно опознать насильника и указывает на невиновного, добросовестно при этом заблуждаясь. Иногда нечестные «жертвы» сексуального насилия пытаются подобной формой оговора отомстить или получить какую-либо материальную выгоду.

В последнее время в России все чаще появляются случаи использования полового акта, как элемент преступного бизнеса. Это стало возможным в связи с тем, что очень трудно доказать, насильствовал ли подозреваемый, или вступил в связь по обоюдному согласию с пострадавшей. В этом случае суд нередко становится на сторону менее защищено физически – женщину. Во многих цивилизованных странах любое заявление о совершении сексуального преступления

проверяют на полиграфе: действительно ли было изнасилование, или это шантаж с целью получения определенной суммы в пользу пострадавшей. В США, при проведении полиграфных проверок участников сексуальных преступлений, пострадавшая сторона всегда проверяется на возможность ложного обвинения.

Данный вид преступления имеет определенную специфику, которую необходимо учитывать при его раскрытии с использованием полиграфа. На практике в 100 случаях из 100 пострадавшая имеет довольно обширную информацию о лице, вступившим с ней в интимную связь. Лжепострадавшей известно, где работает или где живет лицо, обвиняемое в изнасиловании, его материальное положение. Бывают случаи обвинения в изнасиловании, как элемент личной мести партнеру, ушедшему к другой женщине. В данном случае, кроме хорошего знания обвиняемого добавляется наличие встреч в прошлом, а иногда интимной связи с ним в процессе общения. Все это важно учитывать при составлении опросников [1, с.15]

Однако, учитывая изложенное, нельзя забывать, что в отличие от преступника, который в подобных преступлениях всегда активен, жертва только пассивна.

Перечень такого рода «мотивов» можно продолжить и дальше, в практике правоохранительных органов они не являются такой уж редкостью. В любом случае при рассмотрении конкретных дел о половых преступлениях, сотрудникам этих органов необходимо тщательно анализировать личную ситуацию потерпевшего, чтобы избежать необоснованных обвинений в столь тяжких преступлениях.

Именно поэтому использование полиграфа в данных случаях может помочь исключить человека из категории подозреваемых, выбрать верное направление расследования, пресечь поползновения мнимых «жертв». В частности, практика показала, что такие «жертвы» часто сознаются в обмане на этапе предтестовой беседы. Те же из них, которые считают, что могут обмануть прибор, обычно «проваливаются» на тестировании.

В качестве примера можно привести следующий случай, описанный в специальной канадской литературе. Молодая женщина заявила в полицию, что священник её церкви пригласил её покататься в своем автомобиле, чтобы посоветоваться по личному делу, завез её в отдаленное место и насильно овладел ею. В частности она заявила, что священник, против её желания, не считаясь с протестом, поцеловал её в губы, обнял её за грудь, затем снял с неё блузку, бюстгальтер, трогал её голую грудь, после чего снял с нее трусы. Женщина вначале не хотела проходить тестирование, но затем согласилась пройти проверку на полиграфе. Результаты освидетельствования на полиграфе показали, что истица не говорит всей правды: изнасилования как такового не было, по

многим конкретным эпизодам «действий» так же даны лживые показания. В последствии она призналась в том, что сфабриковала всю эту историю, но как бы между прочим заметила: «Но все это действительно было». Священник так же согласился пройти тестирование. Он нервничал, был бледен, руки его тряслись. Прежде чем начать тестирование, специалист проинформировал священника о том, в чем конкретно обвиняла его истица. После чего священник сказал, что к сожалению кое-что действительно имело место, и признал, что целовал женщину и трогал ее грудь, но только не голую, а через одежду. Все остальное он отрицал. Так же добавил, что рассказать это офицеру, ведущему расследование, ему было очень стыдно. Результаты проведенного опроса на полиграфе показали, что священник говорит правду (применялся метод МКВ). Священнику было предъявлено обвинение в неприличном оскорблении (а не в изнасиловании), но вскоре и это обвинение было снято по просьбе пострадавшей.

В последние годы в России лица, лжеобвиняющие кого-либо в изнасиловании, изучив свои права, регламентируемые специальной Инструкцией, все чаще отказываются от прохождения опросов.

Вместе с тем, опыт проведения опросов граждан с использованием полиграфа в России, а так же анализ зарубежных источников, позволяет считать, что полиграф может оказать действенную помощь в случаях, когда ни подозреваемый (обвиняемый), ни пострадавший (или свидетель) не говорят полной правды по рассматриваемому делу, и позволить установить, что же произошло на самом деле.

Приведенный пример «нестандартного» использования женского тела для обогащения не являются конечными. Желание легко заработать большие деньги провоцирует преступника на новые способы их получения. Вполне возможно, что в нашей практике появятся новые более изощренные методы сексуальных преступлений. В то же время необходимо помнить, что общее направление в подготовке и проведении полиграфных проверок останутся постоянными [1, с. 22]

Предтестовое собеседование с потерпевшими от сексуального насилия следует в любых случаях (даже при наличии подозрений в их неискренности) проводить в мягкой, доброжелательной манере. При обсуждении случившегося рекомендуется по возможности избегать подробного детального обсуждения особенностей насильственных действий, имеющих сексуальную окраску. Если же такое обсуждение необходимо и в дальнейшем будут сформированы вопросники по данным «действиям», то используемые понятия, термины должны быть сформулированы в общепринятой научно-популярной форме.

Наиболее перспективным для опроса заявителей, как и для опроса подозреваемых, являются тесты МВСИ. Но, к сожалению, на практике возможность

их использования для данной категории опрашиваемых в большинстве случаев отсутствует.

Во-первых, тесты данной категории строятся на заведомо скрываемой информации о конкретных деталях, связанных с преступлением, а потерпевшие обычно таких деталей не скрывают, а наоборот, при оговоре их усиливают или сообщают о деталях (действиях), которых вообще не было.

Во-вторых, обычно к специалисту, использующему полиграф при опросе граждан, «потерпевших» от сексуального насилия, направляют далеко не сразу, а после длительного времени расследования уголовного дела. Когда уже были проведены очные ставки между потерпевшими и подозреваемыми, адвокаты обеих сторон ознакомились с материалами уголовного дела и т.д., поэтому практически вся информация (подробности) по делу была известна как подозреваемым, так и потерпевшим, что делало невозможным использование тестов «максимального напряжения».

И все-таки, существуют ситуации, когда применение тестов данного профиля правомочно и эффективно. Например, заявитель сообщила, что её завлекли в квартиру и изнасиловали в одной из комнат и других помещений она не видела, а подозреваемый утверждает, что потерпевшая добровольно пошла на квартиру, пила с ним на кухне, мылась (с ним) в ванной, совершая там определенные специфические действия сексуального характера. Тогда тесты МВСИ должны строиться на возможно скрываемой информации по внутреннему убранству кухни и ванны: схемы, яркие цветовые запоминающиеся пятна (панно, картины, занавески в ванной, посуда, техника и т.д.). Так же следует формировать тест на знание специфического действия, совершенного истицей в период нахождения с подозреваемым в ванной.

При опросе заявителей по делам, связанным с сексуальным насилием, следует применять тесты методики контрольных вопросов, а также поисковый тест методики выявления скрываемой информации, направленный на выявление мотивов оговора лица, на которое указывает потерпевшая как на преступника.

В случае использования тестов «контрольных вопросов», к ним предъявляются все основные требования как и при опросе подозреваемых. Так как заявительницы, в отношении которых возникает сомнение в их правдивости, чаще всего характеризуются отрицательно (аморальное поведение и т.д.), то следует формировать контрольные вопросы именно в этой области. Например, по проблемам возможного занятия проституцией ранее, употребления наркотиков и алкоголя, лживости в целом и обмана ранее сотрудников полиции, в частности и т.д. Значимые вопросы тестов «контрольных вопросов» формулируются, как имело ли вообще место сексуальное изнасилование потерпевшей, так и

конкретно по деталям, уточняющим происшедшее событие, и в которых отмечаются расхождение в показаниях потерпевшей и насильника.

В случае, если в преступлении подозреваются несколько лиц, при опросе потерпевшей для каждого из этих субъектов формируется не менее двух тестов «контрольных вопросов».

Тест МКВ для потерпевших включает в себя три «лесенки» вопросов, разделенных между собой нейтральными вопросами (здесь они опускаются). Например, первыми в предъявлении задается вопрос:

«8 марта 2012 г. идя с гр. М. на квартиру Вы предполагали (думали, планировали) вступить с кем-либо из них в половую близость?».

Затем идут вопросы: «Вечером 8 марта 2012 г. направляясь на квартиру к гр. М. Вы точно знали (договорились), что будете там вступать с кем-либо в половую связь?», «Вы договаривались о деньгах за половую близость?» и т.д.

И последними задаются вопросы типа: «На квартире гр. М. Вас действительно подвергли половому насилию (изнасиловали)?». Во втором и третьем предъявлении – «На квартире гр. М. Вы вступали с мужчинами в половую близость добровольно?», «В ночь с 8 на 9 марта 2012 г. Вы вступили хотя бы с одним из двух мужчин в половую связь добровольно?».

При опросе пострадавших так же рекомендуется модификация тестов «Да» – «Нет» («Правда – ложь»), в котором каждый вопрос задается дважды в одинаковой форме последовательно друг за другом. Перед тестом опрашиваемой дается инструкция всегда не первое предъявление отвечать правдиво (вне зависимости будет ли это ответ «Да» или «Нет»), а на второе – лживо. Всего в тесте используется не более трех пар значимых и так же не менее трех пар нейтральных вопросов.

В заключении данной главы необходимо отметить, что опрос как подозреваемых в совершении сексуальной агрессии, так и пострадавших от нее заставляет специалистов, использующих полиграфные устройства при опросе граждан, решать не только специфические методические и организационные вопросы, но и выдвигает ряд этических, юридических и правовых проблем.

Учитывая, что «половая сфера» является одной из жизненно важных для любого человека областей, следует четко представлять, что все вопросы, касающиеся «секса» эмоционально значимы как для причастного, так и не причастного лица. Поэтому при расследовании преступлений, совершенных против половой свободы, повышается процент ошибки «обвинения невиновного», что предъявляет особенно высокие требования к квалификации специалиста. Для специалиста исключительно важно при опросе лиц вышеуказанных категорий сохранять ровное, спокойное, даже доброжелательное отношение к субъекту во время всего опроса при любых обстоятельствах.

Список источников и литературы

1. Варламов В.А. Использование полиграфа в раскрытии некоторых видов сексуальных преступлений // Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений (2-я научно-практическая конференция ГУВД Краснодарского края). – Новороссийск, 1998. – С. 34–36.

УДК 940/ 343.85

*А.М. Виноградов, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного
юридического института МВД России*

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

В статье анализируются тенденции экономической преступности на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв. Рассматриваются особенности криминализации экономики России, в целом, и Дальнего Востока, в частности. Особое внимание обращается на ее организованный характер. Отмечается высокая степень общественной опасности организованных преступных формирований. Анализируются причины развития организованных преступных формирований, их антиобщественный и криминальный характер.

Ключевые слова: Дальний Восток, Россия, криминализация экономики, тенденции, организованные преступные формирования, экономическая преступность.

*A.M. Vinogradov, teacher of the Department of General legal disciplines
of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute
of the Ministry of internal Affairs of Russia*

IN THE ISSUE OF TRENDS IN ECONOMIC CRIME IN THE RUSSIAN FAR EAST AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

The article analyzes the trends of economic crime in the far East of Russia at the turn of the XX-XXI centuries. the features of criminalization of the Russian economy in General and the Far East in particular are Considered. Special atten-

tion is paid to its organized nature. There is a high degree of public danger of organized criminal groups. The author analyzes the reasons for the development of organized criminal groups, their anti-social and criminal nature.

Keywords: Far East, Russia, criminalization of the economy, trends, organized criminal groups, economic crime.

Высокий уровень экономической преступности неизбежно ведет к подрыву экономической безопасности страны. Особую актуальность в современный период приобретают проблемы борьбы с криминализацией экономики, которая охватила практически все сферы хозяйственной жизни общества – отношения собственности, кредитно-финансовую сферу, производство, внешнеэкономические отношения. По данным исследователей, в 1990-е – начале 2000-х гг. экономика России и ее дальневосточных рубежей становится полуправильной и криминальной [2; 5; 7; 8; 12; 13; 14; 22]. Согласно экспертным оценкам, в начале 2000-х теневой экономической оборот составлял от 30 до 50 % ВВП [3; 10; 11; 16].

Особенностью криминализации экономики России в этот период становится не просто рост экономических преступлений, но трансформация экономики России, после ее развала в постсоветское время, в теневую и криминальную [9, с. 3]. Особенностью рассматриваемого исторического периода являлось то, что преступными становились сами формы ведения предпринимательской деятельности. Хищение имущества, мошенничество, контрабандный экспорт сырья и импорт дешевого ширпотреба, контрабанда биоресурсов, производство контрафакта, вывоз капитала за рубеж – стали массовыми, повсеместно распространёнными, привычными формами ведения бизнеса. И более того, становится массовой самая общественно опасная форма преступной деятельности – деятельность организованных преступных формирований (организованных преступных групп и преступных сообществ) – ОПФ.

В экономике начинают действовать новые криминальные экономические субъекты – ОПФ, активно внедряющие преступные формы деятельности в экономические процессы и являющиеся источником их криминализации. Если преступная деятельность в экономике причиняет экономический вред, то деятельность ОПФ развивается в эксплуатацию общественного производства и ресурсов общества в целях криминального сообщества.

В период 1980-х начале 1990-х организованные преступные формирования эволюционировали от групп, численностью 3-4 человека, слабо организованных, с локально-территориальной (районной) сферой влияния – до крупных преступных формирований (несколько десятков, сотен человек), хорошо организованных, с устойчивой структурой, распределением ролей, межрайонными, региональными и межрегиональными сферами влияния [1, с. 12–23].

Промышляя в конце 1980-х начале 1990-х разбоем, грабежом, кражами, вымогательством (до 80% кооперативов, товариществ, обществ было подконтрольно ОПФ в форме рэкета) [24, с. 63-67], окрепнув к середине 1990-х, накопив, в условиях ослабления государственного контроля, потенциал (кадровый, материально-технический, финансовый), ОПФ превращаются в социальную силу криминализирующую общественные отношения, в «...реальный механизм социальной организации жизни общества» [22, с. 159–165].

В 1990-е, в условиях приватизации, роста предприятий, основанных на частной собственности, ослабления государственного контроля, ОПФ начинают завладевать предприятиями и устанавливать криминальную власть над доходными отраслями экономики, формируя устойчивую экономическую основу своего существования, эксплуатируя и криминализируя систему общественного производства, эволюционируя в явление «...подминающего и подменяющего официальную власть, легальную экономику и гражданское общество» [15, с. 3], становясь фактором трансформации российского общества в криминальное общество.

МВД России, в декабре 1999 года, анализируя состояние организованной преступности и меры противодействия ей, отмечало: ОПФ усилились, их деятельность оказывает существенное влияние на криминализацию социально – экономических отношений и приобретает черты уголовного террора, становясь фактором угрожающим национальной безопасности [18, л. 9–19].

По оценкам экспертов, к 2000-м годам ОПФ внедрились во все сферы экономики и контролировали до 45% частных, около 60% государственных предприятий, до 80% банков, эксплуатируя сферу общественного производства – ежегодно выкачивая колоссальные доходы, в среднем по 15-20 млрд. долларов, которые размещали за границей [3, с. 3–7].

Под криминальной властью ОПФ находились такие сферы экономической деятельности как кредитно-финансовая система, потребительский рынок, добывающая и перерабатывающая промышленность (добыча и переработка энергоносителей, минералов, драгоценных металлов, биоресурсов...), внешнеэкономическая, топливно-энергетический комплекс [10, с.10; 7]. Под контролем ОПФ находились сфера приватизации, инвестиционная деятельность. В практике преступной деятельности ОПФ распространяются компьютерные преступления.

В 2000-х годах усилилось влияние ОПФ на социально-экономические и политические процессы [21, л. 226–250]:

– к 2005 году ОПФ имели высокую степень организованности и структурированности, действовали во всех регионах, во всех без исключения крупных городах России, в большинстве населенных пунктов, обладали устойчивыми связями с коррумпированными должностными лицами органов государственной власти, имели отлаженные межрегиональные связи;

– увеличилась степень криминального влияния ОПФ на экономические процессы в форме: воздействия на экономическую политику, криминальной эксплуатации общественного производства и преступного перераспределения финансовых средств – вывоз капитала за рубеж. Значительная часть ОПФ и их лидеров стали легальными экономическими субъектами;

– некоторые лидеры и участники ОПФ становятся легальными субъектами политики, в том числе используя легальные процедуры – выборы на региональном и муниципальном уровнях;

– многие из ОПФ сформировали устойчивые международные связи с криминальными структурами более чем в 40 странах мира.

Анализируя причины развития ОПФ как «...механизм социальной организации жизни общества» [23] и превращения их в социальную силу выделим следующие причины: ослабление системы государственного контроля; либерализация экономики, приватизация государственной собственности; обнищание населения, падение уровня жизни; обесценивание закона, разрушение общественных институтов; появление достаточного количества лиц (молодых мужчин), в том числе в результате безработицы, готовых преступными способами достигать свои частные корыстные интересы [4].

Социально-экономические и политические причины способствовали эволюции ОПФ до явления «...подминающего и подменяющего официальную власть, легальную экономику и гражданское общество» [15, с. 3]. В частности, либерализация экономики и приватизация, позволили ОПФ легализовать преступные доходы и проникнуть в легальные сферы хозяйственной деятельности, предоставили ОПФ институциональную возможность превращения в легальные экономические субъекты; сращивание коррумпированных должностных лиц органов государственной власти и управления с ОПФ, что дало возможность доступа ОПФ к управлению производством, их проникновение в различные властные структуры.

По мнению Ю.Н. Адашкевича, в рассматриваемый период происходил процесс сращивания организованных преступных формирований и коррумпированных должностных лиц: «Покупая, шантажируя, либо прямо вовлекая в противоправную деятельность работников государственных органов, представителей законодательной власти, преступники нейтрализуют социальный контроль, получая одновременно возможность контролировать важнейшие узлы хозяйственного механизма соответствующих отраслей и регионов, оказывать влияние на процесс принятия политических решений» [4].

В аспекте глобализации и усиления влияния международных процессов на внутреннее развитие страны необходимо отметить внешние факторы трансформации ОПФ в России в мощную социальную силу. По данным А.В. Шеслер

такие факторы связаны с «...заинтересованностью ряда стран в решении своих экономических проблем, за счет прямого или косвенного поощрения криминальной экономической деятельности в России: получения дешевого сырья, извлечение высоких прибылей, размещения экологически вредных производств, вывоза капитала из страны на льготных условиях» [23].

О масштабах коррупции в экономике России свидетельствует высказывание А.А. Койсина, который отмечает, что «... в мировой практике проблемы хищений цветных металлов в сколько-нибудь значимых масштабах не существует, ... в том числе в связи с тем, что похищенного в России вполне хватает для обеспечения нужд остального мира» [6].

Наличием внешних факторов, по мнению автора настоящей статьи, может быть объяснена быстрая интеграция российских ОПФ в транснациональную преступность.

Внешние факторы становления ОПФ, влияние заграничных ОПФ, особенно проявляют себя в приграничных территориях и территориях с развитой добывающей промышленностью, в том числе в эволюции ОПФ Дальнего Востока России.

В решении коллегии МВД России 2003 года обращалось внимание на то, что наличие значительных разведанных запасов полезных ископаемых – нефти, газа, угля, олова, золота, алмазов, бора и многообразие природных ресурсов Дальнего Востока России, в условиях социально экономических преобразований, создавали благоприятные предпосылки для реализации криминальных интересов как российских, так и международных преступных групп, и сообществ [19, л.113–140].

На рубеже XX–XXI вв. одну из основных угроз экономической безопасности России, учитывая особенное геополитическое положение региона, создавали организованные преступные формирования Дальнего Востока [19, л. 113–140]. Высокую степень влияния на социально-экономические процессы, в сравнении с другими регионами России, оказывали ОПФ действующие на территориях Приморского и Хабаровского краев, Магаданской и Сахалинской области, Еврейской автономной области [15, с. 53].

Развитие ОПФ на Дальнем Востоке России имеет ряд общероссийских причин – общие социальные процессы приводили к возникновению ОПФ их укрупнению, расширения территории и предметов своего влияния, а также ряд региональных причин, – так как развитие преступности, как и другие социальные явления, в «...значительной мере зависят от особенностей той территории на которой она существует...» [15, с. 50].

Либерализация внешнеэкономической деятельности, сырьевой характер экономики ДВ, огромный заграничный рынок сбыта продукции добывающей

промышленности Дальнего Востока (КНР, Корея, Япония, США), заинтересованность ряда стран в этой продукции, демографические особенности, коррумпированность должностных лиц государственной власти, все это позволило эволюционировать ОПФ Дальнего Востока в одни из самых мощных в России. Под криминальным контролем ОПФ Дальнего Востока находились морские порты, предприятия морского транспорта, предприятия, суда, осуществляющие добычу, переработку и сбыт морских биоресурсов – Приморья, Хабаровского края, Сахалина, Камчатки [17, л. 248–250; 18, л. 134–170].

В Приморском крае ряд бюджетобразующих предприятий и организаций, занятых в морской деятельности, таких как: «Владивостокский торговый порт», ООО «Восток-максимум», ООО СК «Полар», ООО «Дельта-Фишер» контролировали ОПФ – «Алексея», «Костены», «Батыша» имели криминальный след. Ряд рыбохозяйственных предприятий Приморья, таких как: РК «Тихий Океан» «Южморрыбфлот», «Владивостокский рыбокомбинат», «Дальморрепродукт», ООО Рыболовная компания «Море», ТОО «Когр», АОЗТ «Посейдон-Восток» контролировали ОПФ – «Алексея», «Костены», Бимсы», «Петракова», «Трифонова», «Худиева-Хадшиева», «Винни-пуха» также были связаны с организованными преступными формированиями [17, л. 248–250].

В первой половине 2000-х ОПФ Дальнего Востока контролировали бюджетобразующие отрасли региона: добычу и переработку драгоценных металлов, камней; добычу, переработку и реализацию морских биоресурсов; заготовку, переработку и реализацию леса и лесной продукции; добычу и реализацию нефти, газа и угля [20, л.192–227].

Таким образом, анализ архивных данных и научной литературы, позволяет выделить следующие тенденции экономической преступности на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв.:

1. Основным источником криминализации экономики Дальнего Востока, создающем угрозу экономической безопасности России и трансформирующих экономику Дальнего Востока в теневую и криминальную, являлись организованные преступные формирования.

2. Деятельность ОПФ была направлена на установление криминального контроля над доходными секторами и отраслями экономики Дальнего Востока – морского транспорта, добычи, переработки и сбыта природных ресурсов.

3. Развитие контрабандного экспорта природных ресурсов не только являлось базой для развития организованных преступных формирований, но, и, создавало предпосылки для превращения региона в сырьевой придаток других стран.

Список источников и литературы

1. Братко А.Г., Гаухман Л.Д., Кувалдин В.П., Максимов С.В., Попов В.И. Современное состояние и меры борьбы с организованной преступностью в России // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. Вып. 5. – М., 1994. – С. 12–23.
2. Вачаев Н.А., Вихляева Г.Н., Шабельникова Н.А. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы междунар. науч.-практич. конф., Красноярск, 5–6 февраля 2004 г. Часть 1. – Красноярск : РИО СибЮИ МВД России, 2004. – С. 292–295.
3. Герасимов С.И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики. // Материалы расширенного заседания Ученого совета. М., 2001. – 112 с.
4. Гуров М.П., Квитчук М.А. Теневая экономика и деструкция государства: проблема обеспечения экономической безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2007. – №3. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-i-destruktsiya-gosudarstva-problema-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 05.08.2019).
5. Иванов В.Е. Органы милиции Приморского края в 1985–1991 гг.: историографический обзор // Клио. – 2020. – № 6 (162). – С. 90–96.
6. Койсин А. А. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с хищением цветных металлов // Сибирский юридический вестник. 2004. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniy-svyazannyh-s-hischeniem-tsvetnyh-metallov> (дата обращения: 24.12.2018).
7. Коровников И.П. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 371–375.
8. Коровников П.В. Роль правоохранительных органов Приморского края в противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов (1997–2005 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 138–144.

9. Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2004. – 25 с.

10. Лунеев В.В. Преступность и теневая экономика // Экономические науки современной России. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-i-tenevaya-ekonomika-1> (Дата обращения: 20.07.2019).

11. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. №1 (18). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizovannaya-ekonomicheskaya-prestupnost> (дата обращения: 11.09.2019).

12. Некрытый В.В. Влияние социально-экономической и криминальной ситуации на оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел Приморского края на рубеже XX–XXI вв. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции, 2-3 апреля 2020 / Отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2020. – С. 83–85.

13. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 200–207.

14. Некрытый В.В. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности на рубеже XX–XXI вв. // Образование, наука и практика в деятельности по обеспечению прав граждан в борьбе с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 12 ноября 2015 г., Владивосток. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – С. 138–140.

15. Организованная преступность Дальнего Востока: региональные черты и хроника событий / кол.авт.; отв.ред. В.А. Номоконов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2011. – 516 с.

16. Сухаренко А.Н. Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 3 (18). [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-ekonomika-dalnego-vostoka-mrachnye-perspektivy> (дата обращения: 08.09.2019).

17. Текущий Архив УМВД России по Приморскому краю Ф.12. Оп.12. Д.10.

18. Центральный Архив МВД РФ Ф.163. Оп.1. Д.318.

19. Там же. Ф.163. Оп.1. Д.463.

20. Там же. Ф.163. Оп.1. Д.472.

21. Там же. Ф.163. Оп.1. Д.576.

22. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

23. Шеслер А.В. Влияние глобализации на организованную преступность // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 2 (11). – С. 159–165.

24. Эзрохин П.В. Современная организованная преступность в России: Текущий анализ проблемы и перспективы развития теоретических основ оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска по борьбе с организованной преступностью. // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (80). – С. 63–77.

УДК 343.98

***В.В. Гирийчук**, начальник кафедры специальных дисциплин*

Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России, кандидат юридических наук

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются проблемы применения специальных технических средств, применяемых в практике оперативных подразделений органов внутренних дел. Проводится ретроспективный анализ правовых норм регулирующих применение оперативно-технических средств в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: специальные технические средства, оперативно-розыскная деятельность, повышение эффективности раскрытия преступлений, оптимизация законодательства.

V.V. Giryuchuk, head of the Department of special disciplines of the Vladivostok branch of the Russian Ministry of internal Affairs, PhD in law

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE USE OF SPECIAL TECHNICAL MEANS BY OPERATIONAL DIVISIONS OF THE BODIES OF THE INTERNAL AFFAIRS

The article discusses the problems of using special technical means used in practice of the operational units of the internal affairs bodies. A retrospective analysis of the legal norms governing the use of operational-technical means in the fight against crime is carried out.

Keywords: special technical means, operational-search activity, increasing the efficiency of crime detection, optimization of legislation.

Исторический опыт возникновения интереса к применению специальных технических средств органами внутренних дел всегда свидетельствует о том, что назрела необходимость решения проблем, как правило, правовых.

Так, применение специальных технических средств в деятельности милиции, фактически, началось в 1960-х. В тот период возникла необходимость решения комплекса правовых проблем, связанных с оперативно-розыскной работой органов охраны общественного порядка по получению оперативно-розыскной информации получаемой при помощи специальных технических средств, что было регламентировано соответствующими нормативными правовыми актами.

В конце 1970-х годов этот процесс был продолжен и применению технических средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел был посвящен отдельный нормативный правовой акт, действовавший длительное время и детально регламентировавший порядок использования технических средств (кинофотоаппаратуры, средств магнитной звукозаписи, поисковых приборов и приборов видения в темноте и т.д.) для решения оперативных задач.

В 1990-х годах, состояние преступности и криминогенная ситуация в стране подвигли правоохранительные органы к более массивному воздействию на криминальную среду путем принятия нескольких значимых нормативных правовых актов регулирующих как организацию и тактику самой оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, так и нормы предусматривающие обеспечение, порядок и сроки эксплуатации специальных технических средств оперативного назначения.

С созданием в структуре МВД России специальных технических подразделений, соответствующими нормативными правовыми актами стало детально регламентироваться проведение как оперативно-розыскных мероприятий, так и

отдельных видов оперативно-технических мероприятий осуществляемых оперативными работниками с использованием специально разработанных технических средств предназначенных для негласного получения информации.

Этот процесс был продолжен и далее. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 1 сентября 1995 года № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» органы внутренних дел стали самостоятельно проводить оперативно-технические мероприятия [1]. Через год после принятия в 1995 году ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Далее – ФЗ «Об ОРД») [2], в 1996 году был разработан и принят нормативный правовой акт, который на протяжении почти двадцати лет регулировал организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и частично применение технических средств.

Следует отметить, что в этот период специальные технические средства, созданные для оперативных целей, стали «проникать» в уголовно-процессуальное законодательство и с успехом применяются сейчас в уголовном судопроизводстве. Речь идет о контроле и записи переговоров (прослушивании телефонных переговоров). Данный вид получения акустической информации в нашей стране впервые был законодательно легализован в 1990 году, в изменениях «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [3]. В статье 35/1 под названием «Прослушивание телефонных и иных переговоров» рассматриваемого нормативного правового акта, было представлено право прослушивать переговоры (по постановлению органа дознания или следователя), которые ведутся со всех средств связи принадлежащих подозреваемому, обвиняемому или иным лицам причастным к преступлению. Однако необходимо было соблюдение ряда условий. Обязательным было то, что прослушивание могло производиться только по возбужденным уголовным делам. Исключением, являлась угроза совершения или совершение в отношении свидетелей или потерпевших насильственных противоправных действий. Кроме этого необходима санкция прокурора или определение суда. При этом обязательно наличие достаточных оснований, дающих право предполагать, что в результате данного следственного действия будет получена информация, имеющая существенное значение для уголовного дела. Срок проведения прослушивания телефонных и иных переговоров не мог быть более шести месяцев.

В 1992 году право на прослушивание было закреплено за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, путем принятия закона от 13 марта 1992 года № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности Российской Федерации». В 1995 году ФЗ «Об ОРД» в п.10 ч. 1 ст.6 закрепил прослушивание телефонных переговоров [2].

Данный закон, действующий в настоящее время, рассматривает прослушивание телефонных переговоров как одну из разновидностей оперативно-розыскных мероприятий. Такие меры могут быть приняты только на основании судебного решения и при наличии информации: 1) о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; 2) о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; 3) о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической информационной или экологической безопасности Российской Федерации (ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Прослушивание телефонных переговоров, могло осуществляться только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Позже сюда присоединились и дела средней тяжести (в редакции Федерального закона РФ от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ)[4].

Однако это не удовлетворило российского законодателя, а многочисленные дискуссии не остановили его, и в соответствии с Федеральным законом РФ от 20 марта 2001 года № 26-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс» РСФСР был дополнен ст. 174.1 «Контроль и запись переговоров»[5]. При введении в действие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ[6] указанная норма с таким же названием с 22 декабря 2001 года опубликована в Федеральном законе РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ и с 1 июля 2002 года действует в ст. 186 УПК РФ [7].

Следует отметить, что в этот период и до него среди ученых процессуалистов не утихали споры в отношении обоснованности получения акустической информации с целью борьбы с преступностью, многие считали недопустимым установку звукозаписывающих устройств в местах проживания граждан, были даже попытки запретить полностью прослушивание телефонных переговоров.

Но неутраченные дискуссии не остановили нововведений в правовых мыслях законодателей и применению специальных технических средств нашлось новое применение. Так, в 2006 году, учитывая значимость компьютерной информации и содержание в ней доказательственного сегмента, было предложено закрепить её получение в оперативно-розыскной деятельности. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» был дополнен оперативно-розыскным мероприятием, под названием «мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей и систем» [8].

Но решение о законодательном закреплении такого оперативно-розыскного мероприятия было принято спустя 10 лет, и с 6 июля 2016 года были внесены изменения в ст. 6 ФЗ «Об ОРД», где было добавлено пятнадцатое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»[9]. Особенность этого мероприятия заключалась в электронном наблюдении

нии, с использованием специальных технических средств, за полями (электромагнитными, физическими и другими), путем фиксации характеристик сопутствующих процессам при обработке массивов информации (в информационных системах и базах данных), а также появляющихся в момент её передачи по линиям и техническим каналам связи и системам, с целью решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что для повышения эффективности противодействия преступным посягательствам и оптимизации процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений в нашей стране вот уже на протяжении шестидесяти лет идет постоянный процесс внедрения в деятельность правоохранительных органов специальных технических средств, при помощи которых полицейскими по разным данным раскрывается более 75% преступлений, совершаемых в неочевидных условиях.

На международном полицейском саммите в Южной Корее 22 октября 2019 года Министр внутренних дел России В.А. Колокольцев заявил, что «у современных полицейских есть широкий спектр технологий и инструментов, о которых наши предшественники не могли даже и мечтать. Научиться использовать эти ресурсы, разрабатывать новые подходы и эффективно бороться с преступностью сегодня можно только на основе сотрудничества правоохранительных органов с применением достижений в сфере высоких технологий» [10].

Список источников и литературы

1. Указ Президента РФ от 1 сентября 1995 года № 891 «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 24. – Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

3. Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 12 июня 1990 года № 1556-1 (не действует на территории РФ с 1 июля 2002 года на основании ФЗ РФ от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1990. – № 26. – Ст. 495.

4. Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 4008.

5. Федеральный закон от 20 марта 2001 года № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. – № 13. – Ст. 1140.

6. Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (1ч.). – Ст. 4924.

7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921.

8. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (Принят 16.11.2006 Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств) // Антитеррористический центр государств-участников СНГ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cisatc.org/135/154/245>

9. Федеральный закон от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. 2016. 7 августа.

10. Владимир Колокольцев выступил на пленарном заседании Международного полицейского саммита. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/news/item/18681665>.

УДК 94(47) 351/354

В.Ж. Дорохов, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент

Е.В. Дорохова, старший преподаватель кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПАСПОРТНО-ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1950–1970-е гг.

Статья представляет тезисный обзор состояния дел в области организации паспортно-пограничного режима на Дальнем Востоке в 1950–1970-е гг. В статье отмечается, что многие проблемы связанные с советско-

китайской границей возникшие во время обострения международных отношений между СССР и КНР были обусловлены невниманием и даже беспечностью со стороны партийных, советских и силовых структур в части налаживания полноценного паспортно-пограничного режима в предшествующий период тесной советско-китайской дружбы. Опираясь на архивные материалы показан процесс преодоления подобных неуместных вблизи государственной границы явлений.

Ключевые слова: Дальний Восток, КНР, КПСС, КГБ, УВД, ДНД, пограничники, паспортно-пограничный режим, иностранный контингент, китайцы, корейцы.

V.Z. Dorokhov, the deputy chief of faculty of socially-humanitarian and economic disciplines of Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the colonel of police, the candidate of historical sciences, docent

E.V. Dorokhova, senior lecturer of the Department of criminology of Far East legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the colonel of police

PROBLEMS OF PASSPORT AND BORDER REGIME IN THE FAR EAST IN THE 1950s AND 1970s

The article presents a thesis review of the state of Affairs in the organization of the passport and border regime in the far East in the 50s-70s. the article notes that many of the problems associated with the Soviet-Chinese border that arose during the aggravation of international relations between the USSR and China were caused by inattention and even carelessness on the part of the party, Soviet and law enforcement agencies in terms of establishing a full passport and border regime in the previous period of close Soviet-Chinese friendship. Based on archival materials, the process of overcoming such inappropriate phenomena near the state border is shown.

Key words: Far East, China, Communist Party of the Soviet Union, KGB, internal affairs units, voluntary people's squads, border guards, passport and border regime violations, foreign contingent, chinese, koreans.

Дальний Восток в рассматриваемый период объединял в себе 6 административно-территориальных образований, каждое из которых имело сухопутную или морскую линию государственной границы. Несмотря на это объем работы территориальных подразделений органов внутренних дел по обеспечению паспортно-пограничного режима обуславливался отнюдь не размером границы, а геополитическими аспектами.

Так, большая часть нагрузки в сфере контроля за прибытием и перемещением иностранцев, лиц без гражданства по Дальнему Востоку, советских граждан пересекающих границу по объективным причинам ложилась на плечи органов внутренних дел Амурской области Хабаровского и Приморского края имевших общую границу с Китаем и Сахалинской области, полностью включенной в пограничную зону в связи с близостью к Японии. В Магаданской области и Камчатском крае, не имевших сухопутных границ, органы правопорядка занимались внутренним паспортным контролем оставляя пограничные вопросы исключительно в ведении пограничных войск и подразделений УКГБ.

Следует отметить, что в 1948–1957 гг. на начальном этапе строительства на дальневосточных рубежах дружественных государств – КНДР и КНР, многие приграничные вопросы, в том числе и переход через государственную границу решались без соблюдения нормативных документов. Организация паспортно-пограничного режима на приграничных территориях носила формальный, необязательный характер. С молчаливого одобрения вышестоящего руководства должного внимания этому вопросу, не уделялось ни со стороны пограничных частей, ни со стороны территориальных органов внутренних дел. [3, л. 174].

И это при том, что в регионе на долговременной основе проживал значительный контингент иностранных граждан и лиц без гражданства (корейцы и китайцы), большая часть, которого была сосредоточена в Хабаровском крае (с 1967 г.) и Сахалинской области (с 1945 г.). Помимо этого, Дальний Восток стал родиной для значительной части советских граждан китайской и корейской национальностей (2 494 и 67 066 чел. соответственно) [4]. Советские китайцы в основном проживали вдоль советско-китайской границы в Амурской области и Хабаровском крае, а советские корейцы – в Сахалинской области.

По мере развертывания идеологического противостояния между КПСС и КПК, впоследствии переросшего в практическую плоскость советское руководство попыталось в спешном порядке навести порядок в деле обеспечения должного пограничного режима издавая одно за другим грозные постановления, распоряжения и приказы. Однако инерция непосредственных исполнителей на местах (партийных, административных, производственных организаций, и силового блока), привыкших относиться к выполнению паспортного контроля на приграничных территориях без должной ответственности, серьезно затягивало их полноценное воплощение на практике. В связи с чем процесс отладки действенной системы контроля за иностранными гражданами, и лицами без гражданства, паспортно-пограничного контроля в приграничной полосе и на территории субъектов растянулся на весьма длительный период с 1957 по 1970 гг. [6, л. 57]

В ходе данной работы, неожиданные затруднения встретились в деле налаживания тесной координации действий пограничных войск, территориаль-

ных управлений КГБ и МВД. Более того, в самих УВД, долго не могли наладить контакт даже между своими подразделениями.

Пытаясь существенно повысить обороноспособность приграничных территорий в период роста провокаций на советско-китайской границе в 1967–1969 гг. в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях проводилась масштабная работа по привлечению к охране границы и обеспечению паспортно-пограничного режима местного населения, как взрослых (ДНД), так и детей (Юные друзья пограничников) [1, л. 19–20]

Нарастание напряженности во взаимоотношениях между КНР и СССР прямым образом отражалось на размерах погранзон в регионе. Решения о включении все новых и новых территорий Дальнего Востока в пограничную зону принимались в 1965, 1966, 1967, 1968, 1970 гг. Одновременно с этим один за другим принимались законодательные документы, ограничивавшие передвижение и ужесточавшие контроль, за иностранными гражданами.

Ухудшение советско-китайских отношений в начале 60-х гг. XX в. негативно отразилось на отношении местного партийного руководства, начальников территориальных УКГБ и УВД к советскому населению, иностранцам и лицам без гражданства китайской и корейской национальностей, которых стали подозревать в симпатиях к проводимой КПК линии, и даже в антисоветских настроениях. В 1969 г. это вылилось даже в ряд межнациональных конфликтов между русским и корейским населением, коренными народностями. Больше всего случаев отмечалось в Приморском крае и Сахалинской области.

Следует отметить, что все имеющиеся архивные данные говорят о том, что пограничный конфликт марта 1969 г. несмотря на все годы усиленной подготовки тем не менее оказался полной неожиданностью для КГБ, Пограничных войск и МВД. Даже ЦК КПСС, шокированный произошедшим, достаточно долго не мог выработать четких рекомендаций Дальневосточным парторганизациям, занявшим выжидательную позицию. Лишь спустя несколько месяцев дальневосточные партийные организации развернули масштабные акции по контрпропаганде. Умело манипулируя данными статистики, идеологическими клише смогли в короткие сроки сформировать необходимую поддержку общественности действиям советского руководства, одновременно сформировав патриотический настрой, и ярко выраженные антикитайские взгляды у местного населения, выражавшего готовность в случае необходимости с оружием в руках защищать рубежи СССР от китайского агрессора.

Желая своими глазами оценить происходящее на Дальнем Востоке в августе 1969 г. в регион прибыл министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, по итогам поездки которого вышел ряд приказов и распоряжений, скорректировавших работу Дальневосточных УВД по налаживанию взаимодействия с

местными подразделениями КГБ, и по разработке агентурного сопровождения за проживающими на территории региона гражданами и перебежчиками из КНР, КНДР, Японии [2, л. 156].

На местах в качестве координирующего центра по организации взаимодействия в ходе обеспечения паспортно-пограничного режима между наружной службой, аппаратами УР, БХСС, ГАИ, транспортной милиции были определены отделы виз и регистрации (ОВИР).

В конечном итоге за последующие 1970–1972 гг. на Дальнем Востоке благодаря активной позиции руководства страны были предприняты масштабные мероприятия по наведению порядка в части соблюдения паспортно-пограничного режима советскими и иностранными гражданами и постановке на учет всех иностранных граждан и лиц без гражданства, что позволило существенно повысить уровень государственной безопасности в приграничных районах Дальнего Востока. Этому же способствовало и решение руководства страны, о внедрении в 1972–1973 гг. новой системы учета прописываемого населения [4, л.63], и старт в 1972 г. процесса по переименованию ряда объектов Дальнего Востока, с целью лишения КНР любых зацепок на историческое обоснование своих притязаний в отношении территории СССР.

Список источников и литературы

1. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф.35. Оп.15. Д.7.
2. Запись беседы Министра внутренних дел СССР т. Щелокова Н.А. с руководящим составом УВД Сахоблисполкома 26.08.1969 г. См. Архив УМВД России по Сахалинской области (АУМВД России по СО). Ф.2. Оп.1. Д.120.
3. Обзор о работе паспортных столов учреждений милиции Сахалинской области за 1957 г. от 9.04.1958 г. См. АУМВД России по СО. Ф.1.Оп.1. Д.175.
4. Приказ МВД СССР № 268 об утверждении инструкции «О порядке ведения карточного учета прописываемого населения» от 13.09.1972 г. См. АУМВД России по СО. Ф.1. Оп.1. Д. 354.
5. Российский государственный архив экономики Российской Федерации (РГАЭ РФ). Ф. 1562, Оп. 336, ед.хр. 1566а -1566д (Табл.3,4). [Электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=13.
6. Указание КГБ при СМ СССР и МВД РСФСР №70с/149с от 24.07.1962 г. См. Архив УМВД России по Приморскому краю. Ф.12. Оп.1. Д.305.

М.В. Жерновой, заместитель начальника Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Проблема безопасности дорожного движения в последние годы приобрела особую актуальность. Это связано с бурным ростом числа автомашин, появлением более мощного и скоростного автотранспорта, совершенствованием дорожной инфраструктуры. В этой связи ужесточение уголовной ответственности за транспортные преступления является необходимым шагом в обеспечении общественной безопасности.

Ключевые слова: общественная безопасность, дорожное движение, уголовная ответственность, транспорт, преступление.

M.V. Zhernovoy, deputy head of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia for educational and scientific work, candidate of law, associate Professor

CRIMINAL LEGAL MEANS OF ENSURING SECURITY ROAD TRAFFIC IN RUSSIA

The problem of road safety has become particularly relevant in recent years. This is due to the rapid growth in the number of cars, the appearance of more powerful and high-speed vehicles, and the improvement of road infrastructure. In this regard, increasing criminal liability for transport crimes is a necessary step in ensuring public safety.

Keywords: public safety, road traffic, criminal liability, transport, crime.

Повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан, является одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны. Неслучайно распоряжением Правительства России от 8 января 2018 года № 1-р. была утверждена комплексная Стратегия безопасности дорожного движения на 2018–2024 годы [1].

За последние десять лет показатели аварийности находятся в постоянной динамике, количество ДТП, погибших и раненых в них, остается на достаточно высоком уровне: каждое седьмое ДТП со смертельным исходом; каждое девятое связано с нарушением правил дорожного движения; каждое пятое совершено в состоянии опьянения. Наряду с этим прослеживается негативная тенденция к росту отдельных показателей аварийности: в 2017 г. по сравнению с 2007 г. количество ДТП из-за технически неисправных средств увеличилось на 190,6%, число раненых – на 234,4%, погибших – на 149,5%; количество ДТП с особо тяжкими последствиями – на 6,2%, число раненых в них – на 69,7%: количество погибших лиц в ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения, – на 69,7%. Динамичность показателей аварийности отражается и на регистрации преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, имеющей неустойчивый волнообразный характер [2, с. 6].

Официальные статистические данные за 2014–2016 гг. свидетельствуют о сокращении на 22% числа преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Отрицательная динамика сохранилась и в 2017 году. Вместе с тем Генеральная прокуратура не видит тенденцию к снижению числа ДТП, которые случились по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения. Это связано, в частности, с тем фактом, что с момента введения 01.07.2015 в действие ст. 264.1 УК, предусматривающей ответственность за нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию, было зарегистрировано около 200 тыс. случаев повторного управления транспортным средством нетрезвыми водителями. Наибольшее число этих деяний было зафиксировано в регионах Приволжского и Сибирского федеральных округов. Меньше всего – в Чеченской Республике, Ингушетии, Севастополе, Еврейской автономии, Ненецком и Чукотском автономиях. В целом за последние 3,5 года за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта (глава 27 УК РФ) к уголовной ответственности привлечено почти 228 тыс. лиц, из которых 158 тыс. (69%) в момент противоправных действий находилось в состоянии опьянения. Абсолютное большинство пьяных водителей (148 тыс.) подвергалось уголовному преследованию как раз за повторное вождение в состоянии опьянения [3].

Статистические данные позволяют описать типичный социальный портрет лиц, совершивших преступления данного типа. В большинстве своем это мужчины в возрасте от 30 до 49 лет, которые не имеют постоянного источника дохода и ранее привлекались к уголовной ответственности. Доля иностранных граждан среди них – всего 2%, однако их абсолютное число за последние 4 года увеличилось вдвое. Наибольшее число таких граждан совершало преступления на территории ЦФО, в основном в Москве [4].

Основная масса обвинительных приговоров по преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта приходится, по данным ведомства, именно на деяния, квалифицируемые по ст. 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию). Например, за 2015–2016 годы за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения было осуждено более 94 тыс. лиц. Подавляющему большинству из них (77,6 тыс.) в качестве наказания были назначены обязательные работы, а к штрафу приговорены 6,3 тыс. человек [5].

Вождение в нетрезвом виде стоит на первом месте как самая очевидная причина всех ДТП – вождение под воздействием наркотиков или алкоголя. По этой причине происходит большинство ДТП со смертельным исходом. Все водители знают, что алкоголь притупляет внимание и лучше в таком состоянии вообще за руль не садиться, однако некоторые продолжают упорно игнорировать это правило. По данным ГИБДД МВД России, в 2017 году в ДТП погиб 15 891 человек, из которых 8594 – в происшествиях, подпадающих под статью 264 УК РФ, в том числе 4336 – по вине водителей, находившихся в состоянии опьянения. В 2018 году произошло 16 458 ДТП с водителями в состоянии опьянения, в которых погибли 4 645 человек, а 22 360 – были ранены [6]. За первые 4 мес. 2019 года в дорожно-транспортных происшествиях погибли 4 тыс. человек – на 314 человек меньше, чем год назад. По вине водителей, нарушивших ПДД, оборвались жизни 3359 человек против 3591, а по вине пьяных автомобилистов – 519 против 866 [7].

Однако существующие меры ответственности не способствуют снижению количества «пьяных» ДТП. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, за повторное управление автомобилем под воздействием алкоголя в 2016 году было осуждено более 75 тыс. человек, а в 2017 г. – более 72 тыс. [8]. Более 60% из них получили условные сроки лишения свободы, а остальные – не более двух лет лишения свободы. Чрезмерно мягкие приговоры (наказание ниже низшего предела санкции или минимально возможного) выносятся даже по большинству дел о ДТП, в котором погибло два и более человек. Все это негативно отражается на степени превентивного воздействия уголовного закона и способствует росту количества ДТП в состоянии опьянения и уровня смертности в результате их совершения.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, уровень смертности от дорожно-транспортных происшествий в России в 2018 году достиг 18 человек на 100 тыс. жителей. Этот показатель существенно выше, чем в других странах. Например, смертность от ДТП в Швейцарии и Норвегии – 2,7 человека на 100 тыс., в Германии, Испании и Японии – 4,1, в Финляндии – 4,7, а во Франции – 5,5 человека. Согласно Стратегии, в качестве целевого ориентира на

2024 год установлен показатель социального риска, составляющий не более 4 погибших на 100 тыс. [9]. Добиться этого федеральные власти планируют во многом за счёт ужесточения ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения.

Федеральным законом от 17.06.2019 № 146–ФЗ были внесены изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации» (вступил в силу 28.06) [10], направленные на ужесточение ответственности за преступления в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенные лицами, находящимися в состоянии опьянения.

Если пострадавшему в ДТП причинен тяжкий вред здоровью, то срок лишения свободы составит от 3 до 7 лет (ранее – до 4 лет), срок принудительных работ – до 5 лет (ранее – до 3 лет). В случае гибели человека – от 5 до 12 лет (ранее – от 2 до 7 лет), а при гибели двух или более лиц – от 8 до 15 лет (ранее – от 4 до 9 лет). Напомним, что в апреле в ст. 264 УК РФ были внесены изменения, предусматривающие для водителей, скрывшихся с места ДТП, повлекшего тяжкие последствия или смерть, такое же наказание, как и в случае, если перечисленные выше деяния совершены лицом, находящимся в состоянии опьянения. Определять состояние подозреваемого в совершении такого преступления будут по результатам судебно-медицинской экспертизы. Таким образом, нынешнее ужесточение ответственности коснется и водителей-беглецов.

Стратегией безопасности дорожного движения на 2018–2024 годы провозглашается стремление к нулевой смертности на дорогах к 2030 году. Для этого планируется изменить поведения водителей с целью безусловного соблюдения ими норм и правил дорожного движения.

Список источников и литературы

1. Об утверждении стратегии безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/31102/> (дата обращения 20.01.2019).

2. Комарикова С.А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : статья 264 УК РФ : автореф. дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 [Место защиты: Ом. акад. МВД РФ]. – Омск, 2018. – 23 с.

3. Генеральная прокуратура России обобщила статистические данные о преступлениях в сфере безопасности движения и эксплуатации транспорта. [Электронный ресурс] URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1249812/> (дата обращения 16.09.2017).

4. Там же.

5. Статистика Судебный департамент при Верховном Суде России. [Электронный ресурс] URL: www.cdep.ru/ (дата обращения 20.01.2017).

6. Как изменится наказание за «пьяные ДТП». [Электронный ресурс] URL: <http://duma.gov.ru/news/45158/> (дата обращения 01.06.2019).

7. Щербаков А. Приравняли к убийцам // Восточно-Сибирская правда. – 2019. – 11 июня.

8. Статистика Судебный департамент при Верховном Суде России. [Электронный ресурс] URL: www.cdep.ru/ (дата обращения 20.01.2017).

9. Юршина М. Государство ужесточает наказание для беглецов с места ДТП и пьяное вождение // Профиль. – 2019. – 29 апреля.

10. Российская газета. – 2019. – 19 июня.

УДК 343.13

Н.Н. Загвоздкин, начальник кафедры уголовного процесса

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье анализируется следственная и судебная практика избрания и применения уголовно-процессуальной новеллы 2018 года – запрета определенных действий, его позитивные и негативные аспекты, возможности совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: домашний арест; запрет определенных действий; обвиняемый; мера пресечения; следователь; уголовно-исполнительная инспекция.

Zagvozdkin Nikolai Nikolaevich, Head of the Department of Vladivostok Law Institute of the Far Eastern branch Russian Interior Ministry MVD in Law, candidate of science in law, docent

PROBLEMS OF SELECTING AND APPLYING A BAN ON CERTAIN ACTIONS

The article analyzes the investigative and judicial practice of the election and application of the criminal procedure novel of 2018-the prohibition of certain actions, its positive and negative aspects, and the possibility of improving legislation and law enforcement.

Keywords: house arrest; prohibition of certain actions; accused; preventive measure; investigator; criminal Executive inspection.

Федеральный закон № 72-ФЗ от 18.04.2018 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» дополнил главу 13 указанного Кодекса (далее по тексту – УПК) новой мерой пресечения – запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК, далее по тексту – ЗОД). Одновременно законодатель внес значительные изменения в нормативную регламентацию залога (ст. 106 УПК) и домашнего ареста (ст. 107 УПК).

Данная новелла повлекла за собой определенные трудности как в понимании сути новой меры пресечения юридическим сообществом (судьями, прокурорами, следователями, дознавателями, защитниками), так и в правоприменительной практике [1, с. 84–86; 2, с. 34–40].

Меры пресечения как важнейшая часть мер уголовно-процессуального принуждения необходимы для того, чтобы в целях достижения описанного в ст. 6 УПК назначения уголовного судопроизводства (защита потерпевших; защита граждан от незаконного и необоснованного уголовного преследования, ограничения их прав и свобод) обеспечить надлежащее поведение обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого), а именно, не допустить попыток: 1) уклонения от следствия и суда; 2) продолжить преступную деятельность; 3) препятствовать незаконными способами производству по уголовному делу (ст. 97 УПК).

ЗОД, по нашему мнению, может быть расценен как намерение законодателя видоизменить домашний арест (ст. 107 УПК). Новый (восьмой по счету) способ воздействия на поведение обвиняемого позволяет дифференцированно решать острую проблему выбора конкретной меры пресечения (ст. 99 УПК).

Объективный анализ ЗОД в трех его аспектах (уголовно-процессуальная теория; нормативная регламентация; правоприменительная практика) требует учитывать как негативные, так и позитивные стороны.

Начнем с положительных сторон исследуемой новеллы.

Во-первых, сложившаяся на сегодняшний день система мер пресечения требует серьезных изменений, а ее потенциал частично исчерпан. ЗОД выступает в качестве альтернативы домашнему аресту и заключению под стражу, а потому вполне может быть реализован в правоприменительной деятельности.

Во-вторых, следователи и судьи получили больше возможностей в выборе конкретной меры пресечения, а также правовых запретов, ограничивающих конституционные права и свободы обвиняемого.

В-третьих, реализация ЗОД способствует экономии денежных средств, затрачиваемых государством на содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей, на реабилитационные выплаты в счет возмещения различных видов вреда, связанного с изоляцией от общества в ходе уголовного судопроизводства.

В-четвертых, предусмотренная в части 6 ст. 105¹ УПК возможность возложения судьей на обвиняемого одинаковых запретов в трех мерах пресечения (залог, ЗОД, домашний арест), на наш взгляд, значительно усиливает контрольный потенциал залога (ч. 8¹ ст. 106 УПК).

В-пятых, ЗОД целесообразно избирать в отношении индивидуальных предпринимателей, представителей малого и среднего бизнеса, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, за которые не может быть применено заключение под стражу (ч. 1¹ ст. 108 УПК). Если раньше они были лишены возможности законно вести свою деятельность, то сейчас запреты не препятствуют этому в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Негативные аспекты нормативной регламентации ЗОД можно изложить в нижеследующем виде по пунктам.

Во-первых, недостатком является отсутствие индивидуального порядка избрания, так как ЗОД предполагает применение одновременно элементов (запретов) залога и домашнего ареста, что можно оценить как противоречие общим принципам уголовно-процессуального законодательства. Судьи, находясь в ситуации выбора между залогом, ЗОД и домашним арестом, будут испытывать затруднения в разграничении «пересекающихся» запретов (пп. 3-5 части 6 ст. 105¹) [4, с. 22-26].

Во-вторых, в тексте ст. 105 УПК не регламентируется общение обвиняемого с защитником, что может привести к конфликтным ситуациям.

В-третьих, запрет находиться ближе установленного расстояния до определенных объектов (п. 2 ч. 6 ст. 105 УПК) в силу неопределенности формули-

ровки порождает технические проблемы измерения этого расстояния и фиксации нарушения. Представляется затруднительным без применения специальных технических средств установить, превышал ли обвиняемый установленное расстояние до определенных объектов, вследствие чего норма может превратиться в юридическую фикцию.

В-четвертых, не определен орган, осуществляющий контроль за запретом управлять автомобилем или иным транспортным средством (п. 6 ч. 2 ст. 105¹ УПК), что может повлечь затруднения в практической реализации указанного ограничения. Представляется целесообразным возложение такого контроля на сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Разделение полномочий между разными ведомствами (уголовно-исполнительная инспекция Федеральной службы исполнения наказаний и МВД) теоретически может породить несогласованность контрольных действий.

Представляется, что вышеуказанный специфический запрет (п. 6 ч. 6 ст. 105¹ УПК), жестко увязанный с преступными нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, вряд ли получит широкое распространение. В отличие от умышленных общеуголовных преступлений, обвиняемые по ст. 264 Уголовного кодекса РФ, в большинстве случаев ведут себя как законопослушные граждане. Впрочем, данное утверждение может быть оспорено.

В-пятых, не следует забывать о трудностях так называемого ресурсного обеспечения уголовно-исполнительных инспекций ФСИН (далее – УИИ ФСИН). С 2011 г. сотрудники указанных инспекций, помимо своих основных обязанностей, связанных с исполнением мер наказания, не связанных с лишением свободы, контролируют поведение подозреваемых и обвиняемых, помещенных под домашний арест. Возложение на них же обязанностей, связанных с ЗОД, приведет к обострению таких проблем, как: 1) недостаточное финансирование системы УИИ ФСИН; 2) кадровый некомплект; 3) дефицит технических средств контроля [3, с. 51-55].

Несмотря на указанные негативные аспекты, расширение законодателем инструментария мер пресечения необходимо расценивать как положительное решение, означающее стремление законодательной ветви власти двигаться по пути гуманизации и индивидуализации уголовно-процессуального принуждения. Использование возможностей ЗОД позволит, по нашему мнению, со временем отказаться от устаревших правовых шаблонов, которые не в полной мере справляются с решением задач, поставленных перед уголовным судопроизводством.

В соответствии с частью 11 ст. 105¹ УПК следует ожидать появления новых нормативно-правовых актов – постановления Правительства РФ, регламентирующего технические средства контроля, их перечень и порядок применения;

совместных приказов ФСИН, Следственного комитета, МВД, ФСБ и Генеральной прокуратуры РФ.

Для формирования репрезентативной следственной, прокурорской и судебной практики избрания и применения ЗОД, отвечающей замыслу законодателя, нормам УПК РФ и запросам правоприменительных органов, потребуется более продолжительное время.

Список источников и литературы

1. Загвоздкин Н.Н., Кузора С.А. Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики // Закон и право. – 2018. – № 12.

2. Квык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. – 2018. – № 7.

3. Овчинников Ю.Г. Практика использования средств персонального контроля при применении домашнего ареста // Российский следователь. – 2014. – № 16.

4. Овчинников Ю.Г. Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 1 (64).

УДК 343.772

*О.В. Золотарева, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
МВД России*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ (ВЫЛОВА) ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПО ПРИЗНАКАМ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье отражены промежуточные итоги исследования проблем, связанных с осмыслением предмета ст. 256 и 258.1 УК РФ, отграничения состава незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов от смежных составов преступлений по признакам предмета.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная добыча водных биологических ресурсов, особо ценные водные биологические ресурсы, браконьерство, уголовная ответственность, предмет преступления.

O.V. Zolotareva, lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF ILLEGAL PRODUCTION (CATCH) OF WATER BIOLOGICAL RESOURCES ON THE SIGNS OF THE SUBJECT OF THE CRIME

The article presents the results of a study of the problems associated with understanding the subject of Art. 256 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, delimitation of the composition of illegal production (catch) of aquatic biological resources from related offenses according to the nature of the subject.

Keywords: environmental crimes, illegal extraction of biological water resources, poaching, criminal liability, subject of crime.

На современном этапе развития российского общества браконьерство продолжает оставаться одной из актуальных проблем в сфере природопользования, особенно это характерно для рыбохозяйственного комплекса. Наиболее ужасающих размеров незаконная варварская добыча водных биологических ресурсов (ВБР) приобрела в рыбодобывающих регионах Дальнего Востока – Камчатского края, Сахалинской области, Амурской области, Приморского края, для которых вылов, воспроизводство и переработка водных биологических ресурсов – весьма ощутимый сегмент экономики, сопряженный с пополнением бюджетов всех уровней за счет налоговых отчислений, созданием рабочих мест, а также обеспечением населения высококачественными и полезными продуктами питания. Повышенное внимание охране биоресурсов в Дальневосточном федеральном округе – залог биологического разнообразия животного мира стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Незаконная добыча (вылов) ВБР приводит к стремительному истощению данного ресурса, что в целом подрывает не только экономическую, но и экологическую безопасность Российской Федерации.

К сожалению, факт того, что меры, предпринимаемые органами государственной власти по нормализации ситуации в сфере охраны и рационального использования ВБР не дали ожидаемого результата, не требует доказательств и со всей очевидностью. Кажущееся снижение роста, как в целом экологической преступности, так и рыбного браконьерства полностью нивелируется высокой латентностью нарушений законодательства, проявляющегося в незаконном вылове водных биоресурсов [1, с. 143]. По данным исследователей, количество

фактических преступлений почти в 30 раз больше количества зарегистрированных деяний [2, с. 71].

Нет смысла приводить многомиллионные суммы ущерба, причиняемого в результате неконтролируемого браконьерства в отношении ВБР в силу его условности для оценки вреда окружающей среде. Отметим лишь тот факт, что вылов водных биоресурсов остаётся одним из самых криминально привлекательных сфер народного хозяйства, а доход браконьеров от незаконной добычи ВРБ по разным экспертным оценкам составляет от 45 до 400-500 млрд. руб. в год [3, с. 177]. Остроту ситуации придает и то, что хищническое потребление водных биоресурсов (также принадлежащих и к редким и исчезающим видам) приводит к не только к стремительному сокращению их запасов, но и грозит их полным исчезновением.

Немаловажным фактом является и то, что само по себе рыбное браконьерство представляет собой негативное социальное явление, порождающее целый ряд противоправных деяний – заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, добытого преступным путем, незаконный оборот ВБР на территории России, их контрабанду за рубеж (для Дальнего Востока России «адресатами» контрабанды чаще всего выступают граждане Китая, Японии, Южной Кореи), легализацию (отмывание) преступных доходов от вылова и реализации ценных пород рыб, а также всевозможные коррупционные проявления, зачастую сопровождающие все вышеперечисленное.

Нормы статьей 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» и ст. 258. 1 «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» (в части ВБР) имеют целью обеспечить уголовно-правовую охрану общественных отношений, складывающихся в сфере охраны рыбных запасов, промысловых видов животных, морских растений, гарантируя их рациональное использование.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ являются водные биологические ресурсы, к которым в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» относятся: рыба, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли и другие водные животные и растения [4]. Таким образом, понятие «водные биологические ресурсы» можно представить как открытый (не закрытый) перечень водных животных и растений. Следует выделить конституциональные критерии, в соответствии с которыми возможно отнесение представителей флоры или фауны к числу водных биологических ресурсов:

1. Естественные природные условия обитания – воды (море, река, озеро и т.п.);
2. Животные и растения должны обладать статусом «диких», т.е. находиться в состоянии естественной свободы.

Таким образом, выращиваемая хозяйствующими субъектами в специально созданных или приспособленных водоемах, рыба, водные животные и растения, не могут быть отнесены к числу диких.

Также сюда относятся и ВБР, уже находящиеся в сетях, неводах, ловушках и иных орудиях лова. Их «добыча» будет представлять собой хищение чужого имущества (глава 21 УК РФ), поскольку на лицо социальный, экономический и юридический признаки предмета хищения: в предмет вложен труд человека, трудом человека вещь извлекается из окружающей среды, тем самым, предмет уже приобретает стоимостное выражение в денежном эквиваленте и собственника.

Частично содержание приведенного выше понятия раскрывается путем перечисления отдельных составляющих ВБР в ст. 1 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее по тексту – ФЗ № 166-ФЗ), а именно: анадромных, катадромных, трансграничных, трансзональных и далеко мигрирующих видов рыб и других водных животных. Всевозможные родственные понятия такие как «водные млекопитающие», «рыбы», «водные беспозвоночные», «водоросли» и «другие водные животные» находят свое отражение в различных источниках: российском экологическом законодательстве, а также в доктринальных трудах по природоохранному и уголовному праву, и, конечно же, научных исследованиях биологической направленности. Помимо прочего, необходимо учитывать, что и в самом Уголовном кодексе РФ наряду с понятиями водных биологических ресурсов широко используются сходные, но не одинаковые по объему термины «рыбные запасы», «организмы, занесенные в Красную книгу», «морские млекопитающие» и др.

Рыба (рыбы) – водное позвоночное животное с плавниковыми конечностями, дышащее при помощи специальных органов водного дыхания – жабр. Рыбы – надкласс водных позвоночных животных, физиология, анатомия и поведения которых определяются обитанием в водной среде.

Помимо прямо указанных в ч. 2 ст. 256 уголовного закона котиков и морских бобров к морским млекопитающим также относят китов, тюленей, нерп, моржей, сивучей и др., но при этом следует отталкиваться от определения понятий морского зверя и млекопитающего. Под морским зверем понимают млекопитающих, сферой обитания которых выступает морская среда, а под млекопитающими – класс позвоночных животных, для которых характерны

железы, вырабатывающие молоко для вскармливания потомства, легочное дыхание, четырехкамерное сердце, более или менее стабильно поддерживаемая температура тела.

К иным водным животным, подпадающим под охранительное действие ст. 256 УК РФ относят отдельные виды млекопитающих, чей онтогенез (жизненный цикл) неразрывно связан и преимущественно протекает в пресных водоемах (выдры, бобры, ондатры и др.), и виды животных, чей жизненный цикл неразрывно связан с морскими водами, например, земноводные, пресмыкающиеся (черепахи, морские змеи), беспозвоночные, т.е. кишечнополостные (коралловые и иные полипы, медузы), иглокожие (морские звезды, ежи, голотурии и т.п.), моллюски (мидии, гребешки, спизулы, каракатицы, кальмары, осьминоги и т.п.), ракообразные (креветки, крабы, омары, лангусты и т.п.).

Водоросли – это группа низших водных растений, содержащих хлорофилл и вырабатывающих обычно органические вещества в процессе фотосинтеза. Для целей ст. 256 УК РФ они должны иметь промысловый характер (быть объектом добычи) что определяется соответствующими нормативными правовыми актами либо иметь иной правовой статус. Их ценность predetermined не только прикладным значением для человеческого общества, но и тем, что они служат кормовой базой для других организмов, побочным эффектом фотосинтеза является выработка кислорода из углекислого газа за счёт солнечного света (по оценкам ученых до 70 % всего мирового кислорода выработаны именно фитопланктоном и водорослями, а не лесами, как это принято считать), фильтруют воды Мирового океана от вредных примесей, служат колыбелью и домом для других водных животных и т.д.

Как уже упоминалось, в ряде статей главы 26 УК РФ предметом уголовно-правовой охраны также являются ВБР: ст. 246 (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ), ст. 247 (нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов), ст. 250 (загрязнение вод), ст. 252 (загрязнение морской среды), ст.253 (нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ), ст.257 (нарушение правил охраны водных биологических ресурсов), ст. 259 (уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ).

В результате подробного уголовно-правового анализа вышеуказанных составов уголовно-наказуемых деяний, с очевидностью вытекает тот факт, что ВБР как предмет, на который направлено противоправное деяние субъекта, непосредственно указаны только в статьях 256, 257, ч. 1 и 2 ст. 252, 258.1 УК РФ. В иных статьях главы об экологических преступлениях УК РФ использованы термины «животные» (ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 и 2 ст. 250), «рыбные запасы»

(ч. 1 ст. 250), «природные ресурсы континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ» (ч. 2 ст. 253), «организмы, занесенные в Красную книгу РФ» (ст. 259).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ (в части незаконного вылова ВБР) является не только экологические, но и социальные отношения по охране и сохранению наиболее ценных представителей водной флоры и фауны, а его предметом – особо ценные водные биологические ресурсы.

Особая ценность водных биологических ресурсов складывается из альтернативного наличия одного из следующих критериев:

1. принадлежность ресурса к виду, занесенному в Красную книгу Российской Федерации;

2. принадлежность ресурса к виду, защита которого осуществляется нормами международного права, ратифицированными договорами Российской Федерации.

Таким образом, «особая ценность» определяется не оценочным признаком (не по внутреннему убеждению лица, осуществляющего правосудие), а вполне формальным (четко определённым нормами права). Кроме того, в постановлении Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 утвержден закрытый перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами РФ[5]. Как пробел в законодательстве, следует отметить то, что законодатель обошел вниманием представителей водных биологических ресурсов, внесенных в Красную книгу субъектов Российской Федерации, что повлечет квалификацию по ст. 256 УК РФ добычи этих особо ценных ВБР.

Подводя итог рассуждениям о предмете преступления, предусмотренного статьей 256 УК РФ, следует сделать оговорку, связанную с существованием статьи 258.1 УК РФ: предметом исследуемого преступления являются водные биологические ресурсы (это понятие должно определяться на основе нормативных актов экологического права), не относящиеся к особо ценным видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации и водным биологическим ресурсам континентального шельфа Российской Федерации и исключительной экономической зоны Российской Федерации. При отграничении между собой составов преступлений, содержащихся в ст.ст. 256 и 258.1 УК РФ по предмету преступления немаловажное значение имеют руководящие положения Постановления Правительства РФ от 31.10.2013 № 978.

Список источников и литературы

1. Богдашкин Р.С. Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов как негативное социальное явление// Сборник материалов национальной научно-практической конференции «Юридическое образование в забайкальском крае: 20 лет юридическому факультету Забайкальского государственного университета». – Чита : Забайкальский государственный университет, 2018 .

2. Канубриков В.А. Проблемы квалификации незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1.

3. Шатурская Т.Б. Проблемные аспекты противодействия незаконному обороту водных биологических ресурсов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее : сб. статей XVI международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018.

4. Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. – 2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5270.

5. Постановлением Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 45. – Ст. 5814.

УДК 343.979(561.63) «1985/1991»

*В.Е. Иванов, аспирант департамента истории и архивоведения
Дальневосточного федерального университета*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье на основе архивных источников и литературы анализируется деятельность органов внутренних дел по борьбе и профилактике преступности несовершеннолетних Приморского края в период перестройки. Автор делает вывод о недостаточной связи органов внутренних дел и обществен-

ных организаций, а также неэффективной работе родителей и учителей по профилактике и противодействию преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: перестройка, Приморский край, несовершеннолетние, органы внутренних дел, преступность.

*V.E. Ivanov, postgraduate of the Department of History and Archaeology
of the Far East Federal University*

ON THE CAUSES OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE PRIMORSKY REGION DURING THE PERIOD OF PERESTROYKA

The article analyses, on the basis of archival sources and literature, the activities of the internal affairs agencies to combat and prevent juvenile delinquency in the Primorsky region during the restructuring period. The author concludes that there is insufficient communication between the internal affairs agencies and public organizations, as well as ineffective work by parents and teachers to prevent and combat juvenile delinquency.

Keywords: perestroika, Primorsky Region, minors, internal affairs agencies, crime.

Преступность во все времена представляла одно из самых негативных социальных явлений. Однако подростковая преступность имеет более опасные последствия, чем взрослая. Принято считать, что молодежь – это будущее страны и государства. В зависимости от того, какие ценностные ориентиры формируются у молодого поколения, таким общество и будет через 10–20 лет. Поэтому юношеской преступности уделяют особое внимание социологи, криминологи, правоведы, педагоги и психологи. Объектом их внимания были причинность подростковой и молодежной преступности, социальная среда подростка, подросток и семья, и, конечно, методы борьбы с негативными подростковыми девиациями.

Исторический опыт противодействия и профилактики преступности несовершеннолетних изучается отечественными исследователями в контексте развития института правового государства [5; 6]. Региональная историография проблемы представлена работами Н.В. Ляскиной, Н.А. Вачаева, Н.А. Шабельниковой, В.В. Некрытого и других ученых [1; 4; 8; 9; 10; 11], в которых рассматриваются различные антиобщественные действия несовершеннолетних и пути их устранения.

Период перестройки является одним из самых противоречивых в истории нашей страны. Одни считают это время зачатком демократических преобразова-

ний, другие периодом развала промышленности, повышением социальной напряженности и обнищания народа. Одним из доказательств противоречивости периода перестройки в приморье явился рост преступности, особенно среди молодежи. Как отмечают исследователи, в период социальных катаклизмов и смены социальных и духовных ценностей преступность растет гораздо быстрее, чем в стабильные периоды [7, с. 121].

Статистические данные периода перестройки свидетельствуют о том, что, например, в Приморском крае за 10 месяцев 1985 года количество совершенных преступлений несовершеннолетними увеличилось на 8,3%. Кроме того, по сравнению с 1984 г., в совершении преступлений участвовало на 36,4% человек больше. На 22,7% возросло количество преступлений, совершенных подростками в группах со взрослыми, однако количество привлеченных взрослых к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность осталось на прежнем уровне.

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом же году на 44,8%, 31,1%, 52,7% возросло количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 1 до 15 лет, учащимися школ министерств просвещения, СПТУ и работающими. За девять месяцев 1990 года преступность среди несовершеннолетних возросла: в Кавалеровском и Спасском районах – в два раза, в Красноармейском – более чем в три раза [2, л. 105-107].

Одной из главных задач органов внутренних дел Приморья была не только борьба с преступностью несовершеннолетних, но и профилактика правонарушений среди подростков края. Одной из форм предупреждения правонарушений среди подростков являлась организация разумного досуга. Например, в микрорайоне детского клуба им. Лазо Первореченского района г. Владивостока инспектор Якименко Н. была инициатором создания оперативного отряда из числа подростков, которые принимают участие в рейдах по поддержанию общественного порядка [3, л. 25]. Однако внимания этому вопросу уделялось недостаточно. 21 детский клуб и детские секторы при домах культуры посещали всего 52 подростка из состоящих на учете. Кружки и факультативы по месту учебы «трудные» не посещали. Особого подхода требовала организация летней занятости несовершеннолетних. Формально решался вопрос закрепления шефов, общественных воспитателей и подростки зачастую не знали о них [2, л. 149].

Не в полной мере использовались возможности создания кружков с привлечением бесхозной автотехники, находящейся на арестплощадках органов внутренних дел. Наиболее остро эти вопросы стояли в краевом центре, где, казалось бы, имелись все возможности для создания и расширения сети технических кружков, которые действительно могли заинтересовать ребят. В то же

время количество угонов автотранспорта в 1987 году возросло на 81 процент и достигло 277 случаев [2, л. 137].

Делались попытки активизации правовой пропаганды. Возросло количество выступлений по вопросам предупреждения детской преступности, в т.ч. начальниками ГРОВД, их заместителями и сотрудниками других служб, проводились лектории, политдни, совместно с комитетом по телевидению и радиовещанию были подготовлены телепередачи по проблемам борьбы с наркоманией и организации досуга подростков.

Была активизирована работа по выявлению и постановке на учет детей и подростков, склонных к правонарушениям и преступлениям, а так же подростков «особой» категории. В 1986 на учете в ИДН состояло 7485 подростков, что на 415 человек больше, чем в 1985 году.

В результате принятых мер удалось добиться снижения групповой преступности на 19%, в том числе на 34% в группах со взрослыми; на 49,4% уменьшилось количество преступлений, совершенных подростками в состоянии алкогольного опьянения. Снижено количество отдельных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними, таких как тяжких телесных повреждений, краж государственного имущества, разбоев, грабежей и хулиганств [3, л. 54].

Однако в целом коренного улучшения в работе УВД и его подразделений по борьбе с детской преступностью еще не наступило. По итогам 1986 года допущен рост преступлений среди несовершеннолетних на 6,8%, их удельный вес в составе общей преступности возрос с 16,6% до 20,1%. Возросли отдельные виды преступлений, совершенные подростками, такие как кражи личного имущества, изнасилования, преступления, связанные с хранением, сбытом и приобретением наркотических веществ. Значительно возросла повторная преступность подростков. На 7,9% увеличилось число школьников, совершивших преступления.

Сложившееся положение стало возможным ввиду того, что руководство, политический отдел, партийный комитет УВД не обеспечили выполнение разработанных планов по совершенствованию профилактической и воспитательной работы с подростками [3, л. 55].

К сожалению, педагогическими коллективами, комсомольскими организациями школ, СПТУ не принимались в полном объеме меры по формированию у молодежи морально-этических и нравственных качеств, неприятия самой возможности употребления наркотиков и токсических веществ.

Без глубокого всестороннего анализа оставались происходящие негативные явления среди детей и подростков, не раскрывался имеющийся положительный опыт воспитательной и профилактической работы, не подвергались острой критике сотрудники, относящиеся к работе с детьми неудовлетвори-

тельно. Особенно плохо поднимались проблемы семейного воспитания, повышения ответственности родителей за выполнение конституционных обязанностей по воспитанию детей. Эта работа в ряде случаев велась бессистемно и без конкретного адреса.

Недостаточно принималось мер к укреплению связей с сотрудниками служб управления к профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Проблемы воспитания подрастающего поколения редко освещались в печати, по радио и телевидению [2, л. 134].

В крае организационная работа по борьбе с преступностью несовершеннолетних строилась по следующим основным направлениям: борьба с пьянством и наркоманией несовершеннолетних, с групповой преступностью, с повторной преступностью; предупреждение правонарушений среди школьников и учащихся системы ПТО, работающих подростков; выявление, постановка на учет и вовлечение в общественно-полезную деятельность не работающих и не обучающихся подростков.

Среди этих направлений хотелось бы выделить проблему борьбы с пьянством и наркоманией. В 1987 году органами внутренних дел было выявлено и поставлено на учет более 200 несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки, более 500 неблагополучных семей, где родители постоянно пьют. Выявлено и наказано в административном порядке 1790 взрослых лиц за вовлечение подростков в пьянство (1986 г. – 1279 человек), 22 работника торговли за продажу спиртного подросткам. Было возбуждено 4 уголовных дела за доведение несовершеннолетних до состояния опьянения. В течении года подросткам было вынесено 461 официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения, родителям – 137. На принудительное лечение в ЛТП направлено 58 родителей. Принимались меры не только по ограничению дееспособности постоянно употребляющих спиртные напитки родителей, но и лишению их родительских прав [2, л. 133].

Данные мероприятия и их результаты относились к числу предупредительных, но осуществлялись они в основном сотрудниками органов внутренних дел без широкой поддержки общественных организаций и педагогических коллективов. В результате в 1987 году несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения было совершено на 18,3 процента преступлений больше. За появление в пьяном виде и распитие спиртных напитков в общественных местах было наказано 2134 подростка 16–17 лет (1986 г. – 2069).

Число учащихся общеобразовательных школ, привлеченных к административной ответственности, возросло более чем на 30 процентов, учащихся системы профтехобразования почти на 23 процента. В органы внутренних дел в нетрезвом состоянии было доставлено более 200 членов ВЛКСМ.

Серьезной проблемой оставались самовольные уходы детей из семьи и учебно-воспитательных учреждений (детских домов, школ-интернатов), количество которых постоянно росло. Только в 1987 году по таким основаниям задержано 1342 подростка. Особенно неблагоприятное положение в этом вопросе в Находкинском детском доме, Черниговской и Дальнереченской школах-интернатах. На состояние преступности несовершеннолетних существенно влияла проблема умственно отсталых детей и подростков [2, л. 139]. На учете в органах внутренних дел состояло более 1700 детей, совершивших преступление, но освобожденных от уголовной ответственности в связи с не достижением возраста. По данным правоохранительных органов края в 1988 году в приемники-распределители доставлены 1317 несовершеннолетних беспризорных, в 1989 – 1545 человек [2, л. 140].

Таким образом, в период перестройки органы внутренних дел Приморского края вели работу по противодействию и профилактике преступности несовершеннолетних. Организационная работа по борьбе с преступностью несовершеннолетних по ряду направлений, в основе которых была борьба с пьянством и наркоманией несовершеннолетних, с групповой преступностью, с повторной преступностью; предупреждение правонарушений среди школьников и учащихся системы ПТО, работающих подростков; выявление, постановка на учет и вовлечение в общественно-полезную деятельность не работающих и не обучающихся подростков. Несмотря на предпринимаемые меры, эффективность предупреждения подростковой преступности была низкой. Причинами недостаточной профилактики правонарушений стоит назвать множество факторов, таких как неэффективная связь органов милиций и общественных организаций края, слабая работа с родителями нарушителей, недостаточная связь со средствами массовой информации и телевидением.

Список источников и литературы

1. Вачаев Н.А., Вихляева Г.Н., Шабельникова Н.А. Состояние криминогенной обстановки в Приморском крае и особенности предупреждения региональной преступности //Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы междун. науч.-практич. конф., Красноярск, 5–6 февраля 2004 г. Часть 1. – Красноярск : РИО СибЮИ МВД России, 2004. С. 292–295.
2. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 115. Д. 657.
3. Государственный архив Приморского края Ф. П 68. Оп. 117. Д. 290.
4. Иванов В.Е. Органы милиции Приморского края в 1985–1991 гг.: историографический обзор // Клио. – 2020. – № 6 (162). – С. 90–96.
5. Котляров С.Б., Кукушкин О.В. Проблемы развития института правового государства в современной России // V Юридические чтения : материалы Национальной научно-практич. конф. Отв. ред. Р.Р. Хайров. – Саранск, 2019. – С. 28–32.

6. Кукушкин О.В., Котляров С.Б. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т.9. – № 9–1. – С. 9–15.

7. Крушанова Л.А. Экономическая преступность В России и ее проявления на Дальнем Востоке (1985–1991 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 4 (48). – С. 121–127.

8. Ляскина Н.В. Преступность несовершеннолетних как объект исторического исследования // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч. -практ. конф., посвящ. 100–летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 384–390.

9. Милежик А.В. Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. – 2019. – № 1 (145). – С. 128–135.

10. Некрытый В.В. История органов внутренних дел на Дальнем Востоке России в исследованиях и библиографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX международной научно-практической конференции. Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 200–207.

11. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

УДК 343.131

М.Г. Ильина, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В работе автор раскрывает особенности досудебного производства в отношении несовершеннолетних. Определены особенности: возбуждения уголовного дела в отношении несовершеннолетних; предмета доказывания; подследственности уголовных дел в отношении несовершеннолетних; выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное

производство; избрания меры пресечения в отношении данной категории лиц; окончания предварительного расследования.

Ключевые слова: несовершеннолетний, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, меры пресечения, подследственность.

*M.G. Iina, senior lecturer, Department of Criminal Law and Criminology,
PhD in Law Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

PECULIARITIES OF PRE-JUDICIAL PRODUCTION IN RESPECT OF MINORS

In the work, the author reveals the features of pre-trial proceedings against minors. Features identified: initiation of criminal proceedings against minors; subject of evidence; the jurisdiction of juvenile criminal cases; separation of a criminal case against a minor in a separate proceeding; election of a preventive measure in relation to this category of persons; the end of the preliminary investigation.

Keywords: juvenile, criminal proceedings, preliminary investigation, preventive measures, jurisdiction

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации на стадиях досудебного производства предусмотрены два самостоятельных этапа – возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. В отношении несовершеннолетних уголовные дела возбуждаются по общим правилам, которые предусмотрены гл. 19-20 УПК РФ [1]. При этом, при принятии решения о возбуждении уголовного дела следует исходить из положений ст. 19 УК РФ [2], в соответствии с которой уголовной ответственности подлежит лицо, которое достигло установленного возраста. В соответствии со ст. 20 УК РФ общий возраст, с которого наступает уголовная ответственность, составляет 16 лет, а в исключительных случаях, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, составляет 14 лет. Лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток. При установлении возраста несовершеннолетнего днем его рождения считается последний день того года, который определен экспертами, а при установлении возраста, исчисляемого числом лет, следует исходить из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица.

Поэтому, если следователь владеет информацией, о том, что преступление совершил несовершеннолетний, обязательно устанавливается не только год, а еще день и месяц его рождения.

Особое внимание законодателя к установлению возраста обусловлено необходимостью применения в отношении несовершеннолетнего определенных положений УПК РФ и УК РФ. Например, решение вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности; избрание меры пресечения; невозможность производства дознания в сокращенной форме, применение определенных сроков, видов и пределов наказания, а также принудительных мер воспитательного воздействия и т.д.

В случае, если лицо не достигло установленного законом возраста, то уголовное дело не может быть возбуждено в отношении этого лица. Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела будет являться отсутствие в деянии состава преступления, а именно субъекта.

Предварительное расследование в отношении несовершеннолетних имеет ряд особенностей.

Во-первых, предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Меры правовой защиты несовершеннолетних предполагают необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний [3]. Предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних позволяет правоохранительным органам принимать все необходимые меры, направленные на установление значимых обстоятельств дела, которые учитываются при принятии решения о применении мер воспитательного воздействия.

Во-вторых, подследственность уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Расследование такого рода уголовных дел возможно в двух формах, как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания. В соответствии с п. «г», ч. 2 ст. 151 УПК РФ, тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних расследуются следователями Следственного комитета РФ.

Говоря об органах предварительного следствия, необходимо отметить о наличии соответствующей специализации следователей в ОВД, которые работают по линии несовершеннолетних, как правило, это люди, имеющие большой опыт работы с данной категорией преступников. Этот факт способствует более быстрому и эффективному расследованию. Более упрощенным вариантом расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних является расследование в форме дознания. По нашему мнению данная форма расследования по

делам в отношении несовершеннолетних является неэффективной, так как при производстве дознания, срок которого меньше, чем срок предварительного следствия, невозможно в полной мере выяснить все обстоятельства подлежащие доказыванию закрепленные в ст. 421 УПК РФ.

В-третьих, выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство. В соответствии со ст. 422 УПК РФ, уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе с лицами, достигшими возраста 18 лет, выделяется в отдельное производство. При этом, необходимо всесторонне и полно исследовать все доказательства, имеющие значение для уголовного дела. Такое выделение необходимо для того, что совершеннолетние и более опытные соучастники преступления не могли повлиять на несовершеннолетнего и ход расследования.

В-четвертых, меры пресечения, которые могут быть избраны в отношении несовершеннолетних. Избрание меры пресечения осуществляется по правилам, которые предусмотрены гл. 12 и 13 УПК РФ. В соответствии со ст. 423 УПК РФ, при решении вопроса об избрании меры пресечения правоохранительные органы обязаны рассмотреть возможность передачи несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверие лиц.

Мера пресечения, в виде заключение под стражу применяется, только в том случае если несовершеннолетний подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. При заключении под стражу, или продлении срока содержания под стражей несовершеннолетнего, оповещаются его родители или законные представители.

В-пятых, окончание предварительного расследования. Так, ст. 427 УПК РФ предусмотрен особый вид прекращения производства на стадии предварительного расследования – это прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего на стадии предварительного расследование и применение к нему принудительных мер воспитательного характера. При наличии трех условий, возможно, прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего:

- 1) небольшая или средняя тяжесть, совершенного несовершеннолетним преступления;
- 2) в процессе производства предварительного расследования правоохранительными органами были получены данные о том, что несовершеннолетний может исправиться без применения к нему наказания;
- 3) никто не возражает против прекращения уголовного преследования.

Только при наличии вышеперечисленных условий следователь выносит постановление о прекращении уголовного преследования, и ходатайствует пе-

ред судом о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, досудебное производство в отношении несовершеннолетних имеет ряд особенностей, которые не предусмотрены для лица достигшего совершеннолетнего возраста. Расследовать уголовные дела о преступлениях совершенных несовершеннолетними, должны наиболее опытные и квалифицированные специалисты, для того чтобы не допустить следственной ошибки, а в дальнейшем и судебной.

Список источников и литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ: ред. от 4 ноября 2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 64-ФЗ: ред. от 4 ноября 2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – 2011.

УДК 351.745 (047.31) (571.150-25) «1850/1950»

Н.В. Карзанов, аспирант Алтайского государственного педагогического университета

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА НА АЛТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В середине 50-х годов, в СССР произошли серьезные изменения в связи со сменой власти. Новый вождь Никита Сергеевич Хрущев, начал слом старой, «сталинской» государственной машины. Серьезные изменения, в основном отрицательной направленности, постигли и советскую правоохранительную систему. Были сокращены штаты уголовного розыска, структура подразделений уголовного розыска не была постоянной, появлялись новые подразделения.

Ключевые слова: уголовный розыск, воры, структура, Алтай, преступления, оперуполномоченные.

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT IN ALTAI IN THE SECOND HALF OF THE 50S OF THE XX CENTURY

In the mid-50s, in the USSR there were serious changes in connection with the change of power. The new leader Nikita Khrushchev, began scrapping the old, "Stalinist" state machine. Serious changes, mostly negative orientation, befell the Soviet law enforcement system. The staff of the criminal investigation Department was reduced, the structure of the criminal investigation units was not constant, new units appeared.

Keywords: criminal investigation, thieves, structure, Altai, crimes, operatives.

Уголовный розыск играл большую роль в борьбе с криминальными элементами на Алтае. В состав УВД Алтайского крайисполкома в 1953 г. под управлением полковника Коробейщикова И.Я. входил отдел уголовного розыска [1, л. 90–101].

Оперуполномоченные уголовного розыска проводили оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию краж личного, государственного, колхозно-кооперативного имущества, хулиганства, разбоев, грабежей, мошенничества и других видов преступлений. В производстве оперативного работника каждый месяц в среднем находилось 15–20 уголовных дел. Работали оперативники на закрепленных зонах с двумя-тремя участковыми. Милиционеры, часто изымали пистолеты, винтовки, иногда автоматы, оставшиеся с Великой Отечественной войны [2, с. 83].

После смерти Сталина И.В. в марте 1953 г. в стране началась масштабная перестройка всего государственного аппарата, в том числе и правоохранительных органов. Особенно активно реформирование органов внутренних дел началось после XX съезда КПСС, который состоялся 14–25 февраля 1956 г., где были сделаны негативные выводы в отношении бывшего главы государства и его внешнеполитического курса.

На протяжении этого разрушительного для органов внутренних дел десятилетия структура и штатная численность управления милиции и милицейских учреждений в городах и районах края периодически менялась [3, с. 9].

В середине 50-х годов руководством страны было принято решение о «чистке» личного состава, в том числе и уголовного розыска, постепенно уменьшалось его финансирование. 10 марта 1956 г. министр внутренних дел

РСФСР генерал-лейтенант Стаханов Н.П. принял решение проработать вопрос о сокращении численности милиции на 8% [4, с. 209, 210].

В 1956 г. в Рубцовском городском отделе милиции, проходили службу лишь 1 старший оперуполномоченный и 8 оперуполномоченных уголовного розыска, [1, л. 287] что было явно недостаточно для обслуживания обширной городской территории.

Особую проблему в крае доставляла борьба с ворами-карманниками, которые ежедневно совершали кражи в многолюдных местах: в общественном транспорте, вокзалах, на базарах и магазинах.

Для их нейтрализации были созданы специальные подразделения. В городе Барнауле оперативной группой по борьбе с карманными ворами состоящей из командира отделения оперативного взвода старшины милиции Ермохина и сержанта Долгова в период с 5 по 10 октября 1956 г. в трамваях, автобусах и очередях с поличным было задержано 5 карманных воров [5, л. 148]. Позднее дополнительно к действующей оперативной группе по борьбе с карманными ворами на трамвайных и автомобильных остановках краевого центра была создана вторая группа по борьбе с карманными ворами в городских магазинах и рынках [6, л. 50 об.].

В Бийском городском отделе милиции была также создана оперативная группа по борьбе с карманными ворами. Только за 1 квартал 1956 г. этим подразделением было задержано с поличным 9 карманных воров и 4 человек, незаконно хранивших холодное оружие [7, л. 80].

Серьезно обострилась криминальная ситуация в крае, после того, как в 1954 г. стали осваиваться целинные земли, в регион стал прибывать большой приток населения. С начала целинной эпопеи уголовным розыском велась активная борьба с расхитителями хлеба. Пользуясь плохой охраной хлеба, преступники похищали его открытым способом непосредственно на токах [8, с. 256–258].

Несмотря на существовавшие перипетии, недостаточное финансирование, неоправданное сокращение личного состава оперативные подразделения уголовного розыска самоотверженно боролись на Алтае с преступлениями личного и имущественного характера. После трудоемкой работы, оперативные уполномоченные уголовного розыска раскрывали кражи, разбои, грабежи, убийства и другие преступления. Структура уголовного розыска менялась, были созданы специальные группы по борьбе с карманниками, наносящие непоправимый ущерб трудовому населению.

Список источников и литературы

1. Отдел реабилитации и архивной информации Главного Управления МВД России по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю). Ф. 4. Оп. 1. Д. 93.
2. Нашей истории строки. Главное Управление внутренних дел Алтайского края. – Барнаул, 2002.
3. Суверов Е.В., Миронов Е.В. Деятельность алтайской милиции (1953–1991 гг.) : учебное пособие. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – 104 с.
4. Центральный архив МВД России. Ф. 27. Оп.1. Д. 11.
5. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96.
6. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92.
7. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 94.
8. Суверов Е.В., Чибурова Е.А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Алтайском крае (1945–1953 гг.): монография. Барнаул : БЮИ МВД России, 2012. – 120 с.

УДК 343.35

И.Д. Ковалев, студент юридического факультета ФГБОУ ВО

«Морской государственной университет им. адм. Г.И. Невельского»

С.Н. Веснина, начальник кафедры криминалистики и специальной техники

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института

МВД России, кандидат юридических наук, доцент

О.О. Кравченко, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Морской

государственный университет им. адм. Г.И. Невельского»,

кандидат юридических наук

КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ КОРРУПЦИИ В НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЯХ

Статья посвящена изучению законодательной дефиниции коррупции, представленной в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». На основании анализа научных исследований учёных в области уголовного права, авторы делают ряд выводов о соответствии законодательной дефиниции коррупции действительности, а также отмечают недостатки законодательного подхода к определению понятия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, дефиниция, должностные полномочия, преступление, правонарушение.

I.D. Kovalev, student of the faculty of law, G. I. Nevelskoy Maritime state University

S. N. Vesnina, head of the Department of criminalistics and special equipment of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

O. O. Kravchenko, Dean of the faculty of law, G. I. Nevelskoy Maritime state University, kandidat nauk, degree in Law

CONFLICTS OF LEGISLATIVE DEFINITION OF CORRUPTION IN SCIENTIFIC RESEARCHES

The article is devoted to the study of the legislative definition of corruption, presented in article 1 of the Federal law of December 25, 2008 No. 273-FZ "on combating corruption". Based on the analysis of scientific studies of scientists in the field of criminal law, the authors draw a number of conclusions about the compliance of the legislative definition of corruption with reality, and also note the shortcomings of the legislative approach to the definition of corruption.

Keywords: corruption, definition, official powers, crime, offense.

Коррупция, безусловно, является одной из самых остросоциальных проблем современного общества. Это явление не появляется в одночасье, его сущность связана с теми социальными явлениями, с которыми она взаимосвязана, что позволяет говорить о том, что коррупция фактически пронизывает все сферы деятельности общества, а также затрагивает каждую страну мира.

Согласно данным «Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р», публикующей с 1997 г. Индекс восприятия коррупции, самой антикоррупционной страной в 2018 г. была названа Дания. Российская Федерация в Индексе восприятия коррупции на 2018 г. занимает 136 место из 180 возможных по коррупционности, что говорит о серьезных проблемах в этой сфере [8].

Поскольку указанная проблема остается актуальной, в 2008 г. был принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который устанавливает основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы ее предупреждения и борьбы с ней, а также минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений [1]. Настоящий Федеральный закон примечателен в первую очередь

тем, что имеет законодательную дефиницию коррупции, которая, согласно Статьи 1 определяется так: «коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [1].

Законодательное закрепление понятия того или иного социально-правового явления, во-первых, позволяет максимально конкретно определять значение действий, влекущих юридическую ответственность, а во-вторых, безусловно, ставит окончательную точку в вопросе определения дефиниции.

Однако, исследователи-правоведы считают, что законодательное определение коррупции не отвечает современным реалиям, а также не соответствует юридической теоретической действительности.

Так, доктор юридических наук Б.В. Сидоров и кандидат юридических наук И.А. Гумеров единогласно считают, что коррупцию следует определять как «негативное социальное и нравственно-этическое явление, в основе которого лежат извращенно понимаемые духовные ценности и некие «рыночные отношения», перекинувшиеся из сферы экономики, преимущественно из ее «теневых сектора», в сферу политики, управления и в повседневные деловые отношения, которые пронизали все основные сферы общественных отношений» [6, с. 170].

Такая трактовка термина коррупции характеризует ее как «теневой» элемент экономики и права, подрывающий духовные ценности и систему рыночных отношений, что, в виду отмечаемой вышеуказанными исследователями точки зрения, позволяет сделать вывод о высокой степени латентности настоящего понятия с криминологической точки зрения.

Аналогично высказывается и С.В. Максимов. По его мнению, коррупцию следует рассматривать не только как правовое явление, которое в дальнейшем возможно квалифицировать по конкретной норме права, а еще и как криминологический, социально-экономический феномен, отличающийся высоким уровнем многоструктурности и многоуровневости содержания [2, с. 44]. В связи с этим С.В. Максимов выделяет следующие деяния коррупционного характера: взяточничество; покровительство на основе личных связей; приобретение или отвлечение государственных средств и собственности для своей корпоративной группы; различное использование или же манипулирование служебной информацией в личных, групповых интересах; полное либо частичное освобождение

от уплаты таможенных пошлин и налогов и т.д. Если рассмотреть более детально каждое из действий, приводимое выше, то вывод о «теневой» стороне и латентности этих деяний становится логичным, поскольку их объективное значение как раз и выражается в умышленном скрывании, утаивании и уклонении от совершения разрешенных законом деяний [2, с. 44].

Исследователь Р.А. Забавко предлагает иную дефиницию коррупции: «коррупция это использование лицом своих должностных и служебных полномочий вопреки интересам службы в государственных, муниципальных, коммерческих и иных органах, учреждениях и организациях, направленное на получение прямой или косвенной финансовой и иной выгоды от такой деятельности для себя лично или в пользу других лиц, вызывающее конфликт интересов между лицом и нанимателем» [3 с. 48]. Такое понятие автор обуславливает тем, что законодательное понятие коррупции имеет узкую направленность, фактически ограничиваясь лишь преступлениями, предусмотренными ст.ст. 285, 291, 290, 201, 204 УК РФ, а также преступлениями и иными правонарушениями, совершенными от имени и в интересах юридического лица, что по мнению Р.А. Забавко, а также О.В. Назарова не позволяет такой сложной конструкции эффективно определять круг преступлений и иных правонарушений, отнесенных к числу коррупционных [3, 4].

Дефиниция коррупции, разработанная Р.А. Забавко отвечает следующим признакам: во-первых, при определении коррупции важно учитывать наличие у лица дискреционной власти с последующей возможностью использования таковой по своему личному усмотрению. Под такой властью понимаются должностные и служебные полномочия, в частности. Во-вторых, коррупция должна выражаться в получении прямой или косвенной финансовой и иной выгоды от деятельности для себя лично или в пользу других лиц. Субъект коррупционного преступления или правонарушения должен получить выгоду. В-третьих, у субъекта коррупционной деятельности отсутствует неприемлемость коррупционного поведения до степени преступности, поскольку таким образом он фактически интерпретирует государственную и иную власть из института обеспечения реализации общественного блага в инструмент обогащения отдельных лиц, самого себя. Такие действия, таким образом, осуществляются ради выгоды, а также с целью подорвать авторитет государственной и иной власти, поскольку лицо сознательно допускает совершение этих действия для своего личного обогащения [3, с. 47].

Однако, помимо должностной коррупции, следует отметить, что существует и частная коррупция, которая не связана с субъектами, наделенными должностными полномочиями. Так, Б.В. Сидоров подчеркивает, что коррупция частного сектора, хоть и не оказывает существенный вред на сферу публично-властных интересов, однако воздействует на корпоративные интересы, как коммерческих, так и иных некоммерческих организаций, интересы службы в таких организациях, а

так же, естественно, и личные интересы работников [5, с. 110]. Несмотря на прямое воздействие на экономическую сферу, интересы всего общества частная коррупция, в отличие от должностной, не затрагивает, она лишь дополняет должностную коррупцию, а также тот вред, который причиняется ею обществу. Частная коррупция выступает в качестве отдельного вида коррупции в целом.

Примечателен общетеоретический подход И.Д. Фиалковской в определении понятия коррупции, которая считает, что, в первую очередь коррупция это общественно опасное противоправное деяние, которое характеризуется использованием государственными служащими в корыстных целях, в личных или иных целях своих должностных полномочий, а во-вторых, отклоняющееся поведение управляющей элиты, проявляющееся в незаконном использовании ею общественных благ [7, с. 139]. В связи с этим И.Д. Фиалковская выделяет следующие черты коррупции:

1. Коррупция выступает в качестве сложного комплексного социально-правового явления, затрагивающего более простую совокупность однородных преступлений и правонарушений.

2. Коррупция носит системный характер, что выражается в систематическом получении служащими (как государственными, так и иными) материальных, иных благ от третьих лиц в своих корыстных интересах.

3. Совершаемые таким образом за вознаграждение действия, безусловно, связаны с выполнением госслужащими своих служебных обязанностей.

По нашему мнению, трактовка понятия коррупции, предлагаемая Р.А. Забавко является наиболее разработанной, по сравнению с другими исследуемыми воззрениями исследователей. Так, в сравнении с трактовкой И.Д. Фиалковской, дефиниция Р.А. Забавко является более выверенным понятием. Признаки коррупции, указанные Р.А. Забавко являются в большей степени практически направленными, хотя, нельзя не согласиться с И.Д. Фиалковской, которая считает, что коррупция носит системный характер. Также, нельзя не отметить, что понятие Р.А. Забавко не ограничивается лишь некоторыми преступлениями и правонарушениями, как это представлено в Федеральном законе «О противодействии коррупции», позволяет более эффективно определять круг преступлений и иных правонарушений.

На основании этого, нами предлагается при определении понятия изучаемого явления, на основании изученных точек зрения, выделить наиболее значимые признаки коррупции:

1. Наличие у субъекта коррупционного преступления, правонарушения дискреционной власти, определенных должностных полномочий, позволяющих использовать их силу для удовлетворения своих материальных и иных благ.

2. Осознание коррупционных действий не в качестве преступных, а в качестве действий, способных обогатить самого себя или отдельных лиц.

3. Подрывание авторитета государственной и иной власти, осквернение института обеспечения реализации общественного блага.

4. Системный характер коррупции, выражающийся в том, что должностные лица заинтересованы в регулярном, систематическом получении материальных и иных благ, а также в совершении противозаконных действий ради корыстных целей.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить важность обязательного наличия некоторых дефиниций в сфере противодействия коррупции, в частности, самого понятия коррупции. Разнообразные точки зрения позволяют более детально и критично отнестись к данному вопросу, а также привлечь большее внимание к этой проблеме. Также, несмотря на законодательное определение, не выходит назвать его эффективным, поскольку сущность коррупции сложна и противоречива, а научное сообщество до сих пор ведет дискуссии по поводу эффективной дефиниции коррупции. Между тем, представляется, что подход к данной проблеме с точки зрения изучения различных точек зрения юристов-исследователей, к тому же способствует выработке действенных мер противодействия коррупции, что, в конечном счете, приводит к укреплению законности и дисциплины государственного и иного управления.

Список источников и литературы

1. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ: ред. от 26.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Артемьева М.В. Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. – 2011. – № 1. – С. 43–47.

3. Забавко Р.А. Понятие «коррупция» в российском законодательстве: критический анализ и перспективы совершенствования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2015. – № 1 (72). – С. 43–48.

4. Назаров О.В. О некоторых вопросах применения Федерального закона «О противодействии коррупции» // Законодательство и экономика. – 2014. – № 8. – С. 56–65.

5. Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. – № 1. – С. 109–117.

6. Сидоров Б.В., Гумеров И.А. Социально-правовая характеристика коррупции и меры, необходимые для ее преодоления: современность и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 3. – С. 169–172.

7. Фиалковская И.Д. Коррупция: понятие, признаки, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 1. – С. 137–142.

8. Россия в индексе восприятия коррупции – 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya->

korruptsii/rossiya-v-indekse-vostryatiya-korruptsii-2018-28-ballov-iz-100-i-138-mesto.html, свободный. (дата обращения: 13.12.2019).

УДК 343.54

П.В. Коровников, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

А.А. Пилтоян, слушатель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ СОСТАВА ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье анализируются проблемы вменения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности (глава 18 УК РФ) совершенных в отношении несовершеннолетних, возможности совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в исследуемой области.

Ключевые слова: половая свобода; половая неприкосновенность; половое сношение; мужеложство; лесбиянство; развратные действия; несовершеннолетний; лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста; уголовная ответственность.

P.V. Korovnikov, Senior Lecturer, Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A.A. Piltoyana, student of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

PROBLEMS OF IMPUTING THE COMPOSITION OF CERTAIN CRIMES AGAINST THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

The article analyzes the problems of imputing crimes against sexual freedom and sexual integrity (chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation) committed against minors, the possibility of improving legislation and law enforcement in the study area.

Keywords: sexual freedom; sexual integrity; sexual intercourse; sodomy; lesbianism; depraved actions; minor; a person under the age of twelve; criminal liability.

Конституция России гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (*ст. 45*). В т.ч. – в сфере выражения права на свободный и безопасный половой выбор. Вместе с тем, проблемы противодействия и профилактики половых преступлений в настоящее время далеки от разрешения.

В трудах отечественных исследований данная проблема рассматривается в том числе, в контексте юридической ответственности российского государства перед личностью [3; 4]. Исследователи отмечают, что для обвиняемых в преступлениях против половой неприкосновенности характерны такие особенности, как сравнительно низкий уровень образования, проблемы в супружеской жизни, отсутствие постоянной работы, злоупотребление алкоголем, тенденция к пренебрежению социальными нормами; а также характерологические черты личности [1, с. 18]. Потерпевшие характеризуются виктимным и отчасти провокационным поведением. Не будет преувеличением отметить, что триада агрессии, алкоголизма и виктимного поведения является основными причинами половых преступлений.

Необходимо отметить, что к перечисленным проблемам, вполне традиционным для данной сферы правоотношений, современность добавила крушение норм традиционной морали, ранее в определенной мере защищавшей уязвимые категории населения, в т.ч. – несовершеннолетних. Новые общественные реалии требуют оптимизации мер по противодействию преступности данного вида, совершенствования отраслевого законодательства криминального профиля.

Действующий УК РФ кодифицирует преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава 18 УК РФ) как умышленные преступные деяния, которые направлены на охраняемые уголовным законодательством половой неприкосновенности и половой свободы, а также нравственного и физического развития несовершеннолетних.

Преступления против половой неприкосновенности являются наиболее тяжкими посягательствами на личность, причиняя колоссальный моральный и физический вред жертвам. К главным характерным чертам половых преступлений можно отнести психологическое и физическое насилие, нанесение тяжкого вреда здоровью, а нередко и причинение смерти.

В связи с этим, рассмотренные выше составы половых преступлений, как и иные составы главы 18 УК РФ обоснованно причисляют к наиболее опасным преступлениям, посягающим на личность, что, в свою очередь, ставит вопросы по предупреждению и профилактике такого рода деяний.

Уголовная политика государства должна основываться на четком и ясном понимании того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступ-

ности можно будет добиться, совершенствуя соответствующие институты и нормы. Так как в противном случае невозможным будет исключение возможности законодателя принимать решения, вызывающие рост рецидивов преступлений, осложняющие в стране криминологическую ситуацию или влияющие на общественный порядок отрицательно [5, с. 132].

Действующий УК РФ 1996г., при сохранении традиционного для отечественного права понимания деликтных половых отношений является более точным и удачным по сравнению с ранее действовавшими, в первую очередь ввиду использования законодателем единых принципов конструирования всей системы криминализации такого рода деяний. Вместе с тем, кодекс не свободен от внутриотраслевых коллизий и пробелов, в частности, в области охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних [6, с. 287], в связи с чем, следует согласиться с исследователями, указывающими на необходимость определенных мер по унификации уголовного законодательства [7, с. 96].

Так, необходимо отметить коллизионный характер примечания к 131 статье УК РФ в части вменения развратных действий в отношении лиц, не достигших 12 летнего возраста. Объективная сторона преступления, закрепленного в статье 131, так и статье 132 УК РФ предполагает наличие физического контакта в форме полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера. Рассматриваемый деликт такие формы противоправной деятельности исключает, что ставит вопрос об объективных признаках рассматриваемого преступления, подпадающего под квалификацию по пунктам «б» частей 4 статей 131, 132 УК РФ.

Аналогичные вопросы вызывает вменение развратных действий в случае их совершенных в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста.

На практике, определенным консенсусом является квалификация развратных действий совершаемых мужчиной в отношении лица женского пола соответствующей возрастной категории по пункту «б» части 4 статьи 131 УК РФ, а в случаях, когда потерпевший является лицом мужского пола либо субъект преступления женщина – по пункту «б» части 4 статьи 132 УК РФ, соответственно [2, с. 147]. Вместе с тем, на наш взгляд, такой подход противоречит основным признакам статей 131 и 132 УК РФ.

Представляется, что указанная коллизия может быть разрешена включением в конструкцию статьи 135 УК РФ специальной нормы дифференцирующей рассматриваемое деяние как совершенное в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста. Такой же подход может быть применен для расширения конструкции статьи 134 УК РФ.

Существенным пробелом является отсутствие в конструкции статье 134 УК РФ дефиниции, в качестве самостоятельной преступной формы иных действий сексуального характера. Исследователи отмечают, что помимо суще-

ственных затруднения для вменения указанной статьи, ее буквальная трактовка может привести к признанию того, что в случае обоюдного согласия между совершеннолетним и малолетним лицом состав отсутствует [6]. Ввиду серьезности психологических, а также социальных последствий рассматриваемого деяния полагаем такую ситуацию недопустимой.

Используемая правоприменителем квалификации таких деяний по статье 135 УК РФ, как обоснованно отмечается правоведами [6] размывает границы со смежными составами преступлений, противоречит конструкции статьи 134 УК РФ и, в силу этого, не может быть признана оптимальной.

Решением проблемы могло бы стать изложение конструкции 2 статьи 134 УК РФ, аналогично подходу статьи 132 УК РФ, с однозначным указанием на совершение деяния лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Таким образом, продемонстрированные нами внутриотраслевые коллизии и пробелы в области охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних объективно требуют реакции правоприменителя. Полагаем, что в решении выявленных проблем вменения отдельных преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ необходимо придерживаться принципа унификации уголовного законодательства, опираясь как на единообразную квалификацию так и на единообразные конструкции норм уголовного права согласно представленным выше рекомендациям.

Список источников и литературы

1. Авдеев Д.А., Борисов Н.А. К вопросу о факторах, влияющих на динамику преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, и некоторых способах их устранения // Вопросы науки и образования. – 2019. – С. 17–20.

2. Корсикова Н.А. Преступления насильственного характера в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы современной науки : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Липецк : Изд-во Першина Р.В, 2016. – С. 146–148.

3. Котляров С.Б., Кукушкин О.В. Проблемы развития института правового государства в современной России // V Юридические чтения : материалы Национальной научно-практич. конф. Отв. ред. Р.Р. Хайров. – Саранск, 2019. – С. 28–32.

4. Кукушкин О.В., Котляров С.Б. Исторические аспекты развития юридической ответственности российского государства перед личностью // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т.9. – № 9–1. – С. 9–15.

5. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 132–135.

6. Черных Е.Е., Петрянин А.В. Внутриотраслевые коллизии и пробелы уголовного законодательства в области охраны половой неприкосновенности // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 287–292.

7. Чеботарёва Т.В. Охрана прав и свобод несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 95–98.

УДК 351.74

*О.А. Котельникова, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владивостокского филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук*

СОБЛЮДЕНИЕ СТАНДАРТОВ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В статье приводится краткий анализ состояния коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Обосновывается значимость применения комплексного подхода к организации антикоррупционной деятельности. Уделяется внимание необходимости соблюдения установленных нормативными актами стандартов поведения в профессиональной деятельности сотрудниками правоохранительных органов.

Ключевые слова: антикоррупционная деятельность, стандарты профессионального поведения, этические нормы, сотрудники правоохранительных органов.

*О.А. Kotelnikova, associate Professor of the Department of criminal law
of the Vladivostok branch of the Russian customs Academy, candidate of law*

COMPLIANCE WITH STANDARDS FOR ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR AS THE BASIS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

The article provides a brief analysis of the state of corruption crimes committed by law enforcement officials. The importance of applying an integrated approach to the organization of anti-corruption activities is substantiated. Attention is paid to the need to comply with the standards of conduct established by regulatory enactments in professional activities by law enforcement officials.

Keywords: anti-corruption activity, standards of professional behavior, ethical standards, law enforcement officers.

Коррупция как социально-негативное, правовое явление обладает повышенной общественной опасностью, посягает на основы государственной власти, разрушает основы правопорядка, подрывает демократические ценности, деформирует правосознание граждан. Приобретая институциональные функции, она выступает в качестве социального института, элемента системы управления обществом.

Как показывают статистические показатели, наиболее подвержены коррупционным проявлениям органы исполнительной власти, местного самоуправления и правоохранительные органы. По данным Генеральной прокуратуры за 2019 год, количество сотрудников, привлеченных за коррупционные преступления, составило более 10% из общего числа коррупционеров [4]. В целом же, на фоне общего повышения коррупционных преступлений, количество которых за последний год увеличилось в 1,2 раза, растет число данных преступлений и среди сотрудников правоохранительных органов.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что антикоррупционная деятельность, в настоящий момент, является наиболее актуальной в сложившейся негативной криминогенной ситуации.

Как следует из общепризнанного определения и признаков коррупции, совершение сотрудником правоохранительных органов коррупционных преступлений и правонарушений связано с использованием им соответствующего служебного положения. Из этого следует, что наличие определенной должности и предоставленные полномочия по службе могут быть использованы им в корыстных целях или иной личной заинтересованности, вопреки интересам службы. Данные факторы выступают в качестве условий для реализации преступного посягательства.

Наличие определенных властных полномочий при слабом контроле часто способствуют со стороны сотрудников правоохранительных органов развитию вседозволенности, что приводит к многочисленным случаям правонарушений, в том числе и коррупционных. Следует отметить, что такого вида противоправные деяния могут проявляться в различных формах, к которым относят – этические, моральные, конституционные, административно-правовые, уголовно-правовые и иные нормы.

Анализ проведенных исследований показал, что наиболее распространенными формами коррупционных проявления, в частности в правоохранительных органах, являются – злоупотребление служебным положением в личных целях (52%); дача взятки (20%); получение взятки (30%); присвоение или растрата

15,3%, так же распространены такие формы, как – фаворитизм (9%); протекционизм (9%) и некоторые другие корыстные злоупотребления должностными полномочиями [2, с. 148–152].

Кроме этого, отмечаются случаи, когда в коррупционных целях сотрудники правоохранительных органов могут использовать свои полномочия представителя власти в отношении определенного круга лиц, применять уголовно-правовые, административные рычаги воздействия, а также организационно-технические ресурсы для получения определенной личностной выгоды. Нередки случаи, когда сотрудники правоохранительных органов обеспечивают безопасность коммерческим организациям за определенную плату, предоставляют соответствующую информацию преступным организациям и сообществам в корыстных целях [2, с. 148–152].

Данные действия способствуют не только снижению престижа и доверия к сотрудникам, подрывают их авторитет, но и дестабилизируют функционирование всей правоохранительной системы, а также приводят к наиболее опасным последствиям – сращиванию с организованной преступностью.

Таким образом, современное состояние коррупционных проявлений в правоохранительных органах и выявленная тенденция их роста, свидетельствуют о необходимости комплексного подхода при организации антикоррупционной деятельности.

Следует отметить, что такая деятельность должна базироваться на совокупности общесоциальных, специальных и индивидуальных мер предупреждения коррупционных проявлений. При этом, указанные меры в первую очередь, должны быть направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих коррупционным противоправным деяниям, а также на их своевременное реагирование и снижение негативных последствий. В первую очередь – это политические, правовые, социально-экономические, организационные и информационно-пропагандистские мероприятия.

Безусловно, одним из главных векторов антикоррупционной политики является правовые основы их предупреждения.

Законодательная база по борьбе с коррупционными проявлениями в Российской Федерации включает определенную совокупность нормативных актов, в которых регламентируется профилактическая деятельность по отдельным видам коррупционных преступлений и правонарушений. Данный свод имеет юридическую иерархию, уровень воздействия и круг, принявший их субъектов международного, российского, территориального и ведомственного значения.

Важным направлением в решении вопросов предупреждения коррупционных проявлений является выработка единого эталона антикоррупционного пове-

дения для сотрудника правоохранительных органов. Данный образец поведения позволит недопущение совершения коррупционных проступков, будет способствовать оказанию информационной поддержки в случае установления факта коррупционного действия. Некоторые аспекты реализации указанных положений нашли отражение в законодательстве путем установления этических норм профессионального поведения сотрудников правоохранительных органов.

В Федеральном законе от 13 января 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], в частности в статье 7, предусматривается введение антикоррупционных стандартов. Данная законодательная норма устанавливает для соответствующей деятельности единую систему запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции. Из этого следует, что стандарт антикоррупционного поведения соответствующих субъектов, в том числе и сотрудника правоохранительного органа, включает в себя совокупность таких элементов, как – запреты; ограничения; дозволения и обязанности.

Введение указанных стандартов предполагает соблюдение определенных эталонов поведения, как в профессиональной деятельности, так и вне выполнения служебных обязанностей. Следование требованиям закона сотрудниками правоохранительных органов, закладывает основы формирования устойчивости к коррупционным проявлениям, высокого профессионализма и моральных качеств.

Кроме того, в соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции», регламентация основ стандарта антикоррупционного поведения сотрудника правоохранительных органов способствует решению определенных задач, целью которых является – снижение коррупционных проявлений. В целом данные задачи заключаются в следующих аспектах [1].

- выработке единого стандарта поведения на службе и в быту;
- создании единой системы дозволений, запретов, ограничений, обязанностей;
- определении стимулирующих, поощрительных мер;
- обеспечении негативных последствий при нарушении стандарта.

Среди моральных основ стандарта антикоррупционного поведения сотрудников правоохранительных органов можно назвать также Типовой кодекс профессиональной этики государственного служащего [3]. Следует отметить, что основные положения данного нормативного документа вошли в ведомственные Кодексы этики и служебного поведения сотрудников определенных ведомств.

В Типовой кодекс включены основные требования к служебному поведению, а именно совокупность поступков и действий лица или группы лиц, осуществляемых в пределах установленных законом полномочий в процессе взаимодействия между собой и с внешней средой по поводу выполнения ими своих должностных обязанностей [4, с. 107–121]. Следовательно, Кодекс как свод

профессионально-этических норм определяет профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения, закрепляет основные положения, позволяющие ориентироваться в коррупционных проявлениях и осуществлять деятельность по их противодействию.

Типовой кодекс предписывает сотруднику независимо от занимаемого им служебного положения предпринимать меры антикоррупционной защиты, состоящие в предотвращении и решительном преодолении коррупционно опасных ситуаций и их последствий. При этом в случае склонения его к коррупционным проявлениям сотруднику требуется безотлагательно докладывать непосредственному начальнику обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений.

Данный нормативный акт позволяет формировать у сотрудника навыки антикоррупционного поведения и предусматривает сознательное возложение им на себя определенных обязательств, ограничений и запретов, включающих в себя не только правовые, но и моральные, этические и нравственные нормы. В свою очередь, осознание необходимости соблюдения установленных стандартов и правил поведения должно являться основой профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, антикоррупционная деятельность занимает значительное место в системе профессионального поведения сотрудников правоохранительных органов и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на предупреждение коррупционных проявлений, своевременное реагирование и устранение их причин и последствий. В первую очередь – это реализуется через регламентацию профессионально-этических, деонтологических норм и ценностей, не допускающих коррупционные деяния. Соблюдение установленных антикоррупционных стандартов сотрудниками правоохранительных органов является залогом эффективности предупреждения коррупционных проявлений.

Список источников и литературы

1. Федеральный закон от 13 января 2008 г. № 273–ФЗ «О противодействии коррупции» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

2. Гринько С.Д. Проблемы противодействия коррупции в правоохранительных органах // Северо-кавказский юридический вестник. 2019. – № 4. – С. 148–152.

3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23

декабря 2010 г. (протокол № 21) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 32. – С. 107–121.

5. Юрий Чайка. Прививка от взятки // Интернет-портал «Российской газеты». [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/12/09/genprokuratura-za-9-mesiacev-vyjavleno-26-tys-korrupcionnyh-prestuplenij.html>.

УДК 343.13

С.А. Кузора, доцент кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются исторические аспекты развития следователя, как участника отечественного уголовного судопроизводства с учетом его процессуальной самостоятельности на основе анализа уголовно-процессуального законодательства разных лет.

Ключевые слова: следователь, уголовно-процессуальный кодекс, процессуальная самостоятельность, прокурор, судебный следователь.

S.A. Kuzora, associate Professor, Department of criminal procedure of Vladivostok branch of the far Eastern juridical Institute of MIA of Russia, PhD in law

DEVELOPMENT OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE INVESTIGATOR IN THE CRIMINAL PROCESS

The article analyzes the historical aspects of the development of the investigator as a participant in the domestic criminal proceedings, taking into account his procedural independence on the basis of the analysis of the criminal procedure legislation of different years.

Key words: investigator, criminal procedure code, procedural independence

История возникновения профессии следователя неразрывно связана с возникновением самого понятия преступления. В священных книгах древности, таких как: Библия, Коран, памятниках права Древнего Рима, Греции, и других государств встречаются упоминания о расследовании преступлений, опознании преступников, допросе свидетелей. А Новый завет, по сути своей, является одним из первых полных описаний уголовного процесса от совершения преступления до исполнения приговора. Однако профессия следователя именно как вид деятельности зародилась гораздо позже.

В России первое упоминание о следователях, как о лицах, уполномоченных проводить расследование относится к времени правления Петра I, который 25 июля (5 августа) 1713 года издал указ о создании следственной канцелярии гвардии майора Семеновского полка Михаила Волконского. Своим указом Петр I, по сути создал первое следственное подразделение, уполномоченное проводить предварительное следствие, которое было упразднено в 1723 году после его смерти. С этого момента, вплоть до 1860 года расследованием преступлений в России занимались городская и земская полиция, отделений земского суда и еще некоторые органы государственного управления, для которых это была несвойственная функция.

Указом Императора Александра II 8 июня 1860 года, к которому прилагались три акта: «Учреждение судебных следователей», «Наказе судебным следователям» и «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» был создан институт судебных следователей, полиции при этом осталось только производство дознания и неотложных следственных.

Начатая Александром II реформа по созданию органов предварительного следствия, создала предпосылки для реформы отечественного уголовного судопроизводства 1864 года, в ходе которой был принят и небезызвестный «Устав уголовного судопроизводства». Устав определил следователя, как процессуально независимое лицо, на которое ст.249 УУС возлагалось «предварительное следствие о преступлениях... производится судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров...».

И.Я. Фойницкий писал: «Нормальным органом производства предварительного следствия является судебный следователь. По служебному положению он приравнивается к членам окружного суда, имеет определенный круг ведомства и власти, как по пространству, так и по роду дел» [4, с. 389]. Такое положение дел, касающееся полномочий следователя по расследованию преступлений оставалось неизменным вплоть до 1917 года, когда Декретом СНК РСФСР «О суде» был упразднен институт судебных следователей, а полномочия по расследованию преступлений были возложены на специальные комиссии при городских (районных) советах и местных судей.

В октябре 1920 года Положением о народном суде РСФСР, утвержденным декретом ВЦИК от 21 октября 1920 года следственные комиссии были ликвидированы и на их базе был создан институт народных следователей.

Дальнейшее реформирование следственных органов связано принятием в 1922 году Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которым расследование преступлений было возложено на народных следователей при следственных участках, старших следователей при губернских судах. В принятом УПК были регламентированы полномочия следователя, в том числе предоставившие право не проводить расследование уголовного дела целиком или в части, если материалы дознания были достаточно полными.

Следователь являлся независимым и процессуально самостоятельным лицом, однако с принятием 28 мая 1922 года положения о Прокурорском надзоре и возложения на прокурора полномочий по надзору за предварительным следствием процессуальная самостоятельность следователя снизилась. Прокурор получил право надзирать за деятельностью следователя в ходе раскрытия и расследования преступлений, давать указания следователю по вопросам проведения следственных действий, избрания мер пресечения и направлением дела в суд. УПК РСФСР 1923 года только усилил полномочия прокурора по надзору за деятельностью следователя, предоставив ему право по изъятию уголовных дел от одного следователя, право на рассмотрение жалоб на действия следователя, еще больше понизив процессуальную самостоятельность следователя.

Дальнейшее развитие процессуальной самостоятельности следователя в уголовном процессе развивалось только в сторону снижения, что было связано с передачей в 1928–1929 году следственного аппарата в подчинение прокуратуры, входившей в Наркомат юстиции.

Дальнейшее реформирование отечественного уголовного судопроизводства, начатое в 1958 году с принятия Основ уголовного судопроизводства СССР, и продолжившееся принятием в 1960 году нового УПК РСФСР привело к частичному восстановлению процессуальной самостоятельности следователей, о чем свидетельствуют положения ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР 1960г., закреплявшей право следователя, в случае несогласия с указаниями прокурора «о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела... представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае прокурор или отменяет указания нижестоящего прокурора, или поручает производство следствия по этому делу другому следователю [1]. Однако говорить о восстановлении процессуальной самостоятельности следователя можно стало только с принятием в 2001 году

ныне действующего УПК и внесением в него ряда поправок, вернувшему следователю право возбуждать уголовное дело и самостоятельно направлять ход расследования, избавив его на весь период производства по уголовному делу от вмешательства со стороны прокурора [2].

По сути весь период развития следователя, как процессуальной фигуры, уполномоченной расследовать уголовные дела, касается его процессуальной самостоятельности. М.С. Строгович указывал в свое время, что «следователь – самостоятельная процессуальная фигура, самостоятельный субъект уголовно-процессуальной деятельности, наделенный широкими полномочиями для успешного ведения для изобличения совершивших преступление лиц и несущий обязанности вести следствие на основе законности, с соблюдением прав и законных интересов участвующих в деле лиц» [3, с. 228].

Список источников и литературы

1. Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 59–61.
2. Котляров С.Б. Соотношение понятий «правосудие» и «судопроизводство» // Право и образование. – 2018. – № 2. – С. 44–49.
3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – 469 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб. : Альфа, 1996. – 607 с.

УДК 343.163

***В.В. Кулажников**, начальник кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается трансформация прав и обязанностей прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в связи с изменениями, внесёнными в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Указывается на неоднородность и различие в объеме полномочий в надзорной деятельности, осуществляемой за дознанием и предваритель-

ным следствием. Определяется, что причиной значительного объема нарушений, выявляемых в процессуальной деятельности следователей, является лишение прокурора права на отмену незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем.

Ключевые слова: прокурор; прокурорский надзор; досудебная стадия; следователь; органы предварительного следствия; подследственность.

V. V. Kulazhnikov, head of the Department of state-legal and civil-legal disciplines of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok branch), kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the transformation of the rights and duties of the Prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings, in connection with the changes made to the Criminal procedure code of the Russian Federation. It is pointed out that there is heterogeneity and difference in the scope of powers in the Supervisory activities carried out for the inquiry and preliminary investigation. It is determined that the reason for a significant amount of violations detected in the procedural activity of investigators is the deprivation of the Prosecutor's right to cancel the illegal decision to refuse to initiate a criminal case made by the investigator.

Keywords: Prosecutor; prosecutorial supervision; pre-trial stage; investigator; preliminary investigation bodies; investigative jurisdiction.

До изменений в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), внесенных Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (далее – ФЗ–87) [1] прокурор являлся должностным лицом, уполномоченным на производство по уголовному делу. Положениями указанного закона произошло перемещение прав и обязанностей прокурора из ст. 37 УПК РФ в полномочия руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ). В ходе изменений прокурор был наделен и новыми полномочиями. Не останавливаясь подробно на изменениях десятилетней давности, приведем и обобщим те проблемы, которые выявлены учеными и практиками за период действия внесенных законодательных новелл.

Заметим, что уже на досудебных стадиях отмечается определенное изменение в полномочиях прокурора, своего рода, трансформация в объеме и обязанностях от одной стадии к другой. Это вызвано особенностями завершающих

предварительное расследование этапов и тем аспектом, что вопросы окончания досудебного производства всегда затрагивают права и законные интересы таких центральных участников уголовного судопроизводства (далее – УСП) как обвиняемый и потерпевший [3, с. 4], а прокурорский надзор является гарантией этих прав. Однако анализ УПК РФ после изменений от 2007 г. указывает на неоднородность и различие в объеме полномочий в надзорной деятельности, осуществляемой за дознанием и предварительным следствием. Так как полномочия обеспечивают качество реализации соответствующей функции, создавшийся «перекос» уже дает основание для сомнений в эффективности надзора за предварительным следствием, в отношении которого объем прав и обязанностей значительно меньше, соответственно, действенность надзора как гарантии прав и законных интересов изначально объективно ниже. Кроме того, разница в полномочиях за дознанием, следствием влечет отсутствие общности уголовно-процессуальной формы, единого правоприменения и целостности прокурорского надзора как юридического явления [3, с. 5].

К одной из проблем, которая сегодня единодушно выделяется на страницах научной литературы, относится вопрос о лишении права прокурора на самостоятельное возбуждение уголовного дела при выявлении признаков преступления. По мнению Н.С. Мановой, запрет на осуществление данного действия можно расценивать как переход от реального к формальному присутствию прокурора в досудебном производстве [4, с. 183].

Отметим, и в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы содержится положение о том, что во всех национальных системах УСП прокуроры «решают вопрос, возбуждать или продолжить ли дело» (ст. 2), а также, что «прокуроры должны в любом случае иметь возможность беспрепятственно возбуждать дела против государственных должностных лиц, в особенности за дачу или получение взяток, незаконное использование полномочий, грубое нарушение прав человека и за другие правонарушения, признанные международным правом» (ст. 16) [5].

Этот аспект нами затронут, прежде всего, в связи с тем, что прокурор при поступлении к нему отказных материалов из органа предварительного следствия не только не может возбуждать уголовное дело при выявлении признаков преступления, но и принять действенные меры, которые могут способствовать восстановлению прав заявителя. Часть 6 ст. 148 УПК РФ дает предписание о достаточно простом и доступном механизме отмены и возврата постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного дознавателем. Однако при поступлении таких материалов из органа предварительного следствия законодатель начинает употреблять оценочные термины «мотивированное постановление», «конкретные обстоятельства», устанавливать сроки для действий

прокурора (5 суток, незамедлительно) и дает пространство руководителю следственного органа для принятия самостоятельного решения об отмене и возбуждении уголовного дела, либо возврате отказных материалов на дополнительную проверку с указанием срока. Таким образом, уже в самой начальной стадии УСП можно заметить недостаточность полномочий у надзирающего прокурора в отношении органов предварительного следствия при выявлении нарушений прав и законных интересов лиц, ослабление эффективности его надзорной функции, и, как результат, значительный объем допускаемых нарушений именно органами предварительного следствия.

Так, общее число допущенных следователями нарушений в 2018 г. в целом по России составило 1 млн. 300 тыс. (+5,6% с 2017 г.). За последние 10 лет, несмотря на снижение преступности и нагрузки, данный показатель увеличился в 2,5 раз (с 535 тыс. до 1 млн. 300 тыс.) [2]. Отметим совпадающий временной отрезок, который позволяет нам соотнести период законодательных изменений с периодом наметившейся тенденции роста указанных нарушений – 10 лет. Аргументировать повышение объема выявляемых нарушений только отделением следствия из прокуратуры и объективностью надзорной деятельности не вполне верно, так как следственные органы имеются и в иных правоохранительных ведомствах.

Полагаем, что одной из причин значительного объема нарушений, выявляемых в процессуальной деятельности именно следователей, является лишение прокурора права на отмену незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного следователем, с одновременным вынесением постановления об его возбуждении. Тогда как прокурор наделен полномочиями по возбуждению административного производства. Возврат утраченного процессуального права с поручением расследования уголовного дела органам предварительного следствия (дознания) с учетом правил подследственности позволит оптимизировать правовой статус прокурора в механизме реализации надзорной функции и обеспечит неотвратимость уголовного преследования и последовательное продвижение обвинения на условиях его законности и обоснованности. Более того, это приведет к определенному балансу осуществления надзора как за следствием, которое сегодня более «свободно» от прокурорского надзора, так и за дознанием, которое, напротив, «перегружено» вниманием прокурора. Напомним, что в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе требовать устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия, как от органов дознания, так и следственных органов, т.е. без каких либо изъятий из правового статуса прокурора в отношении следователя или его руководителя.

Список источников и литературы

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.
2. Доклад Генерального прокурора РФ Ю. Чайки от 19.03.2019 об итогах работы органов прокуратуры за 2018 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2019 год [Электронный ресурс] URL: genproc.gov.ru (дата обращения 21.03.2019).
3. Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2017. – 25 с.
4. Манова Н.С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное и частное право. – 2009. – № 11. – С.180–186.
5. Рекомендация N R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (Принята 06.10.2000 на 724-ом заседании представителей министров) // Совет Европы и Россия. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 2004. – 925 с.

УДК 94 (4)

В.В. Некрытый, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР УВД ПРИМОРСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается структура и основные направления деятельности Информационного центра УВД Приморского края на рубеже XX–XXI вв. Акцентируется внимание на одной из главных задач Информационного центра – борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Делается вывод о необходимости развития и совершенствования Информационного центра в современный период как важнейшего специализированного подразделения УМВД России по Приморскому краю, располагающего уникальными многопрофильными централизованными массивами информации.

Ключевые слова: Информационный центр, органы внутренних дел, борьба с преступностью, структура, основные направления деятельности, УВД, Приморский край, Россия.

V. V. Nekryty, head of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

INFORMATION CENTER OF THE PRIMORYE TERRITORY DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS ON THE TERRITORY OF THE XX–XXI CENTURIES: STRUCTURE AND MAIN ACTIVITIES

The article deals with the structure and main activities Of the information center of the Primorye territory at the turn of the XX–XXI centuries. Attention is focused on one of the main tasks of the Information center – the fight against crime and the protection of public order. The conclusion is made about the need to develop and improve the Information center in the modern period as the most important specialized division of the Ministry of internal Affairs of Russia in the Primorye territory, which has unique multi-disciplinary centralized arrays of information.

Keyword: Information center, internal Affairs agencies, fighting crime, structure, main activities, ATC, Primorsky Krai, Russia.

Задача информационного обеспечения управленческой деятельности органов внутренних дел (полиции) является одной из первоочередных, и от ее успешного решения во многом зависит решение возложенных на органы внутренних дел задач по обеспечению охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

Региональная историография проблемы представлена работами В.Е. Иванова, А.М. Виноградова, А.В. Коровникова, Н.А. Шабельниковой и других ученых [2; 3; 4; 6], в которых рассматриваются различные аспекты деятельности органов внутренних дел и роль информационного обеспечения в противодействии преступности.

Одна из главных задач органов внутренних дел – борьба с преступностью и охрана общественного порядка. В ее реализации принимают участие аппараты уголовного розыска, следствия, подразделения патрульно-постовой службы и др. Вместе с ними свой вклад в общее дело на рубеже XX–XXI вв. внес Информационный центр (ИЦ) УВД Приморского края.

ИЦ УВД ПК – самый крупный хранитель информации в системе УВД Приморского края. Его возникновение и развитие как центра, обеспечивающего

информацией органы внутренних дел. другие правоохранительные органы на территории Приморского края объективно обусловлены жесткими условиями борьбы с преступностью.

Созданные в конце 1960-х гг. на базе Первых спецотделов, они не только сохранили и умножили банки данных о лицах, привлеченных к уголовной ответственности, но и широко развили сферу информационных услуг, предоставляемых оперативным, штабным и иным службам органов внутренних дел. На рубеже XX–XXI вв. в ИЦ УВД ПК ежедневно обращались сотни пользователей и корреспондентов. Например, только за 2002 г. поток запросов превысил 900 тыс.

Информационный центр – головная организация в области обеспечения подразделений, непосредственно подчиненных УВД ПК: оперативно-справочной, оперативно-розыскной, криминалистической, статистической, архивной и научно-технической информации [5, с. 512–213].

Основные направления деятельности Информационного центра [1]:

1) использование передовых информационных технологий, внедрение средств вычислительной и организационной техники. Реализация политики министерства в области компьютеризации органов внутренних дел;

2) сбор и распространение информации об отечественном и зарубежном опыте работы правоохранительных органов;

3) организация работы по реабилитации лиц, подвергшихся репрессиям в административном порядке, в соответствии с законом о реабилитации жертв политических репрессий;

4) борьба с преступностью и охрана общественного порядка.

Ухудшение оперативной обстановки, рост преступности на рубеже XX–XXI вв. и, как следствие, неуклонное повышение интенсивности информационного обмена обязывали Информационный центр принимать меры к тому, чтобы имеющаяся в их распоряжении целевая информация как можно быстрее доходила до заинтересованных в ней сотрудников. В этих целях совершенствовались традиционные и внедрялись новые технологии работы.

Особую роль при раскрытии и расследовании преступлений играли учеты, ведущиеся в Информационном центре. В изучаемый период, в целом по Приморскому краю, с помощью информации, накопленной в учетах, раскрывалось более 25% совершенных преступлений, или почти каждое четвертое от общего числа совершенных [1].

С помощью учетов можно было получить информацию, которая помогала в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, розыске преступников, установлении личности неизвестных граждан и принадлежности изъятого имущества. Накапливаемая в этих учетах оперативно-справочная, розыскная и криминалистическая информация именовалась криминальной.

Учеты классифицировались по функциональному и объектовому признакам. Функционально учеты разделялись на три группы: оперативно-справочные, розыскные и криминалистические. По объектовому признаку – учеты лиц, преступлений (правонарушений) и предметов [1].

В Информационном центре установлен порядок обращения по запросам, которые оформляются в произвольной форме в виде: телеграмм и шифротелеграмм; телефонограмм; запросов по ведомственной сет передачи данных МВД РФ «Дионис»; инициативных запросов и ориентировок, содержащих уточняющие или обобщающие материалы о лицах, выявленные в результате входного контроля и анализа учетных документов; мотивированных писем-запросов.

Все запросы классифицировались как простые и сложные. Простые запросы требовали оперативного исполнения и краткой формы ответа на наличие или отсутствие объекта или субъекта в базе данных, выдачу данных об их категории учета, основных справочных данных, имевшихся в АБД. Сложные запросы – это поиск и выдача для проверки информации по любой совокупности поисковых характеристик (по кличкам, именам, приметам, местам проживания или работы, по характерным способам совершения преступления), когда ответ мог быть не однозначным, а множественным.

Сложный запрос исполнялся, как правило, дольше, чем простой, т.к. требовал поиска по всем имевшимся базам и их связям. В соответствии с приказом, запросы о поиске информации и криминалистическом учете ИЦ исполнялись в срок не более 2-х дней, поступившие почтой – не более 3 дней. Срочные запросы исполнялись в течение двух часов. Для сравнения, в ГИЦ (Главный информационный центр, г. Москва) запросы исполнялись в течение 3 рабочих дней, поступившие почтой – пяти рабочих дней, без учета времени на пересылку информации. Срочные запросы исполнялись в течение не более 4 часов [1].

На основании проведенной в ИЦ в течение 1995–1996 гг. работы, в УВД ПК с 1 января 1997 года вступил в действие Интегрированный Банк Данных (ИБД) оперативно-розыскного и профилактического значения. Он явился основой единой информационно-вычислительной сети ОВД ПК. В него вошли следующие объекты учета: преступления, лица, похищенные номерные и неномерные вещи, похищенный автотранспорт, похищенное оружие, владельцы оружия и автотранспорта, административные правонарушения лиц и т.д. [1].

Данная система ИБД позволила организовать прямой доступ на центральную машину в Информационный центр УВД ПК с рабочих мест в городские и районные отделы для работы, как по запросам, так и по вводу и корректуре данных. В начале 2000-х гг. была введена практика ввода похищенных и утраченных паспортов с рабочих мест удаленного пользователя. Осуществлялась

работа по переводу на автоматизированный ввод разрешений на владельцев оружия непосредственно с ОВД.

С 2005 года в Информационный центр УВД было поставлено оборудование по программе МВД «Создание ЕИТКС ОВД». Это оснащение было введено в эксплуатацию и по сей день успешно функционирует.

В 2007 году в Информационном центре организован банк данных лиц, находящихся на профилактических учетах в краевом УВД. В соответствии с этим, сотрудниками данного подразделения была разработана справка «Квадрат». Благодаря этому нововведению предоставляется возможность получать сведения обо всех лицах, привлечших внимание с оперативной точки зрения.

Внедрена система «Сигнального учета лиц, находящихся в розыске», позволяющее существенно сократить сроки постановки на учет информации о лицах объявленных в розыск. В изучаемый период апробацию прошла система «Автоматизированного учета оперативного розыска сотовых телефонов», которая позволила существенно сократить время постановки на учет данных объектов.

Все достижения Информационного центра обеспечивались благодаря усилиям всего личного состава, всех сотрудников подразделения. В достижении информационного обеспечения органов внутренних дел Приморского края есть вклад каждого, кто в разное время трудился и работает в информационных подразделениях. Это руководители информационной службы УВД Приморского края, принимавшие важное решение о путях ее развития: Н.Г. Кирпичев (1963–1969), Г.Е. Строгин (1970–1971), И.Д. Герасимов (1971–1979), В.М. Сиухин (1979–1983), В.Н. Антонов (1983–1985), Н.И. Аржанов (1985–1998), В.Ю. Сокунов (1998–2003), Н.М. Харченко (2003–2009) [1].

Претерпевая организационные и структурные изменения, информационная служба всегда достойно выполняла возлагаемые на нее задачи, повседневное решение которых осуществляли их скромные труженики, отдавшие этой работе многие годы. Среди них ветераны, ушедшие в отставку: Юрий Васильевич Суворов, Мария Сидоровна Золотарева, Надежда Ивановна Назарова, Евгений Александрович Лобода, Нина Николаевна Гурина, Любовь Тихоновна Пшенная, Петр Степанович Белошкурский, Галина Петровна Устинова, Наталья Николаевна Мирзоянц, Алла Петровна Овсянникова, Илья Сергеевич Стапанов, Светлана Макаровна Юрковец, Виктория Иннокентьевна Альтерман, Ольга Михайловна Чадий, Алла Антоновна Ференцева, Лидия Прокопьевна Никитина, Федор Николаевич Кривонос, Александр Васильевич Капитан [1].

В начале 2000-х гг. структурные подразделения ИЦ УВД ПК возглавляли: отдел оперативно-розыскной информации – Инна Васильевна Мордвинцева; отдел пофамильного учета – Елена Анатольевна Болсуновская; отдел дактилоскопических учетов – Наталья Алексеевна Аладникова; отдел статистики – Се-

рей Владимирович Бартковский; отдел по контролю за полнотой и достоверностью статистической информации – Светлана Викторовна Наумова: отделение планирования, развития и совершенствования статинформации – Оксана Арнольдовна Петричева; отдел реабилитации жертв политических репрессий и спецфондов – Татьяна Анатольевна Жиганкова [1].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. Информационный центр УВД Приморского края активно участвовал в информационном обеспечении органов внутренних дел, совершенствуясь профессионально и структурно, вносил достойный вклад в общее дело борьбы с преступностью. Необходимо дальнейшее развитие и совершенствование Информационного центра в современный период как важнейшего специализированного подразделения УМВД России по Приморскому краю, располагающего уникальными многопрофильными централизованными массивами информации.

Список источников и литературы

1. Архив УМВД России по Приморскому краю. Отчеты ИЦ УВД Приморского края (1995–2009).

2. Виноградов А.М. К вопросу о структурной реорганизации специализированной службы органов внутренних дел по борьбе с экономической преступностью в 90-е годы XX века // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4–5 апреля 2019 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Ч. 1. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. – С. 69–71.

3. Иванов В.Е. Органы милиции Приморского края в 1985–1991 гг.: историографический обзор // Клио. – 2020. – № 6 (162). – С. 90–96.

4. Коровников И.П. Отечественный опыт противодействия организованным преступным группировкам // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение : мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16–17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 371–375.

5. Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка. Кн. 1. История и современность полиции и милиции Приморского края. – Владивосток : Изд-во Русский остров, 2018. – 584 с.

6. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.

К.О. Никонов, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Дальневосточного юридического института МВД России

СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА ЖАНДАРМСКИХ ЧИНОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

В статье говорится о том, что служба в Отдельном корпусе жандармов имела большой статус и поступающие на службу должны были обладать высокими моральными и деловыми качествами. Вместе с тем, среди жандармских чинов имелись случаи нарушения служебной дисциплины. Нарушения эти были как небольшого характера, которые выражались в нарушении формы одежды и покидании казенных квартир без разрешения, за которые следовало наказание в виде нарядов вне очереди и аресты на несколько суток. Так и преступления, за совершение которых жандармские чины переводились в армию. Делается вывод, что проступки совершались из-за личной недисциплинированности конкретных лиц. В большинстве же своем, жандармские чины соответствовали предъявляемым высоким требованиям.

Ключевые слова: Отдельный корпус жандармов, жандармские чины, унтер-офицер, служебная дисциплина, честь, проступок, преступление, ответственность, наказание, арест.

K.O. Nikonov, senior researcher, research department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

OFFICIAL DISCIPLINE OF THE GENDARME OFFICERS IN THE FAR EAST OF RUSSIA (BY THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE OF THE FAR EAST)

The article says that the service in the Separate Gendarmes Corps had a great status and those entering the service should have high moral and business qualities. At the same time, among the gendarme ranks there were cases of violation of official discipline. These violations were of a minor nature, which were expressed in violation of the uniform and leaving the state-owned apartments

without permission, followed by the punishment in the form of out-of-turn orders and arrests for several days. So are the crimes for the commission of which the gendarme ranks were transferred to the army. It is concluded that misconduct was committed due to personal indiscipline of specific individuals. For the most part, the gendarme ranks met the high standards.

Keywords: A separate corps of gendarmes, gendarmes, non-commissioned officer, official discipline, honor, misconduct, crime, responsibility, punishment, arrest.

С бурным строительством железных дорог в Российской империи в конце XIX века, и в связи с тем, что данные железные дороги имели большое стратегическое и экономическое значение, для их охраны создавались специализированные подразделения – жандармские полицейские управления железных дорог. Данные подразделения входили в структуру Отдельного корпуса жандармов, наряду с губернскими, городскими, областными и уездными жандармскими управлениями.

На Дальнем Востоке России, однако, были созданы только жандармские полицейские управления железных дорог. А именно – жандармское полицейское управление Уссурийской железной дороги, и жандармское полицейское управление Амурской железной дороги [2; 3; 9; 10].

Следует обратить внимание на тот факт, что в структуре Отдельного корпуса жандармов Российской империи, жандармские полицейские управления железных дорог были самыми многочисленными подразделениями, это обосновывалось тем, что численность определялась по схеме – один унтер-офицер на каждые 9 верст пути, а для территории Дальнего Востока характерны длинные расстояния между населенными пунктами. Таким образом, численность жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги со всеми отделениями составляла 10 офицеров и 79 унтер-офицеров [8, с. 167-168], но данное жандармское полицейское управление имело статус «Особое» и ему также подчинялись Владивостокская и Николаевская крепостные жандармские команды, 24 и 20 человек соответственно [8, с. 167], а так же Сахалинская и Камчатская пешие жандармские команды [4, с. 14], в количестве 367 и 122 строевых чинов (вахмистр, унтер-офицеры, рядовые) соответственно [8, с. 191–192]. Жандармское полицейское управление Амурской железной дороги со всеми отделениями состояло из 10 офицеров и 45 унтер-офицеров [8, с. 79–80], но также ему подчинялась и полицейская стража, в количестве 369 человек (это пристава, конные урядники, пешие урядники, конные стражники и пешие стражники на западном, среднем и восточном участке Амурской железной дороги) [5, с. 389].

Отдельный корпус жандармов представлял из себя военизированное подразделение, предназначенное для охраны существующего Государственного строя от внутренних врагов [1, л. 1] и имел высокий статус. Следовательно, к поступающим на службу в Отдельный корпус жандармов предъявлялись высокие требования, чтобы соответствовать ответственной службе и престижному статусу жандармского служащего.

Жандармский унтер-офицер должен был обладать следующими качествами: свято хранить присягу, быть честным, доклады и донесения должен делать только правдивые, строго проверенные; не должен поддаваться влиянию родных и друзей, которые сводя с кем-либо счеты или питая злобу, могут оклеветать честного невинного человека.

Унтер-офицер должен быть всегда трезвым, нравственным, бескорыстным, со старшими почтителен, но не низкопоклонен.

При взаимодействии с жителями унтер-офицер должен быть вежливым, незаносчивым, держать себя с достоинством, при обращении жителей за советом входить в нужды и оказывать им законное содействие, стараться своею честностью, вежливостью, отличным поведением и умением держать себя с людьми, заслужить доверие у населения [1, л. 3].

Но, как и в любой жизненной сфере и на любой службе, имеет место человеческий фактор, а значит и среди жандармских чинов на Дальнем Востоке России встречались различного рода проступки.

Так, в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока хранятся источники, позволяющие нам взглянуть на то, как обстояло дело со служебной дисциплиной жандармских чинов того времени.

Следует отметить, что за служебной дисциплиной руководители жандармских отделений следили должным образом и к каждому проступку подчиненных относились с необходимой ответственностью, проверяли каждый факт нарушения дисциплины и, в зависимости от результата, налагали взыскания.

Имели место как менее, так и более серьезные нарушения служебной дисциплины.

Например, в 1915 г. Унтер-офицер Данильчатенко небрежно составил протокол о пожаре, а также вышел на станцию для встречи служебного поезда одетый не по форме. За каждое из перечисленных нарушений он получил от начальника Владивостокского отделения жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги по одному наряду вне очереди [6, л. 42].

10 августа 1915 г. во время осмотра начальником Владивостокской крепостной жандармской команды ротмистром Лебедевым казенных квартир и проверки нахождения в них унтер-офицеров, было обнаружено отсутствие Андрея Лавриненко, Сергея Бондаренко, Кирилла Ярошенко, Андрея Скрипченко,

Кондратия Прокопец, Семена Санникова и писаря Семена Сургучева, которые без разрешения вахмистра ушли в город. За самовольную отлучку на каждого из них было наложено взыскание – по 8 нарядов вне очереди на службу и уведомлены, что при повторном отлучении без разрешения, виновные будут подвергнуты аресту [6, л. 178 об].

Имелись служащие, которые систематически нарушали служебную дисциплину. Из журнала взысканий на унтер-офицера Владивостокской крепостной жандармской команды Карпа Бака от 24 ноября 1915 г. известно [6, л. 174]:

19.09.1914 г. – за самовольный уход с занятий без разрешения начальника, начальником команды ротмистром Хуциевым подвергнут простому аресту на 15 суток;

4.10.1914 г. – за грубые и неуместные возражения вахмистру начальником команды ротмистром Хуциевым подвергнут простому аресту на 15 суток;

26.03.1915 г. – за неявку на дежурство и отлучку в город без разрешения вахмистра команды временно исполняющим деятельность начальника команды ротмистром Лебедевым подвергнут простому аресту на 10 суток;

12.10.1915 г. – за неисполнение приказа по команде, выраженное в самовольной отлучке из команды в город, начальником команды ротмистром Лебедевым подвергнут простому аресту на 10 суток.

Приведенные нарушения Карпа Бака скорее говорят о личной недисциплинированности конкретного унтер-офицера.

Интересен случай, когда унтер-офицер Сергей Кузнецов повздорил со служащим при буфете станции Бикин Блашкуном и за пререкания ударил последнего пашкой по голове. За нанесение легкой раны не обнаженной пашкой С. Кузнецов был подвергнут аресту на 20 суток [6, л. 117].

Имелись случаи совершения более серьезных проступков. Так, унтер-офицер Владивостокской крепостной жандармской команды Григорий Дубовец унес с построек годный лесной материал и похитил новое железо со склада для обшивки коровника.

Г. Дубовец совершил преступление, предусмотренное ст. 362 уложения о наказаниях и ст. 142 устава о наказаниях, уволен в запас армии и передается в распоряжение Владивостокского воинского начальника [6, л. 21–22].

Унтер-офицер Владивостокской крепостной жандармской команды Андрей Скрипченко самовольно покинул команду, для закупа и последующей перепродажи контрабандного спирта. За данные действия А. Скрипченко был переведен на службу в 3-й Владивостокский крепостной артиллерийский полк [6, л. 186, 211].

В контексте рассматриваемой нами темы заслуживает внимание статья д.ист.н., профессора В.В. Синиченко, в которой достаточно подробно исследован вопрос межведомственного противостояния в полосе железных дорог на Дальнем

Востоке России и, как следствие, взаимные обвинения в нарушении служебной дисциплины чинов жандармерии, таможни и полиции. В.В. Синиченко приходит к выводу, что «внутренние расследования проступков чинов жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги проходило, во-первых, по инициативе руководителей дальневосточной таможни, которое конфликтовало с руководством оперативных служб МВД в регионе; во-вторых – общей полиции, которые выявляли нарушителей в своей среде и заодно их приятелей в составе жандармерии и, наконец, в-третьих, старших жандармских офицеров, выявивших факт нарушения служебной дисциплины (как правило, появление в состоянии алкогольного опьянения на служебном месте) подчиненных им сотрудников» [7, с. 274].

Действительно, злоупотребления спиртными напитками жандармскими чинами имели место.

Примечателен также случай обвинения унтер-офицера Неверского отделения жандармского полицейского управления Амурской железной дороги Сальникова во взяточничестве. Но произведенным дознанием это не подтвердилось и мещанин Колачев, обвинявший Сальникова, привлечён к ответственности за клевету. Желание откупиться от унтер-офицеров на Амурской железной дороге, видимо, было в большом ходу, так как имело место несколько случаев представления унтер-офицерами денег от 25 до 50 руб., полученных ими, как взятки, от разных лиц, привлеченных к ответственности [5, с. 383 об].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что в большинстве своем жандармские подразделения на Дальнем Востоке России состояли действительно, как того требовала инструкция жандармским чинам, из благородных, дисциплинированных, честных людей, верных службе. Нарушения служебной дисциплины в основном были связаны с личной безответственностью конкретных лиц и носили, как правило, не опасный характер.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4819.
2. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922) / Н.А. Беляева, Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов, К.О. Никонов. – Владивосток Изд-во Дальневост. ун-та, 2019. – 60 с.
3. Кеврина О.Б., Котляров С.Б. Правовое регулирование переселенческой политики России в начале XX века // Вестник Российского университета кооперации. – 2019. – № 4 (38). – С. 120–123.
4. Никонов К.О. Формирование жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги: историко-правовой аспект // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (45). – С. 10–14.

5. Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1914 г. – СПб., 1914.
6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 497. Оп. 1. Д. 44.
7. Синиченко В.В. К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности чинов жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги // Российская полиция: три века служения отечеству. Сборник статей Юбилейной международной научной конференции. В 2-х частях. Под редакцией В.Л. Кубышко. М. : Академия управления МВД России, 2019. – С. 267–274.
8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов исправлен по 1 июля 1915 г. 1 и 2 части. – СПб., 1915. – 807 с.
9. Шабельникова Н.А. Жандармско-полицейские управления на Дальнем Востоке России: перспективы формирования источниковой основы исследования // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы восемнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – № 20–2. – С. 181–183.
10. Шабельникова Н.А., Милежик А.В. К вопросу об изучении деятельности жандармско-полицейских управлений на Дальнем Востоке России // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2019 г.). –Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2019. – С. 136–140.

УДК 343.13

Ю.Г. Овчинников, профессор кафедры уголовного процесса Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ (НЕ)ЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ, А ТАКЖЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье затрагивается вопрос реализации процессуальной самостоятельности следователей ОВД, которая в современных реалиях фактически утратила свое существование. На основе социологического опроса и статистических данных, показан высокий некомплект кадров в следственных

подразделениях, что приводит к высокой нагрузке следователей по расследованию уголовных дел. Автор раскрывает процедуру возложение прокурором несвойственных следователем полномочий, по вручению обвиняемому копии обвинительного заключения, а также обеспечения его явки к прокурору с целью получения копии данного итогового решения.

Ключевые слова: процессуальная самостоятельность и независимость следователя; нагрузка следователя; проблемы кадрового обеспечения; вручение обвиняемому копии обвинительного заключения.

IMPLEMENTATION OF (NON -) DEPENDENCE OF INTERNAL AFFAIRS INVESTIGATORS IN MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE, AS WELL AS PROBLEMS OF THEIR STAFFING

Y.G. Ovchinnikov, professor, Department of criminal procedure of Vladivostok branch of the far Eastern juridical Institute of MIA of Russia, PhD in law, associate Professor

The article deals with the issue of implementing the procedural independence of police investigators, which in modern realities has actually lost its existence. Based on a sociological survey and statistical data, a high shortage of personnel in investigative units is shown, which leads to a high load of investigators to investigate criminal cases. The author reveals the procedure for the Prosecutor to assign powers that are not appropriate for the investigator, to serve the accused with a copy of the indictment, as well as to ensure his appearance before the Prosecutor in order to obtain a copy of this final decision.

Keywords: procedural independence and independence of the investigator; load of the investigator; problems of personnel support; delivery of a copy of the indictment to the accused.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, а также следственная правоприменительная практика, позволяет констатировать, что следователь органов внутренних дел превратился в клерка, ждущего возле двери, с целью получить одобрение прокурора и судьи на проведение большинства процессуальных решений. Такая процедура, безусловно приводит к неоправданным затратам времени, бюрократической волоките и снижению эффективности судопроизводства [1, с. 187]. Современный следователь стал «мелким чиновником, уполномоченный своим руководством заполнять процессуальные бланки доказательственной информации, полученной преимущественно органами, осуществляющими ОРД» [7, с. 8], наделенный «лишь *отдельными пол-*

номочиями (курсив мой – Ю.Г.) по самостоятельному производству *некоторых* следственных и иных процессуальных действий» [4, с. 176].

Значительное количество процессуальных решений следователя при возбуждении и расследовании им уголовного дела в настоящее время осуществляется в «консилиумом» порядке, под тройной защитой, со стороны руководителя следственного органа, прокурора и суда. В данной многосубъектной системе процессуального контроля и надзора руководитель следственного органа, осуществляет процессуальный контроль, на прокурора возложен прокурорский надзор, а на судью судебный контроль. Действительно, при такой процедуре, независимость утрачивает свое существование. Мы полностью убеждены, что самостоятельность следователя в полной мере реализуется лишь тогда, когда он принимает процессуальные решения по делу без возможного влияния иных должностных лиц, и только тогда его можно считать лицом процессуально независимым.

Современное законодательство, предъявляет высокие квалификационные требования к следователям ОВД. Уровень их образования, профессиональное мастерство за последние два десятилетия значительно повысился. Обязательно наличие высшего юридического образования [9], необходимо пройти специальный тест на профессиональную пригодность для лиц, претендующих на получение должности.

Однако, сегодня, органы внутренних дел в целом, а также органы предварительного расследования в частности, испытывают серьезные сложности с кадровой ситуацией на местах. Вследствие чего, значительно возросла нагрузка уголовных дел на следователей, которые вынуждены работать по двенадцать часов в сутки, а также в выходные и праздничные дни.

Исследователи, занимающиеся проблемами предварительного следствия, на основе анализа социологического опроса следователей ОВД, оперируя статистическими данными, констатируют, что доминирующая часть следователей задерживаются на работе каждый день (49,3%), 37,8% – несколько раз в неделю, 33,6% – работают каждые выходные, 53,8% – выходят в выходные каждые две недели. Следователь, работающий 8 часов в день и с полными выходными, редкость. Несмотря на напряженную, с точки зрения обывателя нагрузку, большинство (58,2%) оценивают свою деятельность как «нормальную», лишь 40,7% – как высокую. При этом, выявлен закономерный факт, – чем моложе следователи (до 35 лет), тем чаще они оценивают свою нагрузку как нормальную, более возрастная группа (старше 35 лет), оценивают как высокую. Большинство интервьюированных отмечали, что у них практически нет свободного времени, не уделяется внимание семье, их «вторая семья» становится следственный отдел. Да и за пределами работы, круг их общения состоит из следователей и представителей полиции [14, с. 20, 96, 85–88, 148–149].

Каждое преступление расследуются в условиях максимального дефицита времени. В такой ситуации качественно организовать расследование, может только следователь, обладающий процессуальной самостоятельностью, наделенный властно-распорядительными полномочиями, профессионально подготовленный и обладающий высокими морально-этическими качествами. Но таковых следователей, к сожалению, – справедливо отмечает Е.П. Ищенко, – в следственном аппарате страны не большинство [5, с. 180].

Следователь превратился в «загнанную лошадь» с физическим и эмоциональным истощением, которую все время подгоняют, угрожая дисциплинарным взысканием или увольнением со службы. Данные причины, безусловно, повлекли к формальному и поверхностному расследованию уголовных дел, и как следствие, к росту числа нарушений уголовно-процессуального законодательства. У практических работников ОВД уже давно сложилось мнение, что органы государства просто «забыли» о них, или не хотят видеть столь печальной картины на местах [6, с. 123; 13, с. 113].

Районный следователь ОВД в месяц должен закончить и направить прокурору минимум два уголовных дела с обвинительным заключением (это с учетом отпусков и полной укомплектованности в следственном отделе, что является крайне редким явлением в последние годы, в иных случаях, нагрузка по делам соответственно возрастает пропорционально отсутствующим). Около пяти уголовных дел нужно приостановить, по которым также необходимо провести комплекс следственных и иных процессуальных действий, чтобы в материалах дела было видно, что следователь принял достаточно мер для установления подозреваемого (обвиняемого). По материалам предварительной проверки или по указанию руководителя следственного органа, принимает около трех-пяти решений о возбуждении уголовных дел. При этом не стоит забывать о дежурстве в составе следственно-оперативной группе (один-два раза в неделю).

Для сведений приведем несколько цифр из письма врио начальника Следственного департамента МВД России Н.К. Патапеня, в котором отмечается острая нехватка следователей. По состоянию на 1 мая 2019 г. количество вакантных должностей в органах предварительного следствия в системе МВД России увеличилось до 8,7%, уволено 1386 (АППГ – 981). Наибольший некомплект отмечен в УМВД России по Приморскому краю (20%), УМВД России по Амурской области (16%), УМВД России по Еврейской АО (16%), ГУ МВД России по Новосибирской области (15,9%), УМВД России по Сахалинской области (15,7%), ГУ МВД России по г. Москве (15,3%). Сложная кадровая обстановка сложилась среди подразделений на транспорте в УТ МВД России по Северо-Западному федеральному округу (11,1%) [10].

Поднимая вопросы реформирования органов уголовного преследования, Ю.П. Боруленков, – относительно кадровой политики в следственных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации, – справедливо пишет: «через год работы мы считаем следователя состоявшимся, через три – опытным, а через пять – он уже “устал”, со всеми вытекающими отсюда последствиями». Выход из сложившейся ситуации, автору видится в укреплении престижа следствия. Для этого необходимо, прежде всего, научно обоснованные расчеты нормативной нагрузки на следователя, а сегодня «основная задача – приостановить непрекращающийся отток наиболее опытных следователей» [2, с. 10].

Представитель того же ведомства Ю.А. Цветков, анализируя проблемы укрепления авторитета следователя, выделяет три фактора, от которого напрямую зависит престиж профессии: 1) авторитет государственной власти в целом; 2) авторитет ведомства, к которому он принадлежит; 3) положение в самом ведомстве. Раскрывая последний фактор, автор справедливо пишет:

во-первых, престиж профессии зачастую зависит от количества в ней людей с наибольшим стажем работы (думается, что речь идет о крупных городах с развитой социальной инфраструктурой, а не о деревнях и селах, откуда «сбегает» молодежь, поэтому от безысходности на местах остается группа людей с большим трудовым стажем – Ю.Г.). Большая часть следователей СК РФ (52,7%), которые составляют 42,99% от общего числа работающих сотрудников, имеют стаж работы до 5 лет, (данные на декабрь 2018 г.). Значительное количество остальных сотрудников этого ведомства (67,6%) со стажем больше 5 лет. Основной возраст следователей до 30 лет (49,9%), возраст сотрудников от 30 до 40 лет (48,4%) [15, с. 23];

во-вторых, авторитет профессии определяется заработной платой, за свою деятельность. Поскольку, костяк следователей составляет молодежь, следовательно, их доход самый низкий (зарплата «районного» следователя составляет около 40 тыс. рублей). Такой суммы, особенно мужчинам, особенно в больших городах, не хватает, чтобы достойно содержать семью. Как следствие, люди с десятилетним опытом вынуждены уходить из профессии на другую должность или в иную юридическую, более доходную сферу (особенно если есть минимальная пенсия).

Аналогичная ситуация складывается и в органах внутренних дел. Например, зарплата молодого следователя того же уровня в Приморском крае, закончившего гражданский вуз, без пятилетнего стажа, составляет 38–40 тыс. руб., выпускника вуза МВД, соответственно с пятилетним стажем – 50 тыс. руб.

К.Д. Титаев и М.С. Шклярчук, приходят к выводу, что в современных реалиях, происходит постепенное вымывание следователей мужского пола, особенно в возрасте, а сама профессия становится доминантно-женской. Среди рядовых следователей женщины составляют 72,8%. Средний возраст мужчин

31 год, женщин 33 года. При этом 82% женщин старше 35 лет, 63,2% младше 30 лет (мужчин соответственно 18% и 36, 8%). Авторы справедливо пишут, что «феминизация профессии говорит об относительно низком статусе внутри общества и на рынке труда в целом» [14, с. 41–43].

Таким образом, чтобы удержать опытных следователей на местах и повысить их авторитет, отдельные исследователи, в том числе, справедливо предлагают значительно увеличить оклад по сравнению с другими сотрудниками ведомства (а также, укрепить иммунитет следователя от уголовного преследования, установить иммунитет от административной ответственности, усложнить процедуру его привлечения к дисциплинарной ответственности; ввести административную ответственность за неисполнение поручений и запросов следователя) [15, с. 24].

Ю.П. Боруленков, рассматривая профессиональные стандарты следователя и формирование кадрового ядра следственных органов, приходит к выводу, что данная профессия становится образом его жизни и относится к максимально напряженным видам деятельности [3, с. 35]. «Основной контекст работы следователя, – справедливо убеждают К.Д. Титаев и М.С. Шклярчук, – это постоянная и тотальная перегрузка, которая воспринимается как норма» [14, с. 90].

Рассматривая вопрос в данном направлении, нельзя не отметить, взаимоотношения, складывающиеся между следователем и прокурором. Ограничиваясь объемом настоящей статьи, остановимся на отдельных правовых отношениях данных участников, возникающих лишь на этапе окончания расследования уголовного дела.

Итак, согласно ч. 2 ст. 222 УПК РФ прокурор обязан вручить копию обвинительного заключения обвиняемому, а также защитнику и потерпевшему, если они ходатайствуют об этом. Данное право обвиняемого закреплено в п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, но обеспечение его законодателем возложено именно на прокурора.

Вместе с тем, личный анализ правоприменительной практики следственных подразделений ОВД по Приморскому краю, в период 2017-2020 гг., показывает, что процедура вручения копий обвинительных заключений обвиняемым в различных районах (городах) разнообразная. В большинстве случаев, после утверждения обвинительного заключения надзирающим прокурором, последний обязывает следователя в течение суток лично доставлять обвиняемого к нему, и тот под расписку вручают копию итогового документа. При этом, имеются факты, что следователи вместе с обвиняемым по несколько часов ожидают своей очереди на прием к прокурору или его заместителю.

Встречаются анекдотичные случаи, когда следователи сами вручают обвиняемому копию обвинительного заключения, затем фотографируют его на личный смартфон, при этом обвиняемый должен держать перед собой врученный итоговый документ (или с помощью программы WhatsApp пересылают фото-

графию надзирающему прокурору). В некоторых районах следователи, аналогичным способом вручая обвинительное заключение и фотографируя обвиняемого, берут от последнего расписку, о том, что документ был получен. Иногда, следователи ограничиваются только взятием расписки от обвиняемого о получении копии обвинительного заключения. Также они поступают, если обвиняемый находится в следственном изоляторе.

Начальник Следственного комитета при МВД России В.В. Мозяков еще в 2002 г., проводя мониторинг реализации УПК РФ, отмечал о возникающих в деятельности ОВД проблемах, связанных с применением отдельных положений закона. Практически повсеместно, подчеркивал руководитель, надзирающие прокуроры после направления ими уголовных дел с обвинительными заключениями на следственные подразделения возложили обязанность вручения обвиняемым копий обвинительных заключений, а также обеспечения их явки к прокурору с целью получения копий обвинительных заключений. В данной связи В.В. Мозяков в своем указании предлагал руководителям следственных подразделений не допускать совершения следователями подобных действий и расценивать данные факты как нарушение уголовно-процессуальных норм, содержащихся в гл. 31 УПК РФ [8, с. 130–132].

К сожалению, за последние восемнадцать лет, т.е. за период действия УПК РФ, ситуация в обозначенной процедуре на местах коренным образом не поменялась, и вряд ли поменяется. Следователь до сих пор остается, зависим от прокурора, особенно на этапе утверждения обвинительного заключения.

Таким образом, самостоятельность следователя в полной мере реализуется лишь тогда, когда он принимает процессуальные решения по делу без возможного влияния иных должностных лиц, и только тогда его можно считать лицом процессуально независимым. Следует признать, что в современных реалиях процессуальная самостоятельность следователя практически утратила свое существование, а её остатки из года в год «растворяются» в судебном контроле, прокурорском надзоре и ведомственном контроле [11, с. 54–60; 12, с. 374].

Сегодня следственные подразделения ОВД испытывают серьезные сложности с кадровой ситуацией на местах. Вследствие чего, на должностных лиц органов следствия значительно возросла нагрузка по расследованию уголовных дел. За небольшую заработную плату, они вынуждены работать по двенадцать часов в сутки, а также в выходные дни. Данные обстоятельства, приводят к физическому и моральному истощению сотрудников, и как следствие, к последующему увольнению.

Чтобы удержать опытных следователей на местах, повысить их престиж и авторитет, необходимо, во-первых, рассмотреть вопрос о значительном увеличении заработной платы, по сравнению с другими сотрудниками ведомства, чтобы восполнить некомплект кадров, а во-вторых, закрепить на законодатель-

ном уровне уголовно-процессуальные механизмы, в части повышения процессуальной самостоятельности и независимости следователя.

Список источников и литературы

1. Анашкин О.А. Сроки в уголовном процессе на досудебных стадиях : учеб. пособ. – М. : Приор-издат, 2006. – 144 с.

2. Боруленков Ю.П. О некоторых вопросах реформирования органов уголовного преследования // Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 6–11.

3. Боруленков Ю.П. Профессия «следователь». Статья 2. Компетентность : продолжение темы // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 1. – С. 32–36.

4. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М. : Проспект, 2008. – 208 с.

5. Ищенко Е.П. Об уголовно-процессуальном и криминалистическом обеспечении управления следственными органами // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: Сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф.: В 3-х ч. Ч. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2011. – С. 180–185.

6. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 1. – С. 116–127.

7. Колоколов Н.А. Российский следователь – просвещенный инквизитор с человеческим лицом // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 3-12.

8. О некоторых вопросах реализации положений УПК Российской Федерации : указание начальника Следственного комитета при МВД России от 21 августа 2002 г. №1/5054 // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – 2002. – № 3 (113).

9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ч. 3 ст. 9) // Российская газета. – 2011. – 7 декабря.

10. Об укомплектовании должностей : письмо врио начальника Следственного департамента МВД России от 24 мая 2019 г. №17/К-16806. Личный архив.

11. Овчинников Ю.Г. Процессуальная самостоятельность следователя как доминирующий фактор концепции развития досудебного производства // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (40). – С. 54–60.

12. Овчинников Ю.Г., Зинченко Е.О. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя // Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства: пробле-

мы теории и практики: матер. XIV Междунар. Конивских чтений. – Владивосток : ВГУЭС, 2015. – С. 376–382.

13. Прокофьева С.М., Роганов С.А. Пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1 (53). – С. 112–116.

14. Титаев К.Д., Шклярчук М.С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография. – М. : Норма, 2016. – 192 с.

15. Цветков Ю.А. Авторитет следователя, или Миф о потерянном прокурорском рае // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 2. – С. 17–24.

УДК 91/92

Т.А. Орнатская, доцент Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук

МИЛИЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НАЧАЛЕ 1920-х гг.: ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ К ПРАВОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

Статья освещает проблемы формирования требований к личному составу милиции Дальнего Востока. Обращено внимание на эволюцию подходов к профессиональным знаниям сотрудников правоохранительных органов, показаны специфические меры по повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников милиции без отрыва от основной деятельности.

Ключевые слова: Дальний Восток, буферная республика, сотрудники правоохранительных органов, революционное правосознание, правовое просвещение.

T. A. Ornatskaya, assistant professor of the Department of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, candidate of historical sciences

THE MILITIA OF THE FAR EAST IN THE EARLY 1920S: FROM REVOLUTIONARY CONSCIOUSNESS TO LEGAL EDUCATION

The article highlights the problems of forming requirements for police officers in the Far East. Attention is drawn to the evolution of approaches to the professional knowledge of law enforcement officials, specific measures are shown to increase the level of professional training of police officers in the workplace.

Keywords: Far East, buffer republic, law enforcement officials, revolutionary legal awareness, legal education.

В апреле 2020 года будет отмечаться вековой юбилей образования Дальневосточной республики. Ее краткое существование оставило заметный след в истории Дальнего Востока, а актуальность ее изучения подтверждается неугасаемым научным интересом [1; 2; 19; 22–24; 31–38]. Глобальное рассмотрение вопросов, связанных с существованием Дальневосточной республики, тем не менее, оставляет для последующих поколений исследователей еще не мало «неизученных страниц». Вне поля научного интереса остаются проблемы внутренней политики, история повседневности и формирование менталитета жителей дальневосточного буфера.

На Дальнем Востоке, где Гражданская война и военная интервенция носили более продолжительный характер, деятельность милиции обладала особенностями. Дальневосточная республика имела свою общереспубликанскую милицию, возглавляемую с 24 ноября 1920 г. Главным управлением милиции ДВР, постепенно была сформирована и нормативная правовая база ее деятельности основой которой были принципы, применяемые в Советской России. Согласно «Временному положению о народной милиции ДВР» права и обязанности милиционеров, и их задачи не были четко регламентированы, а требования, предъявляемые к кандидатам на службу, отсутствовали.

Формирование кадрового состава милиционеров не предусматривало прохождения проверки на связь с преступным элементом, изучение мотивации поступления на службу и т.п. Лишь с вступлением в силу в сентябре 1921 г. «Закона о милиции» был введен принцип грамотности для принимаемых сотрудников. Требования были весьма расплывчатыми. Милиционеры должны были вызывать у населения доверие, а поэтому кандидаты, поступающие на службу, должны были уметь читать и писать. Знания законодательства от претендентов на службу не требовалось. Но выполнение этих предписаний осложнялось огромным числом неграмотных жителей региона.

В соответствии с общим характером политики дальневосточной просоветской власти основой правоохранительной деятельности должно было быть революционное правосознание. Такие специфичные по современным меркам подходы к комплектованию органов милиции приводили к тому, что общая кадровая ситуация в милиции буфера была сложной.

Руководящий состав уездных и городских милиций помимо личных качеств, высокой грамотности, образовательного ценза и доверия общественности, должен был иметь рекомендацию областных, уездных или городских комитетов РКП (б) [16, л. 23–24; 25]. Это были очень высокие требования, но со-

трудников, соответствующих им было мало, квалификация большинства руководящего состава оставляла желать лучшего. Так, заведующему милицией Благовещенска Дмитриеву «за безграмотное, трудно понимаемое составление приказов и инструкций» был объявлен выговор [28, л. 90]. Законодательством республики была определена система мер по повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников милиции [29, с. 10–17] и в дополнение закона о милиции издавались циркуляры, регламентирующие деятельность ее руководства [13, л. 4], но с начальствующим составом никаких занятий не проводилось.

Низовой милицейский аппарат, не прошедший обучение в образовательных учреждениях правоохранительной системы, не имел представления о праве как регуляторе общественных отношений, а в условиях материальной необеспеченности и сам не редко становился преступным элементом. Необходимо отметить, что материальное довольствие милиции было слабым. Обмундированием дальневосточные сотрудники обеспечивались лишь на 70%, а зимний комплект и вовсе не выдавался [10, л. 5; 11, л. 3].

Властным органам буферной республики с мест поступала информация о превышении милиционерами должностных полномочий. Так, в документах обращено внимание, что «в районе Старочитинского тракта деятельность милиционеров зависела от зажиточных крестьян» [17, л. 56-68, 216], которые в глухих деревнях могли не накормить и не пустить переночевать командированных милиционеров. Констатировалось нищенское существование сотрудников милиции, которое вынуждало их злоупотреблять властью.

Анализируя итоги работы Прибайкальской милиции в 1921 г., ее командование, отмечало что «кадр больше занят изысканием средств на пропитание, чем исполнением своих непосредственных обязанностей» [27, л. 4–5]. Глава милиции Читы докладывал, что «милиционеры массово ходатайствуют о предоставлении отпусков от 10 до 30 суток для поездки за продуктами, паек они не получают. Занимаются попрошайничеством среди граждан или торговцев» [5, л. 85–86]. Руководитель просил «удовлетворить милиционеров всем необходимым», считал невозможным предъявлять к ним требования о несении службы, понимая, что имеющиеся кадры могли уйти в армию, где военнслужащие обеспечивались пайковым довольствием исправно.

В уездных милициях неоднократно фиксировались случаи перехода в военное ведомство «наиболее способных работников даже по вольному найму» [5, л. 86; 28, л. 47]. В Петрово-Заводской милиции за преступления, связанные с исполнением служебных обязанностей, только в июле 1922 г. было уволено 7 милиционеров. Милиционеры из Троицкосавска, Красного Яра (Прибайкалье), Хабаровска, Владивостока привлекались за взятки [12, л. 125; 18, л. 6]. В информационных сводках МВД ДВР за 1921–1922 гг. свидетельствовалось

бедственное положение милиционеров: невыплата жалования, недоверие населения и разгул бандитизма [17, л. 68].

Летом 1922 г. сотрудники Государственной политической охраны ДВР провели анализ работы прибайкальских милиционеров. В их отчетном докладе указано, что «качественный состав ниже всякой критики, милиционеры в большинстве малоразвиты, несознательны и в большей своей части из элемента случайного, нередко с уголовным прошлым» [12, л. 133]. В августе 1922 г. в Чите проходило собрание сотрудников милиции города, на котором обсуждались проблемы денежного довольствия. Собравшиеся были недовольны задержками финансовых выплат, которые составляли до 2-х месяцев [21]. Недостаток финансирования вынуждал руководство милиции буфера искать неординарные решения.

В октябре 1922 г. начальник милиции буфера через средства массовой информации обратился к населению с просьбой безвозмездно предоставить постовые тулупы, катанки, полушубки, папахи, простыни, одеяла и полотенца [20]. Однако его просьба осталась не услышанной, на первый план в этот период выходили задачи завершения гражданской войны и интервенции в регионе.

Нарушения касались и служебных отношений. Начальник хабаровской городской милиции отмечал, что «сотрудники, докладывая руководству, не отдают рапорт», «уходят с поста ранее установленного времени», нарушают форму одежды «не носят нарукавных нашивок», «не умеют составлять протоколы», «грубо общаются с задержанными», один из сотрудников и вовсе был уволен с формулировкой «ищущий не работы, а тепленького местечка» [15, л. 5, 45, 75, 113, 156–157, 196, 199, 206, 216, 232, 237; 18, л. 2]. Руководитель в своих приказах отмечал, что такое поведение милиционеров «подчеркивает разнузданность, недисциплинированность и отсутствие элементарных понятий о службе» [15, л. 237].

Сложное внешне- и внутривнутриполитическое положение буферной республики не позволяло быстро решить финансовые затруднения милиционеров. Основным способом борьбы с нарушениями стал пересмотр кадрового состава. Однако он не имел положительного результата. Образовавшиеся вакансии замещались по призыву партии. По мнению дальневосточного милицейского начальства, примером для беспартийных сотрудников должны были стать призванные на службу члены РКП (б). Комитеты коммунистической партии направляли кадры комсомольцев и членов партии на службу в милицию для поднятия политикоморального уровня ее сотрудников. Руководство народной милицией ДВР в своих докладах в партийные органы подчеркивало, что реализуя установку на «выбрасывание полицейщины и привлечение в милицию почти неграмотного населения» [17, л. 68], которое фактически ничего общего не имело с милицией, оно сталкивалось с проблемами обучения и инструктирования призванных сотруд-

ников. Люди, приходившие на службу в милицию, попросту не знали нормы служебных уставов, не были знакомы с правилами служебного этикета, а о знании ими правовых норм, действовавших в ДВР, и вовсе не могло быть речи. Как отмечалось в докладе о состоянии Приморской милиции, направляемые были «в большинстве малограмотные, не служившие в милиции и не желающие служить» [8, л. 1–8]. В ноябре 1922 г. начальник дальневосточной милиции докладывал в Дальневосточное бюро ЦК РКП (б), что «жалование платят не на 100%, поэтому командированные партийные товарищи бегут» [25, л. 38]. Общая картина милицейских кадров была неудовлетворительной, но даже при таких показателях сотрудникам милиции удавалось сдерживать преступность. Все факты, которые происходили постоянно, актуализировали необходимость проведения мероприятий по правовому просвещению милиционеров.

Незначительное количество мест в образовательных учреждениях милиции буфера приводило к тому, что основным методом профессиональной подготовки дальневосточных милиционеров стало инструктирование. Только в 1921 г. милицейское руководство буфера направило в низовые учреждения 38 инструкций по различным направлениям деятельности. Например, «Об обязанностях милиционера и волостного надзирателя», «О порядке несения постовой службы в городах», «Обязанности начальника участка», «Правила организации уголовно-розыскных отделений и методы сыска» и др. [14, л. 200]. В этот период инструктирование являлось наиболее широко распространенным способом подготовки работников для практической деятельности. Конечно, оно не заменяло профессиональные знания, но в специфических условиях гражданской войны оно было едва ли не единственным способом подготовки сотрудников к профессиональной деятельности.

Первоначально инструктирование проводилось специалистами Главного управления милиции ДВР, а после его преобразования осенью 1921 г. – главными правительственными и областными инспекторами. В соответствии с принятым в сентябре 1921 г. законом «О милиции» в структуре Управления народной милиции ДВР еще в апреле 1921 г. был образован инспекторский отдел, а в областях – инструкторско-ревизионные отделы, на которые возлагались функции подбора и подготовки кадров для работы в милиции буфера [30].

Инструктирование проводилось инструкторско-информационным отделением, штат которого составлял 5 инструкторов, и инструкторским отделением со штатом инструкторов – 3 чел. [7, л. 46–49]. Первые готовили инструкции и занимались их рассылкой на места, а состав вторых был набран из небольшого числа опытных инструкторов приверженцев идей советской власти. Разъезжая по областям они учили, инструктировали командный состав, рядовых, правильно ставили делопроизводство, имели право отстранять от должности сотрудников милиции,

не усвоивших инструктаж [4, л. 138; 9, л. 875; 17, л. 68; 25, л. 23; 26, л. 5]. С сентября 1921 г. эти функции перешли Главным правительственным и областным инспекторами. Для проверки знаний и инструктирования милиционеров организовывались особые Комиссии при Управлениях уездных милиций [4, л. 138], занимавшиеся организацией занятий с наиболее слабыми сотрудниками.

Во всей Дальневосточной республике имелось 16 инспекторов-инструкторов, возрастом от 21 до 25 лет, средним образованием (специального юридического не было ни у кого) и почти все были направлены в отдел из партийных и профсоюзных органов [3, л. 1–37]. Инструкторов постоянно не хватало. Как отмечал в августе 1921 г. начальник областной милиции Забайкалья в инспекторско-инструкторском отделе Забайкальской области «недостает сотрудников ввиду плохой оплаты труда, не имеются средства для командировок» [6, л. 20]. Таким образом, милицеейское руководство скорее видело в инструктировании не способ привития профессиональных юридических знаний, а распространение на правоохранителей марксистского мировоззрения.

Такие специфические по современным меркам подходы к профессиональным знаниям сотрудников правоохранительных органов были обоснованы в условиях Гражданской войны и военной интервенции. Переход к мирным формам хозяйствования позволил постепенно пересмотреть требования, предъявляемые к будущим милиционерам. Основой для замещения вакансий стало не революционное правосознание, а наличие специальной профессиональной подготовки.

Список источников и литературы

1. Азаренков А.А. Большевистский марионеточный «буфер» в Прибайкалье и провозглашение Дальневосточной республики // Вестник Московского областного государственного университета. Серия история и политические науки. – 2009. – № 1. – С. 109–116.
2. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицеейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.). – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 232 с.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-15. Министерство внутренних дел Дальневосточной республики. 1920-1923 гг. Оп. 2. Д. 9.
4. ГАЗК. Ф. Р-124. Управление Рабоче-Крестьянской милиции Забайкальской губернии Дальневосточного края. 1919-1926 гг. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАЗК. Ф. Р-402. Управление народной милиции Министерства внутренних дел Дальневосточной республики. 1920–1922 гг. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 22.
7. ГАЗК. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 18.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. 1917-1930 гг. Оп. 43а. Д. 1104.
9. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 19.
10. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 48. Д. 70.
11. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 48. Д. 72.
12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Отдел Дальневосточной краевой комиссии по собранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП (б) при Хабаровском краевом комитете ВКП (б). Оп. 1. Д. 279.
13. ГАХК. Ф. Р-18. Министерства Дальневосточной республики. Чита. 1920-1923. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАХК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 8.
15. ГАХК. Ф. Р-864. Хабаровская городская милиция. 1921-1926. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАХК. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 8.
17. ГАХК. Ф. Р-925. Приамурская областная народная милиция. 1922. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАХК. Ф. Р-1025. Хабаровское отделение уголовного розыска рабоче-крестьянской милиции Приамурской губернии. Хабаровск, 1922-1923 гг. Оп. 1. Д. 2.
19. Информационные ресурсы фондов РГИА ДВ и ГАХК по истории полиции и милиции Дальнего Востока России (1860–1922) / Н.А. Беляева, Н.А. Шабельникова, А.В. Милежик, А.В. Усов, К.О. Никонов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – 60 с.
20. Дальневосточный путь. – 1922. – 13 августа.
21. Дальневосточный путь. Общественно-политическая и литературная газета. Орган Дальбюро ЦК РКП. – Чита. – 1922. – 26 июля.
22. Милежик А.В. Деятельность Центральной школы подготовки комсостава народной милиции ДВР: опыт организации профессионального образования на Дальнем Востоке России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2 (44). – С. 135–145.
23. Орнацкая Т.А. Народная милиция Дальневосточной республики: комплектование и подготовка кадров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2 (47). – С. 39–47.
24. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика на международных переговорах и конференциях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 1. – С. 117–131.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 372. Дальневосточное бюро Центрального комитета РКП (б) (Дальбюро ЦК РКП (б)). Оп. 1. Д. 188.

26. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 401.
27. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1192.
28. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-1007. Милиция Амурской области. 1920-1921 гг. Оп. 1. Д. 9.
29. Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР. 1921. № 2 (6).
30. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1921. № 5. (11).
31. Усов А.В., Шабельникова Н.А. Сотрудничество России и Китая в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции (дальневосточное измерение) // Обучение полицейской специальности в современных условиях: сб. статей междунар. науч.-практ. конфер. – Харбин : Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности, 2017. – С. 175-182.
32. Цуканов С.С., Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) // Краеведение Приамурья. – 2011. – № 1. – С. 34–49.
33. Чепик М.В. Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной республики. – М., 2017. – 240 с.
34. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е годы. – М. : ООО Проспект, 2016. – 142 с.
35. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности. – Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – 354 с.
36. Шабельникова Н.А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. – 2020. – № 5 (161). – С. 20–27.
37. Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е годы // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 182–185.
38. Шабельникова Н.А., Черномаз В.А. Организационные основы становления милицейских учреждений Приморья в 1917–1922 гг. // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 10. – С. 49–52.

Е.В. Суверов, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России доктор исторических наук, профессор

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА СОТРУДНИКАМИ НОВОСИБИРСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ МИЛИЦИИ МВД СССР ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР 1980 г.

Проведение Олимпиады в 1980 г. в СССР имело большое политическое значение. Для усиления столичных органов внутренних дел стягивались значительные силы со всей страны. В июне 1980 г. из Новосибирска в Москву прибыл сводный отряд Новосибирской специальной средней школы милиции МВД СССР. С поставленной задачей – охраной членов Международного олимпийского комитета, личный состав спецшколы милиции, полностью справился.

Ключевые слова: милиция, Олимпиада, курсанты, Москва, охрана, Новосибирская специальная средняя школа милиции МВД СССР.

E. V. Suverov, professor of the Department of theory and history of law and state of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia doctor of historical Sciences, Professor

THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER EMPLOYEES OF THE NOVOSIBIRSK SPECIAL SECONDARY SCHOOL OF MILITIA OF MIA USSR DURING THE OLYMPIC GAMES 1980

Holding the Olympics in 1980 in the USSR was of great political importance. To strengthen the capital's internal Affairs bodies, significant forces from all over the country were drawn together. In June 1980 from Novosibirsk in Moscow arrived consolidated the team Novosibirsk a special secondary schools militias MVD the USSR. With the task – the protection of members of the International Olympic Committee, the staff of the special school of the police, completely coped.

Keywords: police, Olympics, cadets, Moscow, security, Novosibirsk special secondary school police Ministry of internal Affairs of the USSR.

19 июля 1980 г. в Москве открылись XXII олимпийские игры, это было знаковое событие, это было впервые в Советском Союзе. Ситуацию осложняло ухудшение международной обстановки, в связи с вводом в декабре 1979 г. советских войск в Афганистан. Более 50 стран, во главе с США объявило бойкот этим играм. Для предотвращения провокаций в столицу стягивались значительные силы правоохранительных органов, необходимо было организовать четкое несение службы по охране общественного порядка.

По подсчетам оргкомитета игр, для того чтобы принять миллион гостей, и обслужить полностью культурными мероприятиями, показать жизнь советского народа не только в материальном, но и в духовном отношении, нужно было задействовать еще 300–350 тыс. человек [1, с. 119].

Въезд в Москву жителей других регионов вводился только по пропускам. На вокзалах и шоссе устанавливался особый контроль за приезжими и проходящим в город транспортом. Детей рекомендовали направлять в пионерские лагеря, студентов – на практику [2, с. 41].

27 июля 1979 г. в Новосибирской специальной средней школе милиции МВД СССР был создан штаб по подготовке и несению службы на Олимпиаде-80. Начальник штаба полковник милиции Гарусс Г.Г. предварительно подготовил общий план работы сводного отряда в столице СССР [3, л. 47, 48].

В процессе подготовки к выезду, в учебном заведении усилилась воспитательная работа среди курсантов. 30 сентября 1979 г. в целях осуществления воспитательной работы и подготовки курсантов к службе по охране общественного порядка в г. Москве во время Олимпиады – 80, были закреплены за учебными группами: 1 группа – майор милиции Нечунаев В.П., 2 группа – капитан милиции Поротников С.И., 3 группа – старший лейтенант милиции Прыткин, 4 группа – майор милиции Иванцов А.П., 5 группа – подполковник милиции Соколов В.П., 6 группа – капитан милиции Пшеничный Г.П., 7 группа – капитан милиции Волохин В.П., 9 группа – капитан милиции Гладышев В.И., 10 группа – капитан милиции Беликов А.В., 11 группа – майор милиции Ракшин А.П., 12 группа – майор милиции Минов Г.П., 13 группа – старший лейтенант милиции Ильин Г.П., 14 группа – подполковник милиции Аносов В.Т., 15 группа – капитан милиции Демидов В.С. Были организованы при начальниках дивизионов советы по организации воспитательной работы с личным составом [3, л. 180, 181].

В ноябре 1979 г. в целях подготовки личного состава к несению службы на Олимпийских играх в г. Москве, был сформирован сводный взвод из 30 курсантов Новосибирской специальной средней школы милиции для занятий по программе рукопашного боя [4, л. 89].

На основании Приказа по Новосибирской спецшколе МВД СССР от 10 апреля 1980 г. № 86 в связи с тем, что с 19 июля по 3 августа 1980 г. в

Москве проводились олимпийские игры, были командированы в Москву 39 человек постоянного состава и 339 человек переменного состава. Был создан штаб во главе с подполковником милиции Бижевым Д.Х. Вылет самолетами личного состава был назначен на 19 июня 1980 г., двумя специальными рейсами [4, л. 111].

Личный состав спецшколы участвовал в охране членов Международного олимпийского комитета в период проведения заседаний в Колонном зале Дома Союзов и месте их проживания – гостиницы «Москва» [5, с. 115].

Курсанты и офицеры с честью справились с поставленной задачей, не допустили проникновение посторонних лиц в охраняемые объекты, нейтрализовали преступные проявления.

Но отдельные курсанты, проявили в командировке себя с отрицательной стороны. Участвуя в охране общественного порядка в г. Москве, во время проведения олимпийских игр, курсант 1 курса Юрин С.Н. в нетрезвом состоянии пытался проникнуть в гостиницу «Интурист», где был задержан сотрудниками милиции 108 отделения г. Москвы, при этом вел себя вызывающе, нецензурно выражался. После проведения служебной проверки он был отчислен из школы милиции и уволен из органов внутренних дел [4, л. 250].

Таким образом, сотрудники Новосибирской специальной средней школы милиции МВД СССР летом 1980 г. осуществляли задачу по охране отдельных объектов в городе Москве, не допустили преступных проявлений и провокаций в отношении членов Международного олимпийского комитета, а также спортсменов, гостей столицы и местных жителей, несмотря на напряженную внешнеполитическую обстановку. Отдельные грубые нарушения служебной дисциплины, оперативно пресекались, виновные наказывались.

Список источников и литературы

1. Долгов С.Н., Попов В.В. Опыт деятельности оргкомитета «Олимпиада – 80» по организации XXII Олимпийских игр в СССР // Вестник Екатеринбургского института. – 2011. – № 3 (15).
2. Суверов Е.В. Вехи истории. Барнаульская специальная средняя школа подготовки начальствующего состава МВД СССР (1957–1991 гг.). Учебное пособие. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017.
3. ОДиР (отдел делопроизводства и режима) Барнаульского юридического института МВД России. Дело № 15. Том 2. 1979 год.
4. ОДиР (отдел делопроизводства и режима) Барнаульского юридического института МВД России. Дело №15. Том 1. 1980 год.
5. Закон, Долг, Честь, Слава (50 лет Новосибирской специальной средней школе милиции МВД России). – Новосибирск, 2007.

С.Е. Суверов, адъюнкт Омской академии МВД России

БОРЬБА СОТРУДНИКОВ НКВД СССР С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х гг. XX в.)

Наркотическая зависимость, приводит к быстрой деградации человека, толкает его на преступный путь. Советский Дальний Восток граничил с Китаем и Корей, где ситуация с потреблением наркотиков была сложная. В дореволюционный период в России не предпринимались решительных мер по ликвидации наркомании. Лишь, начиная с 1920-х годов и особенно с 1930-х годов, усиливается борьба против преступных сообществ распространявших наркотические вещества, повышается уровень охраны границы связанный и с ухудшением международной обстановке.

Ключевые слова: НКВД СССР, наркомания, китайцы, наказание, опиум, кокаин.

S.E. Suverov, associate Professor of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

THE STRUGGLE OF THE NKVD OF THE USSR NARCOTICS IN THE FAR EAST (SECOND HALF OF THE 30-IES OF XX CENTURY)

Drug addiction leads to rapid degradation of a person, pushes him on a criminal path. The Soviet far East bordered China and Korea, where the situation with drug use was difficult. In the pre-revolutionary period, Russia did not take decisive measures to eliminate drug addiction. Only since the 1920-ies and especially since the 1930-ies, the fight against criminal communities that distributed narcotic substances has intensified, the level of border protection associated with the deterioration of the international situation has increased.

Keywords: NKVD the USSR, drug addiction, the Chinese, punishment, opium, cocaine.

В русской цивилизации, долгое время практика употребления наркотических веществ была чужда. Подавляющая часть населения жило соседскими общинами, где преобладал консервативный уклад жизни, к тому же православие,

отрицательно относилось к принятию любых дурманящих веществ. Колонизируя Дальний Восток, русские переселенцы стали тесно общаться с иностранцами, принимая у них опыт употребления наркотических веществ. На Дальнем Востоке – китайцы, начиная с XIX в. нелегально стали ввозить тонны наркотического зелья. [1. с. 15]

Проблема усугублялась тем, что в царское время законодатель не принимал нормативных актов, запрещающих реализацию наркотиков, не видя в них потенциальной опасности. Так, опиум продавался в аптеках, его можно было приобрести по рецептам врачей.

После победы большевиков в гражданской войне и установления советской власти на Дальнем Востоке, среди местного населения стало увеличиваться потребление морфия, в городах появилось множество тайных (под различными вывесками) наркоманских притонов, владельцами которых, в основном, были китайцы и корейцы. [2, с. 74–77; 3, с. 205]. Во избежание наказания иностранцы регистрировали свои заведения на подставных лиц из числа местного населения.

В дальневосточном регионе постепенно, стало распространяться и потребление кокаина. Данный вид наркотиков использовали в основном представители местного преступного мира, в известной степени его популяризации способствовали проститутки распространявших его среди своих клиентов.

В период новой экономической политики (1921–1929 гг.), в ходе восстановления буржуазных отношений, произошло значительное увеличение потребления наркотиков. В это непростое время органы внутренних дел, вели бескомпромиссную борьбу с представителями китайских и корейских этнических преступных группировок, уничтожая посевы мака, закрывая притоны, арестовывая наркокурьеров и продавцов наркотиков.

Ослабляло борьбу с наркоманией, относительно щадящие санкции в отношении лиц совершивших данный вид преступления. Так, на основании статьи 104 уголовного кодекса РСФСР 1926 г. изготовление и хранение с целью сбыта и сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения – наказывалось лишение свободы сроком до одного года с конфискацией части имущества или без таковой. Те же действия, совершаемые в виде промысла, а равно содержание притонов, в коих производился сбыт или потребление наркотических веществ, наказывалось лишением свободы со строгой изоляцией на срок до трех лет с конфискацией всего имущества [4].

В 30-е годы прошлого столетия, борьба против наркоторговцев на Дальнем Востоке продолжалась усиливаться. В результате предпринятых мер, укрепления государственной границы, уничтожения маковых посевов в регионе стал ощущаться дефицит наркотических средств. В результате чего преступные группировки стали нелегально переправлять на территорию СССР запрещенные законом вещи.

Сотрудники НКВД СССР предпринимали все меры по задержанию наркодилеров. В районе станции Верино, в поселке Могилевка 1 июля 1937 г. в 6.00 сотрудниками органов внутренних дел был обнаружен потухший костер. На это место был направлен наряд 71 железнодорожного полка НКВД с проводником Логиновым и служебной собакой «Хикс». В результате принятых мер в 500 метрах от села Гродеково были арестованы 2 китайца с 2 мешками опиума весом до 32 кг. 5 июля 1937 г. в 12.00. по данным начальника милиции станции Верино в районе деревни Гродеково, были обнаружены 2 подозрительных мужчин, которые скрылись в лесу. Для их поиска был опять направлен проводник служебных собак Логинов с собакой «Хикс», в результате преследования они были задержаны с 17 кг. опиума. За преданность, настойчивость и любовь к порученному делу сотрудник НКВД Логинов был награжден 100 рублями. [5, л. 384].

Таким образом, в изучаемый период усилилась борьба сотрудников НКВД СССР с распространением и потреблением наркотиков на территории Дальнего Востока. В оперативной разработке находились представители китайских преступных группировок занимавшихся наркобизнесом. Борьба с ними усугублялась закрытостью данных сообществ, что усложняло внедрения там агентуры. Уменьшение потребления наркотических веществ на Дальнем Востоке способствовало укреплению охраны государственной границы и уменьшению посевов растений, из которых изготавливали наркотики. Ослабляло борьбу с наркотиками недостаточное наказание, учитывая, что в 1930-е годы, в стране заметно ужесточается карательная государственная политика.

Список источников и литературы

1. Суверов Е.В. Теневая экономика. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2008. – 71 с.
2. Шабельникова Н.А. Деятельность милиции по противодействию наркопреступности на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 74–77.
3. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922 – 1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности: монография. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2018. – 354 с.
4. Уголовный кодекс РСФСР. [редакция 05.03.1926] [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/05.03.1926>. (дата обращения 29 ноября 2019 г.).
5. Отдел оперативной информации и специальных фондов Информационного Центра УМВД России по Хабаровскому краю (ООИ и СФ ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю). Ф. 40. Оп. 1. Д. 20.

А.А. Тюркова, слушатель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

П.В. Коровников, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

ПРАВОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ФЕНОМЕНА ВАНДАЛИЗМА В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье анализируются проблемы правовой рефлексии феномена вандализма в современном зарубежном праве, сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодателя в данной области, делается вывод в перспективах рецепции норм зарубежного права в российское уголовное право.

Ключевые слова: вандализм, разрушение, осквернение, уголовная ответственность, порча имущества, преступления против культуры, вандалотворение, повреждение объектов инфраструктуры, уголовная ответственность.

A. A. Tyurkova., student of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

P. V. Korovnikov, senior Lecturer, Department of Humanitarian Disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL REFLECTION ON THE PHENOMENON OF VANDALISM IN FOREIGN CRIMINAL LAW

The article analyzes the problems of legal reflection of the phenomenon of vandalism in modern foreign law, a comparative analysis of domestic and foreign legislators in this area, the conclusion is drawn in the prospects for the reception of foreign law in Russian criminal law.

Keywords: vandalism, destruction, desecration, criminal liability, damage to property, crimes against culture, vandalization, damage to infrastructure, criminal liability.

Будучи известным с глубокой древности, в условиях городских агломераций XX–XXI века вандализм становится значимым фактором деструкции

антропогенного ландшафта среды обитания человека, способным существенно снизить комфортность среды обитания.

Уголовно-правовая рефлексия термина вандализма, введенного Уголовным кодексом 1996 года (ст. 214 УК РФ), несмотря на определенную преемственность с нормами советского права, в отечественной правовой науке далеко не завершена.

Указанная незавершенность, учитывая также то обстоятельство, что уголовная ответственность за разрушение памятников культуры во многих странах появилась значительно раньше, чем в Российской Федерации предопределяет интерес к правовой мысли зарубежных стран.

Отметим, что со времен сочинений аббата Анри Грегуара и графа де Монталамбера направленных против революционной практики разрушения готических соборов [7, с. 141] европейская (а за ней и атлантическая) общественная традиция полагает вандальное поведение бессмысленным и немотивированным, что, выводя вандальные действия за пределы разумного, предопределили феноменологический (а в рамках права – каузальный) подход к его рефлексии.

Ныне действующий Уголовный кодекс Франции – страны классического континентального права не содержит правовой дефиниции понятия вандализма. Вместе с тем, ст. 322-1 указанного кодекса предусматривает ответственность не только за уничтожение, повреждение или порчу какого-либо имущества, принадлежащего другому лицу, но и за нанесение без предварительного разрешения всевозможных надписей, знаков и рисунков на фасады домов, транспортные средства, а также общественные пути или городское движимое имущество [6, с. 318]. Помещение указанной нормы в главу «Об уничтожении, повреждении и порче», говорит о том, что объектом преступных посягательств являются отношения собственности. Отметим, что то, что отечественный законодатель распределил по нескольким статьям с разным порогом ответственности, законодатель Франции объединил в одну - как в ранее действующих УК РСФСР.

Схожую позицию демонстрирует действующий Уголовный кодекс Австрии, параграф 125 которого предусматривает только ответственность за порчу имущества в целом. Диспозиция параграфа криминализирует действия лица «которое разрушает, повреждает или обезображивает, а также делает непригодной чужую вещь» [2, с. 174].

Уголовный кодекс ФРГ так же не содержит уголовной дефиниции вандализма, заменяя ее понятием повреждения или разрушения предметов служащих объектом почитания. Конструкция объективной стороны преступления не содержит термина «осквернение», но мы согласимся с мнением ученых о том, что в данном случае, осквернение может вытекать из смысла закона или частично подразумеваться [8, с. 87].

Значительно более проработанной представляется позиция законодателя Дании, предусмотревшего в Уголовном кодексе отдельную (§ 194) ответственность за разрушение либо повреждение публичных памятников, а также другие общественно полезные объекты, различные украшения или принадлежащие обществу либо подлежащие сохранению коллекции [4, с. 163–164]. Направленность данной нормы на защиту в первую очередь общественного интереса подтверждается помещением рассматриваемой нормы в главу «Различные деяния, причиняющие общественный вред».

Примерный уголовный кодекс США, принятый в целях унификации законодательства штатов США содержит статью 250.9 «Осквернение почитаемых предметов» [1]. Ввиду расположения статьи в разделе 250 «Учинение беспорядков, поведение, нарушающее публичный порядок, и родственные им посягательства» объектом уголовной защиты является правовые отношения в сфере общественной безопасности. Интересно, что перечень объектов вандальных посягательств формально не ограничен, что, в целом следует прецедентной системе установления права, характерной для англо-саксонской семьи права.

Постсоветское пространство демонстрирует значительную неоднородность в правовой рефлексии вандализма. Согласно ст. 341 Уголовного кодекса Республики Беларусь уголовным преступлением признается: «осквернение зданий, а также других сооружений циничными надписями либо изображениями, порча имущества на общественном транспорте или иных общественных местах, если отсутствуют признаки более тяжкого преступления» [3, с. 380]. Термин «вандализм» в статье не употребляется, но основные объекты и предмет преступления полностью совпадают с аналогичными общественными отношениями, которым причиняется вред при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 214 УК РФ. Заслуживает внимания тот факт, что проявление объективной стороны конкретизируется в видах осквернения – циничными надписями либо изображениями, что не предусматривает российский законодатель.

Уголовный кодекс республики Молдова содержит термин «вандализм», помещенный в ст. 288 УК [5, с. 299]. Данная статья почти полностью воспроизводит ст. 214 УК РФ.

Между тем в основных уголовных законах стран постсоветского пространства, например, в УК Украины, УК Республики Таджикистан, УК Эстонской Республики и др. состав вандализма отсутствует.

Таким образом, по результатам рассмотрения зарубежного уголовного законодательства можно сделать вывод об определенной не проработанности позиции зарубежного законодателя. Отсутствие кодификации термина «вандализм» в рассмотренных правовых актах при наличии фактической уголовной ответственности за преступления схожие в объективной стороне с российской

нормой (т.е. фактическом признании существования и социальной опасности деликта) является существенным недостатком, повышающим казуистичность права и затрудняющим фактическое осуществление правоохранной деятельности.

Указанное обстоятельство а так же определенная архаичность в определении деликта, характерная для европейских правовых актов, делает рецепцию указанных норм в российское право нецелесообразной. Заслуживает внимание позиция Белорусского законодателя, нормативно определившего уголовную дефиницию осквернения – одну из ключевых для рассматриваемого деликта.

Вместе с тем, ввиду определенной узости предложенной дефиниции, развитие уголовной конструкции статьи 214 УК РФ должно осуществляться на базе осмысления в первую очередь отечественной следственной, прокурорской и судебной практики.

Список источников и литературы

1. Примерный уголовный кодекс (США) : Офиц. проект. Ин-та америк. права / Перевод с англ. канд. юрид. наук А. С. Никифорова ; Под ред. и с предисл. [с. 5–30] д-ра юрид. наук Б. С. Никифорова. – Москва : [Прогресс], 1969. – 303 с.

2. Уголовной кодекс Австрии : принят 29 янв. 1974 г. : вступ. в силу с 1 янв. 1975 г. : с изм. и доп. на 1 мая 2003 г. : науч. ред. и вступ. ст. С. Ф. Милюкова : предисл. Эрнста Ойгена Фабрици : пер. с нем. Л. С. Вихровой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004 (Акад. тип. Наука РАН). – 350 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 474 с.

4. Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / Науч. ред. С. С. Беляев; Пер. с дат. С. С. Беляева и А. Н. Рычевой. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 228 с.

5. Уголовный кодекс Республики Молдова= The criminal code of the Republic of Moldova: Принят Парламентом Респ. Молдова 18 апр. 2002 г.: С изм. и доп. на 19 дек. 2002 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 406 с.

6. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 648 с.

7. Алиев Х.К. Вандализм: возникновение, сущность и разновидности // Современное право. – 2011. – № 5. – С. 141–145.

8. Павлов В.Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – № 4 (37). 2017. – С. 85–90.

В.С. Черкасов, преподаватель кафедры оперативно-разыскной и административной деятельности Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается процесс преобразования уголовного досудебного производства под воздействием информационных технологий. Рассматриваются основные этапы интеграции информационных технологий в уголовное досудебное производство. В настоящий момент уголовно-процессуальные отношения находятся на этапе широкого использования информации в электронном виде, а также информационных технологий в производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: информационные технологии; электронная информация; электронные доказательства; развитие; судопроизводство; следственное действие.

V.S. Cherkasov, lecturer of operational search and administrative activities department of the Vladivostok branch Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS

The article deals with the process of transformation of criminal pre-trial proceedings under the influence of information technologies. The main stages of integration of information technologies in criminal pre-trial proceedings are considered. Currently, criminal procedural relations are at the stage of widespread use of information in electronic form, as well as information technology in criminal proceedings.

Keywords: information technologies; electronic information; electronic evidence; development; legal proceedings; investigative action.

Повсеместное внедрение информационных технологии привело к тому, что большой объем данных о деятельности человека сохраняется на централизованных информационных системах и электронных носителях. Для право-

охранительных органов появились новые источники получения сведений, имеющих значение для уголовного дела. Адаптация уголовного досудебного производства к современным информационным технологиям представляет собой долгосрочный процесс, состоящий из трех основных этапов.

К первому этапу относится процесс **утверждения внедрения информационных технологий как приоритетного направления науки уголовного процесса и законодательного регулирования**. Данный этап сопровождается нормативным закреплением информационных технологий и смежных категорий в УПК РФ и других нормативных правовых актах, а также появлением многочисленных научных трудов в названной сфере.

Законодательное регулирование вопросов, связанных с внедрением в классическую модель уголовно-процессуальных средств доказывания информационных технологий, является достаточно молодым явлением для уголовного процесса. Данный процесс берет свое начало с введением в 2010 году следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, а также с введением соответствующего понятия в ст. 5 п. 24.1. УПК РФ [1].

Последняя поправка была внесена в 2018 году. В УПК РФ была добавлена статья 164.1. «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий» [2].

Научные исследования, полностью посвященные проблемам использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве, начали появляться с 2010 года. В качестве примеров можно привести диссертационные исследования Н.А. Зигуры «Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе» (Челябинск, 2010) [6], В.Ю. Стельмах «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие» (Екатеринбург, 2013) [9], П.С. Пастухова «Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (Москва, 2015) [8].

В настоящий момент исследования по внедрению информационных технологий в уголовное судопроизводство многочисленны и является одним из самых динамично-развивающимся направлением уголовно-процессуальной науки.

Так, С.В. Зуев отмечает, что научные исследования осуществляются по следующим направлениям [7]:

1. Разработка теоретических основ и научного обоснования системы информационного обеспечения уголовного процесса.

В данном направлении выделяются следующие подразделы:

- переход на фиксацию хода процессуальных, в том числе следственных, действий с помощью технических средств и сохранение результатов в электронном виде;

- внедрение в уголовно-процессуальную материю удобной и надежной технологии удостоверения процессуального документа любым участником уголовного процесса вместо его обычной подписи;
- разработка пилотного проекта «Электронное уголовное дело» и апробация его в отдельных субъектах Российской Федерации;
- широкое применение дистанционных форм проведения процессуальных действий на любой стадии уголовного судопроизводства, включая участие в судебных заседаниях всех заинтересованных лиц;
- предоставление потерпевшему в режиме онлайн через Интернет возможности отслеживать движение уголовного дела от подачи заявления в электронном форме до вынесения приговора;
- использование электронного помощника судьи для оценки фактических данных, имеющих в уголовном деле, а также при назначении научно обоснованного и соразмерного совершенному противоправному деянию наказания.

2. Внедрение в классическую модель уголовно-процессуальных средств доказывания «электронных доказательств».

В данный раздел входят вопросы преобразования процесса собирания, проверки и оценки доказательств как структурных элементов доказывания. Определения природы, сущности и места «электронных доказательств» в модели уголовно-процессуальных доказательств. Совершенствования уголовно-процессуальных гарантий соблюдения прав человека и гражданина при осуществлении собирания «электронных доказательств».

3. Техничко-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности.

Перечисленные направления являются примерными, и их перечень может быть дополнен.

Следующим этапом интеграции информационных технологий в уголовное судопроизводство является **широкое использование электронной информации и информационных технологий в производстве по уголовным делам**. Представляется, что именно на данном этапе развития находится российское уголовное судопроизводство.

В качестве аргумента в пользу обозначенной позиции можно привести наличие многочисленных решений высших судебных инстанций по различным вопросам собирания «электронных доказательств»: Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 204-О [3], в котором рассматриваются практические вопросы изъятия электронных носителей и копирования с них информации; Определение Конституционного суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О [4], в котором рассматриваются вопросы соблюдения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при про-

изводстве следственных действий в отношении электронных носителей информации; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [5], в котором говорится, что обвиняемый, находящийся под стражей или в местах лишения свободы, вправе лично участвовать в судебном заседании с использованием системы видеоконференц-связи, а также иные судебные решения.

По всей видимости, человечество находится на пороге очередной информационной революции и поэтому следующим этапом развития уголовного судопроизводства станет **появление и использование в уголовном процессе информации с учетом иных способов ее передачи, обработки и представления.**

Так, 16 июля 2019 года Илон Маск презентовал технологию «Neuralink», позволяющую подключить мозг живого организма к компьютеру. В ходе проведенных экспериментов обезьяна смогла управлять компьютером, не прикасаясь к его органам управления (силой мысли). Илон Маск рассчитывает в ближайшее время получить разрешение на производство экспериментов с человеком и начать внедрение технологии [10].

Таким образом, процесс внедрения информационных технологий в уголовное судопроизводство позволяет выделить три основных этапа:

1. Утверждение внедрения информационных технологий как приоритетного направления науки уголовного процесса и законодательного регулирования.
2. Широкое использование информации в электронном виде, а также информационных технологий в производстве по уголовным делам.
3. Появление и использование в уголовном процессе информации с учетом иных способов ее передачи, обработки и представления.

Под воздействием информационных технологий законодатель продолжает реформировать уголовное досудебное производство. Активно ведутся научные исследования. Уголовно-процессуальные отношения находятся на этапе широкого использования информации в электронном виде, а также информационных технологий в производстве по уголовным делам.

Список источников и литературы

1. Федеральный закон от 01.07.2010 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – 07 июля.
2. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – 31 декабря.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 204-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант плюс».

4. Определение Конституционного суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант плюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2015. – 10 июля.

6. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе: дисс. ... кан. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 234 с.

7. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 118-123.

8. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – 64 с.

9. Стельмах В.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: дисс. ... кан. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 240 с.

10. Neuralink нейроинтерфейс для чтения мыслей и управления компьютерами [Электронный ресурс] URL: <https://www.popmech.ru/science/493952-neuralink-neyrointerfeys-dlya-chteniya-mysley-i-upravleniya-kompyuterami/#part0> (дата обращения: 10.08.2019).

*Н.А. Шабельникова, профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД
России, доктор исторических наук, профессор*

**ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛАГУТА –
РУКОВОДИТЕЛЬ, ОПЕРАТИВНЫЙ РАБОТНИК, НАСТАВНИК:
«МОЙ ДОЛГ И ДОЛГ ВСЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
КОЛЛЕКТИВА ИНСТИТУТА – ПЕРЕДАТЬ
СЛУШАТЕЛЯМ СВОЙ ОПЫТ И ВОСПИТАТЬ ИЗ НИХ
СИЛЬНЫХ ДУХОМ СТРАЖЕЙ ПРАВОПОРЯДКА»**

В статье рассматривается жизненный путь полковника, кандидата исторических наук В.Г. Лагуты – более трех десятилетий посвятивший службе в органах внутренних дел и педагогической деятельности. Отмечаются заслуги В.Г. Лагуты на посту руководителя ведомственного образовательного учреждения системы МВД в Приморском крае. Статья содержит краткую биографию В.Г. Лагуты.

Ключевые слова: В.Г. Лагута, биография, органы внутренних дел, Владивостокский филиал, Юридический институт, МВД, Россия, Приморский край.

N.A. Shabelnikova , doctor of Historical Sciences, Full Professor, Department of Humanitarian Disciplines Vladivostok branch of Far Eastern Judicial Institute of Russian Ministry of the Interior

**VALERY G. LAGUTA – MANAGER, OPERATIVE, MENTOR:
"MY DUTY AND THE DUTY OF THE ENTIRE TEACHING STAFF
OF THE INSTITUTE – PASS ON YOUR EXPERIENCE
TO THE AUDIENCE AND TRAIN THEM TO BE STRONG-MINDED
GUARDIANS OF THE LAW"**

The article examines the life path of Colonel, candidate of historical Sciences V.G. Laguta, who spent more than three decades serving in the internal Affairs bodies and teaching. The merits of V. G. Laguta as the head of the departmental educational institution of the Ministry of internal Affairs in the Primorsky territory are noted. The article contains a brief biography of V. G. Laguta.

Keywords: V. G. Laguta, biography, internal Affairs bodies, Vladivostok branch, Law Institute, Ministry of internal Affairs, Russia, Primorye territory.

Общество предъявляет сегодня высокие требования к профессиональным и нравственным качествам сотрудников органов внутренних дел. Граждане хотят видеть в них своих защитников – сильных и честных представителей государства, которые стоят на страже правопорядка, закона и справедливости, ведут бескомпромиссную борьбу с преступностью.

Современному поколению есть на кого равняться. Валерий Григорьевич Лагута – полковник, кандидат юридических наук, ветеран органов внутренних дел. Более трех десятилетий посвятил службе в органах милиции.

Родился в августе 1946 года в г. Спасске–Дальнем Приморского края в семье рабочего. В 1965 году призван в ряды Советской Армии [2].

В 1968 году после окончания службы поступил в Хабаровскую среднюю специальную школу милиции МВД СССР, после окончания которой был направлен для работы в Уссурийский городской отдел внутренних дел инспектором ОБХСС.

В 1974 году поступил в Академию МВД СССР. Окончив в 1977 году Академию, возглавил ОБХСС ОВД Находкинского горисполкома, затем – штаб ОВД Находкинского горисполкома. С гордостью и теплотой вспоминает Валерий Григорьевич все службы и подразделения, и весь личный состав отдела внутренних дел Находки. Им руководил настоящий профессионал Алексей Иванович Некипелов. Все сотрудники работали на единый результат – раскрываемость преступлений [3].

Когда в 1993 году В.Г. Лагута принял дела начальника ОВД Уссурийского горисполкома, там было очень сложная оперативная обстановка – высокий уровень уличной преступности, кражи из квартир и автотранспорта. Первое с чего начал Валерий Григорьевич, – укомплектование штатов. Много пришлось работать в милицию демобилизованных в запас военнослужащих. Привлекали к профилактическим мероприятиям дружинников, общественность. Традицией стало проведение на центральной площади общегородских разводов заступающих на дежурство нарядов милиции и общественности. Проводились по инициативе руководителей города Дни дисциплины. И, самое главное, чем гордится Валерий Григорьевич, за два года работы в Уссурийске удалось обеспечить квартирами свыше 70 сотрудников. Результаты не замедлили сказаться. Повысилась дисциплина, самоотдача. Стала расти раскрываемость преступлений.

С учетом деловых качеств, организаторских способностей, высокой профессиональной подготовки, в мае 1985 года В.Г. Лагута был назначен начальником управления БХСС УВД Примкрайисполкома, где проявил себя как требователь-

ный, инициативный руководитель, сумел добиться от личного состава УБХСС четкости и слаженности в работе. Большое внимание уделял профилактике преступлений (на стадии покушения предотвращено на 2,3 % больше преступлений) [3].

В ноябре 1989 года приглашается на должность начальника Владивостокского отделения заочного обучения Хабаровской высшей школы МВД СССР.

Весной 1991 года руководство МВД СССР принимает решение о создании на базе 6-го отдела Оперативно-Розыскного Бюро (ОРБ). В руководстве УВД Приморского края и соответствующего главка министерства выбор пал на В.Г. Лагуту. И весной 1991 года Валерий Григорьевич вернулся к активной работе, став заместителем начальника службы криминальной милиции – начальником оперативно-розыскного бюро (ОРБ) УВД Приморского края [2].

Главным фактором создания ОРБ стало активное действие организованной преступности. Для противодействия криминальным элементам необходимо формирование серьезной структуры с существенным увеличением штатного расписания службы и одновременным ужесточением требований к потенциальным кадрам: сотрудник, претендовавший на работу в бюро должен был иметь не менее трех лет оперативной работы. Параллельно с кадровым усилением, шла и основательная работа по укреплению технического обеспечения. Одновременно ставились и новые сложные задачи.

Для их реализации в ОРБ было создано два направления – одно противостояло уголовным преступлениям, второе – преступлениям экономическим. Эти направления возглавили заместители Валерия Григорьевича Юрий Николаевич Старовойтов и Александр Сергеевич Бондаренко.

Был создан и еще один, первоначально относительно небольшой отдел – по борьбе с коррупцией, который возглавил Борис Васильевич Нагорный. Здесь тоже была своя непростая специфика. Дело в том, что тогда – в самом начале 1990-х годов никаких служб, выполняющих функцию нынешней СС (службы собственной безопасности), или ее аналогов в УВД края не существовало. И поэтому на отдел по борьбе с коррупцией частично была возложена еще и эта – крайне сложная, далеко не всегда благодарная и в известной степени, деликатная работа. С которой сотрудники отдела вполне уверенно справлялись, проявляли при этом, там, где нужно определенный такт, а там где нужно – иное: неуступчивую настойчивость.

В 1992 году на базе ОРБ было создано Управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП). По воспоминаниям В.Г. Лагуты, спокойной эта работа никогда не была. Несмотря на то, что УБОПы по всей стране создавались по единому стандарту и штатному расписанию, город Владивосток в этот стандарт не вписывался – и в хорошем. и в плохом смысле. Владивостоку присущ высокий темп жизни. В те годы было такое выражение: город не спит. Активная жизнь протекала круглые сутки. Также самое касалось, к сожалению, и

уровня преступности. Огромные грузопотоки через порты, активно развивавшиеся в те годы импортно-экспортные перевозки в китайском направлении, наконец, возвращение 1 января 1992 года статуса открытого города – все это способствовало активности преступных элементов. На помощь к приморским коллегам приезжали оперативные работники из УБОПов Иркутска, Красноярска, краев и областей дальневосточного региона [4].

В 1993 году Валерию Григорьевичу снова рекомендуют вернуться к научно-педагогической деятельности. В этот период в г. Владивостоке в специализированном учебном заведении, готовящем кадры для системы МВД, в дополнение к заочному, открывается очное отделение. Перед учебным заведением стоят новые задачи и новые возможности. Валерий Григорьевич как наиболее подготовленный руководитель возглавил Владивостокский факультет очно-заочного обучения Хабаровской высшей школы МВД РФ. В связи с организационными мероприятиями, подчинением Юридическому институту МВД России (г. Москва), в 1995 году становится заместителем начальника института – начальником Владивостокского филиала [2].

Под непосредственным руководством В.Г. Лагуты происходит становление филиала и Уссурийского факультета, оснащение и подготовка зданий к учебному процессу. За период с 1993 по 2000 гг. для органов внутренних дел было подготовлено 572 специалиста с высшим юридическим образованием и 638 – со средним. Выпускники филиала проходили службу в органах и подразделениях внутренних дел всего Дальневосточного региона России [5].

В 2000 г. на филиале и Уссурийском факультете обучалось 645 курсантов по очной форме обучения и 893 слушателя заочной формы обучения. В своей работе В.Г. Лагута особое внимание уделял повышению качества подготовки специалистов. В структуре Владивостокского филиала было 8 кафедр, 59 преподавателей, из которых 10 являлись кандидатами наук, на Уссурийском факультете, где шла подготовка специалистов со средним юридическим образованием, было 5 кафедр, 45 преподавателей, из них 1 имел ученую степень доктора наук, а 4 преподавателя являлись кандидатами наук [5].

На филиале и факультете работали научные кружки, студенческое научное общество. Результаты проводимых исследований представлялись на межвузовские, региональные, всероссийские и международные конференции.

Валерий Григорьевич поддерживал тесные связи с администрацией Приморского края и руководством УВД. Курсанты очной формы обучения ежегодно проходили стажировку в комплекующих органах внутренних дел. На филиале и факультете оборудованы кабинеты криминалистики, тир, криминалистические полигоны, компьютерные классы, в которых курсанты осваивали новейшие информационные технологии, нашедшие применение в органах внутренних дел.

Большое значение придавалось межвузовскому общению и взаимодействию. Лагута В.Г. являлся членом Совета ректоров вузов г. Владивостока. Развивались и международные связи, так в 1999 году на филиале по приглашению руководства находилась делегация Института народной милиции провинции Хэйлунцзян КНР. В ходе работы делегации обменялись опытом работы по вопросам противодействия преступности.

В 1999 году Валерий Григорьевич защитил диссертационное исследование по теме: «Выявление и раскрытие преступлений, совершаемых при добыче, переработке, реализации рыбы и морепродуктов» на соискание ученой степени кандидата юридических наук [4].

В.Г. Лагута – начальник Владивостокского отделения заочного обучения Хабаровской высшей школы МВД СССР с 1989 по 1991 гг., начальник Владивостокского факультета очно-заочного обучения Хабаровской высшей школы МВД РСФСР и Владивостокского филиала Юридического института МВД России с 1993 по 2000 гг.

В.Г. Лагута с сотрудниками Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, 2010 г.

За многолетнюю добросовестную и безупречную службу в органах внутренних дел, большой вклад в подготовку и воспитание молодых специалистов для органов внутренних дел Валерий Григорьевич был награжден медалями «За безупречную службу» трех степеней, «За охрану общественного порядка» и др.

(всего 8 медалей), Нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД», табельным оружием (пистолетом Макарова) [1].

Валерий Григорьевич Лагута – человек чести, высоких профессиональных, нравственных, морально-психологических качеств. Обладая организаторскими способностями, на всех должностях зарекомендовал себя принципиальным, грамотным, требовательным руководителем. Прошел нелегкий служебный путь – от курсанта школы милиции до полковника – начальника филиала Юридического института МВД России. Имея богатый жизненный опыт внес огромный личный вклад в организацию и развитие кадрового потенциала органов внутренних дел Приморского края и дальневосточного региона.

Список источников и литературы

1. Архив УМВД России по Приморскому краю. Лагута В.Г. Наградные листы.
2. Архив УМВД России по Приморскому краю. Лагута В.Г. Справка-объективка.
3. Владивостокское время. 1995. № 158 . 20 декабря.
4. Нарративное интервью с В.Г. Лагутой (20.03.2010).
5. Текущий архив Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России. Годовые отчеты по основной деятельности (1993–2000).

УДК 159.99

З.В. Якимова, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА МВД РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

В статье проанализированы ключевые этапы развития психологической работы в правоохранительной деятельности; проанализировано понятие психологической службы Министерства внутренних дел; обозначена специфика и основные направления психологической работы в правоохранительных органах исходя из регламентированных функций психолога в деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: психологическая работа, психологическая служба, Министерство внутренних дел, профессиональный отбор, психодиагностика, социально-психологический климат.

Z.V. Yakimova, associate Professor of the Department of Humanities of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of Psychological Science

PSYCHOLOGICAL SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA: HISTORY OF FORMATION AND DIRECTION OF WORK

The article analyzes the key stages of development of psychological work in law enforcement; analyzes the concept of the psychological service of the Ministry of Internal Affairs; identifies the specifics and main directions of psychological work in law enforcement agencies based on the regulated functions of a psychologist in the activities of internal Affairs bodies.

Keywords: psychological work, psychological service, Ministry of internal Affairs, professional selection, psychodiagnostics, socio-psychological climate

Формирование психологической работы и создания психологической службы в Министерстве внутренних дел нашей страны имеет практически полувековую историю поэтапного развития.

К 1970 году в правоохранительных органах ещё не было предусмотрено должности психолога, но уже прочно сформировался «социальный заказ» на реализацию отдельных задач, требующих специальных психологических знаний. В первую очередь, наиболее остро встал вопрос привлечения психологов к проведению профессионального отбора.

Таким образом, познавательный-исследовательский этап формирования психологической работы в 1971 году был завершён созданием Центральной научно-исследовательской психофизиологической лаборатории МВД СССР, изначально предназначенной для профессионального отбора водителей спецтранспорта в контексте военно-врачебной комиссии (ВВК). В дальнейшем, на протяжении 1971-1990 годов происходила разработка и апробация психодиагностического инструментария. В том числе актуализировалась работа по переводу и адаптации зарубежных психодиагностических методик и тестов. Именно эта работа составила основу деятельности специалистов, реализующих психологическую работу на экспериментально – практическом

этапе становления психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Статусное определение психологической службы происходит в период с 1990 по 1994 год, когда в структурных подразделениях системы МВД СССР вводятся должности психологов.

Несмотря на развал СССР в конце 1991 года – становление службы психологического обеспечения в не только не прекратилось, но и усилилось, приобретая свои специфические особенности. В частности, в 1993–1994 годах за подразделениями психологического обеспечения закрепились роль в воспитательном аппарате службы по работе с личным составом в формате морально-психологической подготовки.

Переход на новый этап формирования системы психологического обеспечения профессиональной деятельности (1994-2000 годы) потребовал оптимизации организационно-штатной структуры психологической службы. Для реализации психологической работы как самостоятельного направления деятельности потребовалось не только совершенствование правового поля (нормативная регламентация), но и существенная конкретизация содержания, методов и форм реализации [1].

Начиная с 2000 года продолжается этап институализации и развития психологической службы МВД России. При этом под психологической службой стала пониматься иерархически организованная и централизованно управляемая система специализированных структурных подразделений, ориентированных на реализацию психологического обеспечения ОВД. По мнению ряда авторов «...необходимость психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел обусловлена сложностью решаемых задач, физическими и психологическими нагрузками на личный состав, признанием особой значимости правовых, нравственных начал в оперативно-служебной деятельности личного состава...» [2, с.103].

В настоящее время направления деятельности психологической работы соответствуют основным функциональным обязанностям психолога и зафиксированы в Приказе МВД России от 02.09.2013 N 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [3].

К числу ключевых направлений психологической работы в структурных подразделениях системы МВД России можно отнести:

1. *Осуществление психологического отбора* сопровождает все ключевые кадровые процессы. Особое внимание уделено психологическому отбору кандидатов на обучение в образовательных учреждениях системы МВД России. В частности, отбор кандидатов на обучение в образовательных учреждениях

системы МВД России позволяет применять взвешенные кадровые решения и не допускать к обучению лиц, склонных к девиантному поведению, употребляющих в немедицинских целях наркотические средства, имеющих низкий уровень социальной ответственности и развития личностных и профессиональных качеств [4]. Кроме того, психологическая работа проводится при оценке индивидуально-психологических особенностей личности кандидатов, поступающих на службу, а так же перемещаемых в должности.

2. *Анализ социально-психологического климата в служебных коллективах и морально-психологического состояния личного состава.* Данное направление работы реализуется одновременно в трех аспектах: во-первых, изучаются и анализируются причины и особенности протекания конфликтов в служебных коллективах; во-вторых изучаются особенности отношений между руководящим составом и подчинёнными; в-третьих, изучается психологический потенциал служебного коллектива, в особенности показатели сплочённости структурных подразделений ОВД.

3. *Психологическая помощь при социально-психологической адаптации сотрудникам.* К числу категорий, наиболее нуждающихся в социально-психологической адаптации, отнесены сотрудники, впервые принятые на службу в ОВД, а так же выпускники образовательных учреждений, приступившие к оперативно-служебной деятельности.

4. *Разработка предложений (рекомендаций) для руководящего состава.*

Это направление работы охватывает достаточно обширный круг вопросов. В частности, особую актуальность для руководящего состава подразделений МВД представляют психологические аспекты стиля и методов управления, в том числе управления социально-психологическим климатом служебного коллектива.

5. *Проведение занятий по психологической тематике в системе морально-психологической подготовки личного состава.* Как правило, данное направление включает блок вопросов относительно развития коммуникативной компетентности и формирования навыков психологической саморегуляции психоэмоциональных состояний.

6. *Участие в работе по организации морально-психологического обеспечения личного состава.* Это направление работы предназначено для сотрудников командированных в другую местность, выполняющих служебные задачи в особых условиях.

7. *Осуществление мероприятий психологической работы, направленных на выявление сотрудников, находящихся в кризисном состоянии.* К таким «кризисным» категориям лиц, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании, относятся «...сотрудники, в том числе курсанты (слушатели) образовательных организаций МВД России, имеющие по результатам професси-

онального психологического отбора третью категорию профессиональной психологической пригодности; сотрудники с низкими адаптационными способностями к условиям оперативно-служебной (учебной) деятельности, признаками нервно-психической неустойчивости; сотрудники, имеющие низкий социометрический статус, находящиеся в неудовлетворительном морально-психологическом состоянии, в том числе, обусловленном применением оружия, получением ранения, травмы, увечья, острой конфликтной ситуацией, гибелью родственников или близких лиц; сотрудники, склонные к аддиктивному поведению; сотрудники, допустившие грубые нарушения служебной дисциплины или неоднократные нарушения служебной дисциплины при наличии у них дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме)...» [3, Приложение 1]. Кроме того, данное направление работы сопровождает профилактику профессиональной деформации личности сотрудника и суицидальных происшествий.

8. *Проведение мероприятий психологической коррекции с сотрудниками, имеющими признаки нарушений психической адаптации или переутомления. Дезадаптация, как правило, возникает на фоне служебных, семейно-бытовых и межличностных конфликтов.*

9. *Психологические консультации сотрудников при выполнении оперативно-служебных задач, содержащих психологические аспекты, например, профайлинг, составление психологических портретов.*

10. *Обеспечение функционирования кабинета психологической регуляции.*

Кроме того, психологи подразделений по работе с личным составом «... включаются в состав комиссий, формируемых для проведения проверок по фактам гибели сотрудников, в том числе при суицидальных происшествиях; комиссий, формируемых для решения вопросов о выдаче оружия сотрудникам на постоянное хранение и ношение; врачебных комиссий медицинских организаций; иных комиссий в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами МВД России...» [3, пункт 8].

Таким образом, представленная в ключевых направлениях, структурированная, регламентированная и организованная система психологической работы является эффективным средством профилактики кадрового дефицита. А так же позволяет повысить эффективность профессиональной деятельности действующих сотрудников.

Список источников и литературы

1. Психология служебной деятельности/ В.Л. Цветков и др. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 367 с.
2. Рыбников В.Ю., Марьин М.И. Психологическая служба МВД России: история, состояние, перспективы // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2006. – № 1 (34). – С. 103–107.
3. Приказ МВД России от 02.09.2013 N 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [электронный ресурс] / режим доступа URL: <https://base.garant.ru/70675376/> (дата обращения 23 октября 2019).
4. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а так же сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) // Психология и право. – 2019. – Т.9. – № 2. – С. 1–14.

Раздел 3. РОССИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 94:321.01“199/201” (470 + 571)(510)

А.Л. Анисимов, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточный юридический институт, доктор исторических наук, профессор

ПРОБЛЕМА ПРОХОЖДЕНИЯ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ХАБАРОВСКА В СОВЕТСКО-ЯПОНО-МАНЬЧЖУРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье рассматривается одна из наиболее сложных проблем демаркации российско-китайской границы – прохождение границы в районе Хабаровска. Одной из важных проблем советского руководства накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн было сохранение существующей границы, наиболее важным её участком был участок в районе г. Хабаровска (острова Большой Уссурийский и Тарабаров), что представляло определенную трудность в связи с захватом Японией Маньчжурии, созданием там марионеточного государства Маньчжоу-Го, резким обострением обстановки на границе. Китайская республика, Япония, Маньчжурия поставили своей целью пересмотр договоров о границе и проведение новой демаркации. Задачей советского руководства было сохранение договорной базы, проведение уточнения прохождения границы на отдельных участках, их редемаркация.

Ключевые слова: российско-китайская граница, СССР, Китай, Япония, Маньчжурия, демаркация, редемаркация, Хабаровск, Большой Уссурийский остров, Тарабаровы острова, пограничные органы, Министерство иностранных дел, Великая Отечественная война.

A.L. Anisimov, professor of the Department of social, humanitarian and economic disciplines, far Eastern law Institute, doctor of historical Sciences, professor

THE PROBLEM OF CROSSING THE BORDER INTO THE KHABAROVSK REGION IN SOVIET- JAPANESE-MANCHU RELATIONS IN THE 1930s

The article examines one of the most difficult problems of demarcation of the Russian-Chinese border - the border crossing in the Khabarovsk area. One of the important problems of the Soviet leadership on the eve of World War II and The Great Patriotic War was the preservation of the existing border, its most important site was a site in the area of Khabarovsk (the islands of Great Ussuriy and Tarabarov), that presented some difficulty with Japan's seizure of Manchuria, the creation of the puppet state of Manchukuo, and the sharp deterioration of the border situation. The Republic of China, Japan and Manchuria aimed to renegotiate the border treaties and conduct a new demarcation. The task of the Soviet leadership was to preserve the treaty base, to clarify the passage of the border at certain sites, to redemarcation them.

Keywords: Russian-Chinese border, USSR, China, Japan, Manchuria, demarcation, re-demarcation, Khabarovsk, Great Ussuri island, Tarabarov islands, border authorities, Ministry of Foreign Affairs, Great Patriotic War.

В 1928 г. японский генеральный штаб приступил к разработке планов агрессивной войны против СССР. В соответствии с этими планами Япония захватила в 1931 г. Маньчжурию и стала превращать ее, как и Корею, в плацдарм для нападения на Советский Союз. Агрессивные планы Японии были направлены на захват советского Дальнего Востока, что подтверждается документами, представленными на процессе Международного военного трибунала по делу главных японских военных преступников в Токио.

С занятием японскими войсками Маньчжурии и создание здесь марионеточного государства Маньчжоу-Го на маньчжуро-советской границе резко увеличивается количество провокаций, что вызывало протесты Советского правительства правительству Японии с требованием прекратить эти провокации наказать виновных. В ответ в вербальной ноте министерства иностранных дел Японии, врученной 13 декабря 1932 г. министром иностранных дел Японии Я. Утида полпреду СССР в Японии А.А. Трояновскому, Япония предложила СССР учредить «японо-советско-маньчжурской комитет для предупреждения пограничных инцидентов» [2, с. 18].

4 января 1933 г. в ответной ноте правительство СССР выразило готовность изучить и обсудить японское предложение о создании японо-советско-

маньчжурского комитета для предупреждения пограничных инцидентов по примеру таких же комитетов, существующих у Советского Союза с другими соседними государствами [2, с. 17].

25 февраля 1933 г. в письме генерального консула СССР в Харбине М.М. Славуцкого особому агенту Министерства иностранных дел в Северной Маньчжурии Ши Люйбэню Советское Правительство выразило надежду, что, несмотря на участившиеся инциденты на маньчжуро-советской границе, «не возникнет никаких споров из-за линии границ» [2, с. 117].

О предложении Японии создать советско-японо-маньчжурскую комиссию 27 марта 1933 г. проинформировал посла Китайской Республики в СССР Янь Хойцина о принципиальном согласии правительства Советского Союза на организацию такой комиссии, «но не для пересмотра границ, а только для улаживания могущих возникнуть пограничных недоразумений и инцидентов» [2, с. 193].

Вопрос о пограничном комитете явился темой бесед между К.К. Юрениным и заместителем министра иностранных дел Японии Х. Арита в мае 1933 г. В беседе 4 мая Арита коснулся предложения японской стороны о создании японо-советско-маньчжурского пограничного комитета для предупреждения пограничных инцидентов. Юренин ответил, что Советское правительство уже выразило свою готовность изучать и обсудить этот вопрос, однако со стороны японского правительства никаких дальнейших шагов не было предпринято. Выразив пожелание, чтобы полпред информировал НКВД СССР о намерении японского правительства вернуться к этому вопросу, Арита предложил провести советско-японские переговоры с участием представителя Маньчжоу-Го в Токио.

13 мая Юренин информировал Арита о согласии советской стороны на проведение переговоров в Токио и на участие в них представителя Маньчжоу-Го. После ухода Арита с поста заместителя министра иностранных дел в мае 1933 г. вопрос о погранкомитете японской стороной длительное время не поднимался [5, с. 646].

Совещание представителей советской и маньчжурской сторон, которое власти Маньчжоу-Го предложили созвать в 1933 г. для пролонгирования прежнего соглашения с китайскими властями об оборудовании пограничных рек Амура, Уссури и Аргуни специальными знаками (щиты, фонари и т. д.) для обеспечения безопасности плавания судов. Указанное соглашение было заключено в 1923 г. между Управлением амурского речного транспорта и местными китайскими властями и в дальнейшем ежегодно продлевалось. Предлагая созвать вышеуказанную «водную конференцию», власти Маньчжоу-Го намеривались превратить ее в международное совещание и добиться подписания на нем официального международного соглашения между СССР и Маньчжоу-Го по вопросам судоходства по пограничным рекам. Советская сторона соглашалась на со-

зывает данной «конференции» лишь при том условии, что она будет рассматриваться, как говорится в комментируемом документе, «как встреча представителей двух пароходств для пролонгирования прежнего технического соглашения и имеет касаться лишь технических и расчетных вопросов». Обмен мнениями по поводу созыва этой «водной конференции» был продолжен в 1934 г. [2, с. 871].

В октябре 1933 г. ЦИК СССР принял закрытое решение о сдвиге линии границы ближе к Китаю. СССР явочным порядком взял под контроль почти все острова на Амуре и Уссури, произошло смещение границы и на ряде сухопутных участков. Эта измененная линия границы не была юридически оформлена и Китаем никогда не признавалась [8, с. 187; 9, с. 170; 10, с. 87]¹³.

Переговоры между Амурским государственным речным пароходством СССР и Маньчжурским пароходством начались 28 июня 1934 г. в г. Сахалине и были завершены 4 сентября 1934 г. подписанием технического соглашения об обслуживании пограничных водных путей – рек Амура, Аргуни, Уссури, Сунгач и озера Ханка. Соглашение предусматривало совместную подготовку и поддержание навигационных знаков на пограничных реках и обязательное соблюдение судами обеих сторон принятых на переговорах временных правил судоходства [4, с. 801].

Хориути, возглавляющий маньчжурскую делегацию в смешанной комиссии в Сахалине, пытался прямо поставить вопрос о принадлежности островов под Хабаровском¹⁴, но, получив отпор в комиссии и после разговора генконсула СССР в Харбине Н.Я. Райвида с особым агентом Министерства иностранных дел Маньчжоу-Го в Северной Маньчжурии Ши Люйбэнем - поставил его косвенно. 22 октября 1934 г. Н.Я. Райвид в соответствии с поручением НКВД СССР заявил Ши Люйбэню протест в связи с «недопустимым поведением» Хориути, пытавшегося навязать обсуждение вопросов, не входивших в компетенцию смешанной комиссии, и позволившего себе «наглые угрозы». Отметив, что «Хориути не был уполномочен ни на постановку такого рода вопросов, ни на

¹³ Но Б.И. Ткаченко ставит под сомнение существование когда-либо постановления ЦИК СССР относительно занятия Советским Союзом островов по Амуре и Уссури в начале 30-х гг. XX в., т. к. он не нашел этого постановления во Владивостоке [13, с. 44]. Это спор, как представляется, решается не в пользу Б.И. Ткаченко, так как официально руководство Российской Федерации признало факт занятия островов советскими войсками. В письме руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны Е.И. Аникина члену Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Е.И. Наздратенко от 23 октября 1996 г. [11, с.1] и приложенной к нему «Справке о российско-китайской границе и ходе демаркационных работ», отмечается: «В период оккупации Маньчжурии Японией в середине 30-х годов нами в одностороннем порядке были взяты под контроль практически все острова на реках Амур и Уссури. Не исключено, что тогда, как и в период царской России, произошло смещение границы на ряде сухопутных участков. Так образовалась линия фактического контроля, отличающаяся от договорной и не признаваемая китайцами» [12, с. 1].

¹⁴ В ноте от 30 мая 1928 г. последовало первое официальное заявление Китая с претензией на Большой Уссурийский и Тарабаровы острова и переносе границы с протоки Казакевича под Хабаровск. Заявление было отклонено советской стороной. В 1929 г. в связи с обострением обстановки на советско-китайской границе, выразившейся в провокациях белокитайцев на границе, конфликте на КВЖД, эти острова были взяты под охрану подразделениями Красной Армии и пограничной охраны. С этого времени острова стали активно осваиваться советской стороной [14, л. 31].

угрозы», Ши Люй-бэнь заверил, что в Сахалян будут даны надлежащие указания на этот счет [6, с. 613].

3 января 1935 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков сообщил полномочному представителю СССР в Японии К.К. Юреневу и и. о. генерального консула СССР в Харбине Н.Я. Райvidу (информирован был и уполномоченный НКВД СССР в г. Хабаровске), что некоторые местные власти в Маньчжурии, учитывая возможность скорого заключения соглашения о КВЖД, уже готовили новые конфликты. В частности, будировали вопрос о границах. В последнее время ими особенно выпячивался вопрос об островах под Хабаровском. В связи с этим советское правительство поручило Райvidу заявить протест.

В силу того, что эти действия местных властей отражались на советско-японских отношениях, было решено обратить внимание на эту проблему временного поверенного в делах Японии в СССР Ш. Сако. При беседе с Сако советский представитель, врио заведующего II Восточным отделом НКВД СССР, М.В. Юшкевич показал тому оригинальную карту, приложенную к договору 1860 г., на которой ясно было видно, что граница проходила по протоке Казакевича и острова принадлежали Советскому Союзу. Такой же экземпляр договорной карты должен был быть и у маньчжурской стороны. Советское правительство просило японское правительство, чтобы оно в силу существовавших особых и тесных отношений между ним и Маньчжоу-Го использовало свое влияние в Маньчжурии, чтобы игра с огнем была прекращена. Сако заявил, что вопрос для него совершенно новый и что он примет меры и донесет о нем в Токио [6, с. 16-17].

26 июня 1935 г. Хирота на встрече с К.К. Юреневым заметил, что японское правительство не против переговоров о комитетах, и необходимо, чтобы СССР предложил свой проект положения о них. В заключение Хирота сформулировал свои высказывания о пограничных комитетах следующим образом: «Для предотвращения и улаживания конфликтов, могущих возникнуть на границе заинтересованных государств, продолжение (возобновление) переговоров, которые велись ранее, является кратчайшим путем» [6, с. 412-413].

1 июля 1935 г. в ноте полномочного представителя СССР в Японии К.К. Юренева министру иностранных дел Японии Хирота и обратил внимание последнего на сообщение издающейся в Харбине газеты «Дабэй синь-бао» от 19 июня, согласно которому Харбинское управление речного судоходства Маньчжоу-Го приняло решение отправить свои суда в обход водной границы между СССР и Маньчжоу-Го, проходящей по протоке Казакевича, и явочным порядком установило плавание маньчжурских судов в обход принадлежащего СССР острова Саньдзочжоу, по внутренним водам СССР – мимо г. Хабаровска. «Японо-маньчжурским властям не может не быть известно, – говорилось в но-

те, – что их утверждение, будто граница между Маньчжоу-Го и СССР проходит не по протоке Казакевича, а в обход упомянутого острова Саньдзочжоу, у г. Хабаровска, абсолютно ни на чем не основано и ясно опровергается подлинной разменной пограничной картой, приложенной к Пекинскому договору 1860 г. На этой карте, которая в прошлом году была предъявлена НКВД японскому поверенному в делах г. Сако, пограничная линия ясным образом, не допускающим двух толкований, проведена по протоке Казакевича, а остров Саньдзочжоу помечен пограничным знаком литер «Е» [6, с. 433].

4 июля 1935 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков поручил полномочному представителю СССР в Японии К.К. Юреневу немедленно сообщить Хирота о согласии советского правительства принять японское предложение о создании смешанной маньчжуро-советской или японо-советской пограничной комиссии для разбора конфликтов по нарушению границ [6, с. 436].

28 июля 1935 г. Б.С. Стомоняков сообщил К.К. Юреневу, что тому послан советский проект конвенции с Японией об установлении института пограничных представителей или пограничных комитетов [6, с. 463].

10 августа 1935 г. Б.С. Стомоняков телеграфировал К.К. Юреневу: «Правительством утвержден проект соглашения о советско-японо-маньчжурских погранкомитетах, посланный Вам последней почтой. По получении проекта и при отсутствии у Вас каких-либо вопросов по проекту вручите его немедленно Хирота».

17 августа 1935 г. Юренев передал Хирота советский проект конвенции с Японией об установлении института пограничных представителей или пограничных комитетов и дал разъяснение по всем основным пунктам. К.К. Юренев напомнил, что в своей ноте от 1 июля 1935 г. он обратил внимание Хирота на ничем не обоснованные и находящиеся в очевидном противоречии с Пекинским договором 1860 г. стремления японо-маньчжурских властей пересмотреть границу в месте слияния Уссури и Амура и на все опасности для дела мира от возмещаемых маньчжурской прессой безответственных попыток насильственного прохода маньчжурских судов мимо г. Хабаровска с целью установления явочным порядком новой границы. Советское правительство ожидало, что японское правительство обратит должное внимание на это его сообщение и примет серьезные меры для предотвращения этих опасных махинаций [6, с. 481].

13 октября 1935 г. Б.С. Стомоняков поручил К.К. Юреневу лично переговорить с Хирота и указать на то, что японское правительство до сих пор не ответило на наш проект конвенции, врученный ему еще 17 августа 1935 г. Копию ноты была вручена в Москве японскому послу [6, с. 528].

14 октября 1935 г. К.К. Юренев ознакомил с нотой Хирота, который спросил, предполагает ли советская сторона привлечь в комиссию по расследо-

ванию инцидента, кроме представителей СССР, только маньчжур или только японцев. Юренив ответил, что комиссия должна быть создана на тех же началах, что и согласительная комиссия, образованная на основании соглашения о продаже КВЖД. Далее советский представитель напомнил Хирота о том, что Советское правительство до сих пор не имело ответа на наш врученный ему 17 августа проект конвенции об урегулировании пограничных инцидентов.

Хирота ответил, что большую роль в конфликтах играет «неустановленность, неясность» границы между Маньчжоу-Го и Советским Союзом и что поэтому было бы очень важно уточнить неясные пункты границы. Юренив ответил, что для СССР таких «неясных» пунктов не существует.

Министр иностранных дел Японии заявил, что, поскольку обе стороны обвиняют друг друга в нарушении границы, возникает необходимость «приведения в ясность пограничной линии». Юренив повторил ему свое заявление насчет границы и сказал, что хотел бы иметь его ответ на советское предложение о смешанной комиссии. Хирота ответил, что он должен снестись по этому вопросу с Маньчжоу-Го, после чего японское правительство и даст свой ответ. Затем Хирота вновь заявил, что для избежания пограничных конфликтов нужно внести ясность в вопрос о границе и что он просит Советское правительство дать ему ответ по этому вопросу. К.К. Юренив сказал, что надеется на то, что ввиду важности последних событий на границе министр даст ему срочный ответ на советское предложение о комиссии. Что касается поднятого вопроса о границах, то он сообщит об этом советскому правительству.

По мнению К.К. Юренива, официальная постановка Хирота вопроса о границе свидетельствует о том, в каких целях создавался «квантунцами» пограничный конфликт [6, с. 530–531].

4 ноября 1935 г. К.К. Юренив в ноте министру иностранных дел Японии Хирота отметил, что причиной многочисленных конфликтов отнюдь не является «неясность границ между Маньчжоу-Го и СССР», как это утверждал Хирота в своем меморандуме от 25 октября. Границы СССР и Маньчжоу-Го ясно определены рядом договоров, заключенных в свое время между Россией и Китаем, и приложенных к ним карт. Обязательность этих договоров для Маньчжоу-Го была провозглашена его правительством при образовании Маньчжоу-Го. Границы, установленные этими договорами, не могут, таким образом, вызывать никаких сомнений, чем объясняется и то обстоятельство, что до прихода японской армии в Маньчжурию инцидентов на границе и конфликтов с маньчжурскими властями, подобных нынешним, не происходило [6, с. 550–551].

10 января 1936 г. К.К. Юренива имел беседу с Хирота, который в конце беседы сказал, что работу над улучшением наших отношений следовало бы начать с обследования и установления пограничной линии, но Советский Союз,

к сожалению, против этого. Юренев ответил, что граница точно установлена и что лучше было бы подумать о создании пограничных комитетов, на что Хирота ответил, что создается трудное положение, ибо точки зрения Маньчжоу-Го и СССР по этому поводу совершенно расходятся [3, с. 24].

9 марта 1936 г. Б.С. Стомоняков вызвал Ота и вручил ему проект положения о смешанной комиссии для расследования инцидента 30 января и сформулировал советскую позицию в трех пунктах; а) Советское правительство возражало против пересмотра существующих границ; б) Советское правительство принципиально не возражало против редемаркации, под которой оно понимало не совершенно новую демаркацию, а лишь проверку, в порядке ли прежняя демаркация; в) ускорение редемаркации зависело исключительно от японского правительства, поскольку непременным условием редемаркации являлось прекращение нападения на советскую территорию и восстановление спокойствия на границе [3, с. 132–133].

В 23 и 27 апреля 1936 г. только что назначенный на должность министра иностранных дел Японии Х. Арита встретился с полпредом СССР в Японии. Арита сообщил, что он не является принципиальным противником создания пограничных комиссий на всей советско-маньчжурской границе, но, считает необходимым сначала ограничиться образованием комиссии по редемаркации и комиссии по разрешению конфликтов только на восточном участке этой границы. До этого необходимо установить «неясные места границы» [1, с. 133–134].

19 января 1937 г. состоялась беседа полномочного представителя СССР в Японии с заместителем министра иностранных дел Японии Хориноути. Границы не могут быть подвергнуты сомнению, но это не означает, что Москва против редемаркации. Дело за Токио [7, с. 48–50].

В конечном итоге, переговоры по редемаркации маньчжуро-советской границы ни к чему не привели из-за негативной позиции японской стороны.

К началу Великой Отечественной войны советско-китайская граница оставалась недостаточно точно описанной на договорных документах и практически не обозначенной (не демаркированной) на местности.

Список источников и литературы

1. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 – июнь 1941 г.). М.: Типография газеты «Правда», 1946.
2. Документы внешней политики СССР / Министерство иностранных дел СССР. Т. 16. 1 января - 31 декабря 1933 г. М.: Политиздат, 1970.
3. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. 1 января – 31 декабря 1936 г. М.: Политиздат, 1974.
4. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. 1 января – 31 декабря 1934 г. М.: Политиздат, 1971.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января – 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973.
6. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января – 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XX. Январь – декабрь 1937 г. М.: Политиздат, 1976.
8. Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998.
9. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005.
10. О демаркации российско-китайской государственной границы / Авт. кол. : Киреев Г.В., Архаров Ю.А., Рыженко А.Г., [и др.]. – М. : [б. и.], 2000.
11. Письмо руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны Е.И. Аникина члену Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Е.И. Наздратенко от 23 октября 1996 г. // Текущий архив Администрации Приморского края.
12. Справка о российско-китайской границе и ходе демаркационных работ // Текущий архив Администрации Приморского края.
13. Ткаченко Б. Дипломатия наизнанку // Некоторые проблемы демаркации российско-китайской границы. 1991–1997 гг. Сборник статей и документов. М.: Независимая газета, 1997.
14. Центральный пограничный архив ФСБ РФ. Ф. 174. Оп. 53.

УДК 94 (4)

*С.Ю. Гамалей, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент*

КУКОЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье приводится краткий обзор развития кукольных театров в России в период становления советской власти. Особое внимание автор уделяет процессу создания кукольных театров на Дальнем Востоке. Автор выделяет специфические особенности творческой деятельности Краевого кукольного театра г. Хабаровска и городского кукольного театра Комсомольска

на Амуре, выраженные в специфике репертуара и гастрольной деятельности. В заключении автор статьи констатирует, что творчество данных коллективов было востребовано зрителем, но продлилось не долго, в условиях начавшейся Великой Отечественной войны кукольные театры Дальнего Востока прекратили свое существование. А их новый этап работы начнется лишь в мирное время.

Ключевые слова: краевой кукольный театр, детский репертуар, Наркомпрос, театральный сезон, Дальневосточное краевое управление по делам искусств.

S.Yu. Gamaley, associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, candidate of historical Sciences, associate Professor

PUPPET THEATERS OF THE FAR EAST ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article provides a brief overview of the development of puppet theaters in Russia during the formation of Soviet power. The author pays special attention to the process of creating puppet theaters in the far East. The author highlights the specific features of the creative activity of the Regional puppet theater of Khabarovsk and the city puppet theater of Komsomolsk on Amur, expressed in the specifics of the repertoire and touring activities. In conclusion, the author States that the creativity of these groups was in demand by the audience, but did not last long, in the conditions of the great Patriotic war puppet theaters of the Far East ceased to exist. And their new phase of work will begin only in peacetime.

Keywords: regional puppet theater, children's repertoire, people's Commissariat for Culture, theater season, Far Eastern regional Department for arts.

Кукольные театры не были известны в период существования Российской империи, хотя такой кукольный персонаж как Петрушка встречался на Всероссийских ярмарках еще с XIV века. Именно с Петрушкой многие авторы связывают начало кукольного театрального искусства в России. Однако представления с участием «Петрушки» были рассчитаны не на детскую аудиторию, а на людей любого возраста, с целью их развлечения.

С установлением советской власти, в октябре 1917 г., при Наркомпросе был создан театральный отдел, именно он, зимой 1918 года, через газету «Известия» и журнал «Искусство» обратился ко всем профессионалам и любителям,

«оказать помощь в организации кукольных театров в стране»[9, с. 36.]. В результате, несмотря на начавшуюся Гражданскую войну, в крупных городах России, начинают свою работу кукольные театры. Первый из них открылся в Саратове в октябре 1918 г., а в декабре уже состоялся первый спектакль кукольного театра в Москве. Несмотря на их уникальность, активному творчеству новых коллективов мешали сохраняющиеся в России условия военного времени, поэтому созданные в эти годы кукольные театры постепенно самоликвидировались.

Только в условиях НЭПа, начинается активное развитие театров для детей, с целью их воспитания и вовлечения в культурную жизнь страны. К 1930-му году количество детских театров в стране достигло 30, некоторые из них были кукольные[9, с. 14].

В 1931 г. рождается самый известный кукольный театр в мире- кукольный театр С.В.Образцова. Успех данного коллектива раскрыл широкие возможности данного вида искусства: декорации, спектакли восхищали публику. Активная творческая деятельность кукольного театра С.В.Образцова, организованные коллективом гастроли по городам страны, дали мощный толчок для создания кукольных театров, во всех регионах страны. В результате в 1937 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР объявил о проведение первого Всероссийского смотра кукольных театров. Дальневосточный край не смог выставить на этот конкурс свой коллектив, поскольку кукольных театров в регионе не было. Но возможно именно это и заставило Краевой комитет по делам искусств обратить внимание на создание в регионе кукольного театра для обслуживания детской аудитории.

Первый Краевой показательный кукольный театр начал свой творческий путь в 1937 г. в Хабаровске на улице Запарина. По приказу Краевого управления по делам искусств от 25 марта 1937 г. он был переведен на полный хозрасчет с выделением на самостоятельный баланс и присвоением всех функций самостоятельной хозяйственной единицы. Численный состав театра в данный момент не превышал 10 человек [6, с.1].

Уже летом 1937 г новообразовавшийся театр был отправлен в гастрольную поездку по Дальневосточному краю. 9 июня 1937 г. на теплоходе «Сталин», коллектив выезжает в Комсомольск на Амуре. За время гастрелей актерская труппа успешно показала спектакли «Сказка о попе и работнике его Балде» по сказке А.С.Пушкина, русские народные сказки «Репка», «Девочка и Медведь», «Гусенок». На протяжении всего лета коллектив побывал в г. Николаевск на Амуре, в г. Куйбышеве и Благовещенске. В августе обслуживал пионерские лагеря в Хабаровске.

Сезон 1937–1938 года начался успешно, из интересных постановок данного периода можно выделить пьесу, написанную по сказке К.И. Чуковского «Мойдодыр», а также сказку «Три поросенка», и пьесу по рассказу советского

писателя Г. Матвеева «Красный флаг». Однако, несмотря на расширение репертуара, коллективу театра по итогам года не удавалось выполнять производственно - финансовый план в полном объеме, о чем констатировалось в приказах Краевого управления по делам искусств при подведении итогов. [7, с. 40].

С 1938 г. по всей стране начинают усиливаться требования к трудовой дисциплине на предприятиях, это коснулось и учреждений культуры. Так с февраля 1938 г. в театре была введена шести дневная рабочая неделя, прибывать на работу требовалось за 30 мин до начала спектакля [7, с. 25]. Одновременно в марте 1938 г. Дальневосточное краевое управление по делам искусств провело проверку в Краевом театре кукол выявив ряд существенных недостатков, прежде всего это отсутствие плановости, твердого руководства и качественной политико-воспитательной работы. За все эти недостатки к дисциплинарной ответственности привлекли директора театра М.А.Павлова, которому велели устранить замечания, укрепить трудовую дисциплину и повысить творческий уровень актеров, иначе как прописывалось в приказе «он будет привлечен к более суровой ответственности» [2, с. 51].

Данная формулировка не удивительна, ведь в это же время идет массовый поиск «врагов народа» по всей стране, подобные люди были «найжены» и в кукольном театре. Так из приказов мы узнаем об увольнение «Н.К. Козина за пособничество врагам народа» [7, с. 2]. Как сложилась судьба данного деятеля нам не известно.

Но творческая жизнь театра продолжалась. Летом 1938 г. Краевой театр кукол вновь выехал на гастроли по маршруту Спасск, Ворошилов, Владивосток, Сучан. В июле 1938 г. спектакли данного коллектива можно было увидеть на летней театральной площадке в Парке культуры и отдыха г. Хабаровска. Всего за год работы театр посетило более 60 тыс. зрителей.

Сезон 1938–1939 года так же был насыщен творческими поездками. В феврале 1939 г. театр гастролировал в Архаре, в апреле совершил длительную поездку по населенным пунктам, расположенным по маршруту Дальневосточной железной дороге, в мае на пять дней выезжал на станцию п. Хор. 30 августа 1939 г. премьерой спектаклей «Мой рыцарь» и «Веселые путешественники» театр завершил театральный сезон [7, с. 52].

Но данный год был наполнен не только творческими успехами, но и кропотливой работой по совершенствованию актерского мастерства. Так в целях творческого роста для актерского состава театра, был организован цикл лекций по курсу «Мастерство актера», а художественный руководитель театра В.В.Жвакин и несколько актеров были откомандированы на учебу в Ленинградский кукольный театр сроком на 6 месяцев, что свидетельствует о взаимодействии кукольный театров страны [7, с. 62].

Однако в 1938 г. у Краевого театра кукол, появляется конкурент в лице кукольного театра г. Комсомольска. Так по инициативе краевого комитета ВКП(б) 27 июня 1938 г. был создан филиал Краевого театра кукол в г. Комсомольск на Амуре. Основная проблема нового коллектива, численный состав которого составлял лишь 7 человек, заключалась в отсутствии собственного помещения, поэтому репетиции спектаклей актеры вынуждены были проводить в клубе «Ударник» после проходимых там киносеансов. Чтобы ликвидировать данную ситуацию зимой 1939 г. коллективу выделили помещение в школе № 1, но директор школы негативно отнесся к данному соседству, всячески препятствуя работе труппы. Проблемы у Комсомольского кукольного театра состояли и в отсутствии декораций к спектаклям. В результате Краевой отдел по делам искусств принимает не верное решение, передать из Хабаровского краевого театра кукол, именно такое наименование он получает с мая 1939 г., в Комсомольский театр кукол реквизит такого популярного спектакля как «Красный флаг» (Г. Матвеев). Это пошатнуло и без того тяжелое материальное положение Хабаровского краевого театра кукол.

Несмотря на потерю популярного спектакля, репертуарный план Хабаровского краевого театра кукол на сезон 1939–1940 г. был утвержден. А в декабре получив специальный утепленный вагон, коллектив вновь выехал на гастроли по Дальневосточной железной дороге. В репертуар вошли спектакли «Мойдодыр», «Гусенок», «Ледяная горка» [7, с. 57]. По итогам данной поездки коллективу театра была вынесена благодарность от начальника политотдела Дальневосточной железной дороги.

Летом 1940 г. по путевке крайкома ВЛКСМ театр отправляется на обслуживание уборочной компании, в репертуаре появляются и новые спектакли «Потапыч», «Волшебная калоша» [8, с. 21].

Отметим, что все гастроли коллектива проходили успешно, зритель с удовольствием принимал актеров театра, репертуар. Однако театр по-прежнему являлся убыточным предприятием, ежегодный хозяйственно-производственный план недовыполнялся [4, с. 123].

Не удачно складывалась деятельность и Комсомольского кукольного театра. За период 1938–1940 годы театр фактически влачил жалкое существование: нехватка кадров, реквизита, кукол не позволяло актерскому коллективу качественно осуществлять свою работу, как результате, не один ежегодный план по обслуживанию зрителей не был выполнен. В этой связи режиссера Хабаровского краевого театра кукол В.В. Жвакина и заведующего музыкальной частью А.И. Перелыгина перевели на работу в Комсомольский театр, им поручалась усилить качество работы творческого коллектива [8, с. 34]. Данные перестановки положительно сказались на деятельности Городского кукольного театра, ко-

торый успешно начал сезон 1940–1941 г. постановкой «Красный флаг» (Г. Матвеева).

В этот же время перемены наблюдались и в Хабаровском краевом театре кукол, где на должность художественного руководителя встал М.А.Павлов [8, с. 36], общий актерский состав театра увеличился до 19 человек. В октябре 1940 г. Хабаровский краевой театр кукол получает собственное здание и начинает работу по его переоборудованию.

Только в течении зимних каникул коллектив театра обслужил 11 тыс школьников на елках, организованных в детских домах, домах пионеров и клубах. По итогам данной работы 6 работников театра были премированы грамотами [5, с. 3]. В марте – мае 1941 г. состоялась гастрольная поездка по линии Амурской железной дороги.

Важным и радостным событием в жизни г. Хабаровска стал приезд в мае 1941 г. с гастролью Центрального государственного театра кукол под руководством С. Образцова. Театр показал свои знаменитые спектакли «Волшебная лампа Алладина», «Кот в сапогах», «Путешествие в странные страны» [1, с. 1], актеры Хабаровского краевого театра кукол с удовольствием перенимали опыт талантливого коллектива, который не только показывал спектакли, но и делился своими наработками. Данные гастроли были не случайны ведь на ноябрь 1941 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР запланировал проведение очередного Всесоюзного смотра театров кукол [3, с. 14]. В котором дальневосточный коллектив хотел принять участие.

Но данным планам не удалось реализоваться. В связи с началом Великой Отечественной войны, большим оттоком населения на фронт, необходимостью перераспределения системы финансирования, начинается сокращение количества театральных коллективов по всей стране. В августе 1941 г. кукольные театры Хабаровска и Комсомольска были закрыты.

Несмотря на их ликвидацию, коллективы кукольных театров, за период своей деятельности с 1937–1941 г., внесли большой вклад в развитие театрального искусства для детей, в дальневосточном регионе. «Маленький зритель» не просто посещал спектакль, он учился у кукольных персонажей добру и справедливости. Поэтому ликвидация кукольных театров являлась временной мерой, после окончания Великой Отечественной войны кукольные театры вновь начнут свою творческую деятельность в городах Дальнего Востока.

Список источников и литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп.7. Д. 705.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф. 1691. Оп. 1. Д. 3.

3. ГАХК. Ф. 1691. Оп.1. Д. 9.
4. ГАХК. Ф. 1691. Оп.1. Д. 10.
5. ГАХК. Ф.1691. Оп 1. Д. 11.
6. ГАХК. Ф.1692. Оп 1. Д. 1.
7. ГАХК. Ф.1692. Оп 1. Д. 2.
8. ГАХК. Ф.1692. Оп 1. Д. 3.
9. История развития кукольного театра. М. : Изд-во «Нева», 2000. 134 с.
10. Куклы мира. Самые красивые и знаменитые. Мир энциклопедий. – М. : Изд-во «Аванта», 2006. – 184 с.

УДК 930 + 908

С. А. Головин, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 1920–1930-е ГОДЫ

Данная статья обращена к страницам истории Дальнего Востока России в 1920–1930-е гг. и посвящена формированию советской административно-политической системы в регионе. Отдельное внимание уделено особенностям и своеобразию её организации и эволюции; параллельному функционированию советских и партийных органов власти, совокупность которых реализовывала на практике основные направления государственной политики на Дальнем Востоке СССР и контролировала осуществление планов индустриальной модернизации в регионе.

Ключевые слова: Дальний Восток России, административно-политическая система, Советы, революционные комитеты, партийные комитеты, исполнительные комитеты.

S.A. Golovin, Professor of the Department of Russian history and special historical disciplines of the Blagoveshchensk state pedagogical University, doctor of historical Sciences, associate Professor

FORMATION OF THE ADMINISTRATIVE-POLITICAL SYSTEM OF THE SOVIET STATE IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE 1920–1930-YEARS

This article is directed to the pages of the history of the Russian Far East in the 1920–1930s and is dedicated to the formation of the Soviet administrative-political system in the region. Special attention is paid to the features and originality of its organization and evolution; the parallel functioning of the Soviet and party authorities, the totality of which implemented in practice the main directions of state policy in the Far East of the USSR and controlled the implementation of plans for industrial modernization in the region.

Keywords: Russian Far East, administrative-political system, Soviets, revolutionary committees, party committees, executive committees.

Дальневосточная республика просуществовала как самостоятельная государственная единица до 14 ноября 1922 г., когда Народное Собрание Дальневосточной республики второго созыва (избранное 25 июня 1922 г. – 85 мест из 124 получили большевики и их союзники), открывшееся в г. Чите 13 ноября 1922 г., 88 голосами (на съезд прибыл 91 депутат) решило: «1. Народное собрание ДВР объявить распущенным. 2. На всем Дальнем Востоке объявить власть Советов. 3. Демократическую Конституцию ДВР и ее законы объявить отмененными. 4. Просить ВЦИК и Съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой РСФСР... 5. Создать Дальневосточный революционный комитет, которому передать всю полноту власти и поручить провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией...» [6, л.107–108; 24].

Избранный Народным Собранием Дальревком в своей декларации от 15 ноября 1922 г. декларировал вхождение всех областей ДВР, северного Сахалина, Охотского побережья и КВЖД в состав РСФСР и наметил порядок перехода к советской власти. Органы власти ДВР продолжали временно выполнять свои функции до получения распоряжения о порядке их ликвидации Ревкомаами и дальнейшей замене Советами [6, л. 108; 23].

Постановлением ВЦИК РСФСР от 16 ноября 1922 г. власть правительства ДВР с ее министерствами была передана Дальревкому, высшему исполнительному и распорядительному органу власти в образованной в составе РСФСР Дальневосточной области в составе: П.А. Кобозев (председатель в 1922–

1923 г.), члены – Я.Д. Янсон, Н.А. Кубяк, И.П. Уборевич, Г.Н. Корнев, М.Н. Матвеев, П.П. Постышев.

Члены Дальревкома назначались Президиумом ВЦИК. В 1920–1930-е гг. Дальревком возглавляли: в 1923–1924 гг. – В.Н. Павлов, 1924–1928 гг. – Я.Б. Гамарник (в 1926 г. Дальревком был преобразован в Далькрайисполком), 1928–1931 гг. – В.Н. Асаткин, 1931–1933 гг. – А.И. Буценко, 1933–1937 гг. – Г.М. Крутов, 1937–1938 гг. – Я.Б. Полуян [11, с. 12].

Функции Дальревкома состояли в принятии всех необходимых мер для становления советской власти на Дальнем Востоке, руководстве всеми хозяйственными и административными органами. В Дальревкоме были соединены законодательные и исполнительные функции, он был наделен ВЦИКом чрезвычайными полномочиями, отличными от прав типовых областных и краевых исполкомов. Положение о Дальревкоме, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 25 июля 1923 г., предоставляло ему право (за коллективной ответственностью его членов) приостанавливать или изменять постановления центральных органов власти с последующим извещением центра о произведенных изменениях. Данное право действовало в случаях затруднения практического воплощения постановлений центральной власти из-за местных условий и необходимости корректировки этих постановлений в соответствии с местными особенностями. Наделение Дальревкома чрезвычайными правами было обусловлено приграничным статусом Дальнего Востока и расположением на расстоянии более семи тыс. км от центра страны [8, л. 63].

Особый статус края в первой половине 1920-х гг. проявился в принятии по ходатайству Дальревкома специально для ДВО следующих законоположений: постановления СНК РСФСР от 2 марта 1923 г. о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке; постановления Президиума ВЦИК от 14 апреля 1923 г. об изменении избирательных норм представительства для Дальнего Востока; двух постановлений СТО от 2 мая 1923 г. об аренде угленосных площадей и об открытии Охотско-Камчатской области для занятия горным промыслом; постановления СТО от 3 мая 1923 г. о порядке возобновления договоров на занятие горным промыслом; постановления СТО от 8 июня 1923 г. о беспошлинном ввозе товаров на рыбалки Дальнего Востока; постановления СНК от 19 июня 1923 г. об эксплуатации лесных участков; декрета ВЦИК и СНК от 3 августа 1923 г. об урегулировании денежного обращения на территории ДВО; декрета ВЦИК и СНК от 26 ноября 1923 г. об отмене частной собственности на строения в городах ДВК.

В том же 1923 г. были санкционированы и облечены в форму декретов принятые Дальревкомом постановления о борьбе со спаиванием народностей Севера; об изменениях таможенного тарифа; об изменении налогового законо-

дательства; об учреждении особой транзитной части Владивостокского торгового порта и о дополнении Уголовного кодекса рядом статей, предусматривавших бытовые преступления, распространенные среди народностей северных окраин [5, л. 101–103].

Дальревком постепенно вводил в ДВО законодательство РСФСР, отменив основной закон (конституцию) ДВР и утвердив с 15 ноября 1922 г. Конституцию РСФСР. Немедленно ввести в действие остальное законодательство РСФСР было невозможно в силу ряда особенностей финансово-экономической жизни края – хождения иностранной валюты (иены), свободного обращения золотой и серебряной монеты царской чеканки и т.п. Поэтому временно действовали законы бывшей ДВР, регулировавшие финансово-экономическую систему Дальнего Востока, которые не противоречили новой экономической политике.

Только 16 ноября 1923 г. Дальревком принял постановление, вводившее на территории Дальнего Востока все декреты и другие законодательные акты центральных органов СССР и РСФСР. Данное постановление отменяло все законы бывшей ДВР, за исключением небольшого количества точно перечисленных законов (оставленных временно). Постановлением Дальревкома вновь издаваемые законы и ведомственные распоряжения СССР и РСФСР вступали в законную силу на территории Дальнего Востока автоматически, в общеустановленном для всей территории СССР порядке [5, л. 101].

С момента создания Дальревкома, для административного и хозяйственного управления ДВО, при нем были организованы отделы, в своем большинстве возглавляемые уполномоченными народных комиссариатов (внутренних дел, финансов, земледелия и др.). Помимо отделов при Дальревкоме существовали временные комиссии (юридическая, финансово-бюджетная, по борьбе с бандитизмом и др.), количество которых не было постоянным (по мере выполнения своих задач некоторые из них упразднялись) [8, л. 64–65].

Губернские ревкомы были образованы на Дальнем Востоке вслед за воссоединением ДВР с РСФСР [4, л. 204]. Состав губревкомов определялся Дальревкомом от 3 до 5 человек, их структура копировала структуру Дальревкома. Уездные ревкомы на Дальнем Востоке были повсеместно образованы к концу 1922 г., а волостные ревкомы в начале 1923 года. Сельские ревкомы действовали до июля 1923 г., вплоть до первых выборов в сельские советы. Председатели и члены ревкомов утверждались вышестоящими ревкомами.

В связи с проведением в июле 1923 г. (в Приморье в марте 1923 г.) повсеместных выборов в советы в ДВО (кроме Камчатки и Сахалина) стали организовываться губернские, уездные, волостные и сельские исполнительные комитеты советов, которым передавали всю власть губернские, уездные, волостные и сельские ревкомы. Губисполкомы, волисполкомы и уисполкомы, реорга-

низованные в январе 1926 г., по своей структуре и задачам, ничем не отличались от таких же типовых исполнительных комитетов Союза ССР.

Губернский и волостные ревкомы на Камчатке просуществовали до апреля 1926 г., когда постановлением Дальревкома от 26 января 1926 г. были заменены соответственно окружным и районным революционными комитетами. В 1928 г. последние передали свои полномочия окружному и районному исполнительным комитетам советов. В северной части Сахалина, после вывода японских войск, постановлением Дальревкома от 8 января 1925 г. был создан губревком, с непосредственным подчинением Дальревкому, и районные ревкомы. После проведения выборов в советы в начале 1928 г. районные ревкомы на северном Сахалине были заменены райисполкомами, а окружной ревком (в 1926 г. вместо Сахалинской губернии был образован Сахалинский округ) заменен избранным 21 января 1929 г. первым Сахалинским окружным съездом советов окружным исполкомом [6, л. 109–110].

Одновременно с организацией Дальревкома, на основе декрета ВЦИК от 30 июня 1921 г., для разрешения вопросов, связанных с экономической жизнью и для руководства деятельностью всех хозяйственных органов, находившихся на территории Дальнего Востока, в декабре 1922 г. было организовано Дальне-Восточное областное экономическое совещание, являвшееся представителем Экономического совещания РСФСР в ДВО. В состав Дальэконосо с правом решающего голоса входили уполномоченные наркоматов финансов, путей сообщения, внешней и внутренней торговли, рабоче-крестьянской инспекции, ЦСУ, Дальне-Восточного промышленного бюро ВСНХ, председатель Дальневосточного бюро ВЦСПС, секретарь краевого комитета ВКП(б), полномочный представитель ГПУ.

Хозяйственные организации входили в Дальэконосо с правом совещательного голоса. Председателем Дальэконосо являлся председатель Дальревкома, его заместителем – заместитель председателя Дальревкома. Технического аппарата Дальэконосо не имел и обслуживался техническим аппаратом секретариата Дальревкома. В трех губерниях ДВО – Забайкальской, Амурской и Приморской (при соответствовавших губревкомах) существовали Губернские экономические совещания на основе типового положения (в 1923 г. декретом СТО ликвидированы) [8, л. 65–66].

На правах технической комиссии при Дальэконосо существовала Дальне-Восточная плановая комиссия, в задачи которой входило составление перспективного и оперативного планов хозяйства ДВО, рассмотрение и согласование планов по отраслям хозяйства (представляемых ведомствам), изучение производственных ресурсов региона. Организационно Дальне-Восточная плановая комиссия состояла из Президиума в составе девяти человек, назначаемых Даль-

ревкомом, и председателя плановой комиссии, являвшегося заместителем председателя Дальревкома. Плановая комиссия имела специально созданный аппарат, с привлечением в свой состав ряда научных работников. По своей структуре плановая комиссия складывалась из секций – сельскохозяйственной, промышленной, финансово-бюджетной; советов – колонизационного, конъюнктурного; Кабинета народного хозяйства при Дальплане. При соответствовавших губисполкомах были созданы губернские плановые комиссии в Чите, Благовещенске, Владивостоке, Петропавловске-на-Камчатке [8, л. 66–67].

В ноябре 1922 г. было организовано Дальневосточное промышленное бюро (Дальпромбюро) при Дальревкоме как орган ВСНХ, контролировавшее работу государственных предприятий и регулировавшее деятельность частного сектора в экономике региона. В Дальпромбюро действовало два функциональных отдела – производственный и финансово-коммерческий. В связи со слабым развитием промышленности на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. губернские отделения Дальпромбюро – губсовнархозы (за исключением Приморской губернии) не создавались. Функции губсовнархозов ДВО, согласно постановлению Дальревкома, исполняли уполномоченные Дальпромбюро при губревкомах. Основными функциями уполномоченных Дальпромбюро при губревкомах являлись организация, общее управление и контроль над государственной промышленностью и государственной торговлей. Специальные органы по управлению и регулированию общественного производства в уездах и волостях не создавались. Где это вызывалось необходимостью – наличием промышленных предприятий, – губернским уполномоченным Дальпромбюро разрешалось иметь своих представителей (уполномоченных) [2, с. 77].

В задачи Дальне-Восточной концессионной комиссии (отделения Главконцесскома), учрежденной 16 декабря 1922 г., входило предварительное ведение переговоров с заинтересованными лицами по всем объектам концессионных ресурсов ДВО, выработка заключений по поступившим предложениям иностранных компаний и формулировок предварительных договоров, затем поступавших на рассмотрение Главконцесскома. Организационно Дальконцеском состоял из шести членов и технического аппарата [8, л. 67].

С образованием ДВК и переходом на окружную и районную систему административно-территориального устройства Дальревком передал власть I Дальневосточному краевому съезду советов (15–23 марта 1926 г.). Съезд избрал первый состав Дальневосточного краевого исполнительного комитета советов (Далькрайисполкома) [5, л. 99]. Губисполкомы, укомы и волисполкомы с марта–апреля 1926 г. прекратили свою деятельность и были заменены соответственно окружными и районными исполнительными комитетами советов (окрисполкомами и райисполкомами). Существовавшая до 1926 г. схема административного

управления: Дальревком – губисполком – уисполком волисполком – сельсовет, с переходом к районированной системе замещалась новой моделью управления: Далькрайисполком – окрисполком – райисполком – сельсовет [6, л. 110].

Система административного управления после районирования сократилась на 1,8 тыс. (26,3%) управленческих единиц; вместо 11 наименований различного рода органов власти осталось только четыре; по сети низовых ячеек власти – сельсоветов было проведено разукрупнение, приведшее к увеличению численности сельсоветов на 326 единиц (табл. 1).

Таблица 1

Структура органов власти ДВО (ДВК) в 1926 г.

До районирования		После районирования	
органы власти	число	органы власти	число
1. Дальревком	1	1. Крайисполком	1
2. Губисполкомы	3	2. Окрисполкомы	9
3. Губревкомы	1	3. Райисполкомы	75
4. Окрревкомы	1	4. Сельсоветы	1604
5. Уисполкомы	13		
6. Уревкомы	4		
7. Райревкомы	4		
8. Волисполкомы	96		
9. Волревкомы	15		
10. Сельсоветы	1278		
11. Сельревкомы	91		

Источник: ГА ХК. Ф. 791. Оп. 2. Д. 3. Л. 83–84.

Структура Далькрайисполкома организационно состояла из Президиума (со своими комиссиями), отделов, управлений, управлений уполномоченных Народных комиссариатов [4, л. 111]. При Президиуме Далькрайисполкома был образован краевой комитет содействия туземцам Дальнего Востока и учреждена должность уполномоченного по делам национальностей. Структура Далькрайисполкома отличалась от организационного строения Дальревкома меньшей численностью управлений уполномоченных центральных Наркоматов, ориентировавшихся на их установки и распоряжения. Законодательно Далькрайисполком, в отличие от Дальревкома, являлся выборным органом [8, л. 69–70]. В своей деятельности Далькрайисполком во второй половине 1920-х гг. продолжал законодательную инициативу Дальревкома.

По представлению Далькрайисполкома правительством был издан специально для ДВК ряд законоположений: постановление СНК РСФСР от 26 октяб-

ря 1926 г. о переселенцах Сахалина; постановление ЦИК и СНК СССР от 24 декабря 1927 г. о порядке исполнения единого госбюджета СССР на территории ДВК; постановление ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1928 г. о сложении недоимок по сельхозналогу с переселенцев, водворяемых в ДВК и др. [5, л. 103–106].

Окрисполкомы в ДВК были избраны в апреле 1926 г. и заменили губисполкомы и уисполкомы. Окружной аппарат власти, более многочисленный, чем уездный, по своим правам был тождественен губисполкому, но по своей структуре отличался от него упразднением ряда отделов (рабоче-крестьянской инспекции, ГПУ и др.), функции которых исполняли отделы Далькрайисполкома.

Райисполкомы на Дальнем Востоке, избранные в марте–апреле 1926 г. и заменившие уисполкомы и волисполкомы, по своему составу были более многочисленным, чем волисполкомы (вместо 3–5 человек в волисполкоме, в райисполкоме служило 15 членов и 5 кандидатов). Райисполком имел сходные с уисполкомом права. В связи с ликвидацией округов окрисполкомы были упразднены и райисполкомам присвоены все права и обязанности окрисполкомов [8, л. 69].

С разделением в 1932–1934 гг. ДВК на области были образованы областные исполнительные комитеты советов – облисполкомы, находившиеся в непосредственном подчинении Далькрайисполкому. Их структура в общих чертах копировала строение Далькрайисполкома, права и обязанности соответствовали функциям бывших губисполкомов.

В результате национально-территориального районирования и перевыборов 1931–1932 гг. были упразднены родовые советы у малых народов ДВК, их заменяли советы по национально-территориальному признаку (мелкие советы объединялись в крупные). Сложилась типовая система советов: окружные съезд и исполкомы, районные съезд и исполкомы, сельские (кочевые) советы. Правовая основа, структура и компетенция новых органов управления определялась «Положением об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР». Советы малых народов были разделены на сельские, где доминировало оседлое население, и кочевые, где преобладало кочевое и полукочевое население. Сельские советы действовали на основе общего «Положения», а кочевые – на основе «Положения о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР», утвержденного 20 августа 1933 г. ВЦИК и СНК РСФСР [12].

Сельский совет к середине 1930-х гг. представлял административную единицу, на территории которой в среднем проживало около 2 тыс. человек, в среднем в одном районе насчитывалось 20 сельсоветов. С 1933 г. сельсовет ведал выдачей удостоверений крестьянам, уезжавшим на заработки, и до 1937 года осуществлял функции сбора налогов (затем эта функция перешла к район-

ным органам власти). Сельсовет середины 1930-х гг. располагал скромным бюджетом (в размере половины месячного оклада председателя) и состоял из председателя и секретаря на окладах (в начале 1930-е гг. председатель сельсовета получал 100–200 рублей в месяц, в зависимости от величины района; секретарь – 80–160 рублей; в 1920-е гг. оклад председателя сельсовета составлял 20 рублей). По своему ранговому статусу должность председателя сельсовета не слишком отличалась от должности председателя колхоза (кадры часто перемещались с одного поста на другой) [22, с. 197].

Параллельно с системой советских органов власти: Далькрайисполком (Дальревком) – облисполком (губисполком, окрисполком) – райисполком (уисполком, волисполком) – сельсовет функционировали партийные органы власти: Далькрайком (Дальбюро ЦК РКП(б)) – обком (губком, окрком) – райком (уездный и волостной комитеты партии) – низовые ячейки партии. Совокупность партийных комитетов фактически реализовывала на практике основные направления государственной политики на Дальнем Востоке и контролировала осуществление планов индустриальной модернизации.

Высший орган партийной власти на Дальнем Востоке – Дальневосточное бюро РКП(б) было создано в апреле 1920 г. по указанию ЦК РКП(б) Сибирским бюро ЦК РКП(б). Дальбюро РКП(б) 13 августа 1920 г. преобразовано в Дальбюро ЦК РКП(б). Первый состав Дальбюро: Н.Г. Гончаров, А.М. Краснощёков, И.Г. Кушнарев, С.Г. Лазо, П.М. Никифоров, А.А. Ширямов. Высший орган РКП(б) – ВКП(б) на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. возглавляли: в 1922–1927 гг. – Н.А. Кубяк (в 1925 г. Дальбюро было преобразовано в Далькрайком), 1927–1928 гг. – Я.Б. Гамарник, 1928–1931 гг. – И.Н. Перепечко, 1931–1933 гг. – С.А. Бергавинов, 1933–1937 гг. – Л.И. Лаврентьев (Картвелишвили), 1937 г. – И.М. Варейкис, 1937–1938 гг. – Г.М. Стацевич, 1938 г. – С.М. Соболев [10, с. 166].

Дальбюро являлось полномочным представительством ЦК РКП(б) в Дальневосточной области и руководило деятельностью губкомов и других нижестоящих партийных организаций, координировало работу хозяйственных, административных и военных органов как областных, так и местных [15, с. 22].

Структура Дальбюро включала: управление делами – приемная и подотделы (общий, финансовый, административно-хозяйственный); организационно-инструкторский отдел с подотделами (информационно-инструкторским, транспортным, учетно-статистическим); агитационно-пропагандистский отдел; отдел по работе среди женщин, бюро истпарта, контрольная комиссия РКП(б). Во всех губкомах и укомах образовывалось четыре отдела: общий, организационный, агитационно-пропагандистский и по работе среди женщин. В волостных комитетах партии отделы не создавались [3, с. 125].

VII Дальневосточная партийная конференция (16–20 ноября 1925 г.) вместо Дальбюро ЦК РКП(б) избрала Дальневосточный краевой комитет РКП(б) в составе 25 членов и 15 кандидатов. Далькрайком в период между краевыми партийными конференциями был высшим партийным органом на Дальнем Востоке РСФСР. В состав Далькрайкома вошли члены Дальбюро, секретарь Дальбюро Н.А. Кубяк был избран первым секретарём Далькрайкома РКП(б) [1, с. 175].

Высшей формой практической деятельности Далькрайкома являлись его пленарные заседания. На своих пленумах члены Далькрайкома обсуждали все важнейшие вопросы партийно-государственной политики и принимали коллегиальное решение. Далькрайком применял три формы пленарных заседаний. На заседаниях пленума в узком составе право решающего голоса имели только члены пленума, кандидаты – совещательного. Пленумы расширенного состава проходили с участием коммунистов из числа партийного актива (не членов пленума, которым предоставлялось право совещательного голоса). В заседаниях объединенного пленума участвовали члены и кандидаты краевого партийного комитета и краевой контрольной комиссии, с правом решающего голоса. За период с ноября 1925 г. по ноябрь 1937 г. Далькрайком ВКП(б) провел 43 пленума (из них шесть были объединенными). Наибольшее распространение в эти годы получили как на Дальнем Востоке, так и стране, пленумы в узком составе [3, с. 150].

После упразднения в 1926 г. губерний, уездов и волостей была проведена реорганизация и партийных организаций. Вместо губернских и уездных партийных организаций были созданы окружные и районные, вместо губкомов и укомов – окружкомы и райкомы партии. Штаты аппарата управления девяти окружкомов, утверждённые 12 февраля 1926 г. на заседании бюро Далькрайкома ВКП(б), насчитывали 145 человек, пяти городских райкомов – 44 человек, 56 сельских райкомов – 113 человек. В Амурском, Владивостокском, Читинском, Сретенском и Хабаровском окружкомах были образованы отделы, функционировавшие до 1926 г. в губкомах и уоках [3, с. 126].

В связи с малочисленностью партийных организаций и отдаленностью Камчатского и Сахалинского округов от краевого центра Далькрайком решил выборных партийных органов здесь не создавать и утвердил образование Камчатского и Сахалинского окружных бюро ВКП(б). Окружные бюро стали полномочными представительствами крайкома в данных округах. Их аппараты состояли из секретаря, заведующих агитпропом и женским отделом, инструктора, заведующего учетом, делопроизводителя и статиста-информатора.

По мере увеличения и усложнения своих функциональных обязанностей Далькрайком в 1930–1931 гг. проводил реорганизацию своего аппарата, укрупнив свои отделы. В начале 1930 г. ведущие отделы крайкома (организационно-распределительный и агитационно-пропагандистский) были разделены на

организационно-инструкторский и распределительный отделы, культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний. Руководствуясь постановлением ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1931 г. «Некоторые практические выводы о работе парторганов в связи с ликвидацией округов» бюро Далькрайкома 6 июня 1931 г. создало дополнительно в составе оргинструкторского отдела семь секторов (золотопромышленный, лесной, промышленно-городской, рыбопромышленный, сельскохозяйственный, лесохозяйственный и транспортный). Все сектора объединяли районы определенной хозяйственной специализации (за исключением транспортного) [3, с. 128–129; 20, с. 276–280].

На основании постановления ЦК ВКП(б) от 15 июля 1930 г. «Об упразднении округов» бюро Далькрайкома ВКП(б) приняло решение о ликвидации до 15 сентября 1930 г. окружкомов партии, за исключением Камчатского и Сахалинского. С осени 1930 г. по 1932 г. Далькрайком непосредственно направлял деятельность сельских райкомов партии, что осложняло руководство вследствие огромной территории края и разнородности экономической специализации районов [9, л. 105].

После образования Корякского, Чукотского и Охото-Эвенского национальных округов бюро Далькрайкома ВКП(б) приняло постановление от 12 июня 1931 г. о создании организационных бюро крайкома по данным округам, до проведения выборов в окружкомы в 1932 году. Оргбюро занимались укомплектованием окружных и районных аппаратов партийных, советских и хозяйственных органов работниками, решали текущие вопросы партийной и государственной политики [3, с. 130].

После учреждения областей в составе ДВК в 1932–1934 гг. были образованы областные комитеты ВКП(б). В организационном построении партийных органов произошёл переход от функциональной системы образования отделов к производственно-отраслевой. Производственно-отраслевые отделы партийных комитетов сочетали управление хозяйственной и партийной работой. В аппарате Далькрайкома и обкомов были организованы пять отделов – промышленно-транспортный, сельскохозяйственный, советско-торговый, культуры и пропаганды ленинизма, руководящих партийных органов (городских и районных) – и особый сектор [13, с. 165]. В отделах партийных комитетов сосредотачивалось руководство по управлению данной отрасли.

Далькрайком в марте 1934 г. упразднил при горкомах, райкомах партии и при Сахалинском и Камчатском обкомах, Корякском, Чукотском, Охотско-Эвенском окружкомах все отделы (за исключением отделов культуры и пропаганды ленинизма в горкомах крупнейших городов края – Владивостока и Хабаровска, и соответствующих обкомах и окружкомах). Вместо них был введен институт разъездных инструкторов – членов райкомов и горкомов, с прикреп-

лением каждого из них к определенной группе первичных организаций. Штаты инструкторов формировались из бывших заведующих отделами райкомов, горкомов и окружкомов [3, с. 133].

На практике оказалось невозможным одновременно направлять и контролировать через инструкторов горкомов и райкомов партийную и хозяйственную деятельность на местах. Поэтому уже 27 марта 1935 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О создании в горкомах ВКП(б) отделов парткадров». В аппарат отделов партийных кадров горкомов ВКП(б) входили: заведующий отделом (он же второй секретарь горкома), заместитель заведующего отделом, 2–3 инструктора, помощники заведующего отделом по информации, вопросам приема в партию и партийным взысканиям, заведующий учетом. Секретариаты горкомов были организованы в составе: первого и второго секретарей горкомов и заведующего культурой и пропагандой [3, с. 139–140].

Под контролем партийных органов находилась любая государственная, хозяйственная или общественная организация (вводился институт партторгов). Для воплощения этой цели повсеместно создавались политотделы (в МТС, колхозах, совхозах, Дальстрое, на водном транспорте и др.) и организовывались первичные низовые партийные ячейки.

Сформированная иерархия партийных органов, выстроенная на территориально-производственных основах, позволяла концентрировать реальную власть в организациях РКП(б) – ВКП(б). Они контролировали всю общественную жизнь края через создание первичных партийных и комсомольских организаций на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, учреждениях и учебных заведениях.

Происходившие на Дальнем Востоке РСФСР в 1920–1930-е гг. изменения в органах власти носили не только количественный, но и качественный характер – определялось, в ведении каких органов будет сосредоточена власть на местах: у советов или у партийного аппарата. Законодательно расширялись права советов, но фактически советы становились подчиненными органами в системе партийно-государственного управления. Смена председателей райисполкомов проходила без перевыборов, согласно рекомендациям партийных органов власти; руководители исполкомов могли выйти на выборы только по рекомендации партийного органа власти.

На Дальнем Востоке РСФСР к концу 1920-х гг. сложилась практика государственной деятельности, при которой ни одно важное мероприятие советских и общественных учреждений и организаций (проведение пленумов Далькрайисполкома, Далькрайсовпрофа, крайкома комсомола и др.) не начиналось без предварительного обсуждения и одобрения на бюро Далькрайкома ВКП(б). На бюро рассматривались хозяйственные планы и ход отчетно-выборных кам-

паний, подбирались и утверждались руководящие кадры работников для советских, хозяйственных и общественных организаций. Количество управленцев определялось на основе утверждения номенклатуры должностей высшими партийными органами. Руководящий состав советов разных уровней ДВК численно вырос в 1929–1932 гг. с 97 до 631 человека, профсоюзов – с 17 до 169, комсомола – с 4 до 23 [21, с. 165].

Одновременно со снижением политической роли советов происходило изменение экономических функций советов разных уровней. Далькрайком с конца 1920-х – начала 1930-х гг. отводил советам роль вторичных руководящих органов по проведению индустриализации и коллективизации на Дальнем Востоке. В ведении советов находились вопросы учета и контроля, подготовка конъюнктурных обзоров состояния отраслей экономики, проекты контрольных цифр развития промышленности и сельского хозяйства, переселенческое дело, отвод земель для новостроек, организация снабжения, проверка хода выполнения планов индустриализации и коллективизации, но из ведения советов изымалась значительная часть собственности и управление хозяйственными предприятиями. К середине 1930-х гг. под управлением советов остались только те хозяйственные объекты, которые занимались непосредственным обслуживанием населения.

Реформирование структуры государственно-партийных институтов власти в 1920–1930-е гг. неизбежно повлекло за собой реорганизацию всей системы органов, призванных осуществлять государственное принуждение. Преобразование системы судостроительства на Дальнем Востоке производилось на базе основ судостроительства и судопроизводства Союза ССР, принятых на сессии ЦИК СССР в октябре 1924 г. и закрепивших единую для всех республик судебную систему во главе с образованным в 1923 г. Верховным судом СССР [7, л. 200].

До районирования 1926 г. на территории ДВО система судебных учреждений была выстроена следующим образом: Народный суд, Губернский суд, Верховный суд РСФСР. После районирования она приняла такой вид: Народный суд (районный), Окружной суд (Областной), Краевой суд и Верховный суд РСФСР.

Для рассмотрения дел о воинских преступлениях при округах, армиях и флотах, корпусах и дивизиях функционировали военные трибуналы, действовавшие на основании положения, изданного в порядке общесоюзного законодательства на базе положения о Верховном суде.

Помимо указанных основных судебных учреждений в 1928 г. были учреждены в сельских местностях (позже в колхозах) сельские суды (примирительные камеры), на предприятиях и в совхозах – товарищеские суды. Сельские и товарищеские суды избирались на общем собрании граждан данного селения или работников данного предприятия (председатель сельского суда избирался

из числа членов сельсовета). В сельских и товарищеских судах рассматривались дела, предусматривавшие незначительные взыскания, без соблюдения каких-либо процессуальных норм. Сельские и товарищеские суды были призваны разгрузить народные суды от мелких бытовых дел.

К числу учреждений, действовавших при судах, относились – нотариат, судебные исполнители и коллегии защитников. К смешанным судебно-административным органам принадлежали: судебные земельные комиссии, камеры народных судов по трудовым делам, комиссии по делам несовершеннолетних и др. [7, л. 204].

На основе Положения об ОГПУ, утвержденного в ноябре 1923 г. ЦИК СССР, в ДВО создавались подчиненные ГПУ политические отделы при губисполкоммах. В армии и на флоте создавались особые отделы, на железнодорожных и водных транспортных путях – транспортные отделы. На отделы ОГПУ возлагались задачи по предупреждению, раскрытию и пресечению враждебной деятельности против советского государства, охрана государственной тайны, борьба со шпионажем, с враждебной деятельностью иностранных разведок и контрреволюционных центров за рубежом, с контрабандой. В распоряжении ОГПУ находились особые части войск [25; 26].

С началом массовой коллективизации (приказом ОГПУ от 2 февраля 1930 года) на местах в широких масштабах стали применяться внесудебные репрессии. В 1930-е гг. в ДВК функционировали, созданные в ходе раскулачивания, внесудебные органы – тройки ПП ОГПУ с представителями крайкома ВКП (б) и прокуратуры. В округах (областях) в окротделах ОГПУ были созданы оперативные тройки во главе с начальником ОГПУ, в районах – районные оперативные группы. Постановлением Президиума ЦИК СССР весной 1930 г. «тройкам» на местах были делегированы полномочия Судебной коллегии ОГПУ («тройки» теперь уже на законных основаниях могли применять внесудебную репрессию, вплоть до расстрела) [16, л. 17–25].

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. отменялось действие циркуляров и приказов НКВД о деятельности «троек», упрощенном производстве по делам. Однако продолжало функционировать Особое Совещание при НКВД СССР – такой же внесудебный орган, как и «тройки».

С принятием секретного постановления ЦИК и СНК от 15 декабря 1930 г. «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска» ОГПУ и его местные органы получили право назначения и увольнения руководящего и оперативного состава милиции и уголовного розыска. Согласно постановлению органы ОГПУ имели право контролировать деятельность милиции и использовать в своих интересах гласную и негласную агентурную сеть

милиции и уголовного розыска. В конце 1931 г. подчинение милиции и уголовного розыска ОГПУ было узаконено путем создания в системе ОГПУ Главной инспекции по милиции и уголовному розыску, преобразованной в 1932 г. в Главное управление милиции в составе ОГПУ. Его начальник стал одним из заместителей председателя ОГПУ. СНК СССР 25 мая 1931 г. утвердил первое общесоюзное Положение о милиции (под подчинение милиции политическому сыску была подведена правовая база) [17].

Одновременно с реорганизацией милиции была проведена и реформа системы мест лишения свободы. Суть ее состояла в создании обширной системы мест лишения свободы, приспособленных к массовому использованию труда заключенных – исправительно-трудовых лагерей; централизации всей этой системы в общесоюзном масштабе (до 1930-х гг. основная масса мест заключения была в ведении республиканских НКВД); сосредоточении всех мест лишения свободы в руках ведомства политического сыска – ОГПУ. Цель этой реформы заключалась в подготовке соответствующих «лагерных емкостей» для размещения заключенных, для последующего их использования на стройках народного хозяйства. СНК СССР 7 апреля 1930 г. принял Положение об исправительно-трудовых лагерях [14, с. 98]. В лагерь осужденные на срок 3 года и свыше лица, согласно положению, направлялись как по судебному приговору, так и по постановлению Особого совещания ОГПУ (во внесудебном порядке).

Завершено было формирование мощного единого репрессивного аппарата Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года. ОГПУ было преобразовано в НКВД СССР. В феврале 1941 г. объединенный Наркомат внутренних дел был разделен на НКВД СССР и Наркомат государственной безопасности СССР (НГБ) [19].

В ведении союзного НКВД были сконцентрированы все силовые структуры, за исключением армии. В армии функции военной контрразведки были поручены особым отделам ВЧК (ОГПУ), но военное командование сохранило за собой право ставить свои задачи особым отделам. Однако в 1930-е годы, по мере обострения отношений между партийным руководством и военным командованием, последнее было лишено приоритетного влияния на особые отделы, и руководство военной контрразведки была отделено от руководства Наркомата обороны.

Аппарат НКВД занял особое место в государственном механизме. Это выражалось и в его полномочиях, и в порядке присвоения специальных званий (сержант госбезопасности приравнивался к армейскому лейтенанту, капитан госбезопасности – к армейскому полковнику, майор госбезопасности – к армейскому комбригу), и в материальном обеспечении, которое было значительно выше, чем в армии [14, с. 99].

С начала 1930-х гг. реформы были проведены не только в органах ОГПУ–НКВД, но и в прокуратуре. ЦИК СССР 17 декабря 1933 г. утвердил новое Положение о Прокуратуре СССР [18]. После его принятия прокуратура стала контролировать деятельность судебных учреждений всех уровней. Прокурор СССР имел право требовать для просмотра судебные и следственные дела в любой стадии производства, дела с законченным производством; опротестовывать приговоры и решения судов в вышестоящих судебных инстанциях, приостанавливая их исполнение; требовать пересмотра – в порядке надзора – приговоров и решений, вступивших в законную силу; давать необходимые указания органам расследования.

В целом в формировании политических институтов Дальневосточного края происходило параллельное оформление и сосуществование двух структур власти – государственной, в лице Далькрайисполкома, Советов на местах, судов различных уровней, представительств ОГПУ–НКВД на местах и партийной – Далькрайком, обкомы и т.п. Одновременно шло развитие и двух видов законодательства – официального, в виде Конституции, Уголовных и иных кодексов, обнародованных законов, постановлений, и фактически действовавшего – подзаконных указов, положений, инструкций, секретных писем и директив, принимавшихся в партийных органах власти.

Двадцатые годы XX в. стали периодом интенсивной разработки правовой системы РСФСР. Были приняты и вступили в действие: Гражданский кодекс (1921–1924), Земельный кодекс (1922), Кодекс законов о труде (1922), Уголовный кодекс (1922), Положение о прокурорском надзоре (1922), Положение об адвокатуре (1922), Уголовно-процессуальный кодекс (1923), Гражданско-процессуальный кодекс (1923). Разработаны проекты Хозяйственного, Торгового, Промышленного, Кооперативного, Административного кодексов. В октябре 1924 г. сессия ЦИК СССР приняла Основы судостроительства и судопроизводства СССР и союзных республик. Тогда же были утверждены Основные начала уголовного Законодательства СССР и союзных республик. На основе этого документа в 1926 г. была принята новая редакция Уголовного кодекса РСФСР.

Таким образом, на Дальнем Востоке РСФСР к концу 1930-х гг. сложилась типовая (за некоторыми исключениями) для всех регионов СССР структура управления и регулирования всех сфер общественной жизни. В условиях концентрации реальной политической власти в партийных комитетах официальные государственные советские органы власти осуществляли второстепенные культурно-организаторские и отдельные хозяйственные функции. Управленческая структура, выстроенная в регионе к концу 1930-х гг., позволяла контролировать центром все общественные процессы в крае.

В результате унификации союзного законодательства, реорганизации прокуратуры и милиции, создания единого НКВД и системы ИТЛ на Дальнем

Востоке РСФСР создается строго централизованный репрессивный аппарат, ставший мощным средством государственного принуждения в осуществлении плана форсированной модернизации страны.

Список источников и литературы

1. VII Дальневосточная краевая партийная конференция. 16–20 ноября 1925 г. Стенографический отчет. – Хабаровск, 1925.
2. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922–1925). – Хабаровск : Кн. изд-во, 1962. – 413 с.
3. Войшнис В.Э. Партийное строительство на Дальнем Востоке (ноябрь 1922–1937 гг.). – Хабаровск : Хабаровский гос. пед. ин-т, 1984.
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 537. Оп. 1. Д. 34.
5. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 54.
7. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 59.
8. ГАХК. Ф. 791. Оп. 2. Д. 3.
9. ГАХК. Ф. П. 2. Оп. 1. Д. 193.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 703 с.
11. Исаева Т.С. Дальне-Восточный революционный комитет – чрезвычайный орган власти на Дальнем Востоке (ноябрь 1922 – март 1926 гг.): авт. дисс. канд. ист. наук. – Владивосток, 1970. – 23 с.
12. История Дальнего Востока России : монография. Том. 3. Книга 2: Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. – Владивосток : Дальнаука, 2018. – 656 с.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. – М., 1970.
14. Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 гг. – М. : Междунар. отношения, 1998. – 230 с.
15. Положение об областных бюро ЦК РКП(б) // Известия ЦК РКП(б). – 1921. – № 33.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944.
17. СЗ СССР. 1931. – № 33. – Ст. 247.
18. СЗ СССР. 1933. – № 40. – Ст. 239.
19. СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283.
20. Справочник партийного работника. Вып. 8. – М. : Гос. изд-во, 1934.
21. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока (1928–1932 гг.). – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1972. – 296 с.

22. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2001. – 422 с.

23. Цуканов С.С. Вклад Дальневосточного революционного комитета в решение военно-политических задач // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конфер. (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20-28 мая 2019 г.). Вып. 9. Ч. 1 / Отв. ред. О.А. Шеломихин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2019. – С. 288–294.

24. Цуканов С.С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона 1922–1926 гг. – Хабаровск : ХПИ ФСБ России, 2011. – 178 с.

25. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. : монография. – М. : ООО "Перспектив", 2016. – 144 с.

26. Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е гг.): исторический опыт организации и деятельности: монография. –Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 354 с.

УДК 93/94

А.В. Друзяка, доцент Благовещенского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент

Е.Н. Корнейчук, заместитель директора Государственного архива Амурской области

И.А. Попова, главный архивист отдела использования архивных документов Государственного архива Амурской области

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОДОБЫЧИ ПРИАМУРЬЯ В ФОНДЕ И-46 ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье дан обзор документальных фондов государственного архива Амурской области, относящихся к истории золотодобычи на Дальнем Востоке России.

Ключевые слова: золотодобывающая промышленность, исторический документ, архивный фонд.

A.V. Druzyaka, associate Professor of the Blagoveshchensk state pedagogical University, candidate of historical Sciences, associate Professor

E.N. Korneychuk, Deputy Director Of the state archive of the Amur region

I.A. Popova, chief archivist of the Department for the use of archival documents of the state archive of the Amur region

HISTORY OF GOLD MINING OF THE AMUR REGION IN THE FUND I-46 OF THE STATE ARCHIVE OF THE AMUR REGION

The article provides an overview of the documentary funds of the State Archives of the Amur Region related to the history of gold mining in the Russian Far East.

Keywords: gold mining industry, historical document, archive fund.

В составе источниковой базы для изучения истории золотодобычи в Приамурье важное место занимают архивные документы, отложившиеся в фондах дальневосточных архивов. В их числе можно назвать официальную документацию органов власти, относящуюся к различным периодам развития золотодобывающей промышленности в регионе. В частности, в фонде И-46 Государственного архива Амурской области (ГААО) содержатся документы, относящиеся к деятельности Амурского горного округа (14 дел).

Горные округа – административные районы концентрации предприятий горной промышленности дореволюционной России, которые были образованы с введением в 1806 законодательного проекта Горного положения. Они создавались для управления казёнными горными заводами и надзора над частными. Амурский, Бирюсинский, Восточно-Забайкальский, Западно-Забайкальский, Ленский и Приморский горные округа входили в Восточно-Сибирскую, или Иркутскую горную область (1888) [1].

В Ф. И-46 ГААО содержатся свидетельства и доверенности на право разработки золотосодержащих россыпей, рапорты и сведения о поступлении заявок на открытие в пользу частных лиц золотосодержащих россыпей, доклады заведующего Благовещенской золотосплавочной лабораторией о положении золотопромышленности, сведения о регистрации золота, купленного банками, подробные рапорты горных исправников о состоянии приисков. Здесь же имеется штатная документация о ведении приисковых учетных книг и о весе добытого и сданного металла, о происшестввах и беспорядках, списки работников приисков, отчеты о состоянии торговли и снабжения на приисках, отчеты урядников и горных исправников, переписка по деятельности.

Так, в свидетельстве на имя К.Х. Тетюкова содержались следующие данные: «Предъявителю сего, благовещенскому 1-й гильдии купеческому сыну

Константину Харлампьевичу Тетюкову дозволяется отыскивать и разрабатывать золотосодержащие россыпи и коренные месторождения золота на точном основании правил, постановленных в Уставе о частной золотопромышленности, изд. 1886 г. Тетюков обязан неупустительно руководствоваться приведенными выше изданными узаконениями, платя с добываемого золота подать и внося посаженную и десятинную плату. Дано Иркутским Горным Управлением за надлежащим подписом и с приложением печати. Причитающийся гербовый сбор уплачен – марта 1 дня 1890 г. Начальник Иркутского горного управления (подпись) и сургучная печать Иркутского горного управления» [2, оп. 1, д. 1, л. 3].

О порядке оповещения местных властей о первичном намерении разработки участков свидетельствовали обязательные объявления. Так, из объявления в Албазинское станичное правление от доверенного лица золотопромышленницы Почетной гражданки А. В. Котельниковой от 6 ноября 1893 г. следовало, что «23 сентября сего 1893 года на р. Тындукан, левый приток р. Тынды ... партия нашла местность совершенно свободною от чьих-либо разведок ... оградив, согласно 43 ст. Устава о частной золотопромышленности, этот участок разведочными столбами, приступила к разведке и двумя пробитыми шурфами обнаружила золотосодержащую россыпь, заслуживающую заявки» [2, оп. 1, д. 2, л. 2 об.].

Порядок дальнейшего использования участка можно рассмотреть при изучении копий заявлений на имя окружного инженера о результатах поисков золотосодержащих мест, рапорт о плане расположения заявочных столбов в Амурском горном округе за 1911-1917 гг. [ГААО. И-46.Оп. 1.Д. 17. Л.1,1об,2]. Первичный, или «починный» столб устанавливался на полгода, что следует из заявления благовещенских мещан Ивана Романовича Гущина и Ивана Тимофеевича Антонова: «... встречен окончательный столб на имя г. Бродовиковой 1910 г. июня 25 и вырезаны цифры 19 25/06 10 и буквы М.С.Б. Самому раннему по нашему расчету срок этому столбу должен был окончиться с 25 на 26 декабря 1910 г. в 12 часов ночи. ... Выждав истечения срока столбу г. Бродовиковой, мы 26 декабря 1910 г. в 1 час ночи заняли эту площадь явочными столбами согласно взятых проб на отвалах старых разведок и промыли из навалов 10 пудов получили золота 2/2 доли пробы были взяты в старых линиях. Найдя ее заслуживающей заявки, мы поставили починный явочный столб в 30 саженьях от впадения ключа в речку Харгу».

В заявлении также указывались границы территории для проведения изысканий и просьба вписать заявление «в книгу явок и выдать нам засвидетельствованную копию, гербовый сбор в сумме 3 руб. 75 коп. при сем представляем». В этом же деле – рапорт «Господину Окружному Инженеру Буреинского горного округа» отводчика площадей Домрачева [2, оп. 1, д. 17, л.2 об.,3]. Чтобы получить разрешение на открытие и регистрацию приисков, также подава-

лись прошения. Каждый владелец прииска регулярно отправлял в Иркутское горное управление рапорты, где указывались границы прииска, законодательные документы, подтверждающие право собственности [2, оп. 1, д. 3, л. 1].

Рапорты и сведения о поступлении заявок на открытие в пользу частных лиц золотоносных россыпей. В фондах сохранились приблизительные планы приисков. Например, приблизительный план местности, заявленной на имя Е.А. Боровик [2, оп. 1, д. 11, л. 6–13]. К рапорту прикладывалась опись документов прииска (копия заявки на его открытие, постановление об освидетельствовании межевой журнал, план прииска) [2, оп. 1, д. 2, л. 2 об.].

Важнейшим направлением работы руководства и служащих Амурского горного округа являлись контроль законности и упорядоченности процесса реализации добытого драгоценного металла, анализ полноты сдачи золота, анализ статистики. Так, в докладе заведующего Благовещенской золотосплавочной лабораторией о положении золотопромышленности и других ископаемых содержались сведения о регистрации золота, купленного банками по Амурской области за 1916 г. по 1 сентября: «Благовещенская золотосплавочная лаборатория, деятельность которой ограничивается лишь реализацией добываемого золота, не может дать исчерпывающих данных о положении местной золотопромышленности. Кроме того, не все добытое в Амурской области золото проходит через Благовещенскую казенную лабораторию. В гор. Зее также существует казенная золотосплавочная лаборатория, которая обслуживает золотопромышленный район Зейского горного округа. Помимо казенных лабораторий в Амурской области имеются лаборатории при частных банках: у Сибирского торгового – две, в Благовещенске и Зее, у Русско-Азиатского – одна в Благовещенске.

До войны и запрещения вывоза золота за границу покупаемое частными банками золото не поступало в казну, а реализовывалось за границей, причем оно отправлялось в те государства, валюта которых ценилась в данное время выше, что способствовало устойчивости русского весельного курса. Казенные лаборатории пользуются большим доверием со стороны приносителей золота в смысле более правильной оценки его, чем частные банки. В 1913 г. ... при одинаковой расценке золота казной и частными банками поступило шлихового (необработанного – авт.) золота: в Благовещенскую лабораторию – 188 п(удов) 23 ф(унтов) 06 з(олотников) 85 д(олей); в Сибирский банк – 370 п. 25 ф. 17 з. 66 д. в Русско-Азиатский банк – 193 п. 02 ф. 19 з. 90 д. Всего реализовано в Благовещенске – 752 п(уда), 10 ф(унтов), 44 з(олотника), 49 д(олей).

При поступлении золота в казенные лаборатории оно регистрируется по двум категориям: как приисковое и вольно-приносительное. Приисковым золотом считается то, которое поступило от золотопромышленных предприятий ... и добыто на принадлежащих им приисках. Не все добытое золото поступает в

лабораторию, часть добытого на приисках золота перепродается другим лицам и поступает в лабораторию уже в виде вольноприносительского.

Нельзя также считать реализованное в Благовещенске золото, добытым на приисках Амурского и Буреинского горных округов; в Благовещенске реализуется также золото, добытое вне Амурской области. По приблизительным расчетам лаборатории в 1913 г. потупило в казенную и частные лаборатории Благовещенска: золота, добытого в Китае, около 60 пудов и золота из Забайкальской области – около 150 пудов. Количество золота из Зейского горного округа и приморской области, реализуемого в Благовещенске, ничтожно. ...В 1913 г. в Благовещенске реализовано всего 752 пуда золота, в том числе добытого вне Амурской области – около 210 пудов. Таким образом, можно считать, что в Амурском и Буреинском горных округах в 1913 г. добыто золота около 540 пудов. По сведениям, ежегодно доставляемым золотопромышленниками окружающим инженерам, в 1913 г. добыто золота: в Амурском горном округе – 56 п. 32 ф. 22 з. 72 д.; в Буреинском горн. округе 93 п. 10 ф. 61 з. 75 д.; всего в 2 округах – 149 п. 33 ф. 84 з. 06 д.

Оказывается, что действительная добыча золота по двум горным округам, исчисленная на основании реализованного в Благовещенске золота на 390 пудов или на 260% превышает количество золота, зарегистрированного окружающими инженерами. Конечно, среди этих 390 пудов есть часть золота, добытого хищниками, как на свободных казенных землях, так и на отведенных частным лицам площадях. Вследствие слабого технического надзора или полного его отсутствия старателям легко скрыть от администрации прииска действительное количество добытого золота. Обнаруженная впоследствии усиленная высылка золота частным скупщикам и банкам в Китай на имя местных китайцев, перепродававшим его германским агентам, вызвало полное запрещение вывоза золота за границу законом 1915 г. 14 сентября. Обнаружено, что в Амурской области золото встречается не только в россыпях, но и в виде коренных месторождений» [2, оп. 1, д. 12, л. 6].

В одном из делопроизводств Амурского горного округа содержатся ведомости о вскрытии торфа, промывке песков и полученном золоте по приискам Верхнеамурских частных золотых промыслов за май-сентябрь 1885 г., рапорты на имя горного исправника о представлении сведений о количестве намытого золота и отправленного золота, выписка из реестра по книгам, выданным на записку частного золота в операцию 1883 г. и представленным на ревизию в горное отделение главного управления Восточной Сибири, переписка с горным исправником [2, оп. 1, д. 20, л. 4]. Из донесения Управления приисками Верхне-Зейской и Джолонской золотопромышленных компаний горному исправнику Верхне-Амурских частных золотых промыслов от 1 июня 1885 г. следовало, что

в Иркутскую золотосплавочную лабораторию отправляется «шлихового золота, добытое на приисках: Леоновском – Джолонской золотопромышленной Ко ... с 3 мая по 29 мая с. г., в 19-ти кожаных узлах ... – 4 пуда 28 фунт. 91 золотн. И на Сергеевском... – с 5 мая по 1 июня сего года в 8-ми кожаных узлах ... – 1 пуд 33 фунт. 45 зол. Всего, в 27 кожаных узлах 6 пуд. 22 фунт. 40 зол. ...золото отправлено с прииска до г. Благовещенска со служащим компании К.М. Котковым под присмотром казака полицейского отряда И. Тонких, а оттуда отправит почтою в Иркутскую золотосплавочную лабораторию комиссионер Ко М.А. Субботин».

За ведением документации приисков (шнуровых книг на записку золота) велся строгий учет, за малейшие нарушения накладывались штрафы: «... Совет Главного Управления полагает: за незначительные упущения в книгах №№ (перечислена 71 книга – авт.) подвергнуть приискателя управления денежному штрафу в размере пятидесяти рублей за каждую книгу, за упущения более значительные (24 книги) взыскать по семидесяти пяти руб. за каждую книгу, а за книги (22 шт.), в которых более важные упущения, взыскать за каждую по сто руб.; кроме того, за несвоевременное представление на ревизию книг подвергнуть штрафу в сто сорок один руб. – всего семи тысяч шестисот девяносто одного руб.». [2, оп. 1, д. 20, л. 83].

О выдаче провозных свидетельств на золото от 9 сентября 1885 г.: «Согласно 131 ст. Устава о частной золотопромышленности шлиховое золото должно быть доставляемо в золотосплавочную лабораторию при свидетельстве окружного ревизора, ... право выдачи провозных свидетельств предоставлено горным исправникам и заведующим полицейскою частью на приисках». Иногда золото отправлялось без документов, такое золото оставлялось в кладовой лаборатории до поступления необходимой документации [2, оп. 1, д. 20, л. 112].

В этой связи в качестве фундаментального документа, свидетельствовавшего о разнообразии сфер государственного контроля в золотодобыче, необходимо привести отчет горного исправника Буреинской системы о состоянии частных золотых промыслов в 1888 г., который состоит из 14 разделов (см. табл. 1).

В 1 части отчёта, озаглавленной «О числе и производительности золотых промыслов», он докладывает о том, что «В 1888 г. в Буреинском горном округе разрабатывалось 8 приисков. Из них четыре, Николаевский, Софийский, Тунгусский и Якутский, принадлежат Ниманской золотопромышленной компании; один, Сергеевский, принадлежит братьям Бутиным, но находится в аренде у золотопромышленников компании «Ельцов и Левашов»; два, Степано-Дмитрие-Харлампиевский и Константино-Еленинский принадлежат Благовещенскому купцу Харлампью Петрову Тетюкову и один, Надежный, принадлежит Старооскольскому купцу Василию Алексею Ивановичу» (далее – местонахождение

приисков, реки, в системе которых они расположены). Все прииски разрабатывались открытыми работами, и только на Софийском прииске часть золотосодержащих песков добывалась из шахт подземными работами. Торфа отвозились на отвалы ... в таратайках на лошадях, и только на Николаевском прииске Ниманской компании было отвезено в отвалы на тачках рабочими 21 $\frac{1}{4}$ куб. саж. Добыто и промыто золотосодержащих песков всего – 20941400 п(удов). Промывка золотосодержащих песков: а) на Николаевском началась с 14 июня и окончена 9 сентября, пески подвозились из открытых разрезов в таратайках на лошадях по шоссейным дорогам. Промывка производилась на Кулибинке (особого устройства промывальная машина) ... средним числом в день промывалось песков ... около 9071 $\frac{1}{2}$ пуда. ... Галька и эфель (мелкие частицы горных пород) убирались ... силою воды; б) на Софийском золотопромывательная машина приводилась в движение локобилем в 12 сил, который кроме того, что приводил в движение бочку, отвозил эфель и гальку на особо устроенный подъем, где производилась свалка их. Из шахт добывались пески следующим образом: порода оттаивалась горящим углем, каковой накладывается в особоустроенные железные конфоры, которые подвешиваются к отвесной стене забоя, талые пески добываются, ... как и в открытом разрезе. Если встречаются ... большие камни, то прибегают к буровому способу порохом или динамитом. Добытые пески отвозятся к зум(п)фу (нижняя часть шахтного ствола – авт.) на ручных тачках, здесь пески сваливаются в бадьи, вмещающих до 90 пудов, поднимаются на поверхность посредством конного привода и в вагонах по рельсам отвозятся в отвал, а отсюда в таратайках на лошадях доставляется на машину.

Большая часть песков из шахт доставляется в зимнее время и промывается с наступлением теплого времени (в мае), а до времени промывки золотосодержащие пески, вынутые из шахты, охраняются день и ночь особым караулом. В предыдущие годы шахты сообщались только подземными выработками, ... и вентиляция воздуха в шахтах не была вполне удовлетворительной. В отчетном же году проведена общая подземная ... штольня, выходящая одним отверстием в открытый разрез. От этого приток свежего воздуха увеличился, и ... явилась возможность часть воды из шахт удалять канавою, идущей по штольне. Вода откачивается бадьями (ширина галереи – 1 $\frac{1}{2}$ саж. (чуть больше 3-х метров – авт.), высота – 3 аршина (чуть больше 2-х метров – авт.). ... осенью и весной, когда приток воды усиливается, она откачивается насосом, приводимым в движение паровою машиною в 4 силы. ... Для предупреждения бокового обвала шахты укреплены деревянным срубом. ... Глубина шахты не превосходит в сажень (2 м 13 см) ... в шахте устроены откидные лестницы, по которым и спускаются рабочие. Освещение производится стеариновыми свечами. [2, оп. 1, д. 13, л. 4].

**Части отчета горного исправника Буреинской системы
о состоянии частных золотых промыслов в 1888 г.**

Номер	Содержание
1 часть	О числе и производительности золотых промыслов
2 часть	О народонаселении на приисках и резиденциях
3 часть	О служащих и рабочих людях, задолжавшихся (нанятых) в работах
4 часть	О найме рабочих на прииски, доставлении их к месту работы и возвращении с приисков
5 часть	О числе лошадей
6 часть	Медицинская часть
7 часть	Часть ветеринарная
8 часть	Церкви, часовни, молельни и духовенство
9 часть	Пути сообщения
10 часть	Места покупки приисков и товаров
11 часть	Условия местности и климат
12 часть	Особые происшествия
13 часть	О составе полицейского надзора и числа чинов, составлявших воинские команды
14 часть	Делопроизводство горного исправника

Таким образом, существенная часть документов Амурского горного округа посвящена разнообразным по направленности видам административного контроля. В числе сфер внимания его руководства и чиновников можно назвать, в частности, вопросы инженерно-технологического развития, правовые вопросы – касавшиеся прав разработки участков, привлечения наемных работников и т.д., вопросы валютного регулирования, связанные с приемкой, оценкой и обеспечением безопасности перевозки шлихового золота в административные центры.

При этом, наиболее существенными являлись также вопросы социального обеспечения (в том числе медицинского обслуживания, доступа к конфессиональным учреждениям) и транспортной доступности приисков. В числе приоритетных для горного исправника оставалась и компетенция административно-полицейского регулирования, в том числе борьба с общеуголовной и политической преступностью, недопущение социальной напряженности, бунтов и волнений, а также привлечение виновных к законной ответственности.

Список источников и литературы

1. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]: https://gufo.me/dict/mining_encyclopedia (режим доступа 23 сентября 2019 г.).
2. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. И-46.

УДК 94(571.6)

Ю.В. Пикалов, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ В 1920–1930-е гг.

В статье рассматриваются проблемы типологии социального облика дальневосточных рабочих в период перехода от дореволюционного общества к советскому. Важность вопроса заключалась в необходимости выработки адекватной политики советского государства по отношению к различным социальным группам рабочих, доставшихся государству от дореволюционного периода. От этого зависел правильный выбор социальной базы советской власти на Дальнем Востоке России в начале 1920-х гг. Правильная социальная политика в отношении классово близких слоёв населения должна была укрепить положение советской власти в регионе и обеспечить здесь успех дальнейшего социалистического строительства.

Ключевые слова: социальная типология, социальный облик, рабочий класс, Дальний Восток России, социальная политика, советская власть.

Yu.V. Pikalov, Professor of the Department National and universal history Pacific national University, doctor of historical Sciences

HISTORICAL EXPERIENCE OF SOCIAL TYPOLOGY THE APPEARANCE OF THE FAR EASTERN WORKERS IN the 1920s–1930s

The article deals with the problems of typology of the social appearance of far Eastern workers during the transition from pre-revolutionary to Soviet society. The importance of the issue was the need to develop an adequate policy of the

Soviet state in relation to the various social groups of workers that the state inherited from the pre-revolutionary period. The right choice of the social base of Soviet power in the Russian far East in the early 1920s depended on this. The correct social policy in relation to the class-related strata of the population was to strengthen the position of the Soviet government in the region and ensure the success of further socialist construction here.

Keywords: social typology, social image, working class, Russian far East, social policy, Soviet power.

Рабочие Дальнего Востока, как и крестьяне, не являлись однородной социальной группой. Внутри себя эта группа дифференцировалась по различным социальным типам. Вслед за В.И. Лениным этот факт признавался почти всеми видными теоретиками большевистской партии. В частности, Н.И. Бухарин в своей брошюре «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.), отмечал: «Дело в том, что и сам рабочий класс не однороден. У него и внутри есть различные составные части, которые хотя и не так резко отличаются друг от друга, как это имеет место между различными слоями, группами и классами внутри крестьянства, но тем не менее все же должны быть приняты во внимание... И поэтому немудрено, что по своей сознательности рабочий класс никогда не был – и до сих пор еще не является – совершенно однородным» [2, с. 157–158].

Партийные теоретики пытались выделить различные социальные типы внутри рабочего класса с точки зрения развития их политического сознания. Для них это представлялось важным, поскольку определяло и различный уровень поддержки политики партии.

Тезис о зависимости социальной типологии рабочего класса от уровня политического сознания различных его групп имеет методическое значение. Он определяет принцип исторического исследования динамики социально-экономического облика рабочего класса Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX в. Значение метода особенно велико в современных условиях, когда последователи вырабатывают новые подходы в изучении истории рабочего класса. При этом их взгляды обращаются на развитие его социального облика, анализ которого не возможен без введения социальной типологии.

Исследователь истории рабочего класса Дальнего Востока И.И. Глушенко одним из первых попытался выделить социальные типы внутри этой группы населения. В порядке постановки проблемы он определил два основных типа рабочих: квалифицированные кадры и маргиналы [4, с. 46]. К сожалению, число работ, посвященных данной проблеме настолько мало, что можно сослаться еще только лишь на диссертационное исследование Н.Г. Кулинич. Она выделяет следующие типы дальневосточного отряда рабочего класса 20-х гг. XX в.: регулярные рабо-

чие, в состав которых входили квалифицированные кадры, занятые преимущественно на постоянно действовавших предприятиях в металлопромышленности, на транспорте, в угледобывающей промышленности; нерегулярные рабочие, занятые на временных сезонных работах; рабочие–иммигранты из сопредельных стран; рабочие, завербованные в центре страны [6, с. 16].

Следует признать, что общим недостатком обеих типологий является отсутствие четкого признака, положенного в их основу. В типологии Н.Г. Кулинич дифференциация рабочих происходит и по признаку постоянства работы, и по признаку гражданства, и по признаку длительности проживания на данной территории, и по признаку квалификации, очевидно, что представители всех этих типов могли иметь тот же признак, например, высокую квалификацию в своей профессии. В таком случае логика подобной типологии теряется.

Вышесказанное подчеркивает важность выделения принципиального признака, характеризующего социальные типы рабочих Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX в., поскольку их социально-экономический облик дифференцировался в соответствии с их типологией.

Поскольку в 1920-е годы на Дальнем Востоке наличествовали те социальные типы рабочих, которые сформировались еще в дореволюционный период, следует рассмотреть, из чего складывался их социально-экономический облик в то время.

Прежде всего, требуется выделить ту социальную роль или социальную значимость рабочих, которая определялась их вкладом в социально-экономическое развитие общества. Она была тесно связана с бурным промышленным развитием страны. От уровня развития промышленности, транспорта и связи зависел облик России как великой державы на международной арене.

Те рабочие профессии, которые определяли лицо промышленности, транспорта, строительства и связи, получали и более высокую социальную оценку. Она выражалась, прежде всего, в размерах заработной платы. Чем более квалифицированным был труд, тем выше он оплачивался. От заработной платы зависел уровень жизни рабочих. Он определялся доходами, расходами и возможностью производить накопления. Из этого складывался бюджет рабочих. Материальный стимул, следовательно, был самым мощным побудителем к высокоэффективному труду рабочих. В свою очередь, престижные рабочие профессии, требовавшие высокой квалификации, были востребованы в основном на крупных предприятиях. Следовательно, отрасли общественного производства, уровень квалификации и размеры предприятий являлись той системой координат, в рамках которой формировались различные социальные типы рабочих.

После революции пришедшая к власти партия большевиков должна была разрешить главное противоречие: обеспечить решающий вклад рабочих в соци-

ально-экономическое развитие страны при сохранении низкого уровня их жизни. К тому времени человечество выработало только два стимула к труду: принуждение и материальная заинтересованность. Оба они не удовлетворяли интересы партии по идеологическим соображениям. Для решения задачи предстояло найти некий третий стимул.

В.И. Ленин был твердо убежден, что «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую более высокую производительность труда» [7, с. 21]. Однако вопрос о более высокой производительности труда зависел от более эффективного стимула к такому труду.

Коммунистический субботник, проведенный 10 мая 1919 г. в Москве рабочими Московско-Казанской железной дороги, дал толчок к определению нового коммунистического стимула к труду. В.И. Ленин определил принципиальное значение этого события: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других производств, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство потом в Союз Советских республик» [7, с. 22]. Сознание рабочими необходимости трудиться не на себя, не за деньги, а на свое пролетарское государство, должно стать, по мнению В.И. Ленина, тем новым коммунистическим стимулом, который должен был победить капитализм в экономическом соревновании.

Он подчеркивал: «Коммунистические субботники «именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни» [7, с. 16]. Это означало, что сердцевиной социальной политики партии должна была стать замена материальных стимулов к труду на моральные. Достижение указанной цели было возможно на пути целенаправленного воздействия на сознание рабочих и искоренения различий в их социально-экономическом облике. Эффективность такого воздействия зависела от его методичности и постоянства. Более всего для этих целей подходили постоянные рабочие коллективы предприятий. Инструментом политики должны были стать партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Анализ форм методов и итогов реализации данной социальной политики позволяет выделить два этапа: 20-е и 30-е гг. XX в., которые имеют существенные различия.

В 1920-х гг. возможности партийного и государственного аппаратов активно влиять на социально-экономический облик рабочих были весьма ограниченными. Это связывалось с наличием трех основных социальных типов рабочих: рабочие, занятые на государственных предприятиях; рабочие, занятые на частных предприятиях; безработные. Если на рабочих первого и второго типов можно было влиять полностью или ограниченно, то безработные вовсе выпадали из-под влияния партии. Кроме того, они представляли собой острую социальную проблему, требовавшую своего решения.

Вопросы, связанные с безработицей, входили в компетенцию бирж труда. В Дальневосточном крае подобные учреждения были образованы в городах Благовещенске, Владивостоке, Уссурийске и Хабаровске. Биржи труда решали следующие задачи: учет безработных, распределение пособий, устройство на работу. Лицо безработицы на Дальнем Востоке определялось в 1923–1924 гг. численностью 26–36 тыс. человек. Число безработных составляло 28% к общему числу занятых рабочих, с тенденцией роста этого показателя. Всех безработных можно условно разделить на две группы. В первую входили лица рабочих профессий. Отраслевой состав безработных отражал специфику дальневосточной экономики, где были наиболее развиты добывающая промышленность и транспорт. Причины потери работы были разными. Горнодобывающая промышленность и строительство входили в число наиболее опасных, условия труда в которых приводили к длительным расстройствам здоровья. Если в 1927 г. в СССР потеряли работу по этим мотивам 6% рабочих [9, с. 528, 923], то в Дальневосточном крае этот показатель превысил 20% [1, с. 11]. Тяжелые и опасные условия труда в этих отраслях порождали стремление рабочих уволиться и пополнить ряды безработных. Таких было также более 20% [1, с. 11].

С другой стороны, ряд отраслей добывающей промышленности Дальнего Востока носили волнообразную безработицу. Наряду с основными рабочими профессиями в этих отраслях, работу теряли и те, кто обслуживал производственный процесс. Здесь основными мотивами потери работы также являлись сроки ее окончания. Прежде всего, это были работники местного транспорта – 25% и общественного питания – 30% от общего числа потерявших работу [1, с. 11].

Основная часть безработных – 85%, получали пособие от 7,5 до 20 руб. в месяц. Для них эти суммы были явно недостаточными, а для государства обременительными. В целом по краю на эти цели бюджет тратил 9,5 млн. рублей в год [8].

Начиная с 1925 г., все лица рабочих профессий, состоящие на учете в биржах труда, обязывались пройти квалификационную экспертизу. В среднем, не выдерживали квалификационных испытаний до 35% безработных [3, л. 168 об.]. Они снимались с учета по данным профессиям.

Во вторую группу безработных входили лица: имеющие нетрудовой доход; не пролетарского происхождения; не имеющие профессии; никогда не занимавшиеся

трудом по найму; многократно отказывавшиеся от посылок на работу. Очевидно, что большинство из них состояло на учете по безработице с единственной целью – получения пособия. От таких биржи освобождались путем простого снятия с учета. В результате таких мер численность безработных, официально стоявших на учете в биржах труда, сократилось до 15000 человек в 1925 г. [3, л. 168].

Проведение чисток состава безработных облегчило бремя государственных расходов на выплату пособий. В дополнение к этому в 1924 г. по инициативе Дальневосточного бюро ВЦСПС был образован областной (позже - краевой) фонд помощи безработным. Средства в него поступали по подписке от госучреждений и хозяйственных предприятий. В среднем за год, на счету фонда собиралось 100–150 тыс. рублей [3, л.169].

Основным видом помощи безработным со стороны бирж являлось предоставление работы. Ежегодно на работу устраивалось 12–14% всего числа безработных [3, л.169]. Однако следует признать, что все перечисленные усилия местных органов не могли способствовать кардинальному решению проблемы безработных.

В отсутствие финансирования из центра, при вялотекущей местной хозяйственной жизни, искоренить безработицу было нельзя. На Дальнем Востоке, как и в целом по стране, она была ликвидирована в начале 1930-х гг. в процессе широко развернувшейся реконструкции народного хозяйства на основе индустриализации. Официально об этом было заявлено на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. [5, с. 70].

Список источников и литературы

1. Безработные Дальневосточного края. Издание ДКСПС. – Хабаровск, 1928.
2. Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Избранные произведения... – М. : Политиздат, 1988.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 58. Оп. 1. Д. 85.
4. Глуценко И.И. Рабочий класс Дальнего Востока в 20–30-е годы // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Тезисы докладов и сообщений. – Благовещенск, 1993.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Изд. 8-е, доп. и испр. М. : Политиздат, 1971. Т. 5. 1931–1941.
6. Кулинич Н.Г. Социальный облик рабочих Дальнего Востока РСФСР в 20-е годы (ноябрь 1922–1929 гг.): автореф. дис. ... на канд. ист. наук. – Хабаровск, 1998. – 18 с.
7. Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. 5- изд. – Т. 39. С. 5–29.

8. Подсчитано на основании: ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. Л. 169.

9. Статистический справочник СССР за 1928 г. Статистическое издательство ЦСУ СССР. М., 1929.

УДК 94(571.6)

В.А. Тощенко, аспирантка Департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, старший лаборант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТЬ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Статья представляет собой исследование, объектом которого выбрано взаимодействие сельскохозяйственных обществ Дальнего Востока России до-революционного периода с представителями властных структур. В статье показаны основные «каналы» взаимодействия организаций и власти. Освещается деятельность сельскохозяйственных обществ по развитию региона и причины поддержки правительством данных организаций.

Ключевые слова: сельскохозяйственное общество, история, Дальний Восток, общественная организация, общество, гражданское общество.

V.A. Toschenkova, postgraduate student, Department of history and archaeology, Far Eastern Federal University, senior researcher of the Department of history of the Far East of Russia, Institute of history, archeology and Ethnography of peoples of Far East Feb RAS

AGRICULTURAL SOCIETIES AND AUTHORITY (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The article is a study whose object is the interaction of agricultural societies of the Russian Far East of the pre-revolutionary period with representatives of government agencies. The article shows the main «channels» of interaction between organizations and authorities. The activity of agricultural societies on the development of the region and the reasons for the government support for these organizations are highlighted.

Keywords: agricultural society, history, Far East, public organization, society, civil society.

Российский философ С.Л. Франк писал, что гражданское общество «молекулярная общественная связь, изнутри сцепляющая отдельные элементы в свободное и пластически-гибкое целое... не внешнее средство для удовлетворения интересов отдельных людей, а именно необходимая форма общественного сотрудничества, форма служения, осуществления объективной правды через вольное взаимодействие отдельных членов общественного целого» [10, с. 302–303].

Формирование гражданского общества в Российской Федерации происходит не так давно. Но вместе с тем, ростки самоорганизации граждан мы находим на примере различных общественных организаций дореволюционной России и российского Дальнего Востока конца XIX – начале XX в. А современная российская историография рассматривает общественные организации как часть гражданского общества [8; 9].

Окончательное присоединение к Российской империи Дальнего Востока, стремление правительства решить аграрный вопрос и заселить новые территории, ориентация на переселенческую политику способствовали включению в хозяйственный оборот Дальнего Востока. Но, поскольку край оставался малообжитым, имел характерные, отличительные климатические условия от Европейской части России, государство стремилось всячески способствовать облегчению условий жизни для переселенцев. Одним из таких способов стало стремление к стимулированию создания сельскохозяйственных обществ в регионе.

В структуре российской экономики самой крупной, преобладающей отраслью ее считалось сельское хозяйство. Поэтому не удивительно, что одним из первых направлений для создания обществ в государстве стало сельскохозяйственное направление. В недавно присоединенном, аграрном Дальнем Востоке сельскохозяйственные общества стали появляться с конца XIX столетия.

Главная цель сельскохозяйственного общества – это содействие развитию сельского хозяйства или отдельной его отрасли. По направлениям деятельности сельскохозяйственные общества юга Дальнего Востока можно разделить на два вида – общие и специальные. Общие (Приморское общество сельского хозяйства, Амурское общество сельского хозяйства, Ханкайское общество сельского хозяйства и проч.) – это те общества, которые были направлены на развитие сельского хозяйства в целом. Специальные общества были посвящены развитию отдельных актуальных отраслей сельского хозяйства (Общество любителей садоводства, Общество любителей огородничества, Южно-Уссурийское общество Любителей Садоводства и Огородничества, Никольск-Уссурийское общество поощрения рысистого коннозаводства и проч.).

Численность членов данных обществ была различной, от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Время их функционирования также было различным. И некоторые из них переживали периоды подъема и упадка.

Несомненно, что любая общественная организация должно была нести пользу. В чем же выражалась польза сельскохозяйственных обществ? Анализируя уставы данных организаций, можно заметить, что все они схожи по формулировкам, поскольку основная их цель должна была заключаться в развитии либо сельского хозяйства в целом, либо отдельной ее отрасли. Приведем примеры целей сельскохозяйственных обществ Дальнего Востока: «содействие развитию в крае садовой и огородной культуры» [4, с. 88–89], «разведение культурной лошади» [4, с. 95–96], «содействие в районе своих действий развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» [7, ф. 702, оп.3, д. 472, л.3], «содействие развитию сельского хозяйства, промышленного и прочих видов птицеводства» [7, ф. 702, оп. 3, д. 384, л. 524] и т.п. Польза таких организаций для населения и власти была очевидной.

Способами достижения цели развития сельского хозяйства были: устройство случных пунктов, бесплатная раздача саженцев и отборных семян населению, устройство съездов и выставок, базаров сельскохозяйственной продукции, домашних животных и птиц, конских испытаний; распространение литературы по разведению животных и птицы; разведение и улучшение племенных пород, проведение опытов по искусственному оплодотворению; печать специальных сельскохозяйственных журналов («Приморский хозяин», «Амурский земледелец») и т.д. В целом работу сельскохозяйственных обществ можно свести к двум направлениям: во-первых, это научное изучение отраслей сельского хозяйства региона, а во-вторых, практическая работа по развитию данных отраслей.

Деятельность сельскохозяйственных обществ определялась таким законодательным актом конца XIX – начала XX в. как «Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ» [3]. 1898 г., который создал правовую основу для развития системы данных объединений. В данном законе регламентировался порядок и процедура образования подобного объединения. Членом общества мог стать любой желающий без ограничений, «за исключением несовершеннолетних, воспитанников учебных заведений, состоящих на действительной службе нижних воинских чинов и юнкеров и лиц, подвергшихся ограничению по суду» [3, с. 9]. Все члены общества делились на такие категории как: действительные, почетные члены, сотрудники и корреспонденты, а система управления не отличалась от обществ других направлений. Сельскохозяйственные общества управлялись советом, состоящим из таких должностных лиц как председатель, товарищ председателя, секретарь, казначей и членов, определен-

ных на усмотрение самого общества. Как и в прочих общественных организациях, должностные лица переизбирались, а о факте изменений необходимо было сообщить в Департамент Земледелия.

Одной из отличительных черт гражданского общества является наличие устойчивых взаимосвязей между отдельными общественными организациями и властью. Попробуем проследить основные направления взаимодействия сельскохозяйственных обществ юга Дальнего Востока с властными структурами.

История сельскохозяйственного общества (как и любой общественной организации на Дальнем Востоке) начиналась с его регистрации. До временных правил 4 марта 1906 г. уставы обществ утверждались по ходатайству учредителей губернатору и генерал-губернатору; после – установленная временными правилами регистрация устава присутствиями принесла для большинства обществ новый порядок утверждения устава и передала губернатору административную функцию [2, с.112].

Несомненно, высшие административные чины были заинтересованы в поощрении любой частной инициативы сельскохозяйственного направления и даже участвовали в них. Распространенной практикой становится членство генерал-губернаторов, губернаторов и представителей чиновничества в качестве члена в обществах. Например, в качестве почетных членов в Южно-Уссурийском обществе любителей огородничества и садоводства состояли генерал-губернатор Н.Н. Гродеков, Приморский военный губернатор Н. М. Чичагов; в Никольск-Уссурийском отделе Императорского Российского общества сельскохозяйственного птицеводства – Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти [4, с. 103]; председателем Ханкайского общества сельского хозяйства – коллежский ассесор В.Н. Октаев при почетном членстве Н.П. Линевича и Н.И. Гродекова [6, с. 138] и т.п.

Факты проверки со стороны полиции на благонадежность членов сельскохозяйственных обществ нами не были выявлены. Вероятно, что это и не было необходимым для полиции, поскольку в большинстве случаев в составе находились известные деятели, чиновники, военные и т.д. Например, в Южно-Уссурийском обществе любителей садоводства и огородничества числилось 16 военных, в том числе отставных, 5 докторов, 5 чиновников, 1 городской староста [4, с. 91–93]; В Приморском обществе сельского хозяйства – 26 чиновников: переселенческого управления, Приморского областного правления, Приморского общественного присутствия.

Как и на европейской части России, в большей степени поощрялись общественные организации, работавшие в областях, игравших в российской экономике наиболее значимую роль. Поэтому необходима была финансовая поддержка, активизация их деятельности. Например, в число задач Правительственной Аг-

рономической Организации входило содействие развитию деятельности сельскохозяйственных обществ. Реализация данного содействия выразилась в том, что финансовую помощь от нее с 1911 г. получили: Ханкайское сельскохозяйственное общество, Южно-Уссурийское общество любителей садоводства и огородничества, Сучанское и Спасское сельскохозяйственные общества.

Как результат деятельности Агрономической организации следует отметить возрождение Южно-Уссурийского общества Любителей Садоводства и Огородничества и возобновление его деятельности. Общество это в последние годы фактически не существовало: оно состояло из 4-х лиц и с 1907 года ни разу не собиралось. При активизации же Переселенческого управления «число членов Общества увеличилось, программа предстоящей деятельности Общества выработана и с весны 1912 года оно приступит к ее выполнению» [5, с. 62].

Кроме того, Агрономическая Организация активно распространяла среди населения овец на условии уплаты им половины стоимости. Воспользовались такими привилегиями Спасское общество сельского хозяйства, Сучанское сельскохозяйственное общество...» [5, с. 74].

Еще одной точкой соприкосновения стал тот факт, что Амурское сельскохозяйственное общество, помимо своей уставной деятельности стало играть роль посредника между земледельцами и интендантством по сбыту зерна для местных войск. Кроме того, «Общество, в лице своих идейных работников, постоянно реагировало на те или иные запросы общественных и правительственных учреждений и принимало словом и делом свое компетентное участие в разных случаях. Так, оно участвовало ежегодно в выработке плана хлебной компании Интендантства, в международных Совещаниях в связи с работой Амурской экспедиции, давало отзыв на проект оброчной подачи в Амурской области» [1, ф. 15-И, оп.1, д. 254, л. 18].

Встречался также не совсем удачный опыт взаимодействия правительства и Амурского сельскохозяйственного общества. В виду целого ряда статей в местной печати о беспорядках в данном обществе, военный губернатор Амурской области назначил для ревизии производительной и денежной отчетности особую комиссию в 1914 г. Комиссия выявила огромное количество нарушений: общество не выполняло свой устав, не вело документацию, «фактически контроля в деятельности отдельных членов, Совета и предприятий Общества не осуществлялось» [1, ф.15-И, оп.1, д. 254, л. 101], «поступающие деньги записывались только в квитанционные книжки, но по денежным книгам не разносились, таких книг в обществе не имеется; кассовая книга не ведется с 1908 г. Отчеты по выставкам не составлены» [7, ф. 702, оп. 3, д. 471, л. 7]. Но, не смотря на целый ряд серьезных нарушений, правительством не было принято решения о закрытии данного общества. Необходимость в нем была очевидна.

Не отставало по значимости и другое крупное сельскохозяйственное общество региона – Приморское общество сельского хозяйства. В 1915 г. член общества А.В. Суханов отметил, что «тяжелое положение населения нынешним неурожаем и войной налагает на общество обязанность подумать о мерах к облегчению положения сельских хозяев» [7, ф. 702, оп.3, д. 438, л. 39] и поэтому было решено, что Общество возьмет на себя миссию по операциям заготовок мяса для нужд армии, а также посредничество по заготовке семян и продовольственного хлеба «припавшему от недорода населению Приморской области» [7, ф. 702, оп. 3, д. 438, л.126].

Приморское общество сельского хозяйства стремилось также к развитию аграрной сферы. Члены общества обсуждали на совещаниях различные аграрные проблемы региона и составляли свои рекомендации по их устранению.

Приморское общество сельского хозяйства выделяло такие проблемы на Дальнем Востоке как низкое качество семенного материала, небольшое количество земли в собственности, неразвитость животноводства, недостаток сельскохозяйственных знаний у населения.

Общество вместе с тем предлагало улучшать семенной материал, проводить обследования засеваемых сортов культурных злаков, устроить зерноочистительные пункты, семенную контрольную станцию для изучения местных сортов, проводить выставки семян. Предполагалось составить популярную и доступную общему пониманию брошюру «с указанием важности применения хороших семян для посевов, отбора их и громадного значения сохранения местных выработанных уже приспособившихся уже сортов» [7, ф. 55, оп. 1, д.19, л. 2]. Общество проводило выставки сельского хозяйства (для распространения знаний среди населения); кроме того было создано Справочное бюро, цель которого – отвечать на вопросы населения.

Обществом предлагалось создать сеть низших школ для распространения знаний по сельскому хозяйству среди земледельцев и для подготовки агрономического персонала, которые составили бы педагогический состав данных школ. В программе была четко проработана специализация будущих сельскохозяйственных школ Приморской области, в зависимости от той отрасли, которая преобладала в разных её частях; была намечена в общих чертах программа занятий.

Выявленные каналы взаимодействия сельскохозяйственных обществ и власти на Дальнем Востоке России дореволюционного периода, безусловно, не отражают полной картины обо всех достижениях и проблемах этого сотрудничества. Вместе с тем, перед нами предстают полноценные контакты, их взаимообусловленность и взаимозависимость. Как власти были заинтересованы в развитии сельскохозяйственных обществ, так и данные общества не могли функционировать без государства, его поддержки.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Амурской области (ГААО).
2. Котляр Н.В. Общественные силы для развития региона // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 392. – С. 107–114.
3. Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ [Текст] : утвержден 28 февраля 1898 года. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1910.
4. Никольск-Уссурийский: страницы истории: Документы и материалы. – Владивосток : РГИА ДВ, Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2003.
5. Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток: Тип. Приморск. обл. правления, [1876] – 1916.
6. Памятная книжка Приморской области за 1908. Владивосток: Тип. Приморск. Обл. правления, 1907.
7. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ).
8. Туманова А.С. В поисках компромисса с общественностью: власть и общественные организации 1860-1880-х гг. // Клио. – 2001. – № 1 (13). – С.180-187.
9. Туманова А.С. Общественные организации и союзы в начале XX в. // Россия и современный мир. – 2002. – № 3 (36). – С. 108–121.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию / С.Л.Франк. – Paris : YMCA, 1913.

УДК 94 (4)

*А.А. Тюрькова, слушатель 5 курса Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России*

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

В статье рассматривается проблема исследования и сохранения культурно-исторического наследия на Дальнем Востоке России. Подчеркнута уникальность Дальневосточного региона в области природных ресурсов, традиций, памятников истории и культуры. Обозначены наиболее актуальные, по мнению автора, проблемы в сфере охраны культурного наследия Дальнего Востока России. Автор приходит к выводу, что для успешного сохранения объектов культурного наследия необходим комплексный подход.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, Россия, Дальний Восток, исследование, сохранение.

A. A. Shurikova, 5th year student of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia

CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN THE RUSSIAN FAR EAST: RESEARCH AND CONSERVATION

The article deals with the problem of research and preservation of cultural and historical heritage in the Russian far East. The uniqueness of the far Eastern region in the field of natural resources is emphasized. traditions, historical and cultural monuments. According to the author, the most urgent problems in the field of protection of the cultural heritage of the Russian Far East are identified. The authors conclude that a comprehensive approach is necessary for the successful preservation of cultural heritage sites.

Keywords: cultural and historical heritage, Russia, far East, research, preservation.

Исторические и культурные памятники Дальнего Востока России являются важнейшими и бесценными объектами отечественного культурного наследия, которые нуждаются в особом внимании и охране. Политика духовного возрождения не может быть в полной мере реализована без сохранения исторической памяти, преемственности лучших традиций культуры народов Российской Федерации. В данной статье обозначены наиболее актуальные, по мнению автора, проблемы в сфере охраны культурного наследия Дальнего Востока России.

К сожалению, достаточно большая часть населения не понимает ценность исторического наследия России, и национальная культура ежегодно терпит значительные потери в связи с различными посягательствами на ее объекты. Данный ущерб наносится в результате хищения, разрушения и уничтожения предметов истории и культуры, незаконных археологических раскопок. Общественная опасность данных преступлений заключается в том, что небрежное отношение к памятникам, предметам, имеющим историческую и культурную ценность, ведет к их деформации, а в последующем и разрушению, что не позволяет более поздним поколениям получать достоверную информацию о тех или иных исторических событиях [4].

Основным источником угроз памятникам является волевая и осмысленная деятельность человека, которая может отличаться вариативностью. Войны, во-

оруженные конфликты, террористические акты, хулиганские действия вандалов, хозяйственная (прежде всего строительная) деятельность, бездействие собственников и иных законных владельцев объектов культурного наследия, коррупционные действия чиновников – все это и многое другое на сегодняшний день угрожает памятникам [8, с.164]. Данный вопрос регулируется уголовно-правовой политикой, но в связи с высокой латентностью данных преступлений, выявить и привлечь к уголовной ответственности всех правонарушителей не представляется возможным. Спасительным методом может лишь являться массовое повышение правосознания, культурного образования и патриотического воспитания.

Одной из стратегических задач развития Дальнего Востока России является недопущение исчезновения малочисленных коренных народов [2]. В настоящее время в России на уровне федеральных органов власти рождаются важные законы, указы, постановления и программы по защите прав и интересов малочисленных народностей Севера. Также на местном уровне проводятся различные фестивали, проекты, пропагандирующие культуру и обычаи коренных малочисленных народов. Но остается, по-прежнему, открытым вопрос о сохранении национальных родных языков малочисленных этнических общностей. Так, самый редкий на территории Магаданской области – юкагирский язык находится в зоне риска полного исчезновения, т.к. нет указателей, продукции СМИ, сайтов, литературы на родных языках малочисленных народов, слабая материальная поддержка энтузиастов преподавателей родных языков. Особо остро стоит кадровая проблема. В Магаданской области в Северо-Восточном государственном университете в 2008 г. состоялся последний прием абитуриентов по направлению подготовки «учитель родного языка и литературы», на сегодняшний день уже не ведется профессиональная подготовка данных специалистов по причине не востребоваемости [3, с. 114].

Говоря об охране культурного наследия Дальнего Востока, нельзя не затронуть проблему оставления на произвол судьбы памятников, нуждающихся в реставрации. Так, в лесном пригороде Владивостока (станция «Санаторная») разрушается двухэтажный деревянный особняк, простроенный приморским олигархом Борисом Бриннером в начале XX в. Этот дом использовался в качестве дачи, и там проводил свои детские годы брат владельца – Юл Бриннер, всемирно известный актер, любимец зрителей послевоенного кинематографа. Он прославился в таких фильмах, как «Великолепная семерка», «Западный мир», «Король и я». В 1931 году семья Бриннеров переехала в Харбин [1, с. 60].

Особняк пережил революционные потрясения, и в 1930-е гг. НКВД устроил в нем спецшколу. В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон Чжоу, в 1946 г. ставший известным всему миру как Ким Ир Сен – лидер Северной Кореи. В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руково-

дителей Приморского края. В 90-е годы в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где Владивостокские дети получали уроки по истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуре [7, с. 55]. На данный момент это уникальное здание, отразившее историю и культуру XX вв., с его войнами, социальными катаклизмами, находится в плачевном состоянии и нуждается в немедленной реставрации.

Также мало кто знает, что в центре Владивостока находится исключительно интересный памятник, который мог бы стать жемчужиной среди культурно-исторических достопримечательностей, если бы ему уделялось должное внимание. Речь идет о морском госпитале, построенном в годы русско-японской войны. Сохранившийся план показывает, что этот госпиталь состоял из двух подземных бетонированных галерей, находящихся на глубине 3-5 саженей, каждая из которых имела длину до 25 метров и под прямым углом входила в подземное помещение. В галереях и подземном зале можно было разместить на длительное время до 200 раненых и больных. Наибольшее число пациентов поступило сюда в августе 1904 г. – около 400 человек, почти в два раза больше, чем в другие военные месяцы. Это случилось после боя, который приняли крейсера «Громобой» и «Россия». Вскоре во Владивостокский морской госпиталь были доставлены также на одном из крейсеров раненые пленные японцы [6, с. 45].

Для развлечения больных, поднятия их боевого духа администрация госпиталя в госпитальном клубе 2–3 раза в месяц устраивала концерты и спектакли, в которых принимали участие врачи, фельдшера и сестры милосердия, а иногда и сами больные. В санитарном отчете по флоту особенно была отмечена работа госпитальных сестер милосердия: «Своим добросовестным и поистине идеальным отношением к делу они внесли немало света и отрады в тяжелое положение раненых и больных».

Морской госпиталь называли «большой победой творческой мысли русских инженеров и врачей», но сейчас нет возможности посетить данную достопримечательность. Одна из галерей на территории госпиталя оказалась засыпанной и перестала быть используемой. В самом зале крепи и брёвна сгнили, что привело к обвалам. Вторую галерею частично отремонтировали и реконструировали, но далеко пройти по ней не удастся, т.к. путь преграждает завал.

Несмотря на то, что на Дальнем Востоке множество объектов исторического и культурного наследия в России, налицо также и проблема отсутствия памятников некоторым людям, который внесли бесценный вклад в развитии Дальнего Востока. Так, в Охотском районе, откуда русские люди стали осваивать побережья Охотского, Японского, Берингова морей, полуострова Камчатки – до сих пор отсутствует памятник землепроходцу И.Ю. Москвитину, который первый вышел в 1639 г. на побережье Тихого океана и основал Усть-

Ульинское зимовье. Также нет памятника российскому казаку С.А. Шелковникову, основавшему в 1647 г. Охотский острог [2, с. 36]. В Хабаровске отсутствует памятная доска первому Приморскому генерал-губернатору А.Н. Корфу (1831-1893), который организовал в Хабаровске так называемые «съезды сведущих людей», деятельность которых была направлена на улучшение социально-экономического развития Приамурского края [5, с.102].

Таким образом, Дальний Восток – уникальный регион, богатый природными ресурсами, историей народов его населяющих. Регион располагает памятниками истории и культуры. Все известные в регионе исторические памятники имеют большую ценность, большинство из которых – общероссийское значение, охраняются государством. Но, к сожалению, существуют проблемы, которые ставят под угрозу культурное наследие Дальнего Востока России. Такими проблемами являются: противоправные действия людей, заключающиеся в разрушении, уничтожении и продаже на черном рынке объектов культурного наследия; угроза исчезновения культуры и родных языков коренных малочисленных народов; отсутствие реставрационных работ на исторических объектах, а также малая активность создания новых памятников. Для успешного сохранения объектов культурного наследия необходим комплексный подход.

Список источников и литературы

1. Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов Музея) // Янковские чтения: мат. конф. 1992, 1994, 1996 гг. Владивосток : Фаркон, 1996. – С. 34–38.
2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.– 1917 г.). – М. : Наука, 1990. – 471 с.
3. Комиссия ОПМО обсудила первые итоги реализации регионального закона о родных языках КМНС [Электронный ресурс]. URL: <http://magadan.bezformata.com/listnews/regionalnogo-zakona-o-rodnih-yazikah/60638016/> (дата обращения: 05.04.2019).
4. Кулажников В.В., Милежик А.В., Усов А.В. Современное состояние уголовно-правовой охраны культурного наследия на территории Приморского края // Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации (к 20-летию УК РФ): мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Владивосток, 16 ноября 2016 года) / редкол. С.Н. Бакшуттов. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – С. 114–121.
5. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII – начало XX в. / сост. Болгурцев. – Владивосток : Изд-во «Уссури», 1998. – 232 с.

6. Подакин П.Ф. Владивосток. История медицины. Екатеринбург : Издательские решения, 2017. – 52 с.

7. Спивак Павел. От разведшколы до восточной школы // Правда Приморья. – 2008. – № 28.

8. Тулиглович М.А. Уголовно-правовая охрана культурного наследия Российской Федерации: пути повышения эффективности. // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист.образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16-17 октября 2018 г.). – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С. 163–171.

УДК 947.084:356.132(571.6) «1939/1941»

А.В. Усов, доцент Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, член Общества изучения истории водолазного дела имени Р.А. Орбели, кандидат исторических наук

ТИХООКЕАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПОДВОДНЫХ РАБОТ ЭПРОН: ОПЕРАЦИЯ ПО СПАСЕНИЮ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «Щ-128» В ЗАЛИВЕ АМЕРИКА (1938 г.)

В статье рассматривается вклад Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР (ЭПРОН) в укрепление оборонного потенциала советского Дальнего Востока, на примере спасения подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота (1938 г.). Исследование основано на документах из Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), часть из которых вводится в научный оборот впервые. Основное внимание уделено специфике работ, производимых специалистами ЭПРОНа в районе мыса Попова, залив Америка с 25 по 27 января 1938 г. Освещаются технические тонкости буксировки. Приводятся имена отличившихся участников операции.

Ключевые слова: ЭПРОН, Дальневосточный бассейн, Тихоокеанский флот, аварийно-спасательная служба, буксировка, Щ-128, водолаз, экспедиция.

A.V. Usov, associate Professor of the Vladivostok branch of the far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, member of the society for the study of the history of diving named after R. A. Orbeli, candidate of historical Sciences

PACIFIC EXPEDITION OF THE SPECIAL EXPEDITION FOR UNDERWATER WORKS (EPRON): SHCH-128 SUBMARINE RESCUE OPERATION IN THE GULF OF AMERICA (1938)

The article considers the contribution of the Special Expedition for Underwater Works on the Seas and Rivers of the USSR (EPRON) to the strengthening of the defense potential of the Soviet Far East, on the example of the rescue of the Shch-128 submarine of the 5th Marine Brigade of the Pacific Fleet (1938). The study is based on documents from the Russian State Naval Archives (RSNA), some of which are put into scientific circulation for the first time. The main attention is paid to the specifics of the works carried out by the EPRON's specialists in the area of Cape Popova in the Gulf of America from January 25 to January 27, 1938. Technical subtleties of towing are highlighted.. The names of the distinguished participants of the operation are given.

Keywords: Special Expedition for Underwater Works, Pacific fleet, rescue service, towing operation, Shch-128, diver, Expedition.

Дальневосточный морской бассейн – один из интереснейших и сложнейших в России, находится в центре научных интересов региональной исторической науки. Исторический опыт оформления и последующего возрождения Морских сил Дальнего Востока (с 1935 г. – Тихоокеанского флота) не теряет своей актуальности и продолжает привлекать внимание исследователей. В трудах дальневосточных ученых Ю.М. Зайцева [2; 3], Г.А. Ткачевой [6], К.Ю. Колесниченко, П.В. Левшова [4; 5], Е.Н. Галактионова [1], А.В. Филипповой [7] и др. затронуты разнообразные аспекты связанные с укреплением береговой обороны, наращиванием оборонного потенциала на Дальнем Востоке во второй половине 1930-х гг. При всей многогранности проведенных исследований, в них крайне мало внимания уделено значению зарождавшейся централизованной морской спасательной отрасли региона, а именно роли Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР (Далее – ЭПРОН) в укреплении обороноспособности советского Дальнего Востока [7].

Приказом № 43 от 7 марта 1932 г. Ф.И. Крылов – начальник Главного управления Экспедиции подводных работ особого назначения на морях и реках СССР поручил Ф.М. Бауману создать Отдельную дальневосточную партию

ЭПРОН [11, л. 1], преобразованную впоследствии в Тихоокеанскую экспедицию подводных работ Краснознаменного ЭПРОН. Дальневосточные эпроновцы базировались во Владивостоке на северном берегу бухты Золотой Рог [9, л. 93].

До начала Великой Отечественной войны на Тихоокеанскую экспедицию ЭПРОНа были возложены задачи, связанные с водолазной и судоподъемной службой, гидротехническими работами, а также несение аварийно-спасательной готовности на всем Тихоокеанском и Северном побережьях СССР от границ Японии до реки Колымы включительно. В зону ответственности также входили территории от озера Байкал до бассейна рек Амура и Лены включительно.

Своим вниманием, в аварийно-спасательном отношении, эпроновцы охватывали не только Тихоокеанский флот, но и суда Флотилии НКВД, государственного Морского пароходства, Промыслового флота на протяжении от Южно-Китайского моря до Северного моря (расстояние примерно равно 4800 милям) [9, л. 38]. Помимо этого специалисты ЭПРОНа обеспечивали учебно-боевую подготовку (УБП) ТОФ и несение аварийно-спасательной службы по спасению подводных лодок и их личного состава [9, л. 22]. Основными плановыми работами являлись [9, л. 23]: судоподъемные; по очистке фарватера; аварийно-спасательные; водолазные; по розыску и обследованию, которые проводились на советском побережье морей Тихого океана.

Самоотверженность дальневосточных эпроновцев иллюстрирует следующая запись из отчета по спасению (1935 – 1936 гг.) подводной лодки «Щ-103» [9, л. 61 об.]: «Условия работы для личного состава весьма тяжелы, крупная волна, ветер, морозы, неудобство всяких палубных работ на палубе подводной лодки. Налетевшие внезапно шторма ставили работу в крайне опасные для жизни условия: приходилось мокрым по горло спасать товарища или средства. Часть технических средств налетевшими штормами уничтожена совсем».

Другим ярким примером блестящего спасения аварийной подводной лодки являются работы по снятию с мели «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота в районе мыса Попова, залив Америка (современное название – Находка) с 25 по 27 января 1938 г. [10, л. 1–6].

Подготовка работ. 25 января 1938 г. в 22 часа 10 мин. начальником Штаба ТОФ была объявлена аварийная тревога по спасению подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады ТОФ, которая шла в густом тумане и наскочила на прибрежные подводные камни в районе мыса Попова, залив Америка.

Ледокол «Добрыня Никитич» после погрузки аварийно-спасательного имущества [10, л. 6], загрузки углем и принятия на борт аварийно-спасательного отряда (АСО) в составе 13 специалистов [10, л. 3], а также начальника Штаба ТОФ капитана 2-го ранга А.В. Попова, вышел к месту ава-

рии. Спасатели добрались к месту проведения операции только в 19 час. 15 мин. Так, время между получением сигнала аварийной тревоги и прибытием на место составило чуть менее суток.

Самостоятельные попытки «Щ-128» сняться с камней результата не дали. До прибытия аварийно-спасательного отряда ЭПРОНа производилась попытка сдернуть с камней подводную лодку при помощи плавбазы «Саратов» (мощность 1500 л.с.), используя стальной буксир. При проведении этих действий «Саратов» был отнесен ветром в сторону и аварийная подводная лодка дала крен до 45 градусов, при том оставшись в прежнем положении [10, л. 1].

Выяснив положение «Щ-128» и ее состояние, ввиду неблагоприятного прогноза погоды, начальником Штаба ТОФ было принято решение немедленно готовить аварийную ПЛ к снятию с камней путем буксировки ледоколом. «Добрыня Никитич» в ночное время не смог подойти к аварийному объекту на близкое расстояние, встав на якоря на расстоянии 450 м.

К моменту прихода аварийно-спасательного отряда уже имелись подробные промеры глубин, что сократило срок подготовительных работ к снятию аварийного объекта с камней.

Специфика операции и ее результаты. Эпроновцами на «Щ-128» при помощи моторного катера мощностью 30 л.с. был заведен проводник из стального троса длиной 436 м. Катер работал с перебоями из-за неисправности мотора. За кормовые рымы (скобы) на три раза была установлена брага из стального мягкого троса. Через проводник и канифас-блок (блок с особой оковкой) с помощью лебедки завели буксир длиной 260 м. соединив большой скобой с брагой. При этом аварийная ПЛ сидела на камнях имея крен на левый борт, дифферент на корму, которая по 5-й трюм была на плаву. В корме глубина составляла 12 м., в носу – 3 м.

Пробоин не было, но при том нос аварийного объекта от форштевня до половины 3-го отсека лежал на подводных камнях. Носовые горизонтальные рули находились на поверхности воды (рис. 1). Носовой частью «Щ-128» потеряла осадку 70 см., от мертвой зыби подвергалась носовой бортовой качке.

Эпроновцами было принято решение буксировать аварийную подводную лодку. При этом буксировка в сторону была невозможна за счет наличия больших подводных камней, находившихся в непосредственной близости. Проведенный специалистами Тихоокеанской экспедиции ЭПРОНа подсчет давления на грунт показал, что при создании буксирного усилия до 50-60 тонн аварийная ПЛ должна сойти с камней.

27 января 1938 г. в 16 часов 15 мин. ледокол «Добрыня Никитич», после всех подготовительных работ, начал буксировку «Щ-128», которая работала полный ход назад, и в 17 часов была снята (рис. 2). Особенностью снятия вы-

ступило то, что нельзя было допускать крен свыше 25 градусов. При крене буксировку предполагалось приостанавливать и выравнивать его балластом, для чего было необходимо продуть все балласты аварийной подводной лодки. Личный состав «Щ-128» при проведении спасательной операции находился на своих местах согласно аварийному расписанию.

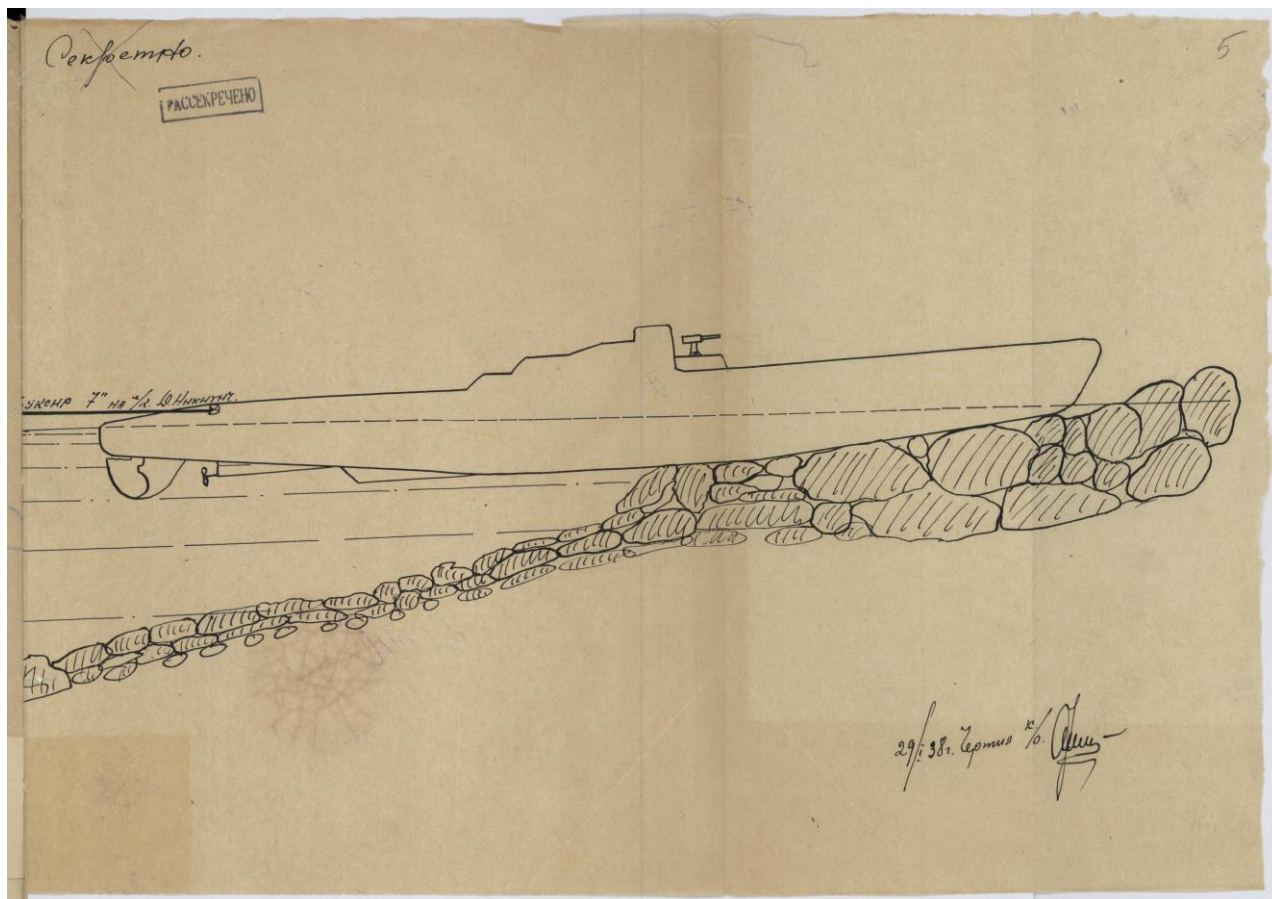

Рис. 1. Схема положения аварийной подводной лодки «Щ-128», 1938 г.
РГАВМФ. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 36. Л. 5.

В результате работа по снятию с камней аварийной подводной лодки «Щ-128» была высоко оценена руководителем Тихоокеанской экспедиции ЭПРОНа батальонным комиссаром К.И. Шнуровским. В своем заключении Кесарий Иванович отразил [10, л. 2]: «... проведена организовано и быстро, чему способствовало хорошая укомплектованность аварийно-спасательной группы. Личный состав показал себя этой работой дисциплинированным и хорошо знающим свои обязанности». Данная оценка была направлена в адрес Военного Совета ТОФ и начальника Краснознаменного ЭПРОНа Фотия Ивановича Крылова.

Наиболее отличившиеся участники. Из 13 специалистов аварийно-спасательного отряда, направленного на спасение «Щ-128», восемь человек были особо отмечены К.И. Шнуровским в его заключении по операции [10, л. 2]: командир аварийно-спасательного отряда, водолазный специалист Федор Ил-

ларионович Задворный; корабельный инженер ГВП ТОФ, воентехник 1 ранга т. Данилов; главный боцман Лаврентий Михайлович Дудин, командиры отделения водолазов Гурий Романович Рабодзей и Николай Францевич Завакевич; старшие водолазы Георгий Ефимович Стрюков и Иван Константинович Ельченко; краснофлотец, такелажник Никита Иванович Кубышкин.

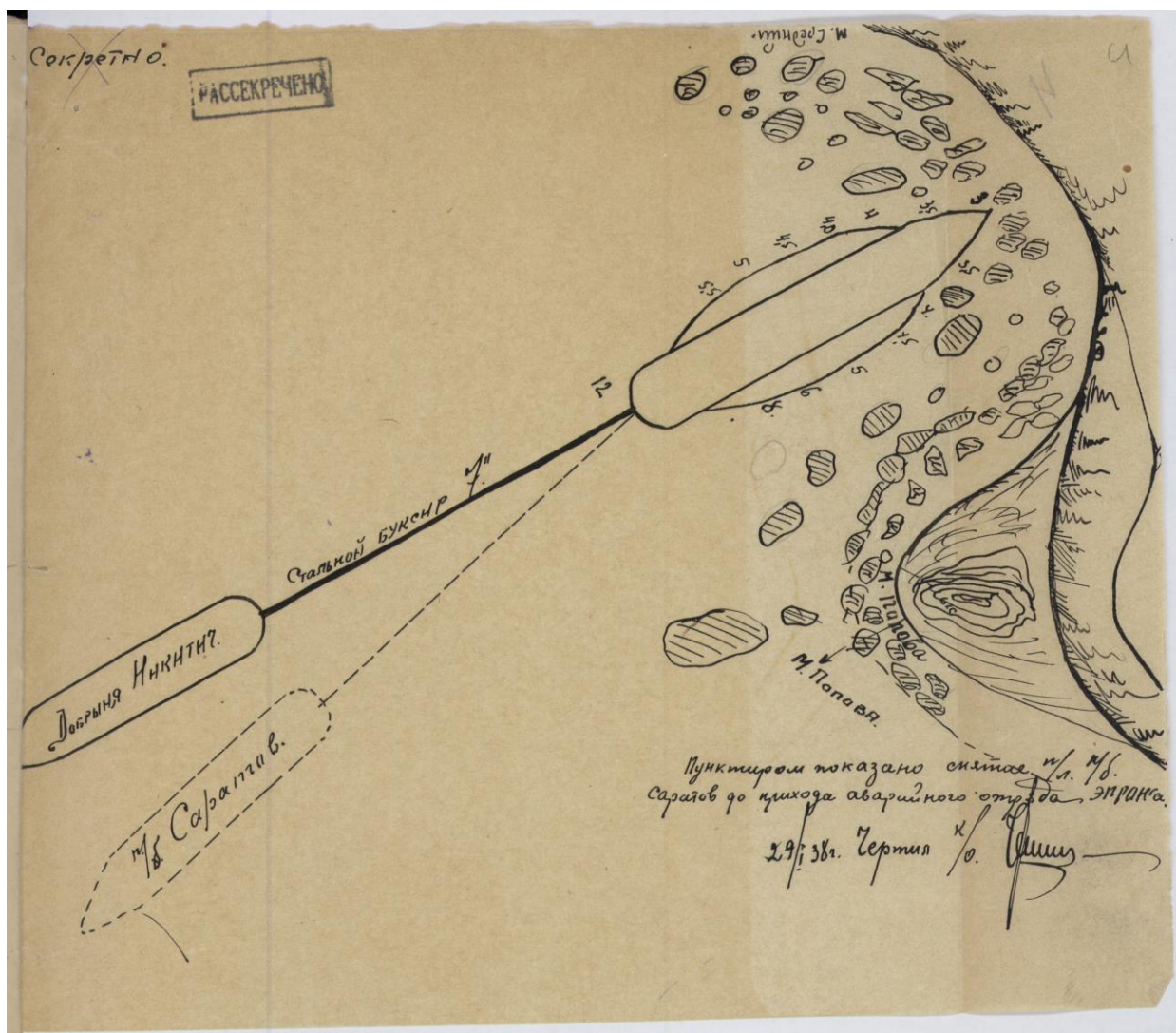

Рис. 2. Схема снятия аварийной подводной лодки «Щ-128», 1938 г.
РГАВМФ. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

Таким образом, Тихоокеанская экспедиция ЭПРОНа играла важную роль по усилению обеспечения ТОФ и аварийно-спасательной службы в регионе. Эпроновцы – дальневосточники выполняли широкий спектр специализированных водолазных и подводно-технических работ, в их ведении находились вопросы оказания помощи аварийным подводным лодкам и их экипажам. Спасение подводной лодки «Щ-128» 5-й морской бригады Тихоокеанского флота в январе 1938 г. ярко иллюстрирует слаженную и квалифицированную командную работу специалистов Тихоокеанского ЭПРОНа, из которых был составлен

аварийно-спасательный отряд. Основным средством для выполнения работ выступил метод буксировки. Были использованы различные виды аварийно-такелажного имущества: стальные тросы, буксиры и стропы, а также судоподъемная скоба и канифас-блок. Личным составом аварийно-спасательного отряда на практике были закреплены знания, полученные в ходе теоретической подготовки.

Список источников и литературы

1. Галактионов Е.Н. Государственная политика по укреплению Дальневосточной морской границы СССР в 30-е годы XX века : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Хабаровск, 2015. – 198 с.

2. Зайцев Ю.М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.) // Россия и АТР. – 2008. – № 2. – С. 128–138.

3. Зайцев Ю.М. Оборудование морских коммуникаций Дальнего Востока СССР в военных интересах // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 6. – С. 8–15.

4. Колесниченко К.Ю., Левшов П.В. Тяжелая авиация в составе МСДВ – ТОФ в 1932–1938 гг. // Морской сборник. – 2015. – № 8. – С. 74–82.

5. Колесниченко К.Ю., Ткачева Г.А. Межведомственное взаимодействие как фактор производственной деятельности Владивостокского торгового порта в предвоенное десятилетие // Новый исторический вестник. – 2017. – № 1. – С. 67–81.

6. Ткачёва Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. – 2015. – № 2. – С. 5–24.

7. Филиппова А.В. Создание судостроительной и судоремонтной базы на Дальнем Востоке СССР в предвоенные годы (1931–1941 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – № 3. – С. 93–96.

8. Шабельникова Н.А. Морская спасательная служба Дальнего Востока России: к вопросу о формировании нового направления в отечественной региональной историографии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск : БГПУ, 2019. – С. 307–313.

9. РГАВМФ. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 22.

10. РГАВМФ. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 36.

11. РГАВМФ. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 30.

А.Н. Шадрина, старший преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

Р.А. Гречухин, курсант 2 курса 201 учебной группы, Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье анализируются особенности духовной и материальной культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока, условиях в которых происходило формирование данной культуры, а также вклад данной культуры в развитие общей культуры всего Дальнего Востока.

Ключевые слова: культура, коренные народы, народные знания, традиции, обычаи, Дальний Восток.

A.N. Shadrina, Senior Lecturer, Department of State Law and Civil Law Disciplines, Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

R.A. Grechukhin, 2nd year cadet, 201 study group, Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE FAR EAST

The article analyzes the characteristics of the spiritual and material culture of the indigenous peoples of the Far East, the conditions in which this culture was formed, as well as the contribution of this culture to the development of the general culture of the entire Far East.

Keywords: culture, indigenous peoples, folk knowledge, traditions, customs, the Far East.

Дальний Восток является сокровищницей России. Он славится своими богатейшими лесными массивами, разнообразием видов животных и растений. Реки Дальнего Востока переполнены разнообразием видов рыб. Недра хранят месторождения золота, олова, угля, полиметаллов, графита, так же бассейны термальных вод. И с давних времен на территории этих богатых земель живут

коренные народы, где и проходило формирование их своеобразных культур. Особенности развития культуры данных народов определял уровень общественного развития данных народов и географической средой, где происходил их быт.

Выделяя коренные народности в особую группу, этнографы исходили из малочисленности этих этнических меньшинств, общей направленности их хозяйства (охота, оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел) и особенностей их быта. Потеря даже одного народа будет трагедией не только для российского, но и для международного культурного наследия [12, с. 5].

Традиционный общественный строй народов Дальнего Востока был организован так, что в нем достаточно гармонично сочетались все элементы социокультурной системы. Традиционную экономику коренных народов, основанную на сбалансированном природопользовании, необходимо считать вариантом устойчивого развития. Десятки племен обживали Дальневосточную зону от берегов Северного Ледовитого океана до далеких границ с Кореей и Китаем. Численность многих народов, являющихся частью населения России составляет миллионы человек, численность же малых народов ограничивается от нескольких десятков, до нескольких тысяч человек [13; 14].

Многовековая история коренных народов сложна. Трудность представлял суровый климат Дальнего Востока, но несмотря на это, у них получилось создать свою неповторимую и оригинальную культуру. Благодаря трудолюбию, самоотверженности, благородству отечественных исследователей, работавших порой в чрезвычайно трудных условиях, мы имеем богатое представление о быте, жизни, истории малочисленных народностей Дальнего Востока.

Из 45 коренных малочисленных народов России, большая часть из них проживает на территории Дальнего Востока. Одна из специфических черт коренных народов Дальнего Востока – их малочисленность.

Дальневосточная часть России не является единым регионом в этническом отношении. Здесь сложились три большие историко-этнографические области, каждая из которых имеет свои особенности, обусловленные географической средой, процессом формирования народов, их принадлежностью к той или иной языковой группе и межэтническими взаимоотношениями.

Чукотско-Камчатская территория. Занимает северо-восток России. Населена в основном чукчами (Сами же они себя называли – чавчу.), коряками (Сами же они себя называли – намылан, чауч.), ительменами (Сами же они себя называли – камчадалы.), эскимосами (Сами же они себя называли – иннуит.), алеутами (Сами же они себя называли – унчан.). Развитие аборигенов в данной области берет начало в период затяжного неолита. Предками местных народов являются аборигены Крайнего Северо-Востока – которые занимались конти-

ментальной охотой на дикого оленя, охотились на морского зверя и занимались рыболовством. В начале новой эры на Крайнем Северо-Востоке появились эскимосы с их специализированной культурой морского зверобойного промысла. Они оказали влияние на производственную деятельность, культуру и язык чукчей и коряков. В свою очередь язык эскимосов вообрал в себя значительное количество чукотско-камчатской лексики. В период заката XVII века, население данной территории составляло около 40 тысяч человек.

Территория Охотского побережья, и север Приамурья. На данной территории образовался хозяйственно-культурный тип охотников лесов тайги. Населяют данную территорию эвены (Сами же они себя называли – эвэн, ороч.), эвенки (Ранее имевшие название – тунгусы.). Народности вели кочевой образ жизни. Рассматриваемые аборигены делились на: 1) Кочевали пешим способом; 2) Кочевали при помощи оленей. Первые в свою очередь занимались рыболовством и охотой, а вторые охотились на диких оленей, также содержали своих домашних оленей, благодаря которым и путешествовали. Данные народности говорят на тунгусской группе языков. В данной области было развито транспортное оленеводство (для верховой езды, и как вьючные животные). Примерно в 50-х годах XVII века, население данных территорий было в районе 8,5 тысяч человек.

И последняя третья область – Амурско-Сахалинская. На данной территории проживают тунгусо-маньчжурские народы: нанайцы (Сами же они себя называли – нани.), нивхи (Сами же они себя называли – гиляки.), ульчи (Сами же они себя называли – ольчи.), удэгейцы (Сами же они себя называли – удэге, удэ.), орочи (Сами же они себя называли – нани.), негидальцы (Сами же они себя называли – элькан.), ороки (Сами же они себя называли – ульта.). Рассматриваемые народы предпочли оседлый образ проживания, имели хорошие межэтнические контакты, занимались обменом сырья и местной продукции, заключали межэтнические браки. Основным промыслом является приморское и речное рыболовство. С ранних лет железного века, коренные народности стали осваивать земледелие, а следом и охоту. Нивхи большого развития достигли в таких ремеслах, как: кузнечное, лодочное, плетение веревок, выделка шкур животных и рыбьей кожи. Нанайцы овладели ремеслом изготовления различного вида нарт и лыж, а также могли похвастаться изделиями из бересты. Орочи еще с давних времен владели металлическим литьем, а Айны освоили океаническое рыболовство.

Народности Дальнего Востока всегда были малочисленными и отличались этническими и языковыми разнообразиями. Отдаленность от развитых цивилизаций, изоляция, малая численность – все это оказывало задержку развития культуры. Традиционные ценности культурной самобытности, местные обы-

чай, верования, родной язык, способы хозяйствования обеспечивали выживание даже малочисленным этносам. Другим, не менее важным фактором сохранения архаичной уникальности, была самодостаточность, относительная замкнутость, в том числе и территориальная, дальневосточных этнических сообществ. Эти особенности можно назвать «локализмом» [8, с. 112].

Являясь физически более приспособленными к местной природе, обладая большим опытом, сметливость в данных суровых условиях, хорошо зная тайгу и тундру, именно коренные народности стали проводниками и советчиками первопроходцев, топографов, геологов так же поспособствовали развитию и созданию первых населенных пунктов.

Природные условия территорий, на которых жили дальневосточные аборигены, и их хозяйственная деятельность определили характер поселений, тип жилища, бытовой уклад, одежду. Фактически эти народы находились на самообеспечении, занимаясь индивидуально или в общинах оленеводством, охотой, рыболовством и другими традиционными промыслами [5, с. 27]. От индивидуального хозяйствования они берут личную инициативу и личную ответственность, от коллективного – взаимопомощь.

Характер орудий у аборигенов был крайне схожим. Охотясь на крупную рыбу, такую как кита и моржа использовали поворотный гарпун. Тюленей ловили при помощи сетей из узких ремней. Такую охоту практиковали чукчи и эскимосы. Инструментами рыболовства являлись: морды, крючки, остроги и т.д. Коряки научились делать костяные неповоротные наконечники с зубцами-бородками, которые использовали в охоте на мелких ластоногих. На суше аборигены использовали лук со стрелами, наконечники которых изготавливали из камня, железа, или костей. На суше также применяли ловушки, копыя и дротики.

Характер одежды народов Дальнего Востока образовался еще в глубокой древности. В настоящее время у коренных жителей Дальнего Востока одежда и обувь используются в зависимости от времени года и характера занятий [11, с. 133].

У коренных жителей Дальнего Востока было три вида одежды: Одежда распашного типа и покроя (Эвены, негидальцы, эвенки, юкагиры), глухая одежда (чукчи, коряки, эскимосы, алеуты, ительмены), одежда запашного типа с удвоенной левой полой (Ульчи, орочи, ороки, нанайцы, удэгейцы, нивхи). В качестве головных уборов они использовали шапки, шляпы, капоры.

В праздничные дни коренные народы облачались в лучшую одежду из хорошо выделанных шкур. Праздничные наряды шили из сукна, шелка, замши, кожи рыбы в виде халата на распашку с прямым разрезом посередине. Спину украшали аппликациями и цветными нашивками. Подол халатов женской половины украшали подвесками из металла, либо вышивкой. Орнамент являлся относительно устойчивым элементом.

Система хозяйства, условия жизни, климата, погоды, сказались на характере конструкции жилища. У некоторых народов, таких как эскимосы, береговые чукчи, коряки, эвены, нивхов, нанайцев, орочей, ульчей, существовали как постоянные, так и временные поселения, которые были основаны для сезонного промысла. Народности, занимавшиеся оленеводством, таежной охотой (эвены, коряки, эвенки, материковые чукчи) постоянного поселения не имели, в связи с постоянными передвижениями. Но народы, занимавшиеся оседлым образом жизни, и ведущих рыболовный промысел, обычно жили в постоянных поселениях.

Пища коренных народностей Дальнего Востока была очень разнообразна. Полярные зверобои – эскимосы, береговые чукчи и коряки питались в основном мясом моржей, тюленей, китов. Такое мясо в основном морозили, квасили, валили, варили. Кожа кита употреблялась сырой. Морская капуста, растительная пища и моллюски служили в качестве приправ. Так же высоко ценилась оленина. Эвенки и эвены, связанные с оленеводством, употребляли главным образом мясо оленей и лосей, которое заготавливали вялением на солнце в мелко нарезанном виде. Так же переняли у русских печеный хлеб, а в качестве напитка использовали чай с оленьим молоком и солью. На мясном бульоне готовили суп с добавлением крови. Изготавливали колбасу из кишок, из валеной рыбы делали юкону, а из сушеной рыбы – муку. Летом большую долю рациона составляли ягоды, дикий чеснок и лук. Ительмены и аборигены южной части Дальнего Востока питались преимущественно рыбой, которую коптили, квасили, консервировали и вялили. Делали суп из мяса, свежей или вяленой рыбы, которые готовили с добавлением большого количества приправ, дикорастущих трав, корней. В блюда добавляли жир рыб. Его же ели с ягодами. Их же большим количеством добавляли в салаты из рыбы и корней. Из чаги, листьев брусники, мяты, побегов багульника заваривали чай.

После того как аборигены установили связь с русским населением, материальная культура народностей стала обогащаться более современными элементами. Народы стали использовать новые материалы: нитки, ткани, бисер. Пища пополнилась крупами, мукой, овощами, картофелем, сахаром. Освоили засолку и жарение пищи [6, с. 81]. Одежда обогатилась фуражками, рубашками, сапогами, косоворотками, женскими головными платками, юбкой, кофтами. В хозяйственной деятельности появились сани, верховные и тягловые лошади, телеги. Так же аборигены освоили птицеводство и животноводство.

Связь с коренными народами для русских не осталась без отдачи. От коренных жителей русские переняли собачьи упряжки, освоили широкие лыжи, узнали новые навыки в охоте и рыбалке, так же научились применять лекарственные травы местных лесных массивов.

Установление связи коренных народов с русским населением имело особое значение для исторического развития коренного населения Дальнего Востока. Постоянные контакты с русским населением привели к разнообразным прогрессивным изменениям в жизни коренного населения. Постепенно вовлечение полунатурального хозяйства аборигенов во всероссийскую экономику вывело дальневосточные народности из первобытной замкнутости и изолированности.

Коренные народности проживая в очень суровых условиях десятилетиями копили опыт жизни в тайге и тундре, который передавали из поколения в поколения. Эти знания помогали потомкам лечить себя, воспитывать детей, добывать зверя на охоте, ловить рыбу, хорошо ориентироваться в лесу, находить нужные растения и многое другое. Аборигены годами наблюдали за животными, копили знания о повадках птиц и рыб, оттачивали способы охоты, учились изготавливать приспособления для ловли зверя. Независимо от места, Чукотка и Камчатка, или, Приморье и Сахалин, охотники каждого племени с помощью этих знаний аборигены всегда знали, где водится зверь, хорошо "читали" следы зверей, хорошо умели предвидеть изменения погоды. Допустим такие народы как эскимосы, юкагиры, чукчи отлично знали места переправ животных, пути и сроки миграции.

Основной структурной единицей общественного строя аборигенов российского Дальнего Востока была патриархально-семейная община [2, с. 7]. Большая патриархальная семья состояла из родителей и их женатых сыновей или нескольких братьев с семьями. Например, среди гольдов встречались семьи, насчитывавшие до 25 человек. Главой семьи считался отец. После его смерти – старший сын. Если он умирал, то во главе семьи становился следующий за ним брат. Среди женщин господствующее положение обычно занимала мать или жена старшего брата [3, с. 35].

Искусство коренных народов достойно входит в круг культурных ценностей мирового значения [4, с. 22]. Декоративное искусство коренных жителей берет начало еще со времен зарождения человечества. Данное искусство можно классифицировать на три группы: южную тунгусо-маньчжурскую, северную тунгусо-маньчжурскую, северо-восточную (так же имеет название «палеоазиатская»). Классификация происходит по следующим критериям: характерные черты стиля, особые технические приемы, смысловое содержание, географические условия.

Искусство аборигенов Севера Дальнего Востока в большинстве имело в себе отражение жизни и быта охотников, рыболовов, зверобоев, оленеводов, где подчеркивали их хорошие знание повадок приполярных животных, их образ жизни, а так же хорошую наблюдательность. Научившись обрабатывать определенные части скелета китов и моржей, они положили начало искусству

резьбы по кости, кое в течении веков довели до совершенства. В основном на этих костях они рисовали свои жилища, лодки, местных животных, моменты охоты и рыбалки. В искусстве народов Севера Дальнего Востока так же были распространены горельеф, барельеф, ажурная пластика.

В культуре народов отображалось их развитие и межэтнический контакт. В своей декоративной культуре народы показали свои лучшие черты культурного наследия охотников, оленеводов, рыболовов. Искусство аборигенов и по сей день вызывает восторг от своей оригинальности, оптимизма. Она дает нам возможность понять, как происходила повседневная жизнь Дальневосточных аборигенов в столь суровых условиях.

Сохранение и поддержка народного творчества коренных и малочисленных народов является сегодня одной из актуальных проблем [9, с. 65]. Отчуждение коренных малочисленных народов от традиционных видов деятельности и образа жизни уже свершилось. Начиная с 1990-х годов традиционная структура хозяйства в полноценном виде нигде не сохранилась. Остались только отдельные ее элементы. Условия техногенной цивилизации не позволили аборигенам адаптироваться к новым условиям жизни, в связи слабой конкурентоспособности. Происходит сокращение численности населения, которые занимаются национальными видами промысла. А также в результате процессов ассимиляции во всех регионах России – полная утрата родного языка [10, с. 39]. Таким образом, родные языки находятся на грани полного исчезновения. Язык сохранило лишь старшее поколение 50-60 лет. В семье и в детских дошкольных учреждениях родной язык не культивируется [1, с. 122].

Требуется совершенствование законодательное регулирование создания территорий традиционного природопользования, которые могут стать эффективным инструментом сохранения и развития традиционного образа жизни малочисленных народов [7, с. 23]. Государство, конечно, может взять ориентир на возврат коренных малочисленных народов Дальнего Востока к традиционным видам хозяйства и самобытной культуре. Нужно перестать использовать коренное население в качестве объекта социальных экспериментов, и дать им все необходимые условия для превращения в подлинного субъекта социального развития. Это подразумевает передачу институтам традиционного самоуправления права на владение землей, недрами, водой, растительным и животным миром в их естественных состояниях. Но без внушительной финансовой, организационной, финансовой поддержки, это повлечет только пагубное воздействие.

Культура каждой народности Дальнего Востока несет в себе большое и неопределимое духовное значение, для воспитания и формирования следующего поколения этих народов, также для общего культурного развития всего Дальнего Востока.

Обогащая свой быт красотой и гармоничностью, аборигены дарили свой жизненный опыт следующим поколениям. Их знания природы, животного мира были очень богатыми, их способность к обильному труду, их достижения в декоративном и художественном искусстве – заслужили большого уважения и признания.

В современный период культура дальневосточных аборигенов является сокровищем всего человечества, и заслужила быть полноценной частью общенародной культуры.

Список источников и литературы

1. Белолобская В.Г. Языки коренных народов Севера: история и современность // Высшее образование в России. – 2014. – № 5. – С. 110–114.

2. Васильченко Э.А., Васильченко О.А. Внутрисемейные отношения коренных народов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2012. – Т. 2. – № 11. – С. 8–12.

3. Васильченко Э.А., Васильченко О.А. Семьи коренных народов Дальнего Востока Российской Империи во второй половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5–1 (31). – С. 35–37.

4. Ворожцова Е.В. Декоративно-прикладное искусство коренных малочисленных народов Дальнего Востока, Крайнего Севера и Северо-Востока Сибири в собрании Сахалинского государственного областного художественного музея // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 1. – С. 20–28.

5. Гарипов Р.Ш. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России: история и современность // Российский юридический журнал. – 2010. – № 3 (72). – С. 23–30.

6. Горбацкая О.Ю., Е Хунмэй. Влияние России и Китая на культуру коренных народов Дальнего Востока // Социальное и экономическое развитие АТР: опыт, проблемы, перспективы. – 2013. – № 1. – С. 17–26.

7. Гордина Ю.В. Теоретические предпосылки необходимости создания стратегии развития коренных малочисленных народов на территории Российской Федерации и Иркутской области // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2011. – № 5. – С. 4–11.

8. Гореликов А.И. Зарождение региональной национальной политики по отношению к коренным малочисленным народам Дальнего Востока: историко-

правовой аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 75. – С. 110–116.

9. Каленчук Е.А., Банщикова А.Р. История изучения литературного фольклора у коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. – № 3 (21). – С. 62–67.

10. Петров А.А. Проблемы сохранения и развития языков и литератур малочисленных народов севера // Вестник Герценовского университета. –2011. – № 11 (97). – С. 37–40.

11. Присяжная И.М. Преемственность национальных традиций средневекового Китая в современной одежде народов Дальнего Востока и Приморья // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 56. – С. 131–134.

12. Тураев В.А., Суляндзига Р.В., Бочарников В.Н., Суляндзига П.В. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. – Москва : ЦС КМНС/РИТЦ, 2005. – 464 с.

13. Усов А.В., Агаларханова А.Н. К вопросу о государственной политике России в отношении коренных малочисленных народов юга Дальнего востока России // Национально-государственное строительство в СССР: уроки истории: материалы круглого стола, посвященного 90-летию образования СССР 21 декабря 2012 г. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. федерал. ун-та, 2013. – С.72–77.

14. Шадрина А.Н. Особенности исторического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока (1917-1991гг.) // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России, Владивосток, 16-17 октября 2018 г. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – С.180–182.

Л. В. Шепотько, заведующая кафедрой истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морского государственного университета имени адм. Г. И. Невельского, кандидат исторических наук, доцент

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИИ

В статье прослеживается история движения России на тихоокеанский восток; особенности освоения этого региона; оформление идеи о геополитическом центре России.

Ключевые слова: геополитика, АТР, геополитический центр, «территории-проливы», социокультурные особенности, колонизация.

L. V. Shepotko, head of the Department of history, political science and state and legal disciplines of the Maritime State University named after Adm. G. I. Nevelsky, candidate of Historical Sciences, associate Professor

THE EASTERN VECTOR OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

The article traces the history of the movement of Russia to the Pacific east; the development of the region; design ideas about the geopolitical center of Russia.

Key words: geopolitics, APR, geopolitical centre, "site-straits", the socio-cultural features, colonization.

В конце XX в. появляется заслуживающая внимания геополитическая теория В. Л. Цимбурского о России как гигантском острове, отдаленном от Европы и Среднего Востока «территориями-проливами». К «территориям-проливам» автор относит территории Восточной Европы, Кавказ и Среднюю Азию [8].

Логика рассуждений автора состоит в следующем. XVI–XVII вв., когда Россия геополитически, культурно признавала себя вне коренной Европы, стали эпохой «островной» самореализации – она вбирала в себя сибирские и приморские пространства. Русские брали, как шедшие позднее на запад североамериканские колонисты, «ничейное», заполняя собой остров. По инерции, начиная затухать, тот же процесс шел и в XVIII в., доводя русских до Южных Курил, Аляски, Калифорнии.

Но после завоевания шведско-немецкой Прибалтики и переноса столицы на крайний северо-запад, акценты российской геополитики кардинально пере-

ставлены. Петр I ошибался, когда успокоительно сулил России судьбу пожать за несколько десятилетий плоды европейских достижений, и затем повернуться к Европе «задом». Русские, пожелавшие стать европейцами, облекли свой западнический порыв в поэтапное «похищение» Европы – «территорий-проливов». Россия, вбирая в XVIII–XIX вв. в свой состав Прибалтику, Украину, Крым, Белоруссию, Бессарабию, Финляндию, Польшу боролась за роль непосредственно европейской силы, изживая допетровское «островитянство».

Запад рано осознал связь нашей евромании с исходящей от нее угрозой. У многих, включая К. Маркса, А. де Кюстина, Г. Джеймса эти страхи усугублялись сознанием нашей неевропейской социальности – мы инородная сила. Ф. М. Достоевский писал по этому поводу: «Они поняли, что нас много, 80 миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут.... Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации» [2, с. 22].

Выявляется связь между затрудненностью в отдельные эпохи расширения России в Европе и движением на восток. Весь XIX в. – это помыслы о Дальнем Востоке, но Россия не заглядывает дальше естественных границ Уссурийско-амурского междуречья, на исходе столетия вдруг устремляется в Маньчжурию. И причина тому – англо-американская активность в Китае. В результате Япония в 1904–1905 гг. фактически оказывается агентом Европы и США против России. Вывод – Россия склонна предпринимать широкие акции на востоке, когда ей заблокирован вход в Европу, причем объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна в данный момент задеть нервы Запада.

Вследствие такой политики Средняя Азия, Кавказ оказались преобразованы Россией в новый вторичный ряд «территорий-проливов» и стали играть такую же роль относительно Среднего Востока, какая принадлежит Восточной Европе в отношении Европы Западной.

Таким образом, логика рассуждений В. Л. Цимбурского приводит к выводу о равнодушии России к трудным пространствам изначального острова, лежащим в стороне от регионов так или иначе охваченных игрой за русское европейство. Она сдает южные Курилы Японии. Продвигаясь в Среднюю Азию навстречу англичанам, отказывается от Аляски. И войну за Маньчжурию проигрывает по убожеству сибирской инфраструктуры: осваивает Китай, не освоив Дальний Восток.

Приоритетным направлением геополитических интересов России сегодня является развитие регионов «острова» – Сибири и Дальнего Востока. В направлении западных «территорий-проливов» у России нет никаких перспектив, в направлении южных «территорий-проливов» у России лишь оборонительный интерес, поэтому восточные районы начинают добирать недобранное за вели-

коимперские века. Можно предвидеть, что в ближайшее время они «потянут одеяло на себя» и геополитический фокус России будет смещаться на ее трудные, такие же неосвоенные как в XVIII–XIX вв. сибирские и дальневосточные территории. Геополитический центр России должен будет сместиться во внутренние и восточные области. Россия возможно в XXI в. сможет опровергнуть слова А. Солженицына о том, что Сибирь и Дальний Восток – это больная совесть нашей государственности. Об освоении Сибири, Дальнего Востока писали много, но обычно в духе региональной истории, при этом геополитический и цивилизационный подходы практически не использовались. А ведь именно данная методология показывает, как и насколько глубоко, повлияла восточная часть России на развитие европейской части страны, на всю русскую историю, в какой степени Дальний Восток определяет перспективы России в XXI в. Геополитический подход позволяет увидеть сходство исторических ритмов развития западно-европейских держав и Российского государства.

Во многом открытие Америки и покорение Сибири синхронизированы и качественно сходны как процессы, принадлежащие эпохе Великих географических открытий и расцвета международной торговли, которую можно характеризовать как первую глобализацию. Потребность в приращении ресурсов и развитии торговли направляла усилия европейских держав за океан, и эта экспансия обеспечила рост их могущества и высокие темпы развития. Устремление Российского государства на Восток также диктовалось потребностями в дополнительных ресурсах и стратегической безопасности. Последние были по-своему еще более острыми, так как страна находилась в отдалении от мировых торговых путей, и даже за выход к морям ей приходилось вести нелегкую борьбу с соседями. Для России вопрос заключался не столько в создании предпосылок для нового витка развития, сколько в том, чтобы не оказаться на обочине исторического прогресса, превратившись в заштатное государство и объект колонизации более развитых стран.

Процесс освоения Россией восточных территорий имел много особенностей.

Освоение территории связано с адаптацией человека к среде обитания (природной, социокультурной, психологической). В ее ходе формировались определенные модели человеческой деятельности, имеющие целью сделать мир более комфортным. Эти модели всегда в той или иной степени иррациональны, хотя часто получают якобы рациональное истолкование. Пристальный взгляд на характер освоения народом новой территории показывает, что в поведении людей обнаруживаются незаметные для них нелогичности, являющиеся следствием психологической адаптации человека к окружающему миру.

Поскольку колонизация зачастую оставалась «вольной», то переселенцы были в большинстве случаев предоставлены сами себе и успех предприятия за-

висел, в частности, от их умения входить в контакты с аборигенами. Практически беззащитные, рассчитывающие только на себя, а не на покровительство государственной власти, русские переселенцы не имели никакой возможности ощущать себя «высшей расой». Но этот, порой мучительный, процесс освоения русскими колонистами новых территорий обеспечивал внутреннюю стабильность Российской империи. Государственная защита переселенцев значительно снижала глубину интеграции и интериоризации «забранного» края.

Крестьянская колонизация, практически во всех ее формах, может быть представлена как конфликт крестьянского «мира» с централизованным государством. Однако этот конфликт, повторяясь, бесчисленное число раз, оказывается как бы «снятым». Ведь крестьянская община сама была как бы мини-государством, со всеми функциями государства. Россия в народном восприятии, вне зависимости от реального положения вещей, была федерацией таких «миров» в более широком смысле. Крестьяне были связаны именно с этой Россией – «миром», а не с Российским государством. Но Россия как «мир» не знает границ – она везде, где поселятся русские. Поскольку русские живут в определенном месте, оно само по себе уже воспринимается как территория России и включается в ее «сакральные» границы. Этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии.

Для русских, вне зависимости от того, какие цели ими движут и каковы их ценностные доминанты, арена действия – это «дикое поле», пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами. Освоение территории происходит путем выбрасывания в «дикое поле» излишка населения. Этот излишек на любом новом месте образует в самодостаточный и автономный «мир». «Мир» и является субъектом действия, в частности субъектом, осваивающим территорию. На более высоком уровне этот образ, осознаваемый как «мы», переносится на весь народ, т. к. сам народ начинает восприниматься как большой «мир».

В качестве «дикого поля» народом воспринималась любая территория. Ее прежняя структурированность, будь то племенное деление территории или границы древних государственных образований, игнорировались. Признавались в какой-то степени лишь права туземной общины (если таковая имелась), т. е. воспринималась лишь «мирская» модель организации территории.

Природная способность русских к ассимиляции обычно преувеличивалась. Причина этой ошибки состоит в том, что на многих территориях ассимиляция происходила быстро. Но так было не везде и не всегда. Русский человек неуютно чувствовал себя там, где сталкивался с туземным населением, обладавшим собственной развитой культурой и национальным чувством, как это было, например, в Приамурье, где китайцы жили в демонстративной изоляции от русских.

Одной из особенностей русской колонизации являлось отношение власти к пространству, своеобразное его структурирование. Так освоение новых территорий за Уралом было связано с созданием городов – локальных эпицентров, которые «были рассадниками русской колонизации». Русская оседлость в Сибири представлена островами, оазисами среди лесной и болотной пустыни.

Властные функции опережали развитие всех остальных, обычно присущих городу: торговых, промышленных и т. д. Административные функции предшествовали экономическим. Сибирские города, вырастая из острогов, не сразу обрастали посадами. Пожалуй, именно этой недогруженностью административных центров экономическими функциями объясняется возникновение у многих наблюдателей впечатления о сибирских городах как о специфических чиновничьих центрах. Власть чиновников казалась столь всеобъемлющей не только в силу их фактической безнаказанности, обусловленной нахождением вдалеке от столицы, но и по причине отсутствия каких-либо противовесов их произволу.

Не только в Сибири, но и в России вообще прослеживается тенденция воспринимать города как центры власти, а не по европейски, как средоточие мест торговли, промышленности, ремесла. В России города – центры власти. Верно и обратное утверждение: власть в России жестко привязана к определенным центрам. При освоении Сибири эта закономерность проявилась особенно отчетливо. Овладение сибирской территорией было не столько освоением территории, сколько созданием властного центра. Как говорится, есть острог – земля наша, нет – не наша.

Отношение к освоению территории как к процессу снабжения ее центрами власти хорошо иллюстрирует специфическая форма административно-территориального деления на окраинах, когда в качестве административных единиц фигурировали острожки и ясачные зимовья, окруженные довольно приблизительно приписанной к ним округой. Так в начале XVIII в. в Якутском уезде действовало в качестве низовых административно-территориальных единиц, помимо 36 волостей, 29 постоянных и 11 временных острогов, ясачных острогов [5, с.5]. Т. е. при установлении административно-территориального деления новой территории последняя, собственно и не «делилась». Вместо этого устанавливалась система соподчинения властных центров разной иерархии, тогда как приписанная к каждому из них территория имела весьма размытые границы.

Для сравнения возьмем пример США: представление об освоенности территории в них связывалось, в первую очередь, с раздачей (разделом) земельной площади в частную или коллективную (например, религиозных общин) собственность, при этом территория могла считаться «своей» и не будучи «оцензированной» местным властным центром. Если в России своеобразным актом присвоения было основание острога (без особого внимания к разделу земель-

ной площади), то в США таким символически значимым актом был именно раздел площади – и уже на выделенной земельной площади выбирался центр. Центры многих административно-территориальных единиц США определялись на конкурсной основе в ходе специальных референдумов.

Косвенным свидетельством различного отношения в России и США к центрам и границам территориальных объединений является их «долговечность». В России именно центры обладали относительной стабильностью (краев, областей, республик), определенные уже в XVI в. Напротив, границы административных единиц России претерпевали почти непрерывные изменения, которые едва успевали отражаться на картах [1, с.151]. В США границы штатов остаются неизменными с момента их принятия в союз, тогда как столицы могут изменяться (например, центры некоторых округов Индианы менялись до семи раз).

Очевидно, что выбор той или иной модели присвоения пространства (делаж земельной собственности, как в США, или властного пространства, как в России) во многом связан с общественно-экономической системой, господствующей в обществе. Не последнюю роль в возникновении властного «оцентрирования» в России сыграла ясачная система: на новой территории русским был нужен, в первую очередь, ясак, и они, соответственно, были озабочены освоением центров для его сбора.

Исследуя колонизацию Сибири, стоит обратиться для обнаружения сходных черт не к «фермерским» США, а к институту классического феодального полюдьа – в особенности потому, что сам характер управления Сибирью долгое время напоминал традиционные княжеские наезды в области своих данников. Последние исследования показывают, что полюдьа, ранее считавшееся преимущественно экономическим явлением, заключающееся преимущественно в сборе дани, было значительно более сложным общественным феноменом, имеющим и политические, и даже ритуально религиозные составляющие [5, с. 7].

Полюдьа касалось в основном пограничных, «переходных» областей, находившихся как бы на полдороге от независимой племенной территории к территории, полностью интегрированной в состав единого, централизованного феодального государства. Историки отмечают различие между центральными областями феодальных государств, составляющими их устойчивое ядро, и периферийными областями, весьма непрочными связанными с центром. Нередко сбор дани с периферийных областей и поддержание в них централизованной власти осуществлялся через полюдьа, которое в основной части государства уже утратило свое значение [5, с. 6]. Таким образом, происходило как бы постепенное «приучение» отдельных регионов к центральной власти. По данным, собранным историком Ю. А. Кобищановым, полюдьа было не только инструментом сбора дани, сколько инструментом подтверждения легитимности вла-

сти. Характерно, что в области, подвергавшейся полюдью, для сбора дани возникали специальные места, где власть одновременно символически утверждала свою легитимность, т. е. находились важнейшие объекты религиозного культа. Иначе говоря, в ходе полюдья возникали сначала временные, потом постоянные центры местной власти.

Итак, изучение исторического опыта полюдья позволяет сделать следующий вывод о пространственном развитии властных технологий: «приучение» регионов к власти из центра происходит через формирование центров для власти на местах с последующим превращением их в местные центры власти. Именно таким и был процесс освоения Сибири.

В Сибири миграция шла от центра к центру, а в США было движение сплошной волной.

Потребность в «оцентрировании» территории восходит к традиционным мифологическим (и религиозным) концепциям устройства мира, согласно которым мир всегда должен иметь центр. Такая точка зрения обусловлена, в свою очередь, характерной для самых различных мифов и религиозных систем идеей, что мир был сотворен в одной точке – первоцентре, сакральном Центре Мира. А раз мир был сотворен в некоем изначальном центре, то и освоение новой территории должно начаться в некоторой первоочке, которая затем окажется центром колонизации пространства.

Иерархия территорий от центра к окраинам является важнейшим атрибутом государства. В частности, подобная иерархия называется специалистами в числе важнейших признаков империи [4]. Подобную иерархичность видим и в России, где в разное время выделялись вотчины, уезды, губернии, генерал-губернаторства.

Централизованное пространство состоит из неравных по своему статусу территорий. Наказание должно состоять в перемещении в направлении от центра к периферии. Особенно наглядно это проявилось в институте ссылки. Механическое перемещение в пространстве Российской империи было заменой смертной казни [7, с. 499]. Невольно вспоминаются традиционные административные меры, характерные для общества с племенной организацией, где наказание состояло в «высылке» за пределы племенного поселения. Такое наказание вовсе не было мягким: пространство за пределами поселения, вне влияния сакрального центра воспринималось религиозным человеком как абсолютное небытие – и оказаться в нем было символически равнозначно физической гибели.

Идея неоднородного пространства присущая в особенности такому политическому образованию как империя, использовалась властями при формировании административных единиц Сибири: огромные территории приписываются к расположенным у южных границ центрам (Томск, Иркутск и т. д.). В цен-

трализованном пространстве любая территория должна быть снабжена центром, и такой пункт был найден и для полярных окраин, пускай даже отдаленный от реального географического центра тысячами километров.

Рассмотрим еще один важный момент модели освоения пространства – восприятие заселяемого пространства. Сравнение русской колонизации с британской позволяет увидеть разницу между двумя народами в восприятии новой территории.

Между англичанами и местным населением словно бы стоял психологический барьер, чего не было у русских. Любая новая территория, где селится англичанин в его восприятии – чистая доска, на которой он творит собственный мир по своему вкусу. В чем-то этот образ был близок образу «дикого поля» у русских, но имел одно существенное отличие. Русские осваивали «дикое поле», вбирая его в себя, не стремясь ни ограничить его, ни устранить встречающиеся на нем препятствия. Русские как бы игнорировали конфликтогенные факторы, связанные с новой территорией, и не прилагали никаких усилий, чтобы устранить их возможное деструктивное действие. Эти конфликтогенные факторы изначально рассматривались не как внешние, а как внутренние трудности, от которых не уйдешь, но которые не подлежат планомерному устранению, а могут быть сняты только в более широком контексте деятельности этноса. Англичане же, если они не могли избежать столкновения с тем, что порождает конфликтность (а сам факт существования туземного населения уже являлся для них конфликтогенным) стремились поставить между собой и местным населением барьер. Психологическая необходимость этого барьера и обуславливала характер освоения англичанами новой территории. Это привело к тому, что из «политики изоляции» постепенно развивалась система резерваций, реализованная на практике в Северной Америке. Изначально с рядом индейских племен были подписаны договоры как бы о территориальном разграничении. Но для англичан существование в этих договорах было не определением территориальных границ (напротив, они изначально игнорировали эти границы), а то, что индейское племя в результате самого акта подписания договора превращалось в некий юридический субъект, отношения с ним вводились в строго определенные и ограниченные рамки. Это доказывало, что внешний статус индейцев имел в глазах англичан самостоятельную ценность, что давало возможность абстрагироваться от него.

Британская империя – это сообщество мини-империй, абстрагированных как от туземного населения, так и от метрополий. Между «мини-империями» и «центром» существовало постоянное непреодолимое противоречие. Центр стремился привести свои колонии («мини-империи») к единому знаменателю, а колонии, достаточные по своему внутреннему ощущению, противились унификации, юридически отделялись от метрополии. В известном смысле прав русский геополитик И. В. Вернадский, что «по своему внутреннему устройству и

по характеру своего народа эта страна может легко обойтись без той или другой колонии, из которых ни одна не сплочена с нею в одно целое и каждая живет своею собственною жизнью. Состав британских владений есть, скорее, агрегат многих политических тел, нежели одна неразрывная целостность. Оторвите каждое из них, и метрополия будет существовать едва ли не с прежней силой» [6, с. 61–74]. Таким образом, сравнение процессов русской и британской колонизации показывает, что отношение власти к новому пространству и восприятие его народами было различным. Это во многом предопределило тип британской и русской империй, их принципиальные различия.

Успешный выход Российского государства в Сибирь и Дальний Восток имел глубокие последствия для развития страны и упрочил ее положение в тогдашнем мире. Россия не была оттеснена на периферию исторического развития и, более того, освоение восточных территорий превратило не слишком устойчивое Московское государство в мощную, богатую природными ресурсами, многонациональную мультикультурную Российскую империю. При этом значение восточной части России все более возрастало, и в силу своего географического положения она превратилась в военно-стратегический тыл Российского государства, стала своеобразным «донором» европейской части страны, не раз выручая ее в критических ситуациях.

Список источников и литературы

1. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. – М. : Наука, 1982. – 288 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1983. – Т. 25. – 470 с.
3. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – 357 с.
4. История внешней политики России. Первая половина XIX в. – М.: Наука, 1995. – 448 с.
5. Кобищанов Ю. А. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1995. – 321 с.
6. Менделеев Д. К познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории. Ч. 2. – М. : Интерпрас, 1994. – С. 61-74.
7. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М. : Прогресс, 1993. 528 с.
8. Цимбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. – 1993. – № 5. – С. 6–23.

С.Ю. Яхимович, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат исторических наук

ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПРОФСОЮЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ НА КВЖД (1920-е гг.)

В статье, на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов, представлены эпизоды из биографических сведений лиц, возглавлявших в 1920-х гг. крупнейший на Китайско-Восточной железной дороге советский профессиональный союз транспортных рабочих и служащих.

Ключевые слова: Северная Маньчжурия, КВЖД, профсоюз, председатель, советские граждане.

S.Yu. Yakhimovich, Associate Professor the department of social and humanitarian and economic disciplines Far Eastern Legal Institute of Internal Affairs Ministry of Russia, Ph. D in History

STROKES TO PORTRAITS OF LEADERS SOVIET TRADE UNION OF RAILWAY WORKERS ON CHER (1920s)

In the article, based on previously unpublished archival materials, presents episodes from the biographical information of the persons who headed the largest Soviet trade union of transport workers and employees on the Chinese-Eastern railway in the 1920s.

Keywords: North Manchuria, ChER, trade union, chairman, Soviet citizen.

История советской колонии в Северо-Восточном Китае остаётся для отечественной историографии одним из малоисследованных эпизодов российско-китайских отношений. Основным местом её локализации оставалась Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), пронизывающая северную часть Маньчжурии с центром в городе Харбине. В конце 1920 г. китайские власти администрировали линию КВЖД в Особый район Восточных провинций (ОРВП) Китайской Республики. Пребывание на территории Китая относительно многочисленного,

менявшегося качественно и количественно сообщества советских граждан укладывается в сорокалетний период – с 1920-х до начала 1960-х гг., но наибольший её рост отмечен в 20-е гг. XX столетия (вплоть до советско-китайского вооружённого конфликта на КВЖД в 1929 г.). На этом же хронологическом этапе советская колония отличалась как внутренним разнообразием (не все её члены искренне разделяли социалистические ценности, становясь советскими гражданами из желания сохранить работу и т.п.), так и сравнительным внешним единством, вызванным контролем со стороны многочисленных советских организаций, легально или тайно функционировавших в зоне КВЖД. Более полноценному воссозданию картины существования советского сообщества в Северной Маньчжурии поможет расширение знаний о, как правило, довольно скурых биографических сведениях конкретных людей, являвшихся организаторами жизни колонии и активистами местных советских организаций.

Действительно, большую трудность представляет вопрос идентификации в архивных документах персональных данных даже высокопоставленных деятелей советской колонии. Это вызвано целым рядом причин. Во-первых, особыми условиями работы советских организаций в Маньчжурии, где китайские власти вынужденно мирились с пребыванием страны Советов на КВЖД, но не терпели коммунистической идеологии. Отсюда периодические преследования этих объединений полицией и высокий уровень конспирации ответственных работников. Во-вторых, частая ротация кадров, которые и без того пользовались в служебной переписке в основном псевдонимами. Наконец, секретный характер их неофициальных обязанностей существенно сузил круг подробных отчётов и т.п. документов, где могли бы содержаться детальные биографические сведения.

В 1920-е гг. в полосе КВЖД действовало большое количество советских политических, общественных и хозяйственных организаций, объединявших практически всех советских граждан. Создавались они с двумя главными целями – контроль за колонией и её советизация, поэтому не только общественные, но даже хозяйственные объединения имели политический оттенок. Среди наиболее значимых организаций следует выделить коммунистическую и комсомольскую, действовавшие подпольно, а также относительно легально работавшие профессиональные союзы ОРВП.

Профсоюзные функционеры стояли ближе всех к обычным советским гражданам и проявляли большую политическую активность в Северной Маньчжурии, привлекая к себе всестороннее внимание. Зачастую, они являлись членами нескольких объединений, занимая там ответственные посты, например, как в профсоюзной, так и в коммунистической организациях. После переезда в Советский Союз (в различное время и по разным обстоятельствам) судьбы их складывались неодинаково, но жизненную точку для подавляющего большинства по-

ставили трагические события Большого террора 1937–1938 гг. Постараемся представить некоторые данные и эпизоды из биографий известных советских работников одного только железнодорожного профсоюза в ОРВП 1920-х гг. до отъезда в СССР и после, выявленные в архивных материалах.

Под воздействием революции 1917 г. на линии КВЖД в большом количестве сразу же стали образовываться профессиональные объединения, особенно среди трудящихся самой транспортной магистрали. Самым влиятельным профессиональным союзом в зоне КВЖД являлся профсоюз работников железнодорожного транспорта (Дорпрофсож), входивший одновременно в Губернский совет профессиональных союзов (ГСПС) ОРВП. Одним из первых руководителей обоих объединений, был Герасим Владимирович Жданов. Согласно анкете в личном листке по учёту профсоюзных кадров от 27 июля 1923 г., Г.В. Жданов родился 4 марта 1879 г. и происходил из крестьян Тамбовской губернии. Образование получил домашнее (фактически начальное). В 1903 г. он был призван на воинскую службу и проходил её в течение семи лет в железнодорожном батальоне, дислоцированном на Уссурийской железной дороге (УсЖД), принимал непосредственное участие в русско-японской войне. На КВЖД работал слесарем паровозного цеха в Харбине, был женат и имел троих детей.

Активная профсоюзная деятельность Г.В. Жданова началась в самые трудные революционные годы. На рубеже 1918–1919 гг. он семь месяцев возглавлял союз мастеровых и рабочих КВЖД (будущий Дорпрофсож), занимая выборную должность председателя Центрального комитета этой организации. В 1920–1921 гг. Жданов одновременно был избран и являлся членом Центрального бюро профсоюзов и членом Объединённой конференции профсоюзных, партийных и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД. Конференция выполняла роль негласного высшего представительного органа российского населения в Северной Маньчжурии. Параллельно, в марте 1921 г. был председателем на съезде союза мастеровых и рабочих КВЖД. Затем, полтора года (1921–1922) Герасим Владимирович вновь стоял во главе железнодорожного профсоюза, будучи выборным председателем Дорпрофсожа, после чего, перешёл в ГСПС ОРВП, куда был избран товарищем председателя, и на момент его анкетирования в 1923 г. находился в этой должности год и два месяца [3, л. 9–10]. На начальном этапе советское профдвижение в Маньчжурии ещё имело сильные демократические начала, и только к середине 1920-х гг. усилились приказные методы по его управлению со стороны партийных структур. Судя по обилию выборных постов, Г.В. Жданов пользовался искренним доверием рабочих КВЖД. В то же время, сам Герасим Владимирович отмечает невысокий уровень своего образования и слабую теоретическую подготовку, как профсоюзного работника, что может характеризовать его как человека скромного, трезво рассчитывающего собственные силы.

С мая 1923 и до начала 1925 г. Дорпрофсожем КВЖД руководил Ефим Григорьевич Варганов. Его анкетные данные, заполненные в июле 1923 г., рисуют нам классический портрет пролетарского лидера средней руки тех лет, имевшего солидный стаж борца за рабочее дело. Родился Е.Г. Варганов в 1881 г. и проживал в городе Златоусте Уфимской губернии. Окончил начальное училище, овладел специальностью токаря по металлу, но всю жизнь занимался самообразованием, особенно увлекался историей и много читал марксистской литературы. В армии не служил, был женат, воспитывал троих детей. Будучи ещё молодым человеком Ефим Григорьевич принимал самое деятельное участие в отстаивании прав рабочих и Первой русской революции за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских правоохранительных органов. В 1903–1904 гг. он дважды содержался в тюрьмах под следствием (в общей сложности год и четыре месяца), затем в 1906 г. вновь арестовывался на полгода в Казани и в том же году повторно в Сарапуле. В 1908 г. получил ещё год тюрьмы в Златоусте, после отбытия наказания был сослан на три года в Вологодскую губернию.

Несмотря на репрессии, Ефим Григорьевич не отошёл от профсоюзного движения, оставаясь его членом по месту пребывания. В 1913–1914 гг. он входил в союз рабочих Архангельска, где жил и работал после ссылки, в 1915–1918 гг. Варганов находился в Петрограде и состоял в союзе металлистов, а в сентябре 1918 г. вернулся на родину в Златоуст, где продолжил членство в том же объединении. После перенесённого в 1918 г. заболевания туберкулёзом в марте–апреле 1919 г. Е.Г. Варганов вынужден был бежать с семьёй от преследований чехословацких войск в Маньчжурию. Здесь, в Харбине он поступил работать на КВЖД, где сразу же (июнь 1919 г.) вступил в союз мастеровых и рабочих этой дороги. Через два года его профсоюзная карьера в Дорпрофсоже пошла вверх. С апреля 1921 г. ровно год Ефим Григорьевич работал профуполномоченным союза, а с апреля 1922 по май 1923 г. был председателем 1-го участкового комитета производственного союза работников железнодорожного и водного транспорта в Харбине. Наконец, после выборов, с 25 мая 1923 г. Варганов становится председателем Дорожного комитета – руководящего органа Дорпрофсожа КВЖД, а на следующий день он был принят кандидатом в члены РКП(б) харбинской партийной организацией [1, л. 7–8 об.].

По статусу занимаемой должности председателя Дорпрофсожа КВЖД Е.Г. Варганов ввели с состав сразу нескольких советских руководящих органов Дальнего Востока – в Харбинское губбюро ВКП(б) и ГСПС ОРВП в Харбине, Дальневосточное бюро Центрального комитета железнодорожного профсоюза (ДВБЦКЖД) и Дальневосточный СПС в Чите (позднее в Хабаровске) и др. Как глава Дорпрофсожа КВЖД Ефим Григорьевич проявил себя не с худшей стороны. В деловой характеристике на него отмечалось – «Проявляет большой инте-

рес к работе и пользуется популярностью среди широких рабочих масс. К занимаемой должности подходит, но целесообразнее было бы поставить его на работу ближе к массам» [1, л. 8 об.]. Постановлением коммунистической фракции Дорпрофсожа КВЖД от 18 марта 1924 г. Е.Г. Варганов делегировался на Всероссийский съезд профсоюзов в Москву, а в мае того же года он в числе немногих советских трудящихся ОРВП был представлен ДВБЦКЖД к награждению почётным юбилейным жетоном союза железнодорожников [4, л. 70]. Однако усложнение политической обстановки в Маньчжурии, что было связано с договорным возвращением СССР на Китайско-Восточную дорогу, потребовало направить для укрепления Дорпрофсожа КВЖД на должность председателя более опытного представителя партийно-профсоюзной номенклатуры. По решению Москвы с конца октября по декабрь 1924 г. временно руководить работой профсоюза железнодорожников на КВЖД был командирован сам председатель ДВБЦКЖД С.Ф. Наумов, а в феврале 1925 г. его заместитель И.М. Лошкомоев. Тем не менее, как перспективный работник, Е.Г. Варганов отбыл в распоряжение ЦК Всесоюзного железнодорожного профсоюза в Москву для нового назначения [8, л. 3–4].

Иван Матвеевич Лошкомоев считался достаточно крупным дальневосточным профсоюзным функционером. Решением заседания комфракции ДВБЦКЖД от 4 декабря 1924 г. командирован в ОРВП с тем, чтобы «не вводя его формально председателем Дорпрофсожа КВЖД, но фактически он должен руководить всей работой» [4, л. 280]. В феврале следующего года И.М. Лошкомоев приступил к своим новым обязанностям, вскоре официально став председателем Доркома и оставался им до октября 1926 г. Его задачей было способствовать выбранной на тот момент советским полпредом в Пекине Л.М. Караханом тактике «нажима» на китайские власти по расширению политико-экономических прав СССР в Маньчжурии. После того, как линия Карахана потерпела неудачу, и его по ультимативному требованию правительства Китая отозвали в Москву, И.М. Лошкомоев подвергся уголовному преследованию полицией ОРВП и был вынужден скрыться в Советском Союзе осенью 1926 г. [11, л. 32–33].

Иван Матвеевич родился в 1883 г. в Томске, получил начальное образование, в армии не служил. В профсоюзном движении начал участвовать с 1906 г., вступив в союз рабочих деревообработчиков Иркутска. С января 1918 г. на ответственных постах в Дорпрофсоже Забайкальской железной дороги (ЗабЖД), в 1922 г. был введён в Сибирское бюро ЦК транспортных профсоюзов, а затем в мае того же года стал заместителем председателя ДВБЦКЖД (после переезда в Хабаровск проживал по Тургеневскому пер., 48) [4, л. 282; 5, л. 32; 6, л. 5]. В РКП(б) И.М. Лошкомоев вступил в ноябре 1920 г. (партийный билет № 0463923), но известно, что в 1917 г. два с половиной месяца он состоял в пар-

тии эсеров. Был женат и имел пять человек на иждивении. После возвращения с КВЖД он был назначен на равноценный пост председателя Дорпрофсожа ЗабЖД.

В конце 1920-х гг. усиливаются чистки рядов ВКП(б), в том числе и по вопросам партийной этики. Недоброжелатели Ивана Матвеевича из числа членов Читинского окружного профсоюзного бюро в 1928 г. инициировали против него дело о нарушении партийной дисциплины, обвинив по двум пунктам – задолженности 700 руб. в кассу Дорпрофсожа и в выдаче бесплатных проездных билетов служащей КВЖД некой Орловой, с которой он был хорошо знаком. Читинская окружная контрольная комиссия ВКП(б) дважды разбирала дело Лошкомоева (3 апреля и 7 июня 1928 г.). Первый раз – поставила ему на вид, второй раз – ужесточила наказание, объявив строгий выговор со снятием с работы. Однако комфракция ДВБЦКЖД не согласилась с таким решением, считая его нецелесообразным и противоречащим профсоюзной демократии, а о Лошкомоеве её представитель Кустов отозвался, как о работнике, который «вёл правильную и твёрдую линию центра» [2, л. 9–9об.]. Иван Матвеевич оспорил решение Читинской комиссии в Дальневосточной краевой контрольной комиссии (ДВККК) ВКП(б) и её партийная тройка рассмотрела дело 11 сентября 1928 г., хотя сам ответчик находился в Москве на курсах высшего комсостава [14, л. 1–2, 4]. ДВККК сняла обвинения в растрате профсоюзных денег, но постановила «за выдачу бесплатных билетов лицам, не имеющим отношения к Доркому объявить Лошкомоеву выговор. Вопрос о дальнейшей работе Лошкомоева в качестве председателя Доркома союза ЗабЖД предоставить на рассмотрение Читинской окружной комиссии ВКП(б) и комфракции ДВБЦКЖД» [2, л. 9–9об.].

Продолжавшаяся политическая борьба внутри партии выдавила из профсоюзной орбиты многих работников, оказавшихся сторонниками проигравших фракций. В дальнейшем И.М. Лошкомоев продолжил работу как хозяйственник и к 1938 г. работал арбитром ведомственного арбитража Наркомата путей сообщения СССР в Москве. К сожалению его харбинское прошлое стало поводом для ареста в феврале того же года. Иван Матвеевич был ложно обвинён как японский шпион. Выбивая показания, ему вспомнили всё – и несколько месяцев пребывания в левозсеровской партии, и знакомую по КВЖД Орлову (якобы связную японской агентурной сети), и его увлечение троцкистскими взглядами [10]. И.М. Лошкомоева суд приговорил к высшей мере наказания 26 апреля 1938 г., расстрел состоялся в тот же день [12].

После вынужденного бегства с КВЖД в СССР И.М. Лошкомоева местный Дорпрофсоюз остался без председателя. В результате оперативно проведённых выборов в ноябре того же года победу одержал ставленник ДВБЦКЖД Иван Михайлович Степаненко [16], возглавлявший Дорком КВЖД с конца 1926 до

1928 г. Родился И.М. Степаненко в 1888 г. и происходил из крестьян Полтавской губернии. Образование получил домашнее, в 1910 – 1914 гг. проходил службу в императорской армии. Революцию 1917 г. встретил во Владивостоке, работая на Уссурийской железной дороге, и сразу же включился в политическую борьбу по линии профсоюза транспортников. С апреля по август 1917 г. он являлся председателем месткома станции Владивосток, потом до февраля 1918 г. был секретарём районного комитета профсоюза на той же станции, затем там же поочередно до июня 1921 г. – секретарём и заместителем участкового комитета профсоюза, заведующим тарифно-экономическим отделом Дорпрофсожа УсЖД. В августе 1921 г. И.М. Степаненко перебирается на станцию Хабаровск, где два года занимает такую же профсоюзную должность.

Как профсоюзный деятель Иван Михайлович отличался завидной энергией (избирался делегатом на 5-ти участковых, 4-х дорожных, 2-х краевых съездах транспортников) и быстро привлек к себе внимание руководящих структур. К тому же параллельно союзной карьере, он связывает свою судьбу с большевистской партией и вступает в РКП(б) в августе 1919 г. (партбилет № 529732). Степаненко неоднократно был секретарём коммунистических ячеек железнодорожников и секретарём комфракции Дорпрофсожа УсЖД на станциях Владивосток и Хабаровск, став особым партийным работником на транспорте. Характеризуя И.М. Степаненко в августе 1923 г. председатель Доркома УсЖД отмечал – «Отношение опрашиваемого к своим обязанностям вполне добросовестное и аккуратное. К занимаемой им должности вполне пригоден. Имеет большую инициативу, выдержанный, решительный и настойчивый» [15, л. 7–10 об.].

Вскоре Иван Михайлович переводится инструктором в центральный аппарат ДВБЦКЖД и в конце сентября 1926 г. командировается им, Далькрайкомом ВКП(б) и ЦК железнодорожного профсоюза (Москва) на КВЖД [7, л. 47; 9, л. 29]. Приезд Степаненко в Маньчжурию совпал с резким обострением отношений между Китаем и СССР после налёта китайской полиции на советское посольство в Пекине 6 апреля 1926 г. С этого момента Политбюро ЦК ВКП(б) через НКВД и ОГПУ принимает меры к ужесточению централизации и конспирации работы всех советских органов, находящихся в Китае [13, с. 129–130]. В частности, набирают оборот директивные приёмы руководства профсоюзами в ОРВП советской частью правления КВЖД и местным консульским аппаратом, усиленными политработниками, связанными со спецслужбами. Дело постепенно близилось к серьёзному конфликту между двумя странами, и в профсоюзном аппарате ОРВП в очередной раз произошла ротация кадров, вследствие чего в конце 1927 г. Иван Михайлович убыл в командировку в Советский Союз и более на КВЖД не возвращался. После приезда из Маньчжурии И.М. Степаненко продолжил работу в Дальневосточном краевом СПС [9, л. 89–90], а возглавлять

Дорком КВЖД по указанию из Москвы продолжали отправляться новые профсоюзные чиновники.

Представленные выше биографические пунктиры из жизни четверых руководителей Дорпрофсожа КВЖД 1920-х гг. не только проливают свет на их личности, но дают нам возможность выявить некоторые общие черты. Например, рабоче-крестьянское происхождение всех ответственных работников, относительно одинаковый уровень образования, срок пребывания у руля железнодорожного союза на КВЖД. Между тем, с ростом советско-китайских противоречий на дороге, сменявшие друг друга персоны председателей этого профсоюза отличались всё большей степенью опыта работы в профдвижении и беспрекословной подчинённостью Центру. Эти же данные, отражают в их судьбах сам ход исторического процесса, тех изменений, которые происходили в советском обществе и государстве.

Список источников и литературы

4. Варганов Е.Г. Личный листок по учёту кадров профсоюза транспортников КВЖД (1923–1924). б/н. 27 июля 1923 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-882. Оп. 3. Д. 29.

5. Дальневосточная краевая контрольная комиссия ВКП(б). Выписки из протоколов заседания (март – декабрь 1928 г.) // ГАХК. Ф. П-406. Оп. 1. Д. 9А.

6. Жданова Г.В. Личный листок по учёту кадров профсоюза транспортников КВЖД (1923-1924). б/н. 27 июля 1923 г. // ГАХК. Ф. Р-882. Оп. 3. Д. 60.

7. Комфракции ДВБЦКЖД. Протоколы заседаний (январь – декабрь 1924 г.) // ГАХК. Ф. П-458. Оп. 1. Д. 22.

8. Комфракция ДВБЦКЖД. Переписка с Дальбюро ЦК РКП(б) (январь – декабрь 1924 г.) // ГАХК. Ф. П-458. Оп. 1. Д. 27.

9. Комфракция ДВБЦКЖД. Переписка с партийными организациями и ГПУ (январь – ноябрь 1925 г.) // ГАХК. Ф. П-458. Оп.1. Д. 35.

10. Комфракция ДВБЦКЖД. Переписка с партийными организациями и циркуляры парторганов (февраль – декабрь 1926 г.) // ГАХК. Ф. П-458. Оп.1. Д.36.

11. Комфракции ДВБЦКЖД и Дорпрофсожа КВЖД. Переписка по личному составу (январь – июль 1926 г.) // ГАХК. Ф. П-1965. Оп.1. Д. 3.

12. Комфракции ДВБЦКЖД и Дорпрофсожа КВЖД. Переписка (январь – декабрь 1927 г.) // ГАХК. Ф. П-1965. Оп.1. Д. 4.

13. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/26179>

14. Материалы по истории и работе профсоюзов ОРВП Китая. 20 мая 1930 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 3. Д. 2.

15. Открытый список. Жертвы политического террора в СССР. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.openlist.wiki/>
16. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Китае». 12 мая 1927 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М. : МФД, 2003.
17. Протоколы комфракций Президиума и Пленумов ДВБЦКЖД (январь – июнь 1929 г.) // ГАХК. Ф. П-458. Оп.1. Д.54.
18. Степаненко И.М. Личный листок по учёту кадров профсоюза транспортников УсЖД. № 18. 10 августа 1923 г. // ГАХК. Ф. Р-882. Оп. 3. Д. 152.
19. Яхимович С.Ю. Избирательная кампания в профсоюзе железнодорожников КВЖД осенью 1926 г. // Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства): сборник научных трудов. – Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2018. – С. 180–185.